

А $\frac{245}{974}$ Фр $\frac{177}{13972}$ аб

ПУТЕШЕСТВІЯ ПИΘΑΓΟΡΑ,

ЗНАМЕНИТАГО САМОСКАГО ФИЛОСОФА;

ИЛИ

*Картина древнихъ славнѣйшихъ
народовъ,*

*изображающая ихъ происхожденіе, обычаи,
богослуженіе, таинства и достопамятности.*

Въ сей картинѣ оживлены всѣ важнѣйшія
произшествія древнихъ временъ.

Переводъ съ Французскаго.

ЧАСТЬ ТРЕТІЯ.

МОСКВА, 1805.

Въ вольной Типографіи,
у Гарія и Компаніи.

ПУТЕШЕСТВІЯ ПИΘΑΓΟΡΑ.

I.

Изъясненіе главныхъ гіероглифовъ.

Гіерофантъ. Разсмотримъ главные наши символы. Самый гіероглифъ есть одинъ: мы дѣлаемъ изъ него совершенную синониму высочайшаго Бога у всѣхъ народовъ. Юпитеръ вашей Греціи, Сераписъ нашего Египта, служитъ намъ гіероглифомъ, дабы о Натурѣ говорить ушамъ непросвѣщенныхъ чрезъ посредствія.

Мы даемъ Изидѣ скипетръ изъ маку, яко хранишельницѣ земнаго шара, изображаемаго круглою головкою сего растѣнія. Шероховатости маковой головки представляють горы и долины; внутреннія корбочки изображаютъ пустоты земнаго шара, а содержащіяся въ нихъ зерна въ безчисленномъ множествѣ показываютъ безвѣрную плодородность земли или Натуры подъ именемъ Изиды.

Покрывая тонкою вѣткою образъ Изиды, мы представляемъ двойной символъ цѣпи, связующей всѣ часны міра, дѣйствія и причины, и цѣлаго, знаменующаго всякое доброе правительство.

Ты видишь Изиду, качающую на колѣняхъ сына своего Оруса. Это одинъ изъ іероглифовъ нашихъ благочестивыхъ, вмѣстѣ и полипическихъ. Чтобы занять тебя только тѣмъ, что составляетъ главную цѣль своего путешествія, скажу тебѣ, что сія любопытная группа весьма естествененно представляетъ опечесство и народъ. Искренняя довѣренность сего послѣдняго ко власпи, имѣ управляющей, очень хорошо изображена въ беззаботливости младенца, усыпленного на колѣняхъ своей матери. Начальникамъ надлежитъ раздѣлять материнскія заботы, дабы не подвергнуть паденію слѣпаго народа, совершенно полагающагося на нихъ.

Вотъ слѣпой великанъ, идущій посредствомъ длиннаго посоха съ изображенными на немъ опверзшимъ окомъ: другое точное изображеніе народа, ушверждающагося на скипетрѣ закона.

Что касается до сей обнаженной головы, съ предлинными ушами и самыми

маленькими глазами; по чрезъ сіе дается мудрое насавленіе часто посѣщающимъ Царскіе чертоги, гдѣ все надобно слышать и казаться ничего невидящимъ. Сіе также относится и до народа, которой жадничаютъ новостей, но не видятъ далеко.

Панъ есть одно изъ первыхъ Египетскихъ божествъ. Одинъ городъ нашей Тебиды носитъ его имя. Онъ почти вездѣ имѣетъ жертвенники, и ужаснѣйшія таинства (*) нашихъ подземныхъ храмовъ ему посвящены.

Простолюдимъ видитъ въ немъ только Озирисова поварища въ ношеніи оружія. Другіе, по козлинымъ его ногамъ, ирываютъ его какъ бога пасуховъ, пасущихъ спада свои по звуку семирубочной флейты. Намъ же сія флейта о семи свирѣляхъ представляетъ сферы міра, управляемыя и оживляемыя дуновеніемъ всеобщей души, Бога всего, котораго мы называемъ Кенторъ (1). Каждая часнь его имѣетъ символъ во всякой чертѣ Панова изображенія.

(*) Вотъ начало ложныхъ страховъ.

(1) На оригинальномъ Греческомъ языкѣ Кенторъ значитъ *Натуру*. Villebr.

Нашъ Гермесъ, подъ именемъ копораго писаны всѣ наши мудрыя преданія и открытїя, къ копорымъ мы ежедневно присовокупляемъ еще новыя; сей богъ знанія, почитаемый во всемъ Египтѣ, копораго богослуженіе перешло въ Грецію и безъ сомнѣнія во многія другія страны — ничто иное есть, по значенію самаго слова, какъ рядъ колоннъ, на копорыхъ сохранены всѣ человѣческія познанія, копорыя мы только одни можемъ раздавать.

Народъ Нильской охотно завелъ бы священную войну, ежели бы начали ему доказывать, что онъ не есть тамошній урожденный народъ; и для сего онъ принялъ за гѣроглифъ лягушку, копора обикновенно живетъ въ рѣкѣ Нилѣ. Но истинное первоначальное значеніе сего символа есть то, что человѣкъ есть не совершенное животное, опредѣленное жить въ болотѣ земли, какъ лягушка въ шинѣ рѣчной.

Одинъ изъ нашихъ самыхъ полныхъ и менѣ сложныхъ гѣроглифовъ есть гѣроглифъ языка и руки въ одной рамкѣ, дабы двумя чертами кисти представить двѣ главныя способности, толь много осплотившія человека отъ прочихъ живот-

ныхъ, а именно: слово и осязаніе. Мы увѣрили народъ, что сей высокой въ prospectъ своей гѣроглифъ относится только къ богослуженію, и заключаешь въ себѣ два предмета, единственно удобныя преклоняшь боговъ, языкъ — своими молитвами, а рука — воздѣваніемъ ея къ небсамъ.

Пивагоръ. Или еще лучше, отягченіемъ ея жертвоприношеніями.

Гѣрофантъ. Народъ меньше имѣлъ бы Религіи, ежели бы она ему ничего не стоила.

Пивагоръ. Вижу, что все идетъ къ лучшему.

Гѣрофантъ. Мы допускаемъ простолюдимовъ приписывать магическую силу числу.

MLXXXV.

Сіе число, заключающее въ себѣ сумму дней трехъ годовъ ($\frac{365}{1095}$), есть для насъ ничто иное, какъ символъ молчанія; ибо языкъ младенца не прежде разрѣшается, какъ по изпеченіи трехъ лѣтъ отъ его рожденія, а прежде онъ только лепечетъ.

Пивагоръ. Потомъ колобродитъ,

Гіерофантъ. Роса небесная означаетъ непросвѣщеннымъ селеніе боговъ и чистоту ихъ брашенъ; для посвященнаго же есть познаніе всѣхъ вещей, получившее начало свое отъ познанія вліянія небесныхъ силъ на всѣ произведенія земли.

Рѣшето, поставленное подлѣ распѣнія сишника (*) въ той же карпинѣ, служишь Медику напомниманіемъ очищающъ Нильскую воду прежде пипія оной: для насъ же означаетъ наставленіе Писателямъ. Мы имъ чрезъ сіе какъ бы говоримъ: „Прежде, нежели вы обнародуете свои сочиненія, пропускайте сквозь рѣшето все выходящее изъ пера вашего, или очищайте ваше ученіе отъ заблужденій и сохраняйте только истину.“

Изображеніе большой и спройной женщины безъ головы много забавляетъ толпу зрителей. Народъ отнюдь не воображаетъ, что та фигура представляетъ его, когда онъ оставляетъ себѣ самому и предается снѣпымъ своимъ прихожамъ. Подъ симъ покровомъ мы означаемъ народъ: животнымъ, имѣющимъ тысячу рукъ, тысячу ногъ и ни одной головы.

(*) Сіе распѣніе обыкновенно служило орудіемъ къ писанію.

Женщина безъ головы служитъ еще знаменованіемъ народнаго мнѣнія.

Пиеагоръ. Точность гіероглифа кажется мнѣ совершенною.

Гіерофантъ. Змѣй, грызущій свой хвостъ и убивающій самаго себя, покрываясь своимъ ядомъ, для толпы есть ничто иное, какъ Тифонъ, богъ зла, коптой нѣкогда долженъ быть собственною своею жертвою. О слабый народъ! познай лучше себя въ семъ изображеніи, когда допускаешь себя увлекающъ междоусобными несогласіями.

Пиеагоръ. Для чего вы дѣлаете тайны изъ сихъ великихъ и важныхъ истинъ? Мнѣ кажется, можно провозглашать оныя во всей ихъ простотѣ. Но это было бы говорить общимъ языкомъ; а вы хотите избѣгать всякаго единообразія и сообщенія съ народомъ.

Гіерофантъ. Сіе очень нужно для произведенія въ немъ впечатлѣнія.

Пиеагоръ. Трудно мнѣ ознакомиться съ формами, введенными вами въ употребленіе.

Гіерофантъ. Онъ необходимо нуженъ для полученія успѣха.

Пивагоръ. Но сіе не похоже ли нѣсколько на шарлашанство?

Гіерофантъ. Мы въ томъ не споримъ.

Пивагоръ. Мудрый Гіерофантъ! . . .

Гіерофантъ. Мы имѣемъ другое изображеніе, похожее на сей гіероглифъ, только для употребленія посвященныхъ. Козель съ рыбимъ хвостомъ, конецъ котораго онъ пожираетъ, представляетъ міръ, живущій самамъ собою. Козель есть изображеніе оплодотворяющей напуры, а рыба оплодотворенной. Смѣшеніе сихъ двухъ животнохъ казалось намъ весьма выразительнымъ. Что плодущее козла и рыбы? Есть такой родъ рыбъ, который въ одинъ годъ кладетъ по миліону яицъ и болѣе. Ты это знаешь.

Пивагоръ. Я также очень знаю, что дѣлается передъ жертвенниками Мендесскими. Женщины отнюдь не представляютъ себѣ всей возвышенности того символа.

Гіерофантъ. Сіи злоупотребленія неизбежны, и можетъ быть полезны. Кажется мнѣ, что я уже сіе тебѣ доказалъ. Продолжимъ свою рѣчь.

Мы можемъ знать предѣлы нашего разумнiя и предполагать цѣль ученiю нашему. Ежели ты въ путешествiяхъ своихъ будешь посѣщать Гіерополь, то въ храмѣ будешь показанъ тебѣ образъ женщины въ длинной одеждѣ, обложенной фаллами. Сія спранныость напоминаетъ намъ о нашей Изидѣ. Мы заспавляемъ ее говорить ко взирающимъ на нее:

Никто еще не поднималъ покрывающей меня одежды.

Симъ гіероглифомъ, который довершаетъ предыдущій, признавая за таинство произведеніе сущесствъ, мы воздаемъ честь сокровенной и неисповѣдимой силѣ Природы, машери всего.

Наше растѣніе *лотосъ* служитъ намъ изображеніемъ всеобщей души сей Природы, которой сферическое дѣйствіе представляется круглостію листьевъ, цвѣта и плода сего Нильскаго растѣнiя.

Кипарисъ есть у насъ гіероглифъ правды по тому, что вѣтви сего дерева прямы и на всѣ стороны равно разпростерты.

Къ сему еще прибавлю, что подъ именемъ Изиды мы обоготворили законъ,

дабы сдѣлать его ненарушимымъ; для сего даемъ чипашь въ храмахъ нашихъ сию надпись:

Я, Изида, есмь высочайшій законъ Египта. Никто не можетъ разторгнуть того, что я связала.

Полубѣлый и получерный столбъ для всѣхъ служишь символомъ вдовы; а для насъ, единственныхъ распорядителей Оивскихъ таинствъ, есмь точное изображеніе бѣднаго рода человѣческаго, копорой о всѣхъ вещахъ имѣешь только половинное свѣденіе.

Чернь думаетъ, что больная сорока лѣчится клеваньемъ лавроваго листа, вмѣсто того, чтобъ шуть видѣшь гѣроглифъ невѣжествующей и пуспословной толпы, копорая клевететь и гонитъ мудрыхъ мужей и высокихъ Поэтовъ.

Она также вѣритъ, будто левъ издѣляется отъ лихорадки пожраніемъ обезьяны; а мы представляемъ се гѣроглифомъ сочиненіямъ, исполненнымъ огня и ума, копорыя поглощаютъ и уничтожаютъ такія книги, гдѣ вѣшь ничего болѣе, кромѣ искусныхъ копій, ничему новому не обучающихъ.

Левъ, біющій себя хвостомъ по бокамъ для прогнанія насѣкомаго, заплзшаго въ его ноздри, для простыхъ людей есмь только фигуральное изображеніе гнѣва, возгорающагося отъ маловажныхъ вещей; а мы шуть видимъ болѣе: видимъ гѣроглифъ народа, мучащаго себя бѣглыми мнѣніями.

Мы не стараемся внушать народу, чпобъ онъ видѣлъ себя какъ въ зеркалѣ, когда усматриваетъ гѣроглифъ быка, привязаннаго къ столбу слабымъ ремнемъ за колѣно. Сей узелъ есмь законъ, копорой сильнѣе народа по одному мнѣнію.

Та же мысль заключается и въ слѣдующемъ гѣроглифѣ: Просполюдимъ швердо вѣритъ, что ежели лебединое перо, или хопя крыло пчелы упадетъ на голову крокодилу, то имѣетъ силу сдѣлать его кропкимъ и послушнымъ. Ему не надобно сказывать, что се служишь символомъ изображающей власъ прозорливой мудрости надъ завидливою и злодѣйственною толпою.

Народъ вѣритъ древнему преданію, будто встрѣча свиньи прогоняетъ слона въ лѣсъ, и не воображаетъ себѣ, что се разумѣется о немъ. Четвероногое

съ хоботомъ, какъ эмблема смысла и чистоты, представляеть мудреца, которой лучше хочеть жить одинъ среди лѣсовъ, нежели быть въ шинѣ, гдѣ вращается толпа смертныхъ.

Въ изображеніи оленя, копающаго землю для сокрытія въ ней худыхъ выпадывающихъ у него зубовъ, обыкновенно видяшь только образъ человѣка, заботящагося о своемъ погребеніи. Наши тайныя книги дають ему совсѣмъ другое знаменованіе. Это есть символъ публичнаго человѣка, скрывающаго свои недосыпшки или слабости, чшобы не подать соблазна народу, гошовому всегда подражать.

Пивагоръ. Вся премудрость Египетская состоить въ одномъ благоразуміи.

Гіерофантъ. Сему дозволено вѣрить мудрѣйшимъ передъ нами. . . .

Простолюдиму сказано, и онъ вѣритъ, что Каспоръ, гонимый безчеловѣчными ловцами, опрѣзываетъ себѣ родительный органъ, дабы могъ скорѣе бѣжать.

Мы здѣсь видимъ только гіероглифъ мудраго, которой, будучи обязанъ прово-

дитъ жизнь между глупыми народами и деспотами, удерживаетъ оспавлять послѣ себя попомство, которое нѣкогда проклинаеть бы его спало, ежели бы онъ далъ ему бытіе споль безвременно.

Песъ, ведомый на привязи, не служитъ ли почнымъ изображеніемъ солдата?

Пшица спроусъ, лишенная разсудка и памяти, оспавляетъ лица свои къ пескѣ, отдавая солнцу на попеченіе выводить ея дѣшей. Мы избрали сіе эмблемою народу, не уважающему драгоценныхъ своихъ правъ и забывающему священнѣйшія должности.

Пивагоръ. Жрецы въ семъ гіероглифѣ оплично изображены лучами солнца.

Гіерофантъ. Чшобъ ознаменоватъ тѣхъ изъ нашихъ Королей, копорые, забывая достоинство свое, губяють время въ низкомъ обхожденіи съ неспрѣбными женщинами, изображаемъ слона, играющаго съ мышью.

Пивагоръ. Всѣ званія находятъ у васъ свои уроки. Амазисъ обучался ли онымъ?

Гіерофантъ. Мы дозволяемъ подчиненнымъ Жрецамъ показывать народу нѣ-

которое неизреченное таинство въ фигурѣ двухъ палочекъ; положенныхъ крестъ на крестъ, и посвященному даемъ знать, что это есть гѣроглифъ жизни, въ которой добро и зло необходимо перемеживаются.

Нашъ Трисмегистъ никогда не былъ возвышеннѣе въ понятіяхъ своихъ, какъ начертывая гѣроглифъ Напуры въ видѣ божества мужескаго рода съ четырьмя глазами на головѣ (1) и съ толкимъ же числомъ крылъ на плечахъ, дабы два глаза и два крыла могли покоиться, когда другія два дѣйствуютъ. Такимъ образомъ Напура видима спящая, и спитъ видящая, летаетъ покоясь, и покоится летая.

Пивагоръ. Какъ сей человекъ, которой впрое болѣе обыкновеннаго, можетъ предсавлять свободу?

Гѣрофантъ. Правую разжатою рукою. Еёоны присвояютъ себѣ сей гѣроглифъ.

Пивагоръ. Какая нужда въ мѣстѣ произхожденія, лишь бы только вода, текущая изъ онаго, была чиста?

(1) Sanchoniaton.

Бляха на гробѣ есть всенародная эмблема жизни и смерти. Когда насна-нешъ та благополучная минуша, въ которую можно будетъ сказать людямъ, въ обществѣ соединеннымъ: „вошь ваше изображеніе?“ Тщетно сияетъ свѣтъ глазамъ народа: онъ мертвъ для истины. Онъ есть трущъ, преданный на съѣденіе червямъ, которые дѣлаютъ изъ него скелетъ.

Худоцавая голова умершаго онъ успалоспи быка, работавшаго для улучшенія своего господина, есть поученіе, нѣсколько понятнѣйшее для народа. Взоръ на сей гѣроглифъ заставлялъ его неоднократно обращаться на себя самого и сожалѣть о соспоянтіи своемъ, сравнивая оное съ удовольствіями вельможъ. Онъ говорилъ къ себѣ: „вошь образъ нашъ!“ Но какъ онъ не имѣетъ твердоспи въ характерѣ своемъ, ни навыка къ размышленію; но и остался при семъ, не проспирая далѣе горесияныхъ своихъ разсужденій и злоспныхъ соображеній. Можетъ бытъ, онъ хорошо сдѣлалъ. Нашлись бы люди, умѣющіе пользоваться обспоятельспвами, раздражили бы чернь и возбудили ее къ крайней онважности. Она не только не улучшила своего соспоянтія, но

еще довершила бы свои бѣдствія по незнанію средствъ къ поправленію и по неспособности оплачивать истинныхъ Врачей отъ Эмпириковъ.

Открытое око есть только солнце для посвященнаго; для непросвѣщенныхъ же нѣчто болѣе. Оно есть Геній добра, когда люди благоденствуютъ; когда же испытываютъ несчастіе, есть Геній зла.

Для народа, глазамъ котораго надобно все представлять въ фигурахъ, мы означаемъ бдимость гѣроглифомъ журавля, стоящаго на одной ногѣ, а въ другой держащаго кремень.

Сей кремень означаетъ законъ, котораго начальникъ не долженъ оставлять даже и во время сна.

Живель Элефантполя поклоняется Озирису подъ видомъ паслуха съ барановою головою, и не пользуется симъ фигуральнымъ наставленіемъ. Но начальники его видятъ себя подъ сею личиною, кою они не осмѣлились дать народу. Сладомъ барановъ не трудно управлять. Паслухъ можетъ спать, лишь бы только собака не дремала.

Жукъ, изображенный подъ блистательными шѣнями и усыпленный въ сердцѣ розы, представляетъ сластолюбиваго богача, засыпающаго на лонѣ нѣги.

Кость Оруса и другая Тифонова представляютъ шайнство глазамъ народа, особливо тогда, когда онъ видитъ, что онъ попеременно припягивающъ себя и отпалкивающъ, будучи сославлены изъ магнита и желѣза. Мы первые умѣли открыть, что сей же самый камень, припягивающій къ себѣ металлъ, отражаетъ желѣзо, когда оно намагнетизировано. Сіе двоякое дѣйствіе служитъ намъ знаменованіемъ Напуры въ ея состояніи постепеннаго соединенія и разрѣшенія.

Вопъ наконецъ такой гѣроглифъ, котораго значеніе ты скоро долженъ заслужить, неутомимый Пиваторъ! Обремененное псадами древо есть въ священныкъ книгахъ нашихъ символъ путешественника, получившаго успѣхъ.

То же разумѣшь надобно и о всѣхъ другихъ гѣроглифахъ. Сей языкъ есть истинно священный, потому что содержитъ двоякое ученіе, копорымъ всѣ люди довольствуются. Ты доволенъ ли наконецъ?

Пифагоръ. Мнѣ надобно умѣть се-
бя удовольствовать.

Гіерофантъ. Ты примѣшишь, что
Мораль, копорая есть наука, нужная
для всѣхъ, не имѣетъ въ Египтѣ покровя.
Мы свои гіероглифы сохраняемъ для По-
липики и Религіи.

Пифагоръ. Не смотря на сіе утѣ-
шеніе, все еще не удовлетворяешься симъ
мое желаніе.

Гіерофантъ. Какое можетъ послѣ-
довать неудобство изъ нашего гіерогли-
фическаго писанія, обращеннаго на пред-
меты, превышающіе понятіе народа?
Означая луну полукругомъ, солнце цѣ-
лымъ кругомъ, шаръ земной сферою,
Нашуру кубомъ, мы дѣлаемъ сію науку
почтеннѣйшею, дѣлая ее не столь удобо-
присупною. Большой опытъ учинитъ
тебя удобнѣйшимъ къ соглашенію на
наше мнѣніе.

Пифагоръ. Вѣроятно, что всѣ сіи
символическія изображенія, содержащія
поль обширной смыслъ по изъясненію
мудрыхъ, суть, или по крайней мѣрѣ
были въ началѣ ничто иное, какъ не-
лѣзныя произведенія своенравія скульппе-

ровъ, употребленныя ими къ украшенію
каждой пирамиды (1).

Гіерофантъ. Чего ты хочешь? Сія
обида будетъ общая намъ и солнцу. Боль-
ные глаза человѣка не видѣли ли пшени
на челѣ солнечномъ?

Пифагоръ. Ужь ли вы не опасает-
есь, что нѣкогда будущъ почищать
ваши гіероглифы спрудными и непоняп-
ными бреднями (2)?

Гіерофантъ. Зависть и невѣжество
обыкновенно унижаютъ то, чего не мо-
гутъ получить или понять.

Пифагоръ. Какимъ образомъ ваши
двадцать пять алфавитныя харак-
теры (3) не привели въ упадокъ вашихъ
гіероглифовъ? Простое предпочтительнѣе
сложному. . . .

Гіерофантъ. Но не въ глазахъ на-
рода. . . .

(1) Спиллингфлексъ называетъ гіероглифы
difficiles puae.

(2) Dissert. sur l'ecrit. hierogl.

(3) Апулей называетъ гіероглифы неизвѣ-
стными литерами.

Пифагоръ. Должны ли вы сообразоваться съ его вкусомъ? Мудрецы Египта! вы погашаете истину многообразностию завѣсь. Я опасаюсь, что вы не очень долго будете имѣть подражателей.

II.

Слѣдствіе посвященія въ таинства.

Герофантъ. Продолжай ревностное швое исканіе. Можешь быть, достигнешь къ самому испочнику, изъ котораго изпекають не многія истины, спавшія удѣломъ смертныхъ. Мы искренно признаемся тебѣ: не въ Оивахъ еще получишь шны отъ первой руки шю, чего шоль много желаешь, ни даже въ Мерѣ, куда безъ сомнѣнія нетерпѣливо желаешь опправиться, ниже въ Вавилонѣ. Истина подобна фениксу: она не имѣетъ опечесшва; вездѣ даетъ себя примѣчать шолько на одну минушу, и нигдѣ ея не обладають.

Пифагоръ. Дайте же мнѣ наконецъ великое объясненіе на все видѣнное и слышанное мною въ Оивахъ.

Герофантъ. Земля естъ дѣло неба шолько, сколько человекъ швореніе боговъ. Напрошивъ пары земные, можешь быть, производяшь небесную росу. Сіе извѣшно, что небо и земля, дѣйствіе и причина взаимно одного и другаго, какъ и всякая изъ часпей, составляющихъ оныя, образуюшь одно цѣлое, которое можно называть единымъ богомъ (1): ибо цѣлое естъ одно. Цѣлое имѣетъ въ себѣ способности, нужныя къ полному и независимому существованію своему, которымиъ обязано оно себѣ. Нѣтъ ни вышняго, ни нижняго міра: все идетъ и приходитъ одинакимъ шагомъ и шоспешнымъ ходомъ; начинается для шого, что началось. Вошъ вся экономія, вся мудрость бога цѣлаго!

Несогласіе людей, различность ихъ мнѣній не могутъ возмутить гармоніи Натуры. Недошашки часпей не могутъ ни мало уменьшить совершенства цѣлаго. Обращи сіи великія начала всеобщей Морали на Полипику народъ въ. Будь для народа шѣмъ, что солнце для кропа,

(1) Египетскіе Философы почитали міръ пространымъ *цѣлымъ*, который естъ *Богъ. Labor.*

и взираи на челоуѣческіе переоропы тѣмъ же окомъ, какииъ и на физическія пре-ращенія.

Пивагоръ. Изповѣдуете ли вы бо-жество, начало всѣхъ вещей?

Гіерофантъ. Конечно; мы называ-емъ оно ночью (1) и даемъ ему въ символъ черную полнобрюхую корову.

Пивагоръ. Но сіе естъ гіерогли-фическое признаніе вашего невѣденія о поомъ началѣ, изъ котораго произше-каетъ все существующее.

Гіерофантъ. Конечно такъ. Однимъ словомъ, мы признаемъ одно только бо-жество: но иѣтъ болѣе его, потому что оно заключаетъ въ себѣ всѣхъ прочихъ боговъ. Иѣтъ божества и вещесивеннѣй-шаго; ибо нашъ богъ естъ самый міръ (надобно имѣть какого нибудь для пред-ставленія мнѣнія нашего вразумитель-нымъ). Но какъ сіе понятіе слишкомъ обширно для помѣщенія въ мозгу народа, то мы изобрѣли оному раздѣленія и под-раздѣленія, дабы сдѣлать себя враз-

(1) Египтяне воздвигли храмы Венерѣ, ко-торую они называютъ тѣмою или ночью. *Hesychius.*

умнительными для всѣхъ. По сему солнце учинилось главою сего великаго обогонво-реннаго тѣла (1), воздухъ и огонь, во-да и земля главными членами, копо-рья производятъ другія малѣйшія ча-сти, но всѣ раздѣляютъ божество цѣ-лаго, ими сосставляемаго, изъ котораго онъ изтекаютъ. Кратко сказать, вся наша теогонія заключается въ семъ одномъ восклицаніи, оканчивающемъ святыя наши таинства:

О міръ (2)! отецъ и сынъ кулю, отъ себя самаго произшедшій!

Пивагоръ. Однако вы позволяете поклоняться богамъ.

Гіерофантъ. Да, народъ воздаетъ честь послѣ смерти мудрымъ мужамъ, копорыхъ въ жизни, можетъ быть, гналъ. Онъ обязанъ имъ симъ позднимъ вознагра-деніемъ (3).

(1) Діодор. Сиц. I. 11. *Библ.*

(2) *Tu tibi pater et filius.* Слова, взятыя изъ Египетской Богословіи и упоминаемыя Юліемъ Фирмикомъ.

(3) Въ сочиненіи Св. Августина о градѣ *Божіемъ*, VIII. 5, читаемъ мы, что въ таинствахъ Египта и Греціи Гіерофантъ Часть III. В

Можно сказать, и въ семь состоитъ одна изъ нашихъ тайнъ, что боги наши произошли отъ первой шапуну, сдѣланной на подобіе человѣка. Сирофанесъ, первый художникъ нашъ въ семь родѣ, можетъ назваться основателемъ перваго богослуженія.

По сему изображеніе *Кнефа* съ его личиною пса, льва или змѣя, сдѣланное въ память сего благодѣтеля верхняго Египта, скоро сдѣлается представленіемъ одного изъ нашихъ важнѣйшихъ божествъ.

Пиѳагоръ. Первосвященникъ! извини, я опять имѣю новыя сомнѣнія....

Гіерофантъ. Посвященный имѣешь право говорить все, пока не будетъ удостовѣренъ.

Пиѳагоръ. Вы допустили обоготворить небо и землю, человѣковъ и другихъ живописныхъ; но для чего бы вамъ не сдѣлать оныя, вмѣсто сего богослу-

научалъ, что покланяемые отъ нихъ боги были люди, обоготворенные послѣ ихъ смерти.

женія, грубаго и удобнаго къ поличимъ крайностямъ и злоупотребленіямъ, ввести самое простое, богослуженіе мудрости и разума? Не могли ли бы общественныя или частныя добродѣтели быть представлены на олтаряхъ точно такъ же, какъ змѣй, фаллъ, козелъ и обезьяна съ собачьею головою? Для чего не держаться Изиды, кормящей сосцами своими Оруса, и другихъ подобныхъ немногихъ изображеній?

Гіерофантъ. Ты не знаешь еще народа. Онъ ославилъ бы храмы наши и удалился въ такіе, гдѣ завидующіе оказываемому намъ уваженію приложили бы стараніе еще болѣе разпрогашъ его любопытство нелѣпыми гіероглифами, за которые ты намъ дѣлаешь упреки. Для отвращенія сей укоризны отъ знанія и добродѣтели, нужно было одѣть оныя такъ, какъ ты видишь, и чрезъ то одержать верхъ.

Пиѳагоръ. Понимаю.

Гіерофантъ. Сожалѣй о публичныхъ людяхъ, начиная съ Жрецовъ.

Пиѳагоръ. Я напрошивъ удивляюсь ихъ швердосни. Многого спойшь пруда

носишь маску во всю жизнь. Я люблю истину, обожаю добродѣтель; но не захочу разпространять ихъ богослуженія, жертвуя лжи и пороку. Никогда не буду ни Жрецомъ, ни публичнымъ человѣкомъ. (Пифагоръ сдержалъ свое слово.)

Я исполню буквально одно изъ шаинспвенныхъ испытаній, возложенныхъ вами на меня. Во время принятія моего я видѣлъ себя живаго зарытымъ въ землю по самую шею (*). Такъ буду вести себя и въ мѣръ. Возвышая главу надъ всѣми бѣдспвіями человѣческими, я опдамъ имъ только мое шѣло; сохраню образъ мыслей моихъ свободнымъ и разрѣшеннымъ опъ всѣхъ узъ гражданскихъ и другихъ. Буду только зришелемъ и свидѣтелемъ, но никогда собесшникомъ въ политическихъ и жреческихъ злоупотребленіяхъ, которыми иногда усыпляюшь бѣдный родъ человѣческой.

Гѣрофантѣ. О когда бы ты имѣлъ всегда подобныя чувспвованія! *Бодрствуй и будь гистѣ (**)*!

(*) Сіе испытаніе называли *инспекціею*.

(**) *Котѣ-омфетѣ* Египетское выраженіе при прощаніи съ посвященнымъ.

Гѣрофантѣ замолчалъ и обнялъ меня съ такою нѣжностію, какъ отецъ, прощающійся съ своимъ сыномъ. Нѣсколько словъ, сказанныхъ имъ мнѣ объ оспровѣ Мероѣ, были новымъ поощреніемъ для моего любопытства и пищею для потребности, какую я имѣлъ еще въ просвѣщеніи. Я тотчасъ принялъ намѣреніе отправиться туда и говорилъ о семъ съ Зонхисомъ, которой мнѣ сказалъ:

„Подожди недѣли двѣ или три: щаспливый случай самъ собою представится для исполненія твоего желанія. Изъ Оивѣ ежегодно отправляется многочисленное посольство Жрецовъ и чиновниковъ къ Египтамъ съ образомъ Юпитера Аммона. Жершвенникъ, воздвигнутый въ спранѣ, раздѣляющей оба сіи народа, ожидаетъ сей благодеспивой дани. Тамъ приготавливаются къ торжеству, которое празднуюшь будущъ двенадцать дней.

Ты можешь съ ними путешествовать и возвратиться назадъ. Въ продолженіе торжества будешь еще имѣть свободное время узнать все, относящееся до богослуженія и обычаевъ сей любопытной области, и дойти до знаменитаго сословія Меройскаго. Посвященные въ Оивахъ

имѣютъ право быть допущенными туда. Возпользуйся временемъ къ обзорѣннѣю *Фивъ*, пока наступитъ часъ того священнаго шествія. Памятники сего древнѣйшаго въ мѣрѣ города занимаютъ первое мѣсто послѣ монументовъ *Натуры*, копорые служили имъ правиломъ и образцемъ.

III.

Описаніе мѣстоположенія Фивъ.

Я пробѣжалъ сей городъ, которой на каждомъ шагу предшавляетъ чудеса искусства. Нѣтъ тутъ великой роскоши во внутренности и въ наружномъ видѣ частныхъ домовъ. *Фивяне* не хотѣли выдти изъ круга, довольно тѣснаго и заключающаго только полезное. *Фивы* имѣли больше блеску въ то время, какъ были главнымъ городомъ всего *Египта*. *Мемфисъ*, похитившій у нихъ сію славу, не могъ опнать ни ихъ прекрасныхъ стѣнъ, съ которыми ничто сравнясья не можетъ, кромѣ оплоховъ *Вавилонскихъ*, ни великолѣпныхъ конюшней, имѣющихъ сто воротъ и довольно обшир-

ныхъ для помѣщенія двадцати тысячъ коней, ни его храмовъ, изъ копорыхъ одинъ могъ бы вмѣститъ всѣхъ жителей цѣлаго города; ни ковчега, сдѣланнаго изъ золота, серебра и кедря, и имѣющаго длину на приспа лакшей, копорый *Сезосприсъ* поставилъ богамъ по возвращеніи своемъ изъ далекихъ завоеваній; ни знаменитаго *Астрономическаго* гроба *Озимандіева*, споль же прекраснаго, но гораздо полезнѣйшаго, нежели *Лабиринтъ Мериса*. Однѣ развалины всѣхъ сихъ зданій были бы доспапочны къ построенію (1) многихъ другихъ, коихъ великолѣпію еще доннѣ бы удивлялись. Я былъ въ чепырехъ главныхъ храмахъ.

При входѣ въ каждый изъ нихъ женщины заспавляли меня покупать нѣкоторый порошокъ, копорой, будучи смѣшанъ съ обыкновеннымъ питьемъ, прогоняетъ печаль и упишаетъ гнѣвъ. Для убѣжденія меня къ тому, сіи *Египтянки*

(1) Это случилось на самомъ дѣлѣ. *Діодоръ Сиц.* увѣдомляетъ, что *Камбизъ*, сжегши *Фивы*, приказалъ перенести ихъ остатки въ свои владѣнія для построенія изъ нихъ чертоговъ въ *Сузѣ*, *Персеполѣ* и пр.

говорили: „прекрасная Елена имѣла отъ него пользу.“

Въ сей составъ входитъ макъ, которой прилѣжно и съ успѣхомъ обрабатывается въ Фивскомъ округѣ.

Преддверіе одного изъ сихъ храмовъ украшено двумя гордыми обелисками, вышиною на 120 лакшей или 148 пядей. Сей монументъ Сезосприсовъ есть монументъ щеславія, которой ни на одну пядень не возвысилъ наукъ.

Я примѣтилъ, что стѣны большей части храмовъ Фивскихъ были наклонены, шакъ какъ своды пирамиды.

Древнѣйшій храмъ имѣетъ пространства не менѣе, какъ на тринадцать стадій, а возвышенія на сорокъ пять лакшей. Число царскихъ гробницъ и богатое ихъ сооруженіе усупаетъ въ великолѣпіи только обелискамъ. Мнѣ показано было мѣсто погребенія женъ Юпитера Аммона; по крайней мѣрѣ народъ, безъ сомнѣнія худое свѣденіе имѣющій, даетъ сіе названіе одному древнѣйшему зданію, пошерявшему свои украшенія, коего однакожь громада можешь, кажется, столь же долго существовать, какъ и солнце, которому въ честь воздвигнута. Оно со-

ставлено изъ 12 корпусовъ, копорые преданіе, почпи потерянное и съ трудомъ мною опысканное и разобранное между многими баснями, называетъ двенадцатью храминами солнца. Въ каждой изъ нихъ, говоритъ Египетская лѣтопись, Юпитеръ проводилъ цѣлой мѣсяць и оставлялъ залогомъ своей плодовитости.

Такъ преданія земныя изказили прекраснѣйшія явленія небесныя! Народы, не въ состояніи будучи вознестись къ сему первому свѣшпику, захопѣли унижить оное до себя, и недостойнымъ образомъ преложили въ любовныя и безчестныя похожденія величественное и правильное теченіе благошворителя земнаго шара.

Одни только молодые Жрецы пользуются еще симъ народнымъ мнѣніемъ. Будучи намѣстниками ихъ боговъ, они наблюдаютъ всѣ его права съ Фивскими женщинами, которыхъ набожность приводитъ въ ихъ объятія, въ нѣдрѣ благошеспиваго мрака. Религія ихъ много надѣлала поношеній добродѣтели.

Сіе гіероглифическое зданіе усупаетъ въ красотѣ великолѣпной обсерваторіи Озимандовой, копорую я увидѣлъ за десять стадій отъ ограды первого.

Преддверіе, выстроеное изъ разноцвѣтныхъ камней, имѣетъ вышину на 45 лакшей.

Тутъ читалъ я вырѣзанную на столбѣ надпись слѣдующаго содержанія: „Проклятіе памяти того, кто первый ввелъ въ Египетъ роскошные столы!“

Сей памятникъ стоитъ уже около двухъ вѣковъ (до 770 года прежде общаго начала лѣтосчисленія).

Потомъ вошелъ я въ колоннаду чешвероугольной равноспоронней формы. Сфинксы, высѣченные изъ одного куска камня, величиною на 16 лакшей, служатъ ей столбами; каменные кубы въ 18 лакшей составляютъ плафонъ, усыянный звѣздами, писанными золотомъ въ голубомъ полѣ. Золото не потеряло своего блеска.

За симъ слѣдуетъ другое преддверіе, украшенное колоссальными статуями. Тутъ узналъ я все предметы, о которыхъ разговаривалъ со мною Жрецъ Канопскій при вѣздѣ моею въ Египетъ.

Еще другая колоннада открываетъ входъ семью превеликими крыльцами въ проспранство глубокаго амфитеатра и

поддерживается высокими столбами. Тутъ представлены больше натурально, нежели искусственно, многие зрѣлища, внимающіе рѣшеніямъ Сенапа, составленнаго изъ тридцати судей. Предсѣдатель ихъ имѣетъ ноги, погребенныя въ кучѣ запыленныхъ книгъ. На шеѣ его повѣшенъ образъ Истины, закрывшей глаза. Матерія всѣхъ сихъ фигуръ, превосходящихъ величиною своею образъ человѣческой, есть дерево, столь жесткое, какъ камень, и отъ времени уже почернѣвшее.

Далѣе въ двухъ отдѣленныхъ комнатахъ поставлены изображенія главныхъ боговъ Египетскихъ и живописныхъ, служащихъ имъ принадлежностями. Наконецъ я могъ разсмотрѣть знаменитую золотую корону 360 пи лакшей въ окружности, посвященную Солнцу.

Въ сихъ чертогахъ произвели во мнѣ нѣкоторое отвращеніе высокіе и огромные чешвероугольные столбы, имѣющіе вмѣсто капителей по двѣ женскія головы, приписанныя одна къ другой и какъ будто придавленные подъ тяжестію зданія, котораго верхъ ими поддерживается. Видъ таковыхъ предметовъ неносенъ; я не люблю вѣчнаго изображенія рабства. Больно бы мнѣ было, ежели бы я шунъ

видѣлъ даже головы живописныхъ. Художникамъ надлежало бы возиретишь всякую такую выдумку, которая унижаетъ человека въ собственныхъ глазахъ его. Для чего народъ, толико себя уважающій, терпитъ на публичныхъ своихъ монументахъ уменьшающія славу его украшенія, прошивныя какъ законамъ Природы, такъ и правиламъ вкуса?

Другой памятникъ, также Солнцу посвященный, склонилъ шаги мои къ восточной сторонѣ Нила отъ западнаго его берега. Это статуя *Мемнона*, которая издаетъ гармоническій и пріятный тонъ, когда озаряется первыми лучами солнца. Сіе дѣйствіе приписывается пустопытца сего колосса. Я опять пришелъ сюда вечеромъ: дѣйствительно выходилъ плачевной тонъ, какъ меня предупѣдомили, изъ пустыни сей статуи, которая, по мнѣнію жителей, печалится объ отсутствіи отца свѣта. Я явился въ *Мемнонію*: такъ называется великолѣпный ближній храмъ, въ которомъ Сераписъ есть богъ. Жрецы приняли меня съ великимъ уваженіемъ, увидя героглифъ посвященныхъ, которой я старался имъ показать. Они ввели меня во святилище, пройдя черезъ многія про-

странства и различныя галлерей, окруженныя столбами. Внутреннія стѣны покрыты рѣзбою, въ такомъ вкусѣ, какой послѣ былъ принятъ у Этрусковъ. Я спрашивалъ у одного изъ Жрецовъ о маханизмѣ статуи Мемнона. Не къ кому лучше прибѣгнувъ мнѣ съ сего прозвѣною, сказалъ я ему; а онъ отвѣчалъ мнѣ, усмѣхнувшись: „Намъ вѣнчаютъ въ честь сіе благочестивое художество, въ которомъ мы вовсе не участвуемъ. Вся слава уму Архитектора, мудрейшаго предъ прочими въ естественныхъ познаніяхъ. Богослуженіе Солнцу, которое мы отправляемъ, можетъ обойтись и безъ сего способа; но оно не оуждаетъ его, и мы не имѣемъ нужды стыдиться онаго, какъ человеческихъ жертвъ. Можетъ статься, что мысль, заславлять статую приносить словесное почтеніе богу свѣта, произошла отъ предѣспниковъ нашихъ при самомъ посвященіи сего храма. Ученіе *Натуры* отъ многихъ вѣковъ имѣетъ святилище свое въ подземныхъ нашихъ убожищахъ. Предки наши знали основательно великія явленія. Имъ извѣстно было, что можно извлекать изъ атмосферы утонченной и изъ разширенія твердыхъ тѣлъ, произведеннаго теплою. Они въ то же время изчислили дѣйствія, како-

выя должныствовали произвести въ духѣ народовъ сіи тоны, подобныя тонамъ лиры, исходя изъ устъ каменнаго колосса, согрѣшаго богомъ огня.

Знаменитый Инициатъ! ты не можешь себѣ представить, въ какой благоговѣйный восторгъ погружается весь народъ, окружающій Мемнонову статую во время великаго торжества! Но мы привыкаемъ и къ чудесамъ, когда они всякой день повсюду являюся. Возвышенная картина Природы при возхожденіи солнца не имѣетъ уже ничего занимательнаго для глазъ, каждое утро ею наслаждающихся. Чтобы обратить людей, потерявшихъ чувство и вниманіе къ богослуженію Природы, предки наши почли за нужное прибѣгнуть къ искусству. Народъ, привлеченный любопытствомъ того, что имѣетъ услышать, въ благоговѣйномъ молчаніи ожидаетъ минуты, въ которую великое свѣщило должно явиться. Онъ призываетъ его, ожидаетъ его присутствія, какъ будто никогда онаго не видывалъ. Наконецъ оно являеся: народъ ожидаетъ, дѣлитъ свои взоры между сводомъ неба и головою Мемнона, слѣдуетъ по всѣмъ степенямъ свѣща; воображеніе его воспламеняется

первыми лучами дня. Каждый изъ предстоящихъ желаетъ получить на свое лицо благотворное вліяніе солнечныхъ лучей. Статуя ими наполняется и пронизывается, и по согрѣшій дѣйствительно издаетъ нѣкоторыя тоны (1). Орфеева лира, имѣвшая совсѣмъ другую гармонію, не производила столь скорыхъ впечатлѣній. Восхищенный народъ, повергаясь ницъ, поклоняется великому Серапису; потомъ наполняетъ воздухъ упренною пѣснью, кою первой слова, по мнѣнію его, произнесены самою статуею. Зрители возвращаются въ домъ, преисполняясь чудесами обоготворенной Природы, кою самыя камни воздаютъ честь. Сей священный обрядъ безъ сомнѣнія такую же имѣетъ дѣну, какъ и пролитіе крови нѣсколькихъ трудолюбивыхъ и крошечныхъ животныхъ. Онъ, поражая чувства, возвышаетъ душу и заставляетъ любить опечесство, коюраго земля есть зрѣлище толикихъ чудесъ. Народъ, коюрый отъ праздности совсѣмъ бы испортился, предаеся самымъ труднѣйшимъ рабо-

(1) Статуя Царя Мемнона ежедневно звучитъ при возхожденіи солнца, чувствуя озареніе его. *Плмн. Исп. Натур.*

тамъ безъ роптанія, ревнуя къ славѣ предковъ своихъ, копорымъ онъ обязанъ всѣми сими храмами и спашуями. Живущіе, видя превосходныя дѣла умершихъ, одушевлякшея новымъ благороднымъ поревнованіемъ; и вошь для чего никакая спрана сполько не изобилуешъ возвышенными и прочными памяшниками, какъ наша!

Руки народа подѣ хорошимъ распоряженіемъ могли бы построить мѣрь. Но для сего надобно умѣть внушить ему благородную гордость и великую надежность на себя самаго. Жители Египта имѣютъ права на уваженіе собственное свое и будущихъ вѣковъ. Мы почитаемъ своею должностію поддерживать сіе чувствованіе. Доколѣ оно въ насъ не погаснетъ, мы будемъ первымъ народомъ въ свѣшѣ.

Пифагоръ. Жрецъ Мемноновъ! я не такого мнѣнія, какъ ты. Управляющіе народомъ не знаютъ всего того, что можно отъ него получить, однако не посредствомъ одного только ворочанія камней: не могли ли бы они сдѣлать его вмѣстѣ и трудолюбивымъ и просвѣщеннымъ?

Жрецъ. Тогда не надобно бы было для него говорящихъ спашуй.

Пифагоръ. Ни Жрецовъ, или Архитекторовъ, заставляющихъ оныя говорить.

Жрецы Мемнонова или лучше Сераписава храма водили меня по всѣмъ частямъ сего возвышеннаго зданія, достойнаго ното великаго свѣшила, копорому оно посвящено. Колоссальныя спашуи въ немъ многочисленны и расставлены спройнымъ порядкомъ, какъ бюсты въ кабинетѣ Ученаго человѣка. Всѣ почти сіи исполинскія фигуры держатъ въ рукѣ ключъ, къ концу копораго привязанъ *фаллъ* въ соразмѣрности съ прочими предметами сего храма.

Примѣчательно то, что люди самаго малаго роспу давали своимъ монументамъ высочайшую пропорцію. Народъ Египетской, кажется, хотѣлъ имѣть въ готовности отвѣтъ націямъ лучшаго роспа, естли бы онъ осмѣлились бросить на него презрительный взоръ. Еще другое чувствованіе гордости могло имѣть управлять, особенно въ представленіи *фалла*. Онъ, кажется, самъ себя говоритъ: „Ежели Нашура въ разсужденіи

Часть III.

Г

наружной формы поступила съ нами какъ злая мачиха ; но надобно знать , что сія добрая мать умѣла чѣмъ замѣнить намъ сей недоспашокъ.“

Сквозь лѣсъ колоннъ , споль высо-кихъ , какъ самыя большія деревья , я былъ проведенъ въ новое святилище , осѣненное крошкимъ свѣтомъ и закрытое завѣсою.

„За нею (сказалъ мнѣ Жрецъ) посвященная богу сего храма дѣвица жертвуешь ему шѣмъ , что есть у нее любезнѣйшаго и драгоцѣннѣйшаго.“ Сіе пожертвованіе доставляешь ей выгодный бракъ. Она приходишь въ замѣшательство только въ выборѣ , кого ей взять себѣ въ супруга между ищущими руки ея...

Пифагоръ. Какъ!... возможно ли?...

Жрецъ. Сей благочестивый обычай удивляетъ тебя? Въ древнія времена онъ стоилъ жертвѣ жизни. Въ воспоминаніе сего древняго обыкновенія , когда дѣвица исполнишь свой обѣтъ , и прежде нежели получитъ возмездіе въ обѣщаніяхъ супруга , гордящагося обладаніемъ ея , мы совершаемъ ея погребеніе (1).

(1) Страбон. XVII. Геогр.

Пифагоръ. Пожалуйте скажише мнѣ , Жрецы *Сералиса - солнца* , какое сходство имѣешь съ свѣпиломъ дня сей странный и доспойный тѣмы обрядъ? Не довольно ли бы было начертать образъ родительнаго органа? для чего не оспаться при семъ символѣ? для чего переходишь къ самой вещи?

Жрецъ. Тебѣ конечно уже сказано было , что о обыкновеніяхъ причинъ не объявляюшь. И того уже много , ежели можно злоупотребленія умѣрять и перемѣнять. Ужь ли ты лучше захотѣлъ бы видѣть ллющуюся кровь юной , прекрасной и непорочной дѣвицы? Воображеніе и освящаетъ вещь и унижаетъ. Молодая дѣвица , переходящая изъ сего храма на ложе супруга , будетъ служишь примѣромъ добродѣтельнымъ супругамъ и благоразумнымъ матерямъ.

Пифагоръ. Охотно сему вѣрю ; но признайтесь , что вы , для приведенія ея къ супружеской вѣрности , заставляете ее дѣлать такой шагъ , котораго никто въ свѣтѣ одобришь не можетъ.

Жрецъ. Ты судишь о семъ , какъ чужестранецъ.

Пифагоръ. Благодравіе, мнѣ кажется, должно быть общее всѣмъ странамъ.

Жрецъ. Но, знаменитый Инициатъ, ты имѣлъ почести священной помпы фалла. Ты участвовалъ въ томъ богослуженіи, которое Мелампъ нѣкогда домогался перенести изъ Египта въ Грецію. Что происходитъ за святилищемъ нашимъ, если только послѣдствіе онаго. Богъ нагій (1) имѣетъ олшари въ шрехъ шрахъ.

Пифагоръ. Все сіе не оправдываетъ нечестиваго и отвратительнаго обряда, совершаемаго на семъ святомъ мѣстѣ.

Жрецъ. Изъ двухъ крайностей мы должны были выбрать одну.

Пифагоръ. Вездѣ говорятъ мнѣ симъ языкомъ. Ежели вы успѣли изшребить одно величайшее злоупотребленіе, то для чего не предпринимаете мѣръ противъ другаго? Такимъ образомъ вы бы мало помалу примирили Религію съ мудростію.

(1) Евсей и Діодоръ Сиц. утверждаютъ, что не только Египтяне, но и другіе многіе народы воздавали священныя почести родительнымъ частямъ.

Жрецъ. Но народъ тогда только наблюдаетъ свои обряды, когда они освящаются. . . .

Пифагоръ. Какая ему польза отъ тайныхъ и мрачныхъ вашихъ наслажденій, которыя вы себѣ позволяете? Толпа народа въ нихъ не участвуетъ, . . .

Жрецъ. Она не почитаетъ это за худое. . . .

Пифагоръ. Такъ какъ и вы. . . .

Народъ стекается въ сей храмъ чрезъ двенадцать крылецъ, равныхъ мѣрою. Я вымѣрилъ одно западное. Жрецы сказывали мнѣ, что стѣны въ основаніи имѣютъ толщину почти на сорокъ ладоней. Голая Архитектура символическихъ украшеній прекрасна простою своею, и вѣроятно служила произхожденіемъ Тосканскому ордену. Сей портикъ съ длиннымъ крыльцомъ, на которомъ спояли Сфинксы, вводитъ въ пространный дворъ, окруженный двумя широкими валами, покрытыми колоннадою. Каждый изъ портиковъ имѣетъ такой же входъ, и сіи зданія не суть еще храмъ, которой всѣ оныя поирачаютъ. Какъ можно было найсти столько камней и рукъ для сооруженія сихъ

громадъ, которыхъ важный видъ упоминаетъ и подавляетъ воображеніе?

Сводъ (*) или, лучше сказать, плафонъ поддерживается осмнадцатью рядами столбовъ, изъ которыхъ многие имѣютъ въ окружности болѣе двадцати пядей, а въ вышину болѣе семидесяти. Всѣ стѣны, кромѣ отдѣляющей святилище, обогащены рѣзьбою. Иныя фигуры представляютъ Историческія іероглифы, а другія различныя Астрономическія лица. На полуденной стѣнѣ изображенъ корабль, проводимый мореходцами. Въ срединѣ онаго поставленъ Озирисъ, всюду бросающій лучи. Тамосній главный Жрецъ сказалъ мнѣ, что Греки, скрывая свое хищничество, поставили своего Аполлона въ колесницу, запряженную въ четыре коня. Хотя сія копія больше даетъ упражненія искусству Художниковъ, однако не имѣетъ точности оригинала. Известно, что воздухъ есть такая жидкая матерія, въ которой солнце величественно носится и плаваетъ. Мы хвалимся наблюдениемъ вѣрности въ сход-

(*) Нѣкоторые Ученые утверждаютъ, что Египтяне не знали искусства дѣлать своды.

ствахъ, хотя бы даже и недоставало пріятности въ изображеніяхъ нашихъ. Мы не имѣемъ намѣренія только нравиться праздному или любопытному глазу; но хотимъ еще даже нѣмыми стѣнами нашими говорить къ разуму и представлять ему поучительные предметы; желаемъ особенно политическимъ и священнымъ нашимъ наставленіямъ впечатлѣвать столь же великую силу и важность, какъ великъ шовъ предметъ, которой служимъ имъ основаніемъ и изображеніемъ. "

Я спросилъ, что значитъ свертокъ бумаги, повѣшенный въ сводѣ храма на красной ниткѣ?

Онъ мнѣ отвѣчалъ: „Это уставъ благочестивыхъ нашихъ обрядовъ, принесенный намъ нѣкогда копчикомъ на лучѣ солнечномъ (1). Въ память сего происшествія мы носимъ на головѣ копчиково перо на алой лентѣ. Сія святая книга, спадшая съ неба на землю, есть столь же древняя, какъ и священный сей сводъ, на которомъ она виситъ.

(1) Дюдор. Сиц. I. 2. Библ.

Пифагоръ. Сомнѣваюсь въ томъ. И такъ вы рѣдко открываете ее?

Жрецъ. Очень рѣдко; мы знаемъ ее наизусть.

Пифагоръ. Я думаю: но на какомъ языкѣ писана сія съ неба спадшая книга?

Жрецъ. Она вся состоитъ изъ гѣроглифовъ.

Пифагоръ. Это для васъ удобно.

Жрецъ. И важно для другихъ. На сей книгѣ мы заславляемъ кляшья самую главу Имперіи.

Пифагоръ. Но онъ самъ требуетъ кляшвы.

Жрецъ. Тѣмъ не менѣе ею обязанъ. Горе Государю, не уважающему Богослуженія!

Пифагоръ. Лучше ему не уважать справедливости: не такъ ли?

Вотъ, продолжалъ тотъ же Жрецъ, зданія не столь важныя: однѣ служатъ жилищемъ намъ, а другія священнымъ животнымъ. Мы держимъ близь себя нашихъ благодѣтелей. Признашельность,

накъ какъ и удобность служенія, возложила на насъ сію должность.

Слѣдуй за нами, продолжалъ онъ, въ сію мрачнѣйшую галлерей, копорая служилъ намъ гробомъ. Одинъ изъ насъ заплашилъ дань человѣческой напурѣ. Инициашъ! почти его погребеніе своимъ присутствіемъ.

Тѣло умершаго подчиненнаго Жреца, уже бальзамированное, не было еще въ пеленахъ. Широкой льняной холстѣ и весьма длинной раскшпанъ при моихъ глазахъ. Другъ умершаго, которому открыта была послѣдняя воля его, взялъ кисть, и на семъ клееномъ полотнѣ изображалъ многія линіи особеннаго характера, представляющія видъ буквъ круглыхъ, прямыхъ и косвенныхъ. Сіе священническое письмо простолюдинамъ запрещено. Тѣ линіи означали имя, качество и добродѣтели преславившагося Жреца. Среди сего историческаго свѣдка онъ изобразилъ простыми чертами фигуру человѣческую, похожую на Жреца, спящаго на колѣнахъ, держащаго указательный перстъ лѣвой руки на устахъ полуопверзшихъ, правую руку поднявшаго и пропянувшаго къ кругу, изъ котораго выходили многіе лучи въ разныя стороны. Сей

героглифъ по видимому означалъ то, что Авторъ, который далъ сію мысль, признавалъ за божество только солнце.

Потомъ мумія была положена въ свой гробъ, сдѣланной изъ смоковничнаго дерева, и поспавлена къ стѣнѣ въ рядъ со многими другими.

Я примѣнилъ, къ сожалѣнію, и не слишкомъ однако удивлялся, что Жрецы изъясняли малое соболѣзнованіе о потерѣ своего соповарища; пѣли погребальную пѣснь болѣе съ гармоніею, нежели чувствительностію. Я осмѣлился сообщить свое замѣчаніе одному изъ нихъ; онъ отвѣчалъ мнѣ холодно:

Душа Жреца выше сихъ обыкновенныхъ чувствованій Природы.

Пиѳагоръ. Подлинно, она такъ далека отъ нея!

Жрецъ. Не прилично видѣть Жреца смѣющимся или плачущимъ.

Пиѳагоръ. Безъ сомнѣнія; потому что Жрецъ не есть уже человѣкъ.

Вышедъ изъ сей необъятной окружающей, наполненной чудесами, я вошелъ въ другую, гдѣ на каждомъ шагу встрѣ-

чалъ такіе же предметы удивленія. Многократно я долженъ былъ останавливаться и, прислонившись къ столбу, закрывавъ глаза для облегченія зрѣнія и для замѣчанія хотя нѣкоторой части изъ столь многихъ чудесъ. Я находилъ себя упомянутымъ и неспособнымъ видѣть чтонибудь, отъ того, что очень много видѣлъ. Однакожь мнѣ оставалось еще осмотрѣть всю западную часть Египта. За тысячу шаговъ отъ города мнѣ представились тѣ гроты, о которыхъ столько много говорятъ. Онѣ сдѣланы въ каменныхъ горахъ; сначала служили убѣжищемъ и храмами первымъ Египетскимъ выходцамъ на берегахъ Нильскихъ, а послѣ того Цари нашли ихъ удобными къ помѣщенію въ нихъ своихъ гробовъ. Меня увѣряли, что сіи галереи продолжаются на неизмѣримое пространство, и столь глубоки, что многія изъ нихъ проходятъ подъ самымъ дномъ Нила. Сіи пещеры столь много заключаютъ въ себѣ чудесъ, сколько оныхъ находится на поверхности ихъ. Тамъ искусство разпочило на гробахъ неизчепные памятники, которые долѣе другихъ будутъ избѣгать опустошенія времени. Сіи своды рачительно расписаны: тамъ представлено небо, усѣянное золотыми звѣздами, почти

столь же блиспапельными, какъ ихъ подлинники. Тамъ же изображены многія пиццы въ свойспвенныхъ имъ цвѣпахъ. Сїи черты неизгладимы; онѣ, кажешся, нарисованы еще весьма недавно, хопя уже прошло пому много вѣковъ. Вся Исторія Царей Фивскихъ и даже, какъ мнѣ сказывали, прежнихъ временъ, шупъ предспавлена символическимъ языкомъ, копорого истинное значеніе имѣюпъ полько одни Жрецы. Я предусматриваю, что сїя скрыпность ихъ скоро подвержема будетъ шакому приключенію, копорого они не избѣгнутъ. Они доселѣ умѣли сохранипъ неприкосновеннымъ преданіе о древнихъ произшесствїяхъ; но ужъ ли не опасаются непрїятельскаго нападенїя, которое, разпоча ихъ, или даже подвергнувъ звѣрскай ярости чужеспраннаго завоевателя, перерветъ сїю драгоценную нитъ и лишитъ мїръ мудрыхъ свидѣпельспвъ ихъ Морали и полезныхъ историческихъ уроковъ?

Я еще имѣлъ время осмотрѣпъ знаменипую каменную ломку граница, копорой въ Италїи называютъ *Фивскимъ камнемъ*, въ швердоспи не уступающимъ порфиру. Изъ внутренности сей ломки извлечены Гелїопольскїе обелиски.

Я опять пришелъ къ Фивскимъ гробамъ. Каждый высѣченъ въ особомъ преогромномъ камнѣ, копорые служатъ какъ бы границею округѣ города. Я снова разспотрѣлъ внутренность сїхъ погребальныхъ памяшниковъ. Между неизчепными украшенїями видѣлъ множеспво человѣческихъ головъ, поддерживаемыхъ крыльями лепучихъ мышей. Сїи гѣроглифы были гравированы и разписаны.

Вышедъ на поверхность земли, я осматривалъ другїе храмы, изъ копорыхъ каждый со внутреннимъ проспранствомъ и съ прикосновенными зданїями занимаетъ мѣспа на тысячу шаговъ.

Сколько хорошей земли потеряно въ такой странѣ, гдѣ чепверикъ пшеницы вѣсптъ двадцать фунповъ и десяпъ унцій!

Сколько трудовъ, любезные ученики мои! Еспшли бы Напура возложила ихъ на человѣка, то бы онѣ почипалъ себя весьма несчастнымъ и чрезмѣрно наказаннымъ. Она не заспавляетъ насъ плапшь за щастїе поль дорого. Человѣкъ не спавитъ ли въ великую цѣну того, что ему споптъ большихъ трудовъ?

Спустя нѣсколько дней послѣ сего путешествія въ окрестностяхъ Фивскихъ, я нѣсколько охолодѣлъ въ удивленіи моемъ ко всѣмъ прекраснымъ произведеніямъ Архитектуры, на каждомъ шагу мнѣ представившимся, и оставя оныя, занимался только разсмащиваніемъ щасливаго положенія города, имѣющаго споворотъ. Я не могъ не сдѣлать нѣкоторыхъ смѣлыхъ о немъ примѣчаній. Сей древній городъ стоитъ на такомъ мѣстѣ, которое очень удобно для натуральныхъ сношеній съ обильнѣйшими странами свѣта. На лѣвой сторонѣ онъ имѣетъ всю долину Нила, самую изобильнѣйшую страну Египта, и слѣдовательно благопріятнѣйшую для скорого населенія; а на правой — широкой морской каналъ, сообщающійся съ Индією; между тѣмъ Ниль служитъ ему нитью къ соединенію Египта съ другимъ моремъ, общимъ премеірамъ водохранилищемъ. Какимъ же образомъ Фивы, соединяющія въ себѣ выгоды мѣстоположенія съ другими многими удобствами, могли помрачены быть Мемфисомъ? Фивы, богатѣйшій городъ на землѣ, когда былъ современнымъ Трою, которой въ первыя времена давалъ свое наименованіе всему Египту, которой при Сезосприсѣ считалъ жителей до трехъ

миліоновъ, изъ коихъ 700,000 были въ еопоянтіи ходить подъ ружьемъ? Одинъ человекъ былъ причиною паденія ихъ. Однажды Монархъ, вставая по утру, сказалъ своимъ придворнымъ: „мнѣ кажется, что живъ въ Мемфисѣ здоровѣе.“ Сего одного примѣчанія было доспащочно. Чрезъ нѣсколько годовъ городъ Фивы, лишась пребыванія своего Государя, пришелъ въ забвеніе, и нынѣ мало имъ уважаются. Мудрость его Жрецовъ привлекаетъ къ нему нѣкоторыхъ ревностныхъ друзей истины; а народъ спекается въ Мемфисѣ къ Царскому прону.

Изъ сего заключаю, любезные ученики мои, что знаніе Полипики есть столь же догадочно и нетвердо, какъ и прочія свѣденія. Я сѣкую и спыжусь, когда размышляю, что одинъ какойнибудь человекъ безъ дарованій, безъ добродѣтели и стараній, болѣе имѣетъ вліянія на оное, нежели миліоны подобныхъ ему, и для того только переищаетъ и влечетъ ихъ, куда движетъ его своенравіе, чтобы сѣсть въ кресла не много выше. Се размышленіе удручительно. Спыжусь его и упѣшаюсь тѣмъ, что скоро престану быть человекомъ.

Пифагоръ присутствуетъ при Геліотралезѣ.

Наконецъ повѣспили мнѣ о Еѳіопской депутаціи или посольствѣ. Я пришелъ въ храмъ Юпитера Аммона, дабы тамъ воспрѣпипь Гимнософистовъ. Зонхисъ сопровождалъ меня съ шѣмъ, чтобъ препоручипь меня самому начальнику священной помпы. Она была превеликая. Въ ней много находилось Жрецовъ изъ сословія Меройскаго, которые предспавлялись подобными Монархамъ. Каждый изъ нихъ несъ скипетръ, имѣющій видъ сошника, и на головѣ дѣадиму, изображающую свернувшуюся змѣю, какъ гѣроглифъ швердоспи ихъ ученія и власпи надъ духомъ народа. Они одѣшны во вкусѣ Аппическихъ Жрецовъ. Въ срединѣ несли на плечахъ своихъ на одрѣ, сплешенномъ изъ шроспника, взяшаго отъ первыхъ изшповъ Нильскихъ, небольшой золотой храмъ и пустой продолговато-квадратной осмиспоронній ковчегъ, которой называютъ они *Косматріонъ* (1). Дверцы онаго были

(1) Dom. Martin. *Monum. sing.*

отворены для принятія бога, котораго они шли навѣспипь.

Ѳивскіе Жрецы дѣйствительно спарались лучше принять Меройскихъ и, сообразно древнему обычаю, немедленно принесли кумиръ Юпитера Аммона, котораго сами хотѣли посшавипь въ носильный храмъ въ присутствіи толпы народной.

Сей неопредѣленный обрядъ оспавлялъ сомнѣніе въ духѣ зрштеля, чужеспраннаго для двухъ народовъ. Признаешъ ли Египецъ, что онъ принялъ боговъ своихъ отъ Еѳіопіи, или Еѳіопія отъ Египца? Все сіе, какъ обыкновенно, происходило шихо. Чернь, касательного вѣры, не смотрптъ споль близко.

Оспатокъ дня и цѣлую ночь провели мы въ роздыхѣ. На зарѣ слѣдующаго дня направили шопы свои къ Еѳіопіи, и я свободно допущенъ былъ къ сопутшванію.

Наканунѣ отбытія происходила благочестивая церемонія, которой явная спранносипь всегда производптъ свое дѣйствіе въ духѣ народа. Закололи овна, содрали съ него кожу, которая еще теплая положена была на спашую Юпитера Аммона,

такъ, что голова закланнаго живописнаго могла служить головнымъ украшеніемъ первому изъ боговъ. Попомъ изъ его шатра вынесли кумиръ Геркулеса, копорой и поспавили лицомъ пропивъ Юпитерова изображенія. Давъ нѣсколько времени симъ двумъ божествамъ постояпъ вмѣстѣ, поспавили каждое на свой олтарь среди облаковъ курящагося фиміама и при громѣ пѣсней.

Какое происхожденіе и какую цѣль имѣетъ сей обрядъ? Вотъ что мнѣ говорилъ о семъ одинъ престолюдимъ:

„Съ давнихъ временъ великій Геркулесъ пламенно желалъ видѣть Юпитера лицомъ къ лицу. Юпитеръ, видя неопуступную его прозьбу, употребилъ сей способъ, дабы не опказать Геркулесу и чпобы также не совсѣмъ его удовольствовать. Онъ превратился въ овна, и такимъ образомъ представился любопытнымъ его взорамъ; ибо смертный никогда не могъ видѣть бога безъ наказанія.“

Не удовольствовавшись такимъ изясненіемъ, я прибѣгнулъ еъ прозьбою моею къ Жрецамъ, копорые ничего инаго не умѣли мнѣ сказать, кромѣ того, что вѣроятно де сіе есть остатокъ, странно

обезображенный, какого нибудь древняго аспрономическаго преданія. Одна польза отъ сего есть та, что въ теченіе цѣлаго мѣсяца, въ копорой бывае пѣсей праздникъ, закаланіе овновъ опмѣняется. Чернь воздерживается отъ мяса сего живописнаго въ воспоминаніе того благочестиваго приключенія, копорое случается въ одно время съ происшествіемъ пустыннаго овна.

Пивагоръ. Какое жъ сіе другое происшествіе?

Жрецъ. Геркулесъ (1), проходя чрезъ Ливійскіе пески, чувствовалъ себя томимымъ палящею жаждою, и прибѣгнулъ съ прозьбою къ Юпитеру. Лишь только онъ кончилъ свою молитву, какъ явился ему овенъ, ударилъ своимъ рогомъ по горячему песку, и симъ ударомъ произвелъ источникъ свѣжей воды. Вотъ происхожденіе Аммонова храма, богослуженія и прорицалища! Инициатъ! довольнѣ ли ты теперь?

Пивагоръ. Весьма не много; но мнѣ трудно удовольствоваться сими древни-

(1) In IV Aeneid. Servius. Діодор. Сид. Библ. IV. 157.

ми преданіями, которыя конечно скрываютъ въ себѣ древнія истины, коихъ однако вы сами, *Фивскіе Жрецы*, поперяли основаніе.

Жрецъ. Хотя причины и вышли изъ памяти человѣческой, но остались дѣйствія.

Пивагоръ. И сего довольно для васъ?

Обращаюсь къ путешеству моему въ *Египцію*. Путь избранъ не крапчайшій, но пріятнѣйшій. Мы сошли на рѣку *Ниль*. Весьма часто видѣли издали крокодиловъ, лежащихъ на берегу и спящихъ на опалющихъ лучахъ великаго свѣшила. Но сонъ ихъ столь легокъ, что они никогда не даютъ себя поймать. Они, не дожидаясь подѣзда нашихъ барокъ, уходили на дно рѣки изъ глазъ нашихъ. Мы ничего не опасались, потому что первый богъ сопвариществовалъ намъ въ пути. Проѣхали мимо пристани *Лапольской*, не останавливаясь въ ней, имѣли благополучный вѣспрѣ и миновали ужасный берегъ великаго города *Аполлонова*. *Ниль*, сжатый смѣжными горами, копорья, кажется, воспрещаютъ ему ходъ, печетъ здѣсь гораздо быспрѣе, нежели гдѣ нибудь. Мы безъ пруда уви-

дѣли городъ *Омбосъ*: окрестности его наполнены безчисленными спадами крокодиловъ. Сіи чепвероногія амфибіи разплажаются ужаснымъ образомъ. Однако не употребляютъ во зло пою неприкосновенности, въ копорой оспавляетъ ихъ суевѣрїе памощныхъ жишелей. Наконецъ мы увидѣли оспровъ *Элефантинъ*, лежащій противъ *Сїена*, послѣдняго *Египетскаго* города, и служащій ему границею. Тутъ воздаютъ божескую честь *фагру*, весьма прожорливой рыбѣ, господствующей въ *Ниль*. Она очищаетъ сію рѣку отъ множества гадинъ.

Отъ *Канопа* до *Сїена* считается пять тысячъ спадій, или 625000 шаговъ, и при тысячи спадій отъ *Сїена* до *Мероя*. И пакъ я проѣхалъ 60 *Египетскихъ* шеновъ отъ *Фивъ* до *Сїена*. Въ *Египтѣ* все измѣряется.

Я ходилъ смопрѣть *Нилометръ*, поспавленный въ самомъ храмѣ *Кнефа* и близъ пальмовой роши.

Также посѣщалъ колодезь, на днѣ котораго солнце совершенно изображается въ полудни долгоденствія, когда доходитъ до осьмаго градуса рака. Мнѣ хотѣлось имѣть при себѣ спараго моего учипеля *Фересида*.

Въ Сіенѣ много прекрасныхъ памятниковъ. (Сіенѣ нынѣ называется Асна.)

Ниль снабждаетъ сей городъ хорошею рыбою, а земля производитъ худые финики.

Сіенцы рано лишаются зрѣнія: причиною болѣзней, копорыми часно спраждутъ ихъ глаза, бывающъ опаляющіе вѣпры пуспыни.

За сто стадій отъ сихъ двухъ топографическихъ пунктовъ, Элефаншина и Сіена, находился островъ Филе, почтенный храмъ, или лучше, погребеніемъ Озириса и Изиды. Тутъ ежедневно приносятъ въ жертву пристра шестьдесятъ чашъ молока, которое однако не пропадаетъ для людей: оно спекаетъ и перяется въ сокровенныхъ сосудахъ для употребленія нижнихъ Жрецовъ. Сей обрядъ сопровождается воздыханіями о смерти двухъ основательей Египетскаго народа.

Тутъ еще поклоняются орлу (1). Сіе мощное пернатое животное имѣетъ большую величину и живѣйшія глаза на семъ островѣ, нежели во всемъ Египтѣ. Иногда почипаютъ его фениксомъ: онъ

(1) Страб. XVII.

рѣдко является поклонникамъ своимъ; служитъ эмблемою солнцу и, примолвимъ, любезные ученики мои, эмблемою мудрому.

Съ окрестностей малаго водопада начинается Еѳіопія, конецъ нашего плаванія. Тамъ все уже было приготовлено къ принятію насъ. Мы были ожидаемы съ святымъ нетерпѣніемъ.

Длинный столъ, называемый геліотрапеза или столъ боговъ или солнца (1), поставленный на берегу, представлялъ все, что только производятъ опличнѣшаго оба смѣжныя Государства. Многочисленные гости были подчиваны съ такою услужливостію и изобиліемъ, что народъ могъ дѣйствительно приписывать се чему нибудь сверхъ-естественному (2). Боги только, восклицалъ онъ, могутъ такой учреждать пиръ!

Благочестивое торжество, празднованное попричасъ по прибытіи нашемъ, есть одно изъ самыхъ радостнѣйшихъ въ Египтѣ. Назначенное для благочестивой церемоніи мѣсто больше похоже на пло-

(1) Иліад. Гомер. I.

(2) Геродот. III.

щадь богатыхъ торговъ, нежели на святилище. Сколько ни старались скрывать происхождение сего торжества, но я легко могъ узнать, что сія священная помпа была сначала только ежегодная ярманка для торговли мѣною и напурою. Металлы, условные и замѣнительные знаки цѣны продажнымъ вещамъ, были совершенно опшуда изгнаны, безъ сомнѣнія въ воспоминаніе первоначальной вѣрности и простоты двухъ обязующихся условіями народовъ. Особливо Еѳіопы столько наблюдали въ помѣ вѣрности, что даже начали говорить, а потомъ вѣрить, что Юпитеръ ежегодно сходитъ съ Олимпа нарочно быть на ихъ пирахъ, гдѣ они разсуждаютъ о своихъ дѣлахъ съ чашею въ рукѣ. Сіе преданіе было достаточное къ утвержденію того торжества, котораго я былъ свидѣтелемъ, и которое Гомеръ прославлялъ въ своихъ Поэмахъ. Бога Аммона вынесли изъ золотого его храма и поставили среди стола.

Подъ симъ длиннымъ столомъ положены были съ одной стороны повары Египетскіе, а съ другой Еѳіопскіе, какъ то: мирра, слоновая кость, золото, корица (*), пряные коренья, камедь,

(*) Или *гвоздика*; но что именно, не лзя утвердительно сказать по неопредѣлен-

ленъ, драгоценныя деревья. Помѣщики, не говоря ни слова, съ обѣихъ сторонъ прибавляли вещи и убавляли, а по принесеніи жертвы Юпитеру, предсѣдательствующему на торжищахъ, снесены были съ мѣста представленные предметы, и народъ началъ пировать, поя пѣсни. Тутъ множество подано жареныхъ четвероногихъ животныхъ. Радость къ концу пира сдѣлалась еще живѣе, не теряя благоприсойности, и сохраняла всегда нѣкоторой видъ благочестія, въ присутствіи Меройскихъ Жрецовъ, которые, мнѣ кажется, были въ такомъ же уваженіи, какое оказывается Государю и самымъ богамъ той страны.

Для чего сей праздникъ не торжествуется ежедневно и не есть общій воимъ народамъ? Испина исчезла съ изобрѣщеніемъ письма по удобности онаго къ обнародованію лжи. Вѣрность уменьшилась съ открытіемъ монеты. Что предприслываетъ народамъ повпорять ежедневно сію похвальную и честную торговлю мѣною, которая бываешь одинъ

нымъ понятіемъ, какія Древніе оставили о своей Ботаникѣ.

только разъ въ году? Не то ли, что изъ оной сдѣлано благочестивое торжество? Исполнивъ только однажды общественныя добродѣтели, люди почитаютъ себя уже свободными опъ нихъ на цѣлой годъ.

Начальникъ священной помпы не зналъ, что отвѣчать на сіе примѣчаніе.

Пивагоръ. Умножьте же свои праздники; они не могутъ быть слишкомъ многочисленны.

Гимнософистъ. Мы должны сего остерегаться: они бы наконецъ сдѣлались обыкновенными днями.

Пивагоръ. И такъ въ семъ случаѣ Религія безсильна: она производитъ только мгновенныя добродѣтели.

Гимнософистъ. Да и Полифика не болѣе имѣетъ силы. Законъ Ликурговъ, относительно монетъ тамошней Республики, имѣлъ такую же цѣль, какой ты желаешь; не достигъ ли онъ ея? Спартане сдѣлались ли искреннѣйшими въ торговыхъ сношеніяхъ? Ихъ почитаютъ еще напрошивъ жаднѣйшими къ прибытку: они алчутъ золота и всей земли Греческой.

Пивагоръ. И такъ я не хочу быть купцомъ, пока *Геліотрапеза* не сдѣлается трапезою всѣхъ народовъ.

V.

Путешествіе въ Мерой.

Начальникъ священной помпы былъ сполько занявъ распоряженіемъ сего торжества, что не могъ давать мнѣ объясненій на мои вопросы, и для того поручилъ меня одному изъ Египетскихъ Гимнософистовъ, которой въ продолженіе пути давалъ мнѣ надлежащія о вещахъ понятія, дабы я могъ воспользоваться предполагаемымъ мною пребываніемъ съ Гимнософистами острова Мероя.

„Вы Греки, говорилъ онъ мнѣ, у которыхъ нѣтъ досуга разсмащивать вещи, довольствуясь только поверхностнымъ свѣденіемъ о нихъ, вы, мнѣ кажется, нѣсколько легкомысленно смѣшиваете народъ Египетскій со многими кочующими, которые при непостоянномъ своемъ движеніи иногда живутъ въ соседствѣ съ нашимъ древнимъ и швердымъ опечесивомъ, пребывающимъ неподвижно

въ своихъ предѣлахъ, такъ какъ и правилахъ. Наспоящіе Еѳіопы суть тѣ, которые обитаютъ близъ истоковъ и вдоль береговъ Нила. Египетъ имѣетъ только какъ бы оспапки водъ, насъ напоющающихъ, и наукъ, процвѣпающихъ у насъ со временъ, памятію недоспигаемыхъ, и гораздо прежде сущеспвованія онаго. Гордыя Еивы соспавляли только колонию Еѳіопскую. “

Пиѳагоръ. Они охотно въ помъ признаются.

Гимнософистъ. Можетъ быть, споль же трудно ошкрыть первыя наши Историческія черпы, какъ и первыя воды рѣки *Аббави*, *Аббаві* (опца водъ), или *Сириса* (*), которыми мы даемъ протекаеть въ море.

Сіи послѣднія выраженія Гимнософиста Меройскаго тѣмъ справедливѣе, что однимъ только Еѳіопамъ можно съ небольшимъ трудомъ оспановить теченіе Нила и разсѣять его въ земляхъ, не допуская до Египта; и потому обыкновенно го-

(*) Другое Еѳіопское имя Нила, означающее *janseus* или сипничный, для того, что лѣва сипникъ растетъ въ изобилии на берегахъ его.

ворятъ они о сей спранѣ, какъ благодѣшель о человѣкѣ, обязанномъ ему.

Насъ называютъ не однимъ именемъ, продолжалъ Жрецъ: на два названія мы охотно соглашаемся, а именно: на *Атланцію* и *Этерію*; ибо они, позволь мнѣ такъ изъясниться, имѣютъ физіогномію, хорошо выраженную въ глубокой древноспи. Иногда изображали насъ безъ головы со рпомъ и глазами на груди. Симъ эпиграмматическимъ гѳероглифомъ мы обязаны, можетъ быть, нижнему Египту. А другіе жалуютъ насъ собачьею головою для того, что сосѣдспвенной народъ пьетъ молоко самки сего звѣря. Иные даже позволили себѣ говорить, что мы имѣемъ своимъ начальникомъ собаку. Пустъ мнѣніе ихъ оспанется справедливымъ! . . . Собака, благоразумно выученная, не лучше ли бы была какого нибудь Сезосприса или Псаммехи? Она претовала бы меньшихъ издержекъ и не споль бы много надѣлала зла. . . .

Пиѳагоръ. Мнѣніе швое кажется мнѣ несновапелнымъ.

Гимнософистъ. Какъ бы то ни было, но попомспво безъ сомнѣнія не всегда будетъ вѣрнѣ въ помъ Испорикамъ по ихъ словамъ.

Оставя городъ Сіенъ и отправаясь къ главному мѣсту всей Еѳіопіи, мой Гимнософистъ хопѣлъ продолжашъ свои наставленія, и оказывая добрыя услуги, предложилъ осмотрѣть нѣкоторыя мѣста до прибытія нашего въ Мерой. Проѣхавъ землю Напатеенскую, онъ подвелъ меня къ нѣкоторой каменной скалѣ, доспойной примѣчанія по натуральному своему строенію. Издали я почелъ ее крѣпостью, построеною во всѣхъ правилахъ искусства. Подошедъ къ подошвѣ ея, я увидѣлъ высокое мѣсто, по своему положенію неприсупное и со всѣхъ сторонъ огражденное. Сюда - по, говорилъ мнѣ проводникъ мой, отвозимъ мы Принцевъ Царской фамиліи, коихъ Жреческое Меройское сословіе признаетъ недоспойными жить въ обществѣ челоѣковъ. Въ каждой мѣсяцъ посылаешся имъ сполько пищи, сколько потребно для одной необходимости. Другаго поученія они не имѣютъ; а сіе признано довольно жестокимъ для наказанія виновныхъ, рожденныхъ среди всякаго изобилія двора.

За сею другою горою, ограничивающею нашъ горизонтъ, есть небольшая ешрана, которой владѣтель ввелъ особен-

ной обычай въ свои черпоги. Онъ всегда ѣспѣ за занавѣскою; никпо не видитъ его за споломъ (1).

Пиѳагоръ. Не для пого ли онъ такъ дѣлаешъ, чптобы прослышъ богомъ? Но и сами боги питаются амброзією.

Гимнософистъ. Далѣе живутъ Москофаги, которые питаются полько львинымъ мясомъ. Начальнику ихъ надобно имѣть одинъ глазъ.

Пиѳагоръ. Не служитъ ли сіе гѳероглифомъ къ тому, чптобы дашь чувствовашъ важность единства правилъ и дѣйствія въ правленіи?

Гимнософистъ. Въ сей глубокой доли нѣ, едва примѣшной съ высоты, гдѣ мы находимся, обитаешъ небольшой народъ, малая часть великаго Египетскаго преселенія, бывшаго при похитипелѣ Псамметихѣ. Полипическое правленіе сихъ уединенныхъ жшелей спойтъ пого, чптобъ разскашъ о немъ любопытному пушешественнику. Сіи изгнанники, поглощенныя въ Лабиринтѣ ихъ озера Мерисъ, которое они должны были оставитъ, хопѣли привести въ дѣйствіе, сколько опѣ

(1) Job. Ludolfi Hist. Aethyop. II.

нихъ зависѣло, общественную систему, расположенную по системѣ солнечной, которую предполагали ввести во всемъ Египтѣ (1). Они соспавили столько семействъ, сколько находится въ году дней, и каждое семейство должно соспоять только изъ 24 хъ головъ обоого пола, по числу часовъ въ суткахъ; излишнее же количество присоединялось къ большому корпусу преселенія.

Сенатъ состоитъ изъ 566 членовъ, которые суть начальники и старѣйшины семействъ. Верховный судья сей малой Республики, избранный изъ Сенаторовъ, господствуетъ только одинъ день, при содѣйствіи двенадцати начальниковъ, избранныхъ такимъ же порядкомъ и изъ того же корпуса.

Сенатъ въ каждый вечеръ потрясаетъ урну, изъ которой каждой же вечеръ выпадаетъ имя. Къ послѣднему дню года осшающійся Сенаторъ становится начальникомъ по очереди и безъ выбора.

Названія симъ различнымъ властямъ даны по сходству самой вещи. Сенатъ называется *годоубъ*, Сенаторы *днями*, судіи *мѣсяцами*, а Король *солнцемъ*.

(1) Смотр. сего сочиненія Часть II. §. XXXII.

Пионагоръ. Если бы весь родъ человѣческой раздѣленъ былъ такимъ образомъ на группы, не превосходящія десяти тысячъ головъ; то не столько удвѣлительную представлялъ бы картину, какъ сіи колоссальныя Республики, утверждающіяся на себѣ самихъ и производящія поликія опустошенія, приходя въ возмущеніе и разрушеніе.

Гимнософистъ. Сіе зрѣлище было бы тѣмъ пріятнѣе, что малая наша *толнская Республика* есть весьма миролюбива и имѣетъ нравы крошчайшіе.

Болѣе 50 дней мы употребили на переѣздъ распоянія отъ Сіена до Мероя, великаго пространства земли, почти со всѣхъ сторонъ окруженной водами Нила и Астабора. Она имѣетъ видъ Римскаго щипа; въ длину простирается на три тысячи стадій, а въ ширину на одну тысячу. Городъ, именемъ ея называющійся, занимаетъ центръ первой изъ семи температуръ земнаго шара (1).

(1) Древніе раздѣляли обитаемый міръ на семь климатовъ, заключенныхъ въ семи кругахъ, параллельныхъ экватору. Первый проходилъ чрезъ Мерой около 15 градуса. *Geogr. ancien. de Cellarius.*

Часть III.

Ж

Созвѣздѣ пса стоишь надъ нимъ вертикально. Сія столица всей Еѳіопіи въ случаѣ нужды могла бы выставить болѣе двухъ сотъ тысячъ воиновъ; но она болѣе славится чепырью спами тысячами художниковъ, которыхъ она, какъ говорятъ, содержитъ цѣлой годъ по причинѣ роскоши, производящей безъ сомнѣнія отъ многого количества золота и другихъ металловъ, въ сей странѣ изобилующихъ. Тамъ есть множество золотыхъ рудниковъ, исключая того золота, которое рѣки оспаляютъ въ песокъ на берегахъ своихъ.

Меройской островъ такъ же имѣетъ многіе кристальные рудники, въ коихъ находятъ алмазы прекраснѣйшей воды, величиною съ орѣхъ.

Алмазъ золотыхъ рудниковъ Македоніи менѣе огуречнаго зерна.

Тамашнія женщины могутъ удовлетворять любви своей къ нарядамъ, въ которыхъ онѣ, можетъ быть, имѣютъ болѣе надобности, нежели въ другихъ мѣстахъ. Грудь ихъ имѣетъ такую фигуру, которой Греческіе художники не взяли бы себѣ за образецъ.

Городъ Мерой дорого заплашилъ за свою славу. Онъ многократно видѣлъ себя

добычею звѣрскихъ воиновъ, принадлежавшихъ такимъ командирамъ, копорые злодѣйственнѣе еще ихъ были.

Первоначальная Исторія Еѳіопіи не представляла мнѣ ничего удивительнаго. Мой Гимнософистъ признался мнѣ въ своемъ безсиліи удовольствоваться мною и въ недоспашкѣ досповѣрныхъ памятниковъ. Говорясь, сказалъ онъ мнѣ, что сія страна раздѣлена на пятнадцать Монархическихъ областей, и увѣряюсъ, что однѣ изъ нихъ независимы, а другія покорены скипетру женщинъ.

Пиѳагоръ. Это, можетъ быть, легче-всего; да и удобнѣе, по крѣпкой мѣрѣ, бытъ подверженнымъ нарушенію.

Гимнософистъ. Нѣкоторые учреждены были по выбору, и Царей можно было избирать только въ санъ жреческомъ. Безъ сомнѣнія съ сего времени существуетъ мнѣніе о справедливости Еѳіоповъ, когда еще и не помышляли упоминашь о мудрости Египетской. Народъ, привязанный къ богослуженію, смѣшиваетъ иногда своихъ Жрецовъ съ богами; а сіе причиною было слѣдующаго преданія: „что Еѳіопія долго не имѣла другаго божества, кромѣ своего Государя.“

Се заблужденіе безъ сомнѣнія было меньше, нежели обычай воздавать божескую честь чепвероногимъ животноымъ, птицамъ или еще плодамъ своего сада.

Я не могъ не усмѣхнуться при семъ словѣ, сказанномъ мимоходомъ на счетъ Египтянъ. Гимнософистъ, какъ будто не примѣшивъ сего, продолжалъ:

Египетъ, сей неблагодарный сынъ, копорой бьетъ грудь своей кормилицы, не заслуживаетъ, кажется, доброй памяти. Мы можемъ спросить жителей Мемфиса и Дельфы, гдѣ были Египтяне до существованія Египта?

Правда, что много вѣковъ протекло съ того времени, какъ Фивская земля, возвышеннѣйшая передъ нашею, первая изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ Сирисъ приносилъ дань своихъ волнъ, перестала быть топкимъ, необитаемымъ болопомъ. Нильскія воды съ того времени продолжали прежнее свое печеніе; никогда не возходили онѣ вверхъ, и усныя рѣки никогда не оспаривало преимущесва источника ея. Мудрый народъ Египетскій далъ мѣру соблазнъ сего полипического явленія. Онъ оспариваетъ и присвоиваетъ себѣ благость законовъ нашихъ. Ежели ихъ послушатъ,

то они скажутъ, что опцы были въ училищѣхъ у дѣтей своихъ (1). Наши и ихъ законы могутъ имѣть нѣкоторое сходство или фамиліной тонъ. Добрые законы одного народа не могутъ быть прошивны законамъ другаго. Но между нѣмъ въ книгѣ законовъ нашихъ есть такія распоряженія, копорыхъ глубина для Египтянъ непоспима. Они только обязываютъ новыхъ Царей своихъ, чтобъ они подъ сѣнію ошаря пригошвлялись къ царственнѣмъ должностямъ. Въ Мероѣ пребуешся отъ нихъ большаго. Поелику родъ Гимнософистовъ передъ всѣми другими имѣетъ болѣе благонравія и просвѣщенія, то Египтъ не желаетъ инаго Царя, кромѣ такого, копорой имѣетъ жреческій санъ.

Пифагоръ. Сіи двѣ важныя должности могутъ ли быть соединены въ одной главѣ?

Гимнософистъ. Могутъ въ здоровой.

Въ Египтѣ Монархъ можетъ на все отважиться при жизни своей; онъ су-

(1) Известно, что Египетъ занялъ отъ Египта часть древнѣйшихъ своихъ обычаевъ.

дился послѣ смерти, и рука правосудія можетъ поразить наказаніемъ только его прупь. У насъ же должности Царей не столь легки. Когда народъ обвиняетъ главу Имперіи въ какихъ нибудь худыхъ поступкахъ, тогда представляетъ о томъ сословію Жрецовъ, которые держатъ равновѣсіе между народомъ и главою его.

Пиеагоръ. Другіе народы должны бы были обязывать новыхъ Царей своихъ, чтобъ они предъ вступленіемъ на престолъ принимали уроки въ училищахъ Меройскихъ.

Гиллософистъ. Выше Мероя есть народъ, пасущій стада и населяющій оба берега Нила. Однажды, будучи несогласенъ въ выборѣ начальника, онъ просилъ нашего совѣта. Мы отвѣчали ему: „простые люди! сдѣлайте главою такого пасуха между вами, копорой бы лучше умѣлъ пасти стада.“ Народы суть ничто иное, какъ стада (1).

Другой небольшой народъ, но богатѣйшій и болѣе имѣвшій промышлености, по смерти наследственнаго своего Монарха, лишеннаго дѣшей, претоваль

(1) Діодор. Сиц. Геродот. Hist. univ. XII.

отъ насъ совѣта въ разсужденіи своего намѣренія о учрежденіи Сенапа: изъ какого класса гражданъ долженъ онъ избирать Сенапоровъ?

Мы немедленно отвѣчали ему: „Изъ начальниковъ семействъ и владѣльцевъ, преимущественно передъ пѣми, копорые, не имѣя ни дѣшей, ниже другаго какого смяжанія, не имѣютъ ничего ни сохранить, ни потерять.“

Съ того времени оба сїи народа ежегодно отправляютъ къ намъ пословъ для принесенія намъ благодарности за добрыя ваши совѣты, копорыхъ собираютъ они счастливѣйшіе плоды.

Пиеагоръ. Вы должны приводить въ претель всѣхъ Африканскихъ Королей.

Гиллософистъ. По крайней мѣрѣ мы имѣемъ довѣренность почти у всѣхъ народовъ земныхъ. Одно солнце есть такой предметъ, копорой наиболѣе поражаетъ глазъ человѣческой. Мы учредили ему богослуженіе и предославляемъ въ жертву драгоцѣннѣйшее произведеніе земли нашей, а именно *корицу* (1). До сего

(1) Плин. *Ист. Натур.*

благочестиваго учрежденія народъ не зналъ всего достоинства сего распѣнія, или приписывалъ ему излишнее. — Мы приказываемъ всю жашву онаго сохраняшь въ нашихъ храмахъ, посвященныхъ солнцу. При возхожденіи сего свѣпила мы дѣлимъ оное на три части: первую божеству, вторую Жрецамъ его, а третью народу.

Пиѳагоръ. И такъ это клевета, что я слышалъ въ Египтѣ, будто Еѳіопской народъ, а особливо Меройской, приносишь людей въ жертву солнцу (1)?

Гимнософистъ. Напрасно захопѣлъ бы я скрывать сіе отъ тебя, хотя рука Гимнософиста остается чистою и неприкосновенною симъ ужаснымъ жертвамъ. Увы! мы никогда не могли переменить сего въ народѣ. Сей проклятый обычай наблюдается противъ воли нашей и прошивоборсивуетъ всему. Гласъ нашъ, шоль могущій во всемъ прочемъ, перяетъ всю свою силу надъ духомъ народа, когда покушаемся отклонить его отъ сей чудовищной крайности. „Это такой обычай, отвѣчающъ намъ жестокиѣ обитатели Мероя, котораго просвѣщеніе не умѣло ввести въ крошчайшіе нравы.

(1) Heliodor. *Histoire Ethiop.*

Мудрые Жрецы! говорятъ намъ: идите въ священныя свои обители; служеніе ваше кончилось. Прочее до насъ однихъ относится; а ежели мы творимъ злодѣяніе, то не васъ боги будутъ за то наказывать.“

Пиѳагоръ. Подлинно ли это такъ?

Гимнософистъ. Продолживъ здѣсь свое пребываніе, ты можешь быть свидѣтелемъ сего ужаснаго зрѣлища. Не давно пришло извѣстіе въ чертоги Меройскіе, что Царь возвращается изъ похода, предпринятаго противъ сильнаго непріятеля внутренней Африки. Онъ идетъ побѣдителемъ, влача въ слѣдъ за собою плѣнниковъ обою пола; можешь быть, всѣ они принесены будутъ на жертву. Уже дѣлаются приготовления къ жертвоприношенію. Письма Государя на имя сословія Меройскаго убѣждаютъ насъ председательствовать на семъ торжествѣ. Оно начнется фиміамомъ Гимнософистовъ, а народъ кончитъ его кровію.

Пиѳагоръ. И вы терпите такія мерзости?

Гимнософистъ. Я уже сказалъ тебѣ, что мы не въ состояніи ихъ изстребить.

Пивагоръ. По крайней мѣрѣ вы бы могли удалиться изъ такого нечестиваго города, гдѣ убійство есть благочестивое дѣло, и не быть соучастниками въ ономъ своимъ присутствіемъ.

Гимнософистъ. Прежде, нежели будешь насъ судить, будь свидѣтелемъ сего произшествія.

Пивагоръ. Я согласенъ, хотя сіе дорого будетъ стоить моему сердцу.

VI.

Праздникъ и приношеніе людей на жертву.

Передъ главными воротами Мероя, споящими на воспокъ, внѣ стѣнъ, находится пространныя равнина, мѣсто, освященное храмомъ Юпитера Аммона въ честь божествамъ, Солнцу и Лунѣ, покровительствующимъ Египтіи. Тамъ, по повелѣнію судей, всѣ жили на разсвѣтѣ дня собраны были для принятія Государя. Ему предшествовали многіе вѣстники, держа въ рукахъ пальмовую вѣшь, а на головѣ цвѣтъ распѣнія ло-

посъ (1). Головы ихъ коней были освящены пѣмъ же украшеніемъ, въ знакъ побѣды. Тихимъ шагомъ были пригнаны стада воловъ, коровъ, барановъ, и въ большихъ клѣпкахъ принесены перепела и другія птицы. Всѣ сіи четвероногія и пернатые живошныя опредѣлены были на жертву и для великаго пиршества, которое всегда оканчивается великими жертвоприношеніями. Всѣ Меройцы безъ различія были къ тому допускаемы.

Къ симъ священнымъ яствамъ присовокуплено было мясо слона, брашно, весьма рѣдкое въ Мероѣ и у сосѣдственныхъ народовъ. Есть цѣлые народы, которые всю жизнь проводятъ въ опасной ловлѣ сего сильнаго звѣря (2).

Сама Царица, супруга побѣдителя, прибыла въ храмъ бога Пана для впо-

(1) Вѣстники надѣвали на голову шляпы, сдѣланныя изъ нѣкоторой травы и особенныхъ цвѣтовъ, похожихъ на лилею и распускающихся въ Нилѣ, которые они называютъ *лотосъ*.

Heliodore.

(2) Діодор. Сиц. III. Геродот. III. Плиній, *Истор. Natur.* VI.

ричнаго и изустнаго приглашенія Гимнософисповъ къ почтенію сего торжества священнымъ ихъ присутствіемъ. Наконецъ явились передовые Герольды, прибыли ко врагамъ города, и не вступая ни у да, возвѣстили пришеспые Государя, повелѣвая всѣмъ женщинамъ предашься радости и производить пляски во внутренности Мероя, не выходя изъ онаго. Имъ запрещено являться и присутствовать при жертвоприношеніяхъ Солнцу, по опасенію того, чшобъ онѣ тайно не осквернили чистоты лучей его (1). Сіе запрещеніе просирается даже и на Царицѣ, естли онѣ не облечены достоинствомъ Жрицѣ луны. Государь естъ всегдашній жертвоприноситель по праву шрона, въ копоромъ Гимнософиспы никогда ему не завидовали. Имъ надлежитъ отдавать ему сію почестъ.

Городъ Мерой, лежащій на берегу пріугольнаго острова, не однѣи только Нильскими водами орошается; еще двѣ рѣки соединяются съ Ниломъ и сполько

(1) Дабы въ продолженіе жертвоприношенія не произошло какого нибудь вольнаго или невольнаго оскверненія между присутствующими. — *Heliodore.*

увеличиваютъ его, что онѣ составляетъ два канала и обнимаетъ ими всю столицу Еѳіопіи. Сіе припеченіе различныхъ водъ дѣлаетъ землю чудесно плодородною. Тамъ пальмы гораздо выше, и вѣпви ихъ несравненно крѣпче. Колосья пшеницы и ячменя вырастаютъ столь высоко, чшо всадникъ можетъ въ нихъ скрыться, не сходя съ своего коня. Тамъ же естъ пакія шравы, копорыя равны съ головою верблюда и управляющаго имъ сѣдока. Одно зерно хлѣбное обыкновенно производитъ при спа.

Меройская земля пипаетъ распѣніе, называемое *Еѳіололь*. Листъ его похожъ на лашукъ; сокъ, смѣшанный съ виномъ и медомъ, вылѣчиваетъ водяную болѣзнь. Окрестности города Аксуиа, обыкновеннаго мѣстопребыванія Государя, не столь плодородны и пріятны. Но что нужды ему въ томъ? Онъ всегда почти бываетъ на войнѣ. Система двора его естъ, кажется, та, чшобъ нѣкогда нарушить всѣ обязательства, въ копорыхъ содержатъ его Гимнософиспы, спараясь умножить причины и поводъ къ войнѣ.

Тростникъ — копорый, естли его разжуетъ, даетъ такую сладкую и бальзамическую сущность, какую медъ —

лучше растетъ въ Мероѣ, нежели въ какой нибудь странѣ земли. Сіе сильное расцвѣтіе есть дѣло цѣлительности и изобилія водъ упомянутыхъ трехъ рѣкъ.

Въ Стенѣ солнце бросаетъ и направляетъ лучи свои прямо на голову жителей такъ, что во время долгоденствія не бываетъ никакой тѣни. Подобное же явленіе случается и на островѣ Мероѣ, опстоящемъ отъ Стена на пять тысячъ стадій. Тамъ тѣнь совсѣмъ пропадаетъ дважды въ году, когда солнце проходитъ чрезъ 14 й градусъ льва и 22 й быка.

Въ Стенѣ самый должайшій день состоитъ изъ 15 часовъ, а въ Мероѣ изъ 12 съ половиною.

Три рѣки въ Мероѣ при возхожденіи солнечномъ, сколько я могъ глазомъ обнять, были покрыты небольшими легкими челноками, сдѣланными изъ тростника, на двое разколошаго. Они не могутъ держать болѣе трехъ человекъ. Судите о количествѣ ихъ, когда всѣ островитяне, такъ какъ и сосѣдственные жители, желали быть на семъ великомъ праздникѣ. Гимнософисты ожидали прибытія Государя на освященное поле.

Государь самъ подошелъ къ нимъ и ввелъ шуда, взявъ ихъ за руки.

Въ срединѣ поспавлены были двѣ четвероугольныя палатки, переплетенныя лисьями. Четыре угла поддерживались вмѣсто столбовъ тростникомъ, недавно срѣзаннымъ, и копорой былъ наклоненъ, представляя аллею, покрытую пальмами.

Въ одномъ изъ сихъ шатровъ, проливъ другаго споявшемъ, находились двѣ большія сипапуи, представляющія Солнце и Луну. Первое изъ сихъ двухъ свѣтилъ называется по-Египски *Ассабинъ*. При подножіи ихъ поспавлены были кресла для Гимнософистовъ. Другой шатеръ назначенъ для его супруги и двора.

Мнѣ дали замѣтить одну странность: у всѣхъ, соспавлявшихъ дворъ Государя Египскаго, одинъ глазъ былъ закрытъ. Мнѣ сказали: „неищи причины сей болѣзни, копорая есть только случайная; всѣ сіи придворные суть обезьяны, ибо Государь ихъ имѣетъ только одинъ глазъ. За нѣсколько лѣтъ попало ему въ глазъ мѣтальное копье. Съ того времени всѣ, въ чертогахъ его находящіяся, показываютъ, будто и они такимъ же ударомъ были поражены.“

Сей Государь былъ весьма пригожій мушина. Еѳіопы обыкновенно избираютъ своимъ начальникомъ самаго прекраснѣйшаго между ими.

Множество воиновъ, опершихся на свои щипы и прямо другъ противъ друга стоящихъ, предшавляютъ какъ бы нѣкопоруую стѣну или ограду около престола, копорою сдѣланъ изъ золота. Сей богатой мешалль въ Еѳіопіи споль обыкновененъ, что употребляется вмѣсто желѣза въ самыхъ низкихъ и простыхъ дѣлахъ.

Другой рядъ солдатъ поставленъ для удержанія народа и для заключенія обширной площади.

Многія группы сихъ воиновъ имѣли на головѣ сплетенные изъ стрѣлъ вѣнцы (1). Такъ Еѳіопы вооружаются къ сраженію: голова имъ служилъ колчаномъ.

Предъ двумя жертвенниками, поставленными въ самой срединѣ зрѣлища, Государь говорилъ рѣчь къ народу и удостоилъ его извѣщенія о своихъ успѣхахъ.

(1) Lucanus de saltatione.

Ему опвѣчали многократными рукоплесканіями.

Щасливому Монарху всегда вѣрятъ и извѣляютъ одобренія, не изслѣдывая, какую учаспъ имѣлъ онъ лично на сраженіи. Всѣ почести побѣды исключительно ему оказываются.

Потомъ немедленно приступили къ закаланію обыкновенныхъ живописныхъ для принесенія на жертву. Земля была уже напоена ихъ кровію. Предъ олтарь Солнца приведены были четыре рысакъ опличной бѣлизны безъ малѣйшаго пятна, назначенные Природою для полезнѣйшаго и разумнѣйшаго употребленія. Они были пошчасъ зарѣзаны. Четыре гордые волапаккой же бѣлизны съ посребренными рогами шли шихимъ шагомъ испытать шу же учаспъ при подошвѣ олтаря, посвященнаго Лунѣ.

Лишь только пали сіи кропкія шворенія подъ жертвеннымъ ножемъ, какъ все сословіе Гимнософисповъ вдругъ вспало и, сошедъ со ступенекъ, намѣревалось возвратиться въ Мерой. Государь также показывалъ, что и онъ за ними слѣдовать хочеть, однако шель медленнѣе. Священныя орудія переспали гревѣшь.

Наступила глубокая тишина, но не надолго. Вдруг поднялся великой крикъ; народъ приходитъ въ волненіе; движенія дѣлаются сильнѣйшими и выразительнѣйшими. Мудрецы Меройскіе не обращаютъ, кажется, на сіе никакого вниманія, удвояютъ шаги и уже выходятъ изъ своего шатра. Я слѣдовалъ за ними въ сильномъ безпокойствѣ и волненіи, имѣя мѣсто подлѣ нихъ по званію моему Инициата. Мягже удвояется. Наконецъ тысячи голосовъ наполняютъ воздухъ. Едва могъ я различить сіи слова: „Да приступятъ по обыкновенію къ жертвѣ за спасеніе опечества! да пожертвуютъ богамъ нашимъ начатками войны, залогомъ побѣды! Гдѣ плѣнники? гдѣ жертвы? да приведутся онѣ сюда! Благосостояніе Государства пребудетъ ихъ крови, и боги того хотятъ.“

Сіи крики разперзали мою душу. Не видя несчастныхъ, которыхъ спрашивали, я нѣсколько успокоился и думалъ, что побѣдитель изпортитъ кровь ихъ опѣ народа алчнаго и челоукояднаго, и уже намѣревался въ этотъ же день идти благодарить, именемъ нѣжнаго благочестія, челоуколюбиваго Государя, даровавшаго плѣннымъ своимъ свободу, безъ сомнѣнія

для спасенія ихъ жизни. Но, тщетная надежда! плѣнные, которыхъ во время приношенія на жертву животныхъ ожидали своей очереди, сидя въ золотыхъ цѣпяхъ за царскимъ шапромъ, были приведены къ престолу. По гнусному обряду, въ Мероѣ упопреляемому, приносимая Солнцу и Лунѣ челоуческія жертвы должны быть шакъ чисты и непорочны, какъ лучи сихъ двухъ свѣтилъ. Священный ножъ долженствовалъ поразить юношу и молодую дѣвицу во всей природной ихъ невинности. Другіе же плѣнные были осуждены на публичныя работы, въ ожиданіи своего изкупленія или размѣна. Но они должны были сопровождать несчастныхъ своихъ товарищей до самаго мѣста казни. Одна рука Царя имѣла право поразить жертву мужскаго пола, шакъ какъ рука Царицы жертву женскаго. Оковы съ нихъ были сняты; ибо въ Египтіи, какъ и въ Греціи, законъ повелѣваетъ приносить на жертву только свободныя существа. Жертва, являясь произвольною, дѣлается пріятнѣйшею божествамъ. Такъ разсуждаютъ Жрецы челоукоядцы;

При семъ зрѣлищѣ я не могъ не сказать съ огорченіемъ шому Жрецу, съ которымъ я былъ не разлученъ по выходѣ

моемъ изъ Египта: „мудрый Гимнософисъ! изпроси мнѣ дозволеніе говорить съ начальникомъ священнаго вашего сословія.“ Онъ представилъ меня къ нему: „Первосвященникъ! говорилъ я: предъ симъ ужаснымъ жертвоприношеніемъ, которое оспаеется теперь сдѣлать, для чего не представляють народу зрѣлища игръ и борьбы? Можетъ быть, чрезъ сіе онъ былъ бы развлеченъ и укрощенъ.“

„Я знаю сей народъ, опивчалъ мнѣ Сизиметрій: онъ, увидѣвъ кровь, находитъ свое удовольствіе въ проливаніи оной, или любуется симъ зрѣлищемъ. Однакожь испытаемъ твоя совѣтъ, мудрый Иниціатъ.“

Тогда онъ, возвыся голосъ, говорилъ къ Монарху: „Государь Еѳіоповъ! толпы посланниковъ народовъ союзныхъ или побѣжденныхъ ожидаютъ минуны повернуть къ ногамъ твоимъ богатые ихъ подарки. Ты долженъ еще намъ представить зрѣлище игръ и боевъ, повелѣнныхъ богослуженіемъ.“

Народъ изъявилъ свое удовольствіе рукоплесканіями. Такъ, такъ! сбережемъ лучшія жертвы наши къ концу!

Государь, взшедъ на престолъ, повелѣваетъ попеременно подводить къ себѣ

посланниковъ народовъ. Первый изъ Герольдовъ Гармоніасъ повинуется. Сперва явился посланникъ Сирійской. Подарокъ его, можетъ быть, драгоцѣннѣйшій всего золотого рудника, состоялъ въ двухъ одеждахъ, одной прекраснѣйшей багряницы, а другой, превосходящей бѣлизною своею снѣгъ, холодной Скифской земли. Но матерія сего тканья составляла главное ихъ достоинство. Вся основа состояла изъ дорогихъ нитокъ любящаго шелковицу насѣкомаго, искуснаго и скромнаго художника, завертывающагося и скрывающагося въ собственной своей работѣ. Сей подарокъ столько понравился супругѣ Государя, что она изпросила свободу многимъ плѣнникамъ, которыхъ требовала ихъ нація.

Посланники Аравіи, обремененные благовонными вещами, наполнили ароматами зеленый шатеръ, въ которомъ находился дворъ и все священное поле.

За симъ слѣдовалъ Репрезентантъ Троглодитовъ; онъ положилъ къ ногамъ Государя и супруги его двухъ орловъ, самца и самку, связанныхъ вмѣстѣ золотую цѣпью.

Посланники Блеміенскіе представили въ дань многіе луки и стрѣлы, иску-

сно сдѣланныя и оправленные въ кости , также зубы лешучаго змѣя.

Посланникъ Аксіомипской заключилъ церемонію. Аксіомипы не суть ни подданные , ни данники Еѳіопскаго Королевства , а вѣрные союзники. Въ знакъ своего доброжелательства поднесли они Государю какое-шо неизвѣстное въ Мероѣ четвероногое животное. Оно величиною съ верблюда , шерсти песпррой , похожей на леопарда ; задняя часть шѣла какъ у льва ; тонкая и продолговатая шея похожа на лебединую и на шею Ливійскаго спруса.

Одинъ родственникъ Государя хотѣлъ также принести свой даръ. Онъ приблизился къ яему съ другимъ мужчиною шоль высокаго роста , что , когда онъ наклонился для облобызанія съ должнымъ уваженіемъ колѣнь Монарха , былъ шоль же высокъ , какъ и Государь , хотя сей сидѣлъ на превысокихъ золотыхъ креслахъ.

По мановенію Государя онъ снялъ съ себя все плашье и , положиа къ ногамъ его , вызывалъ соперника въ борьбѣ. Государыня и ея женщины удалились за занавѣсь палатки ; а Царь , для показанія посланникамъ силы и мужества Еѳіопскаго на-

рода , обѣщалъ самаго большаго слона своего шому , кто выдепъ на сраженіе.

Никпо не выступалъ на мѣсто подвига. Дворъ былъ въ смущеніи. Одна изъ двухъ жерпвъ , молодой человекъ , пославленный на колѣни предъ олшаремъ Солнца , вспалъ по вызову на поединокъ , прося обратить борьбу въ сраженіе мечемъ. Ему было опказано въ томъ , и опвѣнствовано , что на семъ освященномъ мѣстѣ подвига не надлежитъ проливать иной крови , кромѣ жерпвенной. Боецъ , скача передъ соперникомъ своимъ шоль нѣжнаго возраста , едва удоспоилъ его соглашенія нападать или защищаться. Но молодой человекъ , рожденный въ Тессаліи , имѣлъ шакую осанку , копорая не показывала въ немъ ни легкомысленности , ни робости. Онъ сгребаетъ пригоршнями Нильской песокъ (1) , для освѣженія своихъ плечь , обливаемыхъ попомъ. Послѣ

(1) Плиній , Светоній , Плутархъ , Родигинъ , Александръ и всѣ древніе Писатели похваляютъ употребленіе сего песку , копорымъ бойцы въ Римѣ прохлаждались и укрѣпляли свои силы. Содержащаяся въ Нильскомъ пескѣ селипра есть причина освѣжительной силы его. — *Lachambre.*

того, попрысая своими мышцами, ищетъ своего положенія, становится твердо, выпягиваетъ ногу и пробуетъ силу своихъ мускуловъ, изгибаясь, кривляясь и перевертываясь различнымъ образомъ. Наконецъ онъ готовъ уже выдержать первые удары, какіе нанесетъ ему соперникъ его; о ж и д а е ш ъ ихъ съ твердо-стію и надѣется съ успѣхомъ ихъ опразить.

Соперникъ съ презрительнымъ видомъ смотритъ на него, усмѣхается, и обращаясь къ народу, кажется, изъясляетъ движеніями своими сожалѣніе, что онъ малую получилъ славу отъ такого неравнаго бою. Наконецъ выходитъ, валился какъ масса и немедленно поражаетъ рукою своею въ шею молодого бойца. Ударъ столь былъ силенъ, что всѣмъ зрителямъ былъ слышенъ. Тессалецъ, научившійся изъ дѣтства таковымъ упражненіямъ, сначала опспушаетъ, но не опчается. Ему спойло только узнать тяжесть массы, которой онъ противоборствовать долженъ, и испытать, надлежитъ ли нападать на нее съ открытою силою, и для того онъ призвалъ въ свою помощь хитрость. Онъ прищворяется, будто пораженъ гораздо силь-

нѣе, нежели какъ въ самомъ дѣлѣ, и подспавляетъ непріятелю своему уже пораженную сторону. Сей снова нападаетъ на него, надѣясь вторымъ ударомъ сразить совсѣмъ того, которой шапается уже и отъ перваго. Тессалецъ прищворяется падающимъ и не въ соспоянн долге сопротивляясь. Соперникъ его готовится къ третьему и послѣд-нему удару, дабы скорѣе кончить сраженіе, и поднимаетъ руку для новаго пораженія. Тессалецъ, которой все видѣлъ напередъ, бросается подъ него, избѣгаетъ удара уверткою, правою своею рукою поднимаетъ его лѣвую, кулакомъ поражаетъ въ лицо въ то самое мгновеніе, какъ онъ наклоняется на него, и видитъ его нагнувшимся по потерянн опоры и равновѣсія. Послѣ сего перваго шага къ побѣдѣ, онъ легко подскакиваетъ подъ плечо своего непріятеля и крѣпко схватываетъ сзади, но не можетъ обнять его обѣими руками, по причинѣ огромности и полспоты его тѣла. Однакожь, сжавъ его въ своихъ рукахъ, сильно прысаетъ, толкаетъ, корчитъ и жметъ своими лядвеями, какъ всадникъ спотыкающагося своего коня, и наконецъ, схватя обѣ руки гордаго великана, заспавляетъ его уперется носомъ въ землю. Тутъ пользуясь симъ поло-

женѣемъ, загибаетъ руки его на спину шакъ, какъ бы хотѣлъ ихъ связать; а наконецъ и весь корпусъ непріятеля разпросперся по землѣ, будучи недвижимъ подъ колѣномъ побѣдителя.

При семъ новомъ для Еѣіоповъ зрѣлищѣ всѣ вообще подняли крикъ радости и похвалы. Самъ Царь сошелъ на песокъ и возложилъ золотой вѣнецъ на голову молодого Эссалійца.

Я шихонько билъ въ лошади и радовался, пожимая руку Гимносфиспа, моего провожаннаго; а соповарищи его пошли къ строю войскъ, дабы откряпъ себѣ пушь и отправишься домой. Но толпа народа сему движенію противополаетъ другое, и кричишь: „Боги еще не удовольствованы; недостаетъ имъ двухъ жертвъ, именно шѣхъ, которыя должны бышь имъ болѣе угодны. Царь Еѣіопскій! не будь къ нимъ неблагодаренъ; исполни свой долгъ; доверши свое благодареніе; прими священный ножъ. Жершвоприноситель солнца, которое тебѣ видишь и помогло тебѣ одержать побѣду! не отнимай у него чистой крови, которой оно у тебѣ пребуешъ и ожидаетъ.“ — Толпа сломила войска и проникла къ самому престолу. Устрашенный Государь

не прошивилъ болѣе необузданному требованію сумасшедшаго народа. Онъ идешь къ олтарю, гдѣ смиренная жершва приняла по же положеніе, въ какомъ была до сраженія. Юная дѣвица изнемогала и обмирала отъ одного приближенія смерти. Ее привели въ чувство, окропя омертвѣвшее лицо холодною водою, которую Жрецъ почерпнулъ пригоршнями изъ священнаго источника (1).

Уже Государь вооруженъ былъ освященнымъ мечемъ; уже вознесъ руку..... Любезные ученики мои! есшь минулы, въ которыя человекъ чувствуетъ себя выше себя самаго. Бываютъ такія обстоятельствова въ жизни, въ которыя натура подаетъ ему силы, и раздѣляетъ съ нимъ все свое могущество. Сіе я испыталъ при семъ случаѣ. Нѣкоторый неизъяснимый энтузіазмъ овладѣлъ мною при возрѣніи на молодого человека, исполненнаго невинности и швердоспи, представляющаго свою шею хладнокровному жершвоприносителю. Я бросился, и въ одинъ мигъ спалъ между жершвою и закалапелемъ; одною рукою схватилъ мечъ, который былъ уже поднятъ,

(1) Heliodor. Aethiop. XI. 69.

а другую просперь къ народу, крича такимъ голосомъ, какого я еще не чувствовалъ въ себѣ: „Народъ! именемъ Иниціапа основани сіе дѣйствіе.“ Опважность моя произвела возмущеніе. Священный санъ, коимъ я объявилъ себя облеченнымъ, обратилъ на меня взоры всѣхъ зрительей. Я повпорилъ: „Такъ, я Иниціапъ великихъ таинствъ Солнца; Гимнософисты будутъ вамъ въ помѣ свидѣтелями. Говорите, мудрые смертные! не правда ли, что я Иниціапъ? скажите о семъ народу, удивленному святымъ моимъ дерзновеніемъ.“ — Сизиметрій, вышедъ изъ ряда Гимнософистовъ, объявилъ: „Чужестранецъ, копорой вамъ говоритъ, есть Иниціапъ; безъ сомнѣнія боги послали его къ вамъ. Внимайте ему.“

Сдѣлалась совершенная тишина; я сего только и желалъ, и началъ говорить:

„Народъ! сихъ послѣднихъ двухъ убійствъ дѣлать не должно. Довольно и того, что они совершены на полезныхъ и кропкихъ животныхъ. Убійственная рука не коснется сей чистой и невинной чепъ, не опиявъ у меня жизни. Народъ! ежели ты не оспавишь жестокаго своего предпріянія, то я первый вонжу въ себя

мечъ на семъ жертвенникѣ. Дерзнешь ли ты причинить смерть Иниціапу?“

Благодворный столбъ пыли, поднятой вихремъ, заземнилъ лучи солнца. Тогда я продолжалъ: „Уже самое солнце, копорое слышитъ меня и видитъ все, негодуешь и раздражается симъ недоспоемымъ зрѣлищемъ и опнимаешь у васъ свѣтъ свой. Еёіопы! подумайте о семъ; переспаньте приносить людей на жертву, уничтожьте святопапствственное сіе учрежденіе; иначе кровь сихъ жертвъ, смѣшанная съ моею, падетъ на вашу голову. Не дѣлайте себя участниками въ убійствѣ Иниціапа.“

Я не пропустилъ ни одного обстроительства: призвалъ къ себѣ молодаго Фессальца и сообщницу его въ несчастіи. Они спали подлѣ меня и представили протательнѣйшую карпину. Я самъ, стоя между ими съ лицомъ вдохновеннымъ, чувствовалъ въ себѣ всю силу и власть, какую только могъ принять. Я продолжалъ говорить, обращаясь къ несчастной чепъ, на челѣ копорой блисталъ лучъ надежды. „Не бойтесъ ничего; вы подѣ защитною Иниціапа. Какой непросвѣщенный, какой дерзкій святопапецъ опважится испортнуть васъ изъ моихъ объ-

яшій? Ваша смерть будетъ стоить поперѣцъ благо міра: я одинъ силенъ сохраню вашу жизнь. Человѣкъ, котораго боги посвятили въ свои таинства, дѣлается имъ подобнымъ. “

„Граждане Мероя! воины Еѳіопіи! боги удовольствованы: благодарность ваша сравнялась съ ихъ благодѣяніемъ. Спупайте въ свои жилища!“

Тогда народъ, оставя свое требованіе, мало по малу разошелся, не изъвая ни малѣйшаго ропота, и безъ сомнѣнія спудился своего поступка. Дворъ, не говоря ни слова, слѣдовалъ за народомъ. Наконецъ и войска двинулись; но каждый отрядъ наполнялъ воздухъ громомъ щитовъ, ударяемыхъ копьями, въ почтенное засвидѣтельствованіе благочестивыхъ чувствованій, мною въ нихъ возбужденныхъ. Въ одно мгновеніе окружили меня Гимнософисты, и повели какъ бы въ торжествѣ вмѣстѣ съ жертвами въ Меройской храмъ, посвященный, какъ въ Ливіи, Юпитеру Аммону. Тамъ находилось золотое святилище (1).

(1) Діодор. Сиц. Библ. III.

Пирогоръ у Гимнософистовъ Меройскихъ.

Когда мы всѣ въ продолженіе нѣсколькихъ дней успокоились отъ превози поль, великаго приключенія, я легко могъ выиграть довѣренность начальника Гимнософистовъ, и получилъ не шайну Еѳіопскихъ посвященій (въ Мероѣ таинства не торжествуются), но участіе въ двойкомъ ихъ ученіи; ибо сїи Жрецы Природы, какъ и всѣ мудрые друзья истины, обязаны сохранять для себя и для немногихъ изъ нихъ то, что могли открытъ послѣ многихъ изысканій. Ихъ не должно симъ попрекать: ни корыстолюбіе, ни тщеславіе, не служатъ поводомъ къ сему ограниченію, которое зависитъ только отъ обстоятельствъ.

Уединясь съ Сизиметріемъ, я говорилъ ему: будетъ ли душа швоя столько обнажена предо мною, какъ показываетъ данное тебѣ шипло, мудрый Князь Гимнософистовъ (1)?

(1) То есть, мудрецовъ, которые ходятъ нагіе. *Amict.*

Сизиметрій. Конечно будетъ, Пиеагоръ! ты узнаешь все, что мы знаемъ. Не спрашивай уже меня о томъ. Книга человеческихъ познаній есть такъ крапка, какъ мѣра бышя ихъ, и такъ легка, какъ наша одежда.

Сей почтенный спаредъ, ростомъ болѣе меня, опершись рукою на плечо мое, ввелъ меня въ самое уединеннѣйшее жилище Жрецовъ, куда не допускаюшъ никою, ниже самаго Монарха. Это былъ небольшой пригорокъ, котораго подошва освѣжается Ниломъ. Нышъ другаго мѣста на землѣ, гдѣ бы воздухъ былъ благо-распвореннѣе и прѣяшнѣе. Ученое сіе общество не терпиль здѣсь никакого зданія Архитектуры. Вязовая роща укрываетъ ихъ отъ дневного зноя; ночью мягкой и сухой мохъ служилъ имъ постелею, а самое небо покрываломъ. Одежда ихъ соотвѣтствуетъ сему. Она состояла въ кускѣ бѣлаго полотна, покрывающаго бедра и прикрѣпленнаго поясомъ той же матеріи. Они ходяшъ босые и не носяшъ даже сандалѣвъ, почитая весьма здоровымъ ступать по землѣ босыми ногами. Острие спали никогда не касался ихъ волосѣвъ и бороды; употребляютъ въ пищу то, что не требуетъ

приготовленія, и ѣдятъ только однажды въ день. Не будучи ни чьими слугами, не имѣюшъ никого для своихъ услугъ; сами очищаютъ Нильскую воду въ сосудахъ, засоренныхъ и наполненныхъ пескомъ. По сему говорится, что они поклоняются Нилу и богу Канопу. Пише ихъ составляетъ молоко, а чаще дождевая вода; ежедневную же пищу медъ, плоды и легкое пшено изъ крупичатой муки. Возрастъ ихъ, наступающій непосредственно послѣ времени супружества, освобождаетъ ихъ отъ трудовъ домашней экономіи семейства. Будучи отличны отъ Египетскихъ Жрецовъ, они не имѣюшъ при себѣ ни книгъ, ни бумаги, ни Астрономическихъ инструментовъ. Они учены безъ всѣхъ тѣхъ принадлежностей, какія соединены съ наукою многосложныхъ опытовъ; изучаютъ сводъ неба, произведенія земли и человеческую душу безъ всякаго другаго пособія, кромѣ своихъ глазъ, рукъ и понятія. Все, что они знаютъ, не принадлежитъ ни имъ, ни предшественникамъ ихъ; и они не знаютъ, съ котораго времени началось знаніе. Однакожъ они имѣюшъ нѣкоторыя священныя книги самыя древнѣйшія, которыхъ никогда не разкрываютъ.

Сословіе Меройское есть какъ-бы Ареопагъ Еѳіопійи и почти всѣхъ странъ Африки. Ежели преступникъ не удовлетворяется рѣшеніемъ суда своего народа и идетъ на апелляцію къ Гимнософистамъ; то исполненіе онаго приговора надлежитъ оспаривать. Виновный удаляется на ближнюю гору, пока сіи мудрецы, заключае въ священные свои лѣса, снова разсмотрятъ его поступки и намѣренія. Рѣдко челоуѣкоубійца получаетъ у нихъ прощеніе. Монархъ не имѣетъ права приказать исполнить смертный приговоръ, ежели они не подтвердили онаго.

Разсказываютъ о нихъ, что будиши они имѣютъ силу или искусство заспавлять говорить деревья (1). Сіе преданіе получило свое начало отъ ихъ обыкновенія давать иногда свои рѣшенія съ вершины дерева, когда чрезмѣрная свѣжесть земли заспавляла ихъ спать между вѣтвями вяза, сплешенными въ видѣ бесѣдки.

(1) Весьма естественно можно сіе приписать грезамъ Филострата, худо расположеннаго къ Гимнософистамъ, дабы на ихъ счетъ похвалить своего Героя. Кн. VI. *Vie d'Apollonius.*

Меройскіе Гимнософисты и Друиды въ нѣкопрыхъ пунктахъ согласны между собою, какъ вы послѣ увидите, любезные ученики мои!

Почтенный Сизиметрій, да въ мнѣ время обойти сіе пріятное убѣжище, говорилъ съ чувствительностію сіи слова:

„Хотя мы нѣсколько ближе къ свѣту, нежели Оивскіе Жрецы; однако не споль, можетъ быть, научены, какъ они, въ томъ, что называютъ высокими познаніями. Можеъ быть, мы превосходимъ ихъ въ такой часпи, которая безъ сомнѣнія въ великомъ пренебреженіи находится, то есть, въ практической мудрости. Намъ приписываютъ они честь напрасно, будиши мы научили Египтянъ искусству дѣлать снапуи; но о томъ ничего не говорятъ, что получили отъ насъ важнѣйшую науку быти челоуѣками. — Подлинная цѣль учрежденій нашихъ есть та, чтобы открыть и доказать въ лицѣ каждаго изъ насъ, сколь не многого пребудетъ для щастливой и доброй жизни. Главнѣйшее ученіе наше состоитъ въ томъ, чтобы нужды наши ограничить величайшею всевозможною простотою, сберечь время и не слишкомъ скоро употреблять средствъ нашего суще-

спованія. Мы ежедневно стараемся приближаться къ Намурѣ. — Таковая система поведенія, копорая не требуетъ великаго спеченія людей, не скоро привела насъ къ славѣ. Задолго прежде, нежели стали о насъ говорить, мы существовали, скитаясь въ опдаленности другъ отъ друга — и мы были спокойнѣе. Насъ едва могли примѣнить. Съ того времени, какъ мы склонились на неотступную прозбу народа, среди копорого жили прежде порознь, довѣренность его къ намъ умножилась; но за то потеряли глубокой покой, копорымъ прежде наслаждались. Можемъ быть, нѣкогда дорого заплатимъ и за сію преимущественную власть, копорую имѣемъ надъ всѣмъ народомъ. Короли, состоящіе какъ бы подъ опекою нашею (1), рано или поздно изобрѣшутъ способъ освободиться отъ оной, и попомъ мстятъ за долговременныя обиды (*), копорыя будто бы мы, по ихъ мнѣнію, дѣлали престолю, и сіе тѣмъ меньшаго будешь стоить имъ труда, что многіе шарлапаны скрываются подъ льняною

(1) Геліодоръ называетъ ихъ совѣтниками Короля въ важныхъ дѣлахъ.

(*) Что и случилось послѣ Пиеагора.

нашею одеждою. — Въ Оивахъ и въ другихъ мѣстахъ мудрецы помрачали насъ, блистая молніями и устрашая громами. Сколь бы ни великъ былъ сей шумъ, но всегда надлежитъ доходить до той почки, изъ копорой мы всѣ вышли. Чіпобъ бышь мудрымъ, нѣшь нужды ни въ таинствахъ, ни въ чудесахъ, ни въ гіероглифахъ; можно такимъ сдѣлаться, не ожидая многихъ вѣковъ.“

Пиеагоръ. Какъ! вы опречаешесь отъ шѣхъ пособій, копорыя поль важны въ глазахъ вашихъ сосѣдовъ, и копорыя Греки всячески стараются принять? Ужь ли вы такъ увѣрены въ силѣ вашихъ началъ, что представляете ихъ во всей наготѣ?

Гимнософистъ. Сіе для того, что мы не хотимъ заводить никакой секты. Народъ уподобляется Форшунѣ: онъ шѣсится около шѣхъ, кои къ нему нейдутъ, и убѣгаетъ отъ шѣхъ, копорые его ищутъ, прилагая старанія къ уловленію его.

Пиеагоръ. Какъ! вы не имѣете таинства?

Гимнософистъ. Мы не имѣемъ въ нихъ надобности.

Пифагоръ. Египетъ и Греція учредили посвященія въ шаинства для того, чѣмъ образовать и давать народамъ законодателей и Царей. Вы вмѣшиваеесь въ правленіе, и Полифика ваша не имѣетъ покрововъ, разпростершихъ между правящими и управляемыми.

Гимнософистъ. Для насъ довольно справедливости и швердости.

Пифагоръ. Но Религія, кажется, представляетъ полезную помощь.

Гимнософистъ. Мы не знаемъ, къ чему сію помощь употребить.

Пифагоръ. Но вы также имѣете священный языкъ. Народъ Египетскій приписываетъ себѣ начало іероглифовъ.

Гимнософистъ. Да позволился между нами, любезный мой Пифагоръ, посмѣяться надъ бѣднымъ родомъ человѣческимъ, или лучше, пожалѣемъ о немъ! Человѣкъ, рожденный съ побужденіемъ, удобнѣйшимъ къ усовершенствованію себя предъ прочими живошными посредствомъ числѣннаго просвѣщенія, гордится своими начертаніями, и въ надмѣннн своемъ мечтаетъ бытъ соперникомъ Природѣ по тому, что могъ подѣ фантасмическими

изображеніями начертать вещеспвенные предметы, поражающіе его чувства. Для облегченія своей памяти, онъ изобрѣлъ сіи грубыя фигуры, которыми Египетъ сполько тщеславился и которыя получилъ отъ насъ; ибо онъ едва ли имѣетъ четыре тысячи лѣтъ существованія своего, хотя и похваляется населеніемъ всего шара земнаго. Мы получили оныя отъ старшихъ нашихъ братьевъ Индіи, и всякой народъ, передавая изъ рукъ въ руки сіи грубыя начала, называетъ себя изобрѣшательемъ оныхъ, будучи шолько хищникомъ ихъ; ибо Египетъ разсудилъ прибавить общія литеры, которыя всѣми читаны бытъ могутъ, къ священнымъ буквамъ, которыя у насъ похищилъ, и коихъ подлиннаго смысла не имѣетъ. Для сего-то онъ провозглашаетъ себя мудрѣйшимъ между всѣми народами.

Пифагоръ. Начальникъ Гимнософистовъ! что долженъ я мыслишь въ послѣдней развязкѣ о сихъ священныхъ письменахъ, о коихъ споль много мнѣ говорено было?

Сизиметрій. Іероглифы наши суть то въ алфавитѣ, что мысль въ словахъ. У другихъ народовъ дѣши обучающія словамъ, а наши вещамъ.

Пифагоръ. Характеръ народа Египтскаго не удивляетъ уже меня.

Сизиметрій. Сіи подобія живописныхъ или часпи ихъ, сіи изображенія орудій, особенно употребляемыхъ ковачами, вымышлены для изъясненія того, чего нельзя выразить понами., и для представленія глазамъ неслагаемаго въ буквахъ и письменахъ алфавита. Нельзя дать понятія о испытуемыхъ чувствованіяхъ, не одѣвъ оныхъ шѣломъ, удобнымъ поражать зрѣніе, дабы сіе сообщало ихъ душѣ, копорая можетъ оныя разбирать и давать имъ подлинную цѣну. На примѣръ: мы изображаемъ *колгика* для означенія скорости; ибо сія пища летаетъ скорѣе всякой другой. Изображаемъ *крокодила* для означенія зла, пошому что сіе чудовищное земноводное живописное дѣйствительно причиняетъ многія опущенія. Египтяне, безъ сомнѣнія спрашась превеликихъ зубовъ, копорыми вооружена челюсть его, воздаютъ ему божескую честь (*).

(*) Странно, что столь злыя живописныя были предметомъ поклоненія у такого народа, копорой удостоивали посѣщенія Солоны и Пифагоры!

Въ Элефантинскомъ храмѣ мы изображаемъ фигуру челоѣка сидящаго, въ голубой одеждѣ, съ козьими на головѣ рогами, для означенія соединенія солнца съ луною въ созвѣздіи Овна. Голубой цвѣтъ показываетъ, что луна въ семъ знакѣ имѣетъ силу поднимать воды въ облака.

Око означаетъ хранишеля справедливости; ибо оно, находясь на головѣ, примѣчаетъ за всѣми движеніями челоѣка, и видитъ все, происходящее передъ нимъ.

Каждая часть нашего тѣла и Природы имѣетъ свойственное ей значеніе: правая рука съ разпростертыми перстами означаетъ щедрость, а лѣвая съ согнутыми бережливость и скупость. Указательный перстъ, согнутый кольцомъ, представляетъ образъ сѣщенія частей непреходящаго міра (1).

Всѣ народы имѣютъ свои героглифы. Они даже не могутъ долго говорить, не заимствуя фигуральнаго языка; письмена, общіе знаки, суть только сокращенія онаго. Шаспливы были бы люди, ежели бы умѣли сдѣ-

(1) Abulfarage, *Нис. Дун.*
Часть III.

лашь проспыми свои спрасти, нужды, законы и богослуженіе прежде своихъ нарѣчій и алфавитовъ!

Еѳіопской народъ, можетъ быть, одинъ изъ всѣхъ лучше владеетъ своимъ языкомъ; пошому что начала его предспавлены въ предметахъ, ударяющихъ въ чувства и напоминающихъ о механизмъ слова. На примѣръ: буква *Б*. изображается у насъ *бараномъ*, по сходству блеянія сего животнога съ пономъ сей липеры.

Сизиметрій, помолчавъ немного, продолжалъ: Не удивительно, что не отдають намъ справедливости. Какъ признашь Грекамъ, одареннымъ отъ Натуры прекрасною фигурою, и даже самымъ жишелямъ Египта, отъ солнца загорѣвшимъ, что они обязаны чѣмъ нибудь такимъ народамъ, которые по большой части имѣють волосы курчавые, кожу черную и губы толстыя? Сіи народныя предразсудки и мѣстныя предубѣжденія будутъ долго продолжаться. Люди, которые не придерживаются коры, когда хопятъ цѣнить расшительную силу, судяшь о себѣ по кожѣ, которая ихъ покрываетъ. Бѣлая думаетъ всегда имѣть преимущество передъ черною. Сіе разли-

чье цвѣтовъ, единственна разность между существами, совершенно равными и во всемъ прочемъ сходными, будетъ причиною ужаснѣйшихъ несправедливостей. Трудно соединялись народамъ различныхъ цвѣтовъ. Кровь съ обѣихъ сторонъ будетъ проливаться, и возрѣніе на первые попоки ея не будетъ въ состояніи погасить пламенника раздора, возженнаго брапскими руками. Рабство будетъ долго опятощаешь сію спрану, опаляемую солнцемъ, прежде нежели народы могутъ придти въ согласіе и взаимный миръ. Пивагоръ! предвижу многія бѣдспвія и не знаю никакого средспва къ предупрежденію оныхъ. О когдабы ты могъ быть въ помъ щаспливѣе меня!

Пивагоръ. А богослуженіе?

Сизиметрій. Даже въ самой толпѣ народа есть много такихъ, которые не имѣють никакого.

Мы съ народомъ поклоняемся только *свѣту дня*; а подъ симъ гѳероглифическимъ выраженіемъ разумѣемъ то, что народъ далекъ отъ разумѣнія истины. Не уподобляется ли она въ самомъ дѣлѣ блеску прекраснаго дня?

Во многихъ обласняхъ нашихъ мы сдѣлали проснымъ родословіе боговъ нашихъ. Народъ не признаетъ иныхъ божествъ, кромѣ награжденія и наказанія, или, ежели тебѣ угодно, кромѣ надежды и страха. Сіи двѣ побудительныя причины, будучи освящены богослуженіемъ, достапочны намъ для воздержанія или управленія народомъ.

Иногда подъ Еѳіопомъ разумѣли *теловѣка безбожнаго* (1); ибо въ одной изъ обласней нашихъ дѣйствительно воздають божескую честь только благотворителямъ народа. Часто также случается, что народъ ропщетъ на солнце, которое дѣйствительно поступаетъ съ нами нѣсколько строго. Мы предпочитаемъ ему свѣтильникъ луны, способнѣйшій для ученія. Ея крошечному сіянію мы уподобляемся, когда спокойно разсуждаемъ о способахъ благоденствія, къ какому отечеству наше удобно. Спаршій изъ насъ предсѣдательствуетъ въ политическихъ нашихъ совѣтияхъ, и о рѣшеніи оныхъ представляетъ Королю, коимъ обязанъ имѣть къ нему уваженіе.

(1) Страбон. — Геогр. XVII. Діодор. Сиц. Библ. III.

Пифагоръ. Жилище ваше посвящено въ храмъ богу Пану.

Сизиметрій. Мужественный Фивскій Инициатъ! ты знаешь, что сіе слово, выражающее универсальность существъ, есть также имя всеобщаго божества народовъ. Люди не размышляющіе различность богослуженій почитаютъ нелѣпою, хотя онѣ различествуютъ только въ формахъ. Основаніе одно. Отъ источниковъ Гангеса до успья Нильскаго всѣ народы согласились воздавать поклоненіе удивленія, которое весьма скоро превратилось въ суевѣрный фанатизмъ, сему великому и совершенному цѣлому, коего мы только несовершенныя части изображаемъ.

Пифагоръ. Сіе мнѣ уже сказывалъ Фивскій Герофантъ.

Сизиметрій. Ахъ! какъ ты могъ принять на себя трудъ идти къ Гимнософистамъ послѣ бесѣдованія съ Герофантомъ! Въ Мероѣ не щеславятся, какъ въ Фивахъ, научать путешественниковъ новымъ истинамъ. Мы здѣсь вѣримъ, что всѣ великія истины открыты; но не почитаемъ за нужное покрывать ихъ мракомъ и облакать шерніемъ для возбужденія къ изученію оныхъ.

Пифагоръ! удивляюсь твоему великодушію. Оно было тебѣ нужно для достиженія къ соспоянію Иниціапа и къ созерцанію яйца и двойнаго фалла. Сколько те теперь долженъ погаснуть первый твой энтузіасмъ? Что думаешь обо всемъ томъ, что заставили тебя терпѣть, и о полученной тобою за то наградѣ?

Пифагоръ. Я имѣлъ нужду въ семь урокъ. Надобно подойти близко къ предметамъ, чѣмъ ихъ хорошенько разсмотрѣть. Издали они представляющія со-всѣмъ иначе.

Сизиметрій. Мы не столь много дѣлаемъ шуму, но, можетъ быть, больше добраго.

Пифагоръ. Однакожь стараніемъ Ѳивскихъ Жрецовъ прекращено приношеніе людей на жерпву.

Гимнософистъ. Но чегожь это споминать? Въ Египтѣ людей уже не приносятъ въ жерпву; вѣрю, что это правда. Но тамъ жертвуютъ тѣмъ, чѣмъ дѣвица почитаетъ дороже собственнаго своего бытія. Въ Ѳивахъ, въ Мемфисѣ, Мендесѣ и другихъ многихъ городахъ уже не проливаютъ крови; но за то льются слезы невинности и не смягчаютъ души

похотливаго Жреца. Крайнее поруганіе добродѣтели женской не есть ли злодѣяніе, столь же великое, какъ и нанесенное жизни человѣка?

Пифагоръ. Ахъ, Сизиметрій! въ какомъ ужасномъ положеніи нахожу себя? Въ Египтѣ и Еѳіопіи оныявращительнѣйшіе безпорядки дѣлаются при глазахъ глубочайшей мудрости. Съ обѣихъ сторонъ вижу великое просвѣщеніе и ужасныя злодѣянія; или, говоря языкомъ моихъ Учителей, духъ зла безпрестанно противоборствуетъ духу добра. Ужь ли вездѣ, куда я ни пойду, ожидаютъ меня подобныя зрѣлища?

Сизиметрій. Я сего опасуюсь.

Пифагоръ. Не должно ли изъ того заключить, что люди не имѣютъ права быть спротими другъ противъ друга? Они всѣ равно достойны порицанія. . . .

Сизиметрій. Надобно жалѣть о нихъ.

Пифагоръ. Но скажи мнѣ, прежде нежели мы разспанемся: къ чему полезна мудрость?

Сизиметрій. Къ тому, чѣмъ не допускашь людей дѣлаться еще худшими, нежели каковы они суть.

VIII.

Толографія Еѳіопской земли.

Я изъявилъ желаніе обозрѣть внушренность сей страны, слѣдовать теченію ея рѣкъ и особливо дойти до источниковъ Нильскихъ. Почтенный спарець спарался удовольствованъ мое желаніе, представя мнѣ провожатымъ молодого исполненнаго ревности Еѳіопа, идолопоклонника своего отечества и Гимнософистовъ. Онъ былъ изъ малаго числа ихъ воспитанниковъ, опредѣленныхъ бытъ нѣкогда сообщниками ихъ. „Тимазіонъ!“ сказалъ ему Сизимепрій въ моемъ присутствіи: поручаю тебѣ священный залогъ; отдаю тебѣ свое храненіе особу Иниціапа; сопровождай его такъ вѣрно, какъ тѣнь, за нимъ слѣдующая. Слава твоего отечества ожидаетъ сужденія, какое Пифагоръ скажетъ о насъ, возвращаясь въ свою землю.“ — Юный Тимазіонъ поклонился съ почтеніемъ и поцѣловалъ конецъ моего пояса; попомъ пожавъ правую мою руку, сказалъ: „Князь Гимнософистовъ! примите отъ меня благодареніе. Буду достоинъ вашей довѣренности и его почтенія.“

Мы тотчасъ отправились въ путь, взявъ народный гѳероглифъ, которой

долженъ былъ опвратить предъ нами все препяшствія. Вожатый мой былъ молодой человекъ лѣтъ двадцати, весь почти нагой; кожа на немъ цвѣту эбеноваго; бѣлый поясъ обвивалъ чресла его, и былъ напередѣ спущенъ съ пріятностью и пропотою. На плеча брошена леопардова кожа. Части тѣла были сколько спройны, сколько черны лица выразительны и прекрасны. Глаза его казались двумя волканами, горящими на темной и еще дѣвственной землѣ; носъ не столь былъ плоскъ, какъ у соотечественниковъ его; въ рукѣ держалъ Нильскую стрелу, которой одинъ конецъ, воспрій какъ копье, былъ вооруженъ камнемъ. Въ другой рукѣ несъ пальмовый лукъ, длиною въ четыре локтя. Въ санкѣ его видна была благородная гордость, при всей искренности его возраста. Онъ шелъ твердымъ и ровнымъ шагомъ.

„Послѣ тѣхъ великихъ вещей, говорилъ онъ мнѣ, которыми ты узналъ чрезъ посвященіе въ таинства, оспается видѣть тебѣ любопытнаго только мое отечество. Оно есть страна свободныхъ человекъ, какъ означаетъ самое ея названіе. Предки наши были еще свободнѣе насъ въ то время, когда не имѣли другихъ домовъ,

Часть III.

К.

кромѣ своихъ повозокъ, и будучи путешественниками во всю жизнь свою, исполняли объѣздъ Природы, которая не сотворила человека спояшь на одной почкѣ земнаго шара по примѣру пальма. Мы истинныя чада Индіи и Халдеи.

Мы никогда не были подъ игомъ иностранныхъ. Семирамида намѣревалась подчинить насъ своему; но едва коснувшись земли Египетской, возвратилась назадъ. Прежде ея Геркулесъ приходилъ къ намъ только для принесенія дани почтенія нашимъ началамъ справедливости. Справедливость и единство были всегда нашими оплотами; а сіи оплоты непреодолимы.

Сводъ неба, поверхность и внутренность земли суть для насъ огненны. Пыль, на которой мы напечатлѣваемъ наши снопы, опалаетъ ногу позѣщающихъ насъ чужестранцевъ. Мы наслаждаемся благораспоряденнымъ воздухомъ только на вершинѣ горъ; ухо наше привыкло къ частымъ громовымъ ударамъ. Есть однакожь и у насъ, какъ въ Египтѣ, пространныя области, удаленныя отъ молчїи (*). Земля наша вообще не

(*) Древніе сдѣлали пословицу изъ сего наблюденія мѣстной Физики.

споль еще наполнена сѣрою, какъ сосѣдственная.

Зимы наши кратки (*), но ужасны; наши дожди — ливни, а рѣки — шкучія моря. Вода и огонь безпрестанно споряшь о власти надъ нашими странами, и мы весьма часто плашимъ убытки сраженія.

Когда сѣверной вѣтръ дуетъ въ Египтѣ, по съ такою жестокостію, что отрываетъ цѣлыя куски каменныхъ горъ и движетъ по пространству полей сіи тяжелыя массы шакъ, какъ Зефиръ древесный листъ (1). Дивное плодородіе земель нашихъ доспавляетъ намъ болѣе, нежели сколько нужды наши требуютъ. Мы кормимъ Египетъ. Египетской шминъ, смѣшенный съ медомъ, изцѣляетъ неизлечимыя болѣзни. Сіе расшѣнїе болѣе имѣетъ силы здѣсь, нежели на берегахъ Нильскихъ.

Кромѣ сей великой рѣки есть у насъ еще другія, которыхъ воды шакъ легки, что дерево не можетъ на нихъ плавать, и споль чисты, что шѣ изъ насъ,

(*) Продолжаются два или три мѣсяца, такъ какъ и дожди.

(1) Ludolf. Плин. Геродотъ.

которые обыкновенно ихъ пьютъ, живутъ долѣе вѣка.

Мы касаемся неба нашими горами. Гдѣ есть выше ихъ? Ни въ самой Лузишанѣ. Хотя и весьма упомишельно достигать вершины ихъ, но, взошедъ туда, собираемъ плоды. Тамъ царствуетъ весна, зеленые луга, свѣжая вода, озера и прѣпныя пѣни, дикіе кедры и полезнѣйшія деревья; отвѣрзшыя бездны, ожидающія виновнаго, преслѣдуемаго угрызѣніями совѣсти; неприступныя убожища, пригошвланныя друзьямъ независимости. Одинъ человекъ можетъ тамъ защитить себя отъ всей толпы народа. Ревнуя къ свободѣ, онъ спокойно спитъ въ жилищѣ своемъ, которое никогда не запирается, потому что не имѣетъ никакихъ воротъ (1).

У насъ есть серебро, золото, свинецъ, драгоценныя камни. Земля наша изобилуетъ драгоценнѣйшими вещами, нежели каковы суть богатѣйшіе мешаллы. Ее орошаютъ три большія рѣки: Аспрапъ, Аспаборъ и Ниль, которой увеличивается отъ ихъ убыли. Ниль есть изящ-

(1) Nicolaus de mor. gent.

нѣйшій даръ неба землѣ. Мы имъ гордимся: онъ есть божество сей страны. Всѣ испочники плащатъ ему дань, а онъ приноситъ свою польку великому морю. Имя сей великой рѣки возбуждаетъ любопытство народовъ. Всѣ желаютъ знать, откуда производятъ воды, благотворительныя поликимъ народамъ; ищутъ начала ихъ во глубинахъ горъ нашихъ, но на землѣ онаго не могутъ найти.

Смертные! возведите взоръ свой къ небу: тамъ произхожденіе Нила. Опецъ его есть самое солнце, которое, достигнувъ сѣверныхъ знаковъ Зодіака, означаетъ тамъ свой переходъ дождями, весьма обильными и доставочными къ произведенію рѣки и къ доставленію ей богатства водъ, неперпѣливо ожидаемаго верхнимъ и нижнимъ Египтомъ. Ниль сперва описываетъ пространный кругъ, какъ - бы для заключенія всѣхъ определенныхъ ему водъ въ одинъ каналъ. Египція получаетъ всю его добычу. Гордятся своимъ богатствомъ, онъ выходитъ изъ опечества нашего во всемъ торжествѣ, дабы отъ избытковъ нашихъ наводнить и Египетъ. Здѣсь онъ щастливѣе, нежели въ той низкой землѣ, которая послѣ

наводненія снѣдается прожорливыми живописными, грызущими корни расшѣннѣй (*).

Чего намъ по справедливости желать болѣе проекрапной жашвы въ одномъ году? Мы въ томъ же году сѣмъ еще на томъ самомъ полѣ, которое дало намъ уже двѣ жашвы. Всякой хлѣбъ рождается въ нашей Египтіи; вездѣ находяшся пучныя пажити. Человѣкъ и живописныя не сражающся шуть за пищу; для всѣхъ Природа равно роскошна. Каменистая почва, служащая основаніемъ распительной сущности, не опѣмлетъ у нее потребныхъ ей соковъ. Пчелы водятся лучше, нежели гдѣ нибудь. Гдѣ онѣ сыщутъ болѣе благовоннѣйшихъ цвѣтковь? Мы, будучи въ состояніи собирать плоды во всякое время года, не жертвуемъ насюющимъ будущему, не строимъ ни житницъ, ни магазиновъ; можемъ обойтись безъ предусмотрительности муравьевъ. Ежели змѣя, въ густой травѣ нашихъ долинъ скрывающаяся, жалитъ насъ приконечнымъ своимъ языкомъ, подѣ руками нашими растушъ травы,

(*) Это Египетскія крысы, о которыхъ говорятъ Эліонъ и другіе многіе.

удобныя оспановишь ядѣ сего пресмыкающагося.

Виноградники наши гнушся подѣ тяжеснѣю кистей; но мы опасаемся обрацашъ въ напитокъ сей пипапательный плодѣ. Индѣйскія смоквы предпочиашъ нашу землю своей природной; онѣ у насъ бывающъ благовоннѣе и вкуснѣе.

Сила травъ нашихъ удвоющъ роснѣ четвероногихъ живописныхъ. Большой скотъ нашъ превышаетъ Египетской; Египетскіе быки вдвое выше ихъ. Они какъ слоны въ сравненіи съ иностранными волами.

Лошади наши имѣющъ столько огня, что не могутъ прѣучены быти къ спокойнымъ работамъ. Мы берегаемъ ихъ для войны и для скорого бѣгу. Лошаки, швердымъ шагомъ идущіе, снимающъ на себя тягости наши и сносятъ шруды опдаленнѣйшихъ путешеспнѣй. Они служащъ намъ верховыми лошадьми для проѣзда опаснѣйшихъ мѣстъ среди пропастей и спремнинъ.

На ровныхъ мѣстахъ мы предпочитаемъ имъ шерпѣливаго верблюда, котораго не беспокоящъ горящіе пески наши и никогда не испрашающъ.

Дающія шерсть спада представляютъ такое явленіе, котораго ни въ какомъ другомъ мѣстѣ не видно. Овцы наши таскають за собою повозку для облегченія тяжести ихъ шерсти.

Эѳіопія есть колыбель перваго изъ четвероногихъ животноныхъ. Слонь, второе изъ животноныхъ по челоуѣкѣ, размножается между нами, и, кажется, различаетъ, что мѣсто мудрейшаго изъ четвероногихъ должно находится между самыми справедливейшими народами.

Левъ и шигръ, рысь и леопардъ, гиена и волкъ, живутъ въ большихъ нашихъ лѣсахъ, но не выходятъ изъ оныхъ для нападенія на миролюбиваго челоуѣка, которой не воображаетъ себя, будто онъ одинъ имѣетъ право существовать.

Злобная обезьяна водится подлѣ насъ для наученія отца семейства бдѣть надъ своимъ домомъ, а дѣшей его не полагаются на шунядцевъ.

Морская лошадь и крокодилъ дѣлають опасными берега рѣкъ нашихъ безъ сомнѣнія для того, чтобы людей возбудить къ рачительности и осторожности въ разсужденіи драгоценнейшихъ ихъ выгодъ. Роды рыбъ усупають въ количе-

ствѣ и пользѣ только птицамъ, изъ которыхъ многія, по признашельности за соучастіе съ нами въ пладахъ, прогоняють нашихъ непріятелей. Ибисъ избавляетъ насъ отъ змѣевъ.

Таковыя отличныя къ намъ благодѣянія Природы иребують отъ насъ и добродѣтелей отличнейшихъ, нежели отъ всякаго другаго народа. Мы не имѣемъ прудности всегда болѣе оказывать оныя. Родимся всѣ со склонностію къ добру: одинъ взоръ на кровь есть уже наказаніемъ для насъ, и мы не любимъ проливать ее.“

Пивагоръ. Хорошо, молодой челоуѣкѣ! прервалъ я рѣчь его: по этому ты не былъ при торжественномъ и благочестивомъ праздникѣ, которой недавно праздновался въ Метроѣ? Чистейшая кровь челоуѣческая.

Тимазіонъ. Я знаю, мудрый Инициатъ, что безъ тебя было бы сдѣлано два челоуѣкоубійства, и орудіемъ къ тому былъ бы священный мечъ Религіи. . . Я не говорю тебѣ о городскихъ жителяхъ: они вездѣ одинаковы. Я описываю тебѣ только нравы добрыхъ нашихъ Эѳіоповъ, живущихъ на высокихъ горахъ и въ

долинахъ, удаленныхъ отъ главнаго города. Тебѣ бы полюбилсь съ ними жить. Характеръ ихъ совершенно сходенъ со всѣми окружающими ихъ предметами. Хотя они вспыльчивы и ревнивы къ правамъ своимъ, однако не ссорливы и не мстительны. Первыя ихъ движенія ужасны. Иногда рука ихъ столь же скоро, какъ и мысль; но гнѣвъ ихъ изчезаетъ какъ молнія, и не оставляетъ никакого слѣда. Мы сдѣлали мало новыхъ открытій и ничего почти не прибавили къ познаніямъ и изобрѣшеніямъ первыхъ нашихъ опцевъ Индіи и Халдеи. Можешь быть, даже допустили бы мы прервать въ рукахъ нашихъ драгоценную нить гіероглифическихъ преданій, ежели бы Меройскіе наши Гимнософисты не приняли на себя труда сохранить оныя. Довольствуясь тѣмъ, что обладаемъ безъ усилій, мы не напрягаемся пріобрѣтать болѣе, и столько счастливы въ опечесствѣ своемъ, что не думаемъ выходить изъ онаго и быть въ другомъ мѣстѣ счастливѣе. Мы никогда почти не путешествуемъ, и еще менѣе, нежели молодые братья наши Египтяне.

Крѣпкое сложеніе доставляетъ намъ долгую жизнь, а умѣреніе желаній на-

шихъ служить сохраненіемъ здоровья. Есть цѣлая область, въ которой жили бы совсѣмъ бы не умирали, ежели бы могли предохранить себя отъ ежедневныхъ приключеній, угрожающихъ жизни ихъ. Каравканье по скаламъ и переходеніе чрезъ быстрыя рѣки и крутизны, служатъ наилучшимъ предохранительнымъ средствомъ противъ болѣзней: имъ подвергаются только слабые или лѣнивые. Эфиопянки наши крѣпки, какъ мужья ихъ. Роды не спюютъ имъ ни крику, ни слезъ, ни скорби: онѣ разрѣшаются отъ плода чрева ихъ безъ всякаго пособія руки посторонней; на минушу становятся на колѣни, ложатся на спину; младенецъ выходитъ на свѣтъ и тотчасъ уже ползаетъ по матерней груди. Не трудно заключить изъ сего о многолюдствѣ городовъ. Но какое число можно назначить жителей гористой страны, гдѣ люди разсѣяны, какъ птицы въ просторномъ лѣсу?

Я описалъ тебѣ настоящее и общее состояніе нашего народа, но не могу изчислить частныхъ нашихъ обычаевъ. Каждый изъ народовъ, составляющихъ любезное опечество наше, имѣетъ свои законы и своихъ боговъ. Есть и такіе, которые ихъ не имѣетъ.

Пифагоръ. Чѣмъ же замѣняютъ они сіе?

Тимазіонъ. Природнымъ инстинктомъ, безъ сомнѣнія нѣсколько грубымъ, но прямымъ и свободнымъ. Ежели открываея родникъ среди пламенѣющихъ ихъ песковъ, то они, спавъ вокругъ его на колѣни, прикасаются къ нему изсохшими своими губами. Путешественникъ, не посвященный въ первыя таинства разума, почиаетъ сіе дѣйствіемъ суевѣрія, и рассказываетъ въ своей землѣ, что Эѳіопія избрала воду вмѣсто своего божества. По сему долго вѣрили и, можетъ быть, еще нынѣ вѣрятъ, что Троглодиты питаются змѣемъ, а Сфиллы пьютъ безъ вреда змѣиный ядъ. Все сіе чудо состоитъ въ нѣкоторомъ врачебномъ открытіи нашихъ соотечественниковъ, обязанныхъ защищать бытіе свое отъ пресмыкающихся гадинъ, которыми изобилуетъ земля ихъ.

Гараманты наиболѣе отличаются между всѣми Еѳіопами. Но я всегда выключаю изъ сего здоровую часть жителей Мероя и Гимнософистовъ, служащихъ имъ свѣтильникомъ въ ночи и солнцемъ во дни. Ежели ихъ спрашиваютъ: „какой вы сдѣлали выборъ между богами и чужестранными?“ они ничего не отвѣчаютъ,

а указываютъ на сводъ неба, котораго пространство заключаетъ все: землю и луну, солнце и всѣ звѣзды, означая чрезъ то, что они воздаютъ честь токмо согласной универсальности вещей. Смертный, не посвященный въ таинства и не воспитанный Гимнософистами, съ трудомъ повѣрить можетъ, что Гараманты, которые столь малое имѣютъ богослуженіе, суть особенно и отлично сопрадапельны въ нещасіи другихъ. . . . (*) Тимазіонъ, по нѣкоторомъ молчаніи обнявъ меня, говорилъ пономъ души, пришедшей въ сильное движеніе: „Мудрый Инициатъ! будь съ нами! Гдѣ можетъ быть лучше для тебя? Я буду вѣрнымъ тебѣ соповарищемъ, буду направлять стопы твои, а ты руководствуй душою мою. Оставайся здѣсь. Мы достойны тебя, и ты никогда не будешь жаловаться на насъ.“

Пифагоръ. Хорошо, молодой человекъ! Я бы оспался, но здѣсь еще не конецъ печенія, который я себѣ предположилъ. Куда я ни пойду, вездѣ ия твое будешь присутствовать въ моей

(*) Сіе повѣствованіе взято изъ Еѳіопской исторіи Ладольфа, которую безъ сомнѣнія читалъ Авторъ Персидскихъ Писемъ, Монтескье, прежде описанія Троглодитовъ.

памяти, и воспоминаніе о тебѣ любезно моему сердцу.

Описанные теперь тобою добрые нравы суть для меня чудомъ, несравненно превосходящимъ тѣ, о которыхъ ты мнѣ не говорилъ. Мнѣ сказывали, что въ Египтіи я найду такой источникъ воды, которой поражаетъ буйствомъ мозгъ пьющихъ изъ онаго. Вода его, цвѣтомъ какъ киноваръ (1), производитъ то, что употребляющіе ее уже не имѣютъ шайнѣ.

Гдѣ еще находится другой родникъ, котораго вода можетъ замѣнять масло?

Тилазіонъ. Я не говорилъ тебѣ о семъ, въ чаяніи, что ты красоты Природы предпочитаешь ея уклоненіямъ отъ порядка. О нашей землѣ рассказываютъ много чудовищнаго.

Безъ опасенія и съ дерзостію упрекаютъ насъ чернымъ эбеновымъ цвѣтомъ, не думая о томъ, что чрезъ сіе дѣлаютъ намъ похвалу. Изъ всѣхъ народовъ мы къ солнцу болѣе приближены.

(1) Плиній называетъ его *краснымъ* родникомъ. *Ист. Нат.*

Эѳіопъ, говорятъ другіе завидливые народы, имѣетъ ноги худыя и сухія; но тяжелы ли онѣ, когда надобно избѣгать рабства или преслѣдовать деспотизмъ? Есть итакіе Эѳіопы, говорятъ они еще, у которыхъ нѣтъ ни риза, ни языка.

Надобно легковѣрныхъ научить, что нѣмые Эѳіопы суть, можетъ быть, самые краснорѣчивѣйшіе люди. Гіероглифы наши, высокіе подлинники, съ которыхъ столько много надѣлано списковъ, соспавляютъ языкъ молчанія, гораздо выразительнѣйшій всѣхъ словъ.

Другіе повпоряютъ по извѣстіямъ крашко-зрящихъ или злонамѣренныхъ путешественниковъ, что будто въ Эѳіопіи есть цѣлые народы столько дикіе, что никогда не видывали пламени и не умѣютъ достать себѣ огня.

Ахъ! не имѣемъ ли мы солнца? Какое пламя можетъ сравниться съ его лучами?

Малосмыслящіе Топографы обнародовали, что будто они видѣли Египтовъ, иныхъ вышиною съ локоть, а другихъ на восемь локтей. Вы, которые все увеличиваете! для чего вы не нѣмы? Мы бы освобождены были отъ ложныхъ предубѣ-

жденій, которыя вы на нашъ счетъ разглашаете.

Другіе, споль же много знающіе или споль же легковѣрные, чужеспранцы говорятъ, что въ одной изъ нашихъ областей, а именно въ Самбріенской, всѣ четвероногія животноя родятся безъ ушей.

Они споятъ того, чтобъ у нихъ были такіе слушатели. Но мы гордимся, когда люди, добрые примѣчатели, приходятъ въ нашу землю и обращающъ взоръ на наши нравы. Намъ не омпъ чего красивѣе въ присутствіи мудраго путешественника.

Пиѳагоръ. Любезный мой Тимазіонъ! внеси меня въ число такихъ чужеспранцевъ, которые охотно отдающъ справедливоспъ Эѳіопіи, мапери многихъ народовъ, которые никогда не превзойдутъ ее въ добродѣтели.

Тимазіонъ провелъ меня чрезъ великое пространство земли, и путь сей не слишкомъ мнѣ длиннымъ показался. Веселое обхождение восхищаетъ и подкрѣпляетъ путешественника.

Путешествіе къ произхожденію рѣки Нила.

Уже нѣсколько дней мы имѣли въ сосѣдствѣ большую рѣку, которая послѣ Нила считается знаменѣйшею. Она одна во внутренней Африкѣ находится, сказалъ мнѣ молодой мой вожакий: она ипечетъ съ востока на западъ и простирается до самаго Атлантическаго Океана. Ее называютъ *Нигиромъ* и почитаютъ истокомъ Нила. Она разливается такъ же правильно и въ одно время.

Пиѳагоръ. Сіе сходство не доспапочно къ доказанію произхожденія ея изъ Нила. Когда солнце переходитъ чрезъ Экваторъ къ пропиду Рака, тогда оно спойтъ вертикально въ здѣшнемъ климатѣ; по сему время дождей представляетъ общую причину произхожденія рѣкъ, текущихъ по пространству сего климата.

Послѣ трудныхъ и бесполезныхъ изысканій, мы наконецъ признали три рѣки за одну. Первая, которую жители называютъ *Гиромъ* и почитаютъ вышедшею изъ Нила, потому что подлѣ его выпекаетъ, ведетъ свои воды съ востока

на западъ далѣ Нигира. Обѣ сѣи рѣки начинающіяся и оканчивающіяся въ одной землѣ.

Гирѣ проспираетъ свое теченіе отъ горы, составляющей Гараманнскую границу, до другаго возвышенія, извѣстнаго шамѣ подѣ именемъ *Узаргала*. Она не идетъ далѣ столицы сей страны, называющейся ея именемъ *Гира*. Мы не можемъ точно опредѣлить, гдѣ она перестаетъ быть великою рѣкою. Жители внутренней Африки почти на каждомъ шагу проводятъ изъ нее ручьи въ свои земли, которыя не имѣютъ другаго средства къ орошенію своему. По сему рѣки не только не увеличиваютъ своего тока по мѣрѣ продолженія, но не проливъ получаютъ убыль, нечувствительно уменьшаются, и наконецъ совсемъ исчезаютъ предъ очами путешественника.

Гирѣ влечетъ свое начало изъ многихъ источниковъ. Мы знаемъ два главные на восточной сторонѣ: одинъ обращенъ къ болотамъ Хелонидскимъ, гдѣ стоитъ городъ Линксама; а другой, скрываясь подѣ землю, выходитъ на востокѣ озеромъ, второе Африканцы называютъ Нубійскимъ болотомъ, родомъ канала, впадающаго въ Нилъ во время разлитія.

Вторая рѣка, которую мы измѣрили, сколько могли, течетъ между двумя горами, называемыми *Мандронъ* и *Таала*, отъ востока на западъ, и впадаетъ въ Атлантическія воды, которыя называютъ тамошніе уроженцы *Темнымъ моремъ*, и не безъ причины.

Нѣтъ ничего темнѣе по своей древности, какъ испорія оспровипянъ, давшихъ сему Океану, или занявшихъ у него свое имя (1).

На берегу сей рѣки и среди песчаныхъ степей мы нечаянно встрѣтили пятерыхъ молодыхъ людей, везшихъ съ собою множество дорожнаго запаса. Начальникъ сей небольшой артели, принудивъ насъ раздѣлить съ ними ихъ запасъ, потому что нашъ былъ уже очень скаръ, говорилъ намъ слѣдующее:

„Мы принадлежимъ къ народу Либійскихъ Назамоновъ (2), поселившемуся на берегу большого Сирта. Будучи рождены въ изобиліи и живучи въ праздности, начали наконецъ скучать такимъ существованіемъ. Я открылъ намѣреніе мо-

(1) Delile de Sales.

(2) Delile de Sales. Геродотъ. II.

имъ поварищамъ посѣпипъ пустыни Африки, и по крайней мѣрѣ пріобрѣсти славу, проникнувъ въ оную далѣе, нежели сколько могли всѣ прежніе путешественники. Мы проѣхали всю сѣверную страну Либіи, начиная отъ Египта до Мыса Силоа, натуральной границы нашего опещива. Вся сія страна населена различными народами одной съ нами крови, выключая Финикіанъ и Грековъ, коимъ тамъ поселиться дозволено. Выше сей приморской стороны вся земля дика, пуста, наполнена безплодными песками и люпыми звѣрями.“

Пивагоръ. Это показываетъ, что Натура обильна въ средствахъ и способахъ. Хотя земля совсѣмъ не обработана, однакожь для сего не лишена живущихъ шварей. Она заставляеть ихъ жить другъ отъ друга. Плошодные звѣри, обитающіе въ сихъ великихъ песчаныхъ степяхъ, существующъ также на счетъ собсшвеннаго ихъ рода. Въ семъ подражаютъ они людямъ; только сіи не всегда побуждаются къ тому необходимостию.

Натальникъ Назамоновъ. Послѣ многихъ дней шруднаго нашего путешествія мы увидѣли наконецъ великія равнины, усаженныя деревьями, съ копорыхъ собрали мы плоды. Тамъ мы опять начали видѣть людей, но

гораздо менѣ насъ и различешвующихъ языкомъ и цвѣпомъ. Они приняли насъ и провели побольшимъ болопамъ къ главному ихъ городу. Черезъ него протекаетъ сія великая рѣка. Пробывъ тамъ нѣсколько дней, мы продолжали свои изысканія, и надѣмся проникнувъ къ подлинному началу Нила, коего крокодилы, кажется, показываютъ намъ путь. Сказываютъ, что оно сокрыто въ Библіенскихъ горахъ, или еще Лунныхъ.

Я вывелъ ихъ изъ заблужденія, доказавъ имъ, что направленіе сей рѣки показываетъ совсѣмъ другую, а не Ниль. Это Нигиръ, сказалъ я имъ. Главной городъ, которой вы теперь видѣли на сѣверномъ берегу сей рѣки, долженъ быть *Нигира*.

Кромѣ рѣки Нигира мы открыли другую, которую жители называютъ *Дурадусъ* или *Доратисъ*. Два мыса означаютъ сію страну. Сія третья рѣка влечетъ свое начало изъ горы Кафусъ.

Мы всѣ возвратились къ западному краю Африки, куда привело насъ шеченіе сихъ шрехъ узанныхъ нами рѣкъ. Къ востоку мы узнали еще другую, вытекающую изъ середины области, шполь

же отдаленной, какъ Гарамантъ. Ее называютъ *Баградасъ*. Устье сего большаго ручья находится въ морѣ подлѣ Карзагенъ, а начало при подошвѣ горы Дузаргала. Въ разстояніи на нѣсколько дней находится Табадисъ, а на востокѣ сего города Гарамы, главное мѣсто народа сего имени; шамъ же и *Сабай*. На западной части Гарамы лежитъ *Бедиръ* близъ рѣки Синифа, производящей изъ озера. Она увеличивается отъ другой небольшой рѣки, текущей весьма быстро изъ горы Гиргириса, изобилующей, какъ увѣряли насъ, драгоценными, полупрозрачными, млечнаго цвѣта камнями (*Хальцедонскій агатъ*).

Ручей, которой слыветъ изъ истокомъ Синифа, впадаетъ въ море на востокѣ большаго Лептиса. Но ему приписываютъ особое происхожденіе изъ одного прекраснаго холма. Вся страна, орошаемая симъ потокомъ, отлично пріятна. Не далеко отсюда находится городъ *Гериза*, лежащій къ западу большаго Сирта за горами. По увѣдомленію многихъ пастуховъ сей городъ украшенъ удивительною рѣзью на камнѣ.

Происхожденіе Нила было главнымъ предметомъ нашего путешествія. Мы всѣхъ

разспрашивали и желали утвердить наше мнѣніе, выслушавъ и осмошрѣвъ все, что только было можно.

Происхожденіе Нила относятъ къ части Африки, самой отдаленнѣйшей къ западу. Сія рѣка выходитъ изъ горы, не далеко отстоящей отъ Океана, и сперва составляетъ озеро, потомъ скрывается въ пескахъ и опять выходитъ на предѣлахъ Мавританіи, составляя другое пространнѣйшее противъ перваго озеро. Она опять исчезаетъ и послѣ показывается подъ именемъ Нигира, а потомъ Аспапа, протекая чрезъ верхнюю Египцію. Слѣдовательно западные Африканцы имѣютъ ея начало, и даютъ ей имя къ востоку. Къ сему прибавляютъ, что гора, мать Нила, принадлежитъ къ горѣ Апласу, чрезвычайно высока и называется Масенипидою. Но многіе ручьи вдругъ вытекаютъ изъ сей возвышенности земной; къ которому же отнести сію большую рѣку?

Сіе только извѣстно, что, идучи Ниломъ между сѣверомъ и полуднемъ, путешественники встрѣчаютъ двѣ большія рѣки на лѣвой сторонѣ, или въ лежащей къ востоку части. Извѣстно еще и то, что Ниль, простираясь къ Сиенскому водо-

паду, направляешь свое теченіе между сѣверомъ и востокомъ, текши на югъ, прежде еще поворота къ сѣверу, дабы достигнуть предѣловъ Египта.

Нилъ, протекши чрезъ великое разстояніе къ сѣверу отъ Мероя, обращается къ югу на зимній западъ и доходитъ почти до такой же высоты, въ какой оставилъ Египетскую столицу. Отсюда опять течетъ къ сѣверу, наклоняясь къ востоку, пока пройдетъ черезъ большой и малой водопадъ.

Верхъ Нила, шириною на одинъ локоть, гдѣ онъ перемѣняетъ первое свое направленіе, есть мѣсто города *Налата*, отстоящаго отъ Арабскаго залива на три дня пути.

Астрономическое положеніе Мероя извѣстно по тому, что тѣнь солнца въ колодцахъ сего города совсѣмъ пропадаетъ. Сіе показываетъ, что то мѣсто лежитъ подъ переходомъ солнца въ знаки Вола и Льва. Оскудѣніе тѣни въ лѣтнее долгоденствіе въ колодцахъ городскихъ необходимо показываетъ сей городъ подъ Тропикомъ, и даетъ самому должайшему дню его только шнадцать часовъ.

Разстояніе мѣста, при переходѣ отъ предѣловъ Египта къ Египти, также еще подтверждаетъ Астрономическое опредѣленіе. Тѣ же наблюденія должно обращать и на царственный городъ *Авксумъ*.

Астапъ, впадающій въ Нилъ съ одной стороны съ Астаборомъ, можетъ сравняться съ нимъ величиною своею; онъ также выходитъ изъ озера.

Что касается до самаго Нила, то изыскатели по многимъ правдоподобнымъ догадкамъ (*) произхожденіе его влекутъ изъ многихъ родниковъ при подошвѣ Лунныхъ горъ. Изподъ сихъ ключей соспавляетъ два смежныя озера. Изъ каждаго выпекаетъ ручей, которые, по совершеніи порознь весьма длиннаго пути, соединяются другъ съ другомъ; соединеніе сихъ двухъ потоковъ водъ образуетъ наконецъ Нилъ, составленный изъ Астапа и Астабора. Не должно предполагать, чтобъ Нилъ протекалъ чрезъ все по раз-

(*) Есть древняя статуя, представляющая Нилъ въ образѣ человѣческомъ. Голова сей аллегорической фигуры скрыта въ облакахъ, для остроумнаго означенія неизвѣстности начала сей великой рѣки.

стоянїе въ пространныхъ поляхъ внутренней Африки, какое ему приписываютъ, ни также слишкомъ разширяеть ходъ его въ южномъ жаркомъ поясѣ; ибо дождливое время, слѣдующее за солнцемъ въ семъ поясѣ и наступающее въ южной части послѣ такогѣжь времени въ сѣверной, можетъ поддерживать разлитїе рѣки, коего сїя эпоха есть единственная и истинная причина въ собственное свое время. Однакожь иные полагаютъ происхожденїе сей рѣки въ Азїи.

По симъ догадкамъ, которыя однако не всѣ подтверждены были, мы исправили собственные свои ошибки въ изысканїяхъ нашихъ.

Мы употребили цѣлые десять дней для перехода распоянїя отъ Лунныхъ горъ до озера, принимающаго двѣ первыя вѣтви Нила.

Видя новыхъ нашихъ пятерыхъ товарищей въ пуши, не споль привыкшихъ къ трудамъ длиннаго путешествїя, какъ Тимазїонъ и я, и погруженныхъ въ глубокой сонъ при подошвѣ одной изъ сихъ Лунныхъ горъ, которыя почитаются колыбелью Нила, мы оставили ихъ и пошла осмотрѣть окрестныя мѣста,

предваря ихъ о томъ многими общими знаками, изображенными передъ ними на пескѣ. Они, проснувшись, могли шутъ прочитатъ, что ежели мы не можемъ скоро возвратиться къ нимъ, то не дожидались бы насъ; что они и сдѣлали.

Мы шли на верхъ горы претъ супокъ, не зная, куда вела насъ проинка. Рышвина, по копорой мы шли, окончилась поясомъ превысокихъ скалъ, плотно между собою споящихся. Долго мы шутъ искали выхода, наконецъ отважились прополоспъ сквозь разсѣлину, копорая въ дождливое время должна служить спокѣмъ для воды. Пролѣзши благополучно сквозь сїю узкую щель, мы нашли почти круглое поле, имѣющее въ окружности своей отъ двухъ до трехъ тысячъ шаговъ.

Пришедъ на средину онаго, мы увидѣли себя какъ бы заключенными въ пространную башню, построенную изъ квадратныхъ преогромныхъ кремней, положенныхъ одинъ на другой и прикнутыхъ одинъ къ одному. Осматривая сѣ мѣсто, мы увидѣли въ споронѣ колодезь круглой же формы, и по видимому пяти пядей въ поперечникѣ; прохладили изсохшїя уста свои въ водѣ его, копорая

казалась намъ весьма пріятною и легкою ; искали ему выхода изъ сего мѣста, но не находили онаго. Тщешно хотѣлъ я испытать глубину его своею просьбою. Тимазіонъ не лучшей имѣлъ успѣхъ, сдѣлавъ одну мѣру изъ двухъ нашихъ просьбей, вмѣстѣ связанныхъ концами.

На три верженія камня отъ того мѣста, гдѣ мы были, спсѣяла небольшая роща ; мы тотчасъ пошли туда. Чпобъ войши въ нее, надобно было переломать много вѣтвей. Шумъ, какой мы дѣлали, не разбудилъ человѣка, увидѣннаго нами проспертымъ на краю другаго колодца, столько похожаго на шопъ, копорой мы оставили, что они казались намъ близнецами. Мы имѣли много времени осмотрѣнь сѣ мѣсто и обитавшаго въ немъ. Онъ легко былъ одѣтъ. Послѣ продолжительнаго сна, не глубокаго, но шихаго, раскрылъ онъ наконецъ глаза и всталъ. Мы ожидали, что онъ весьма удивится при первомъ взорѣ на насъ ; однако не далъ никакого знака удивленія и шелъ къ намъ ни шихо, ни скоро. Первыя слова его на простонародномъ Египетскомъ языкѣ были сїи : „изберише или воду изъ сего испочника, или молоко отъ сей коровы,“ указывая намъ на зеленую кро-

влю, подъ копорой жевало четвероногое животное, символъ богини Изиды. Превосходная смоковница, обремененная плодами, осѣняла входъ туда. „Благодѣтельный человѣкъ ! сказалъ я ему : кто сослалъ тебя въ сїю пустыню ?“

Пустынникъ. Никто.

Пиеагоръ. Ужь ли ты родился на плоскости сей горы ?

Пустынникъ. Нѣтъ.

Пиеагоръ. Откудажь ты ?

Пустынникъ. Изъ Египта.

Пиеагоръ. Что ты тамъ дѣлалъ ?

Пустынникъ. Добро.

Пиеагоръ. Кпожь тебя изгналъ изъ отечества ?

Пустынникъ. Зло.

Пиеагоръ. Давно ли ты здѣсь ?

Пустынникъ. Четыре года.

Пиеагоръ. Кпо заставилъ тебя избрать сѣ уединенное мѣсто ?

Пустынникъ. Случай.

Пиеагоръ. Что тебя удерживаетъ тутъ ?

Пустынникъ. Миръ.

Тимазіонъ спросилъ у него: „Сѣи два колодца не суть ли испочники Нила, которыхъ столь много и щещно ищутъ?“

Пустынникъ. Я про то ничего не знаю.

Тимазіонъ. Расскажи намъ свои несчастія.

Пустынникъ. Я ихъ не помню.

Тимазіонъ. Какъ тебя зовутъ?

Пустынникъ. Я забылъ свое имя.

Пойдемъ съ нами въ Мерой, продолжалъ Тимазіонъ: можешь быть, мудрые Гимнософисты будутъ въ соспоянїи возвратишь тебѣ часть поперяннаго тобою сокровища.

Пустынникъ. Я и безъ того живу хорошо.

Тимазіонъ. Чпо пользы въ опдѣленномъ отъ всѣхъ бытїи? какъ можешь тебѣ нравиться такое уединенїе и удаленїе отъ подобныхъ себѣ?

Пустынникъ. Мїръ существуетъ безъ товарища.

Какъ! ты не можешь ничего намъ сказать о истинномъ произхожденїи Нила,

прервалъ Тимазіонъ: намъ, нарочно для сего пришедшимъ изъ столь опдаленной земли?

Пустынникъ. Развѣ я здѣсь поселился для питанїя лкбопышства праздныхъ людей?

Тимазіонъ. Обойдись получше съ Иницїапомъ Фивскимъ.

Пустынникъ. Хотябѣ онъ былъ Гіерофантъ; но я не иначе принимаю тѣхъ, которые такъ худо употребляютъ время крапкой своей жизни.

Тимазіонъ. Въ чемъ же ты проводишь время, когда ты столь нечувствителенъ къ явленїямъ Природы?

Пустынникъ. Мнѣ не много ихъ надобно къ наслажденїю ея благодѣянїями.

Тимазіонъ. Есть ли мѣсто удобнѣе сего къ высокому изученїю чудесъ неба и земли? Какъ оставался въ бездѣйствїи среди наилучшей работной храмины познанїй?

Пустынникъ. Молодой человекъ! есть одна наука, которой надлежало бы тебѣ прежде всѣхъ другихъ обучиться.

Тимазіонъ. Какая? пожалуй скажи; изъясни, что долженъ я знать прежде всего.

Пустынникъ. Знаешь себя и тѣхъ, съ кѣмъ говоришь. Сей совѣтъ спонръ открытія произхожденія Нила. Идите съ миромъ.

Мы пошли назадъ въ глубочайшемъ молчаніи. Тимазіонъ не смѣлъ уже рѣшительно раскрыть. На минуточку были мы развлечены стадомъ журавлей, спустившихся на гору, копорую мы только оставили. Они прилетѣли изъ Эракіи или Скиесской земли.

Товарищи наши отправились въ путь безъ насъ; но спустя нѣсколько часовъ мы съ ними опять повспрѣчались. Странная страна составляетъ нѣкоторой лабиринтъ, гдѣ нѣсколько разъ надобно возвращаться назадъ непримѣтнымъ образомъ. Мы согласились всѣ вмѣстѣ исполнить сіе предпріятіе, самое труднѣйшее для простыхъ людей. Но надобно имѣть орлиныя крылья, дабы носиться надъ всѣми сими возвышеніями и однимъ взоромъ обнять сіе великое цѣлое Натуры; а безъ того человекъ навсегда остается чуждымъ для тайнъ ея.

Любезные ученики мои! вопль все, что мы могли узнать въ теченіе ста пятидесяти дней: великій Сезосприсъ со всѣми своими способами и средствами зналъ о семъ предметѣ еще менѣе нашего. Гораздо легче дѣлать завоеванія, нежели открытія. Мы узнали только, что Нилъ въ землѣ своего произхожденія называется *Абануви*, и что между двумя его источниками жили сосѣдственныхъ жилищъ ежегодно собирающихся на совѣтъ обообщихъ выгодахъ своихъ. На семъ-то совѣтѣ всѣ сіи малые народы утверждаютъ мирныя свои связи. Ежегодно въ то же время совершаютъ нѣкоторой благочестивой обрядъ (1). Двое спаршіе между ими бросаютъ въ оба источника, именемъ всѣхъ, известное количество ладана и вѣнецъ; потомъ, наливъ большую чашу рѣчною водою, подносятъ ее главнымъ изъ присутствующихъ.

Тимазіонъ. Онъ сообщилъ мнѣ свои разсужденія при семъ случаѣ: „Люди, гово-

(1) Если благопвореніе побуждало человекъ къ поклоненію, то Нилъ долженъ былъ внушать сіе чувство, можетъ быть, гораздо живѣе, нежели солнце въ другихъ странахъ. — *Saylus.*

рилъ онъ мнѣ, споль мирно отправляюще сей обрядъ признашельности, опнюдь не подозрѣваюшъ шѣхъ великихъ дѣйствій, кои производятся шоль малою причиною. Склоненіе ручья, направленное болѣе къ одной споронѣ, нежели къ другой, опредѣляетъ судьбы пятидесяти милліоновъ человекъ. Малое количество воды производитъ цѣлые народы (*). Два первые народа въ мѣрѣ обязаны своимъ бытіемъ дождямъ, собраннымъ въ два небольшіе водоема на горѣ (1).“

Пи а горъ. Примѣчаніе швое, любезный мой Тамазѣонъ, не многую честь приносящее людямъ, по крайней мѣрѣ доказываетъ имъ, сколь суешно гордятся они крашкременнымъ блескомъ, какой вокругъ себя разпространяють!

(*) Сіе подаетъ мысль, что животныя, порожденныя въ сосудѣ Нильскомъ (по буквальному изъясненію нѣкоторыхъ Писателей), были шолько гѣроглифомъ для означенія шого, что присутствіе сей рѣки есть главная причина Египетскаго многлюдства, привлекая къ своимъ берегамъ народы и животныхъ.

(1) Nulla potest ratio assignari quam pluviae seu a sole, seu a certo sidere. — Scaliger.

Ееіопія и Египетъ не могутъ ли совсѣмъ изглажены бышъ изъ памяти живыхъ? Добрадѣтели народовъ, какъ и частныхъ людей, не зависяшъ ли отъ мѣспъ и обстоятельспвъ? Сто тысячъ рукъ воздвигаютъ пирамиды, созидаютъ Оивы и Мерой. Но пусть дыханіе вѣпра (1) вдругъ прѣстанетъ и не навѣетъ нѣсколькихъ облаковъ или снѣгу (2) на верхнюю Ееіопію! Въ нѣсколько лѣшъ все проспранство отъ источниковъ Нила до его устья, ничего инаго не будетъ предспавлять, кромѣ развалинъ, костей и пущынь.

Мы распались съ пятью нашими Назамонами, не доходя до свяшаго города Ееіопскихъ Гимнософисповъ. Тимазѣонъ хопѣлъ самъ возвратишъ меня въ обьянія почшеннаго Сизимепрія. Проведя цѣлой мѣсяць въ новомъ ученіи подъ его надзираніемъ, и не чувшвуя уже шягости отъ пупешествія моего къ источникамъ Нила, я принесъ благодарностъ мудрецамъ Меройскимъ, и возвратился въ Египетъ.

Во время пребыванія моего въ Ееіопію главную мою пищу соснавлиа финики.

(1) Плутархъ. Геродотъ.

(2) Плин. *Ист. Натур.*

Сей круглой плодъ созрѣваетъ въ три года на вѣпочкахъ длиною въ одинъ локоть.

Сколь щасливъ и независимъ былъ бы человекъ, естли бы могъ удостоверитъ себя, что легко можетъ онъ содержать свою жизнь! Во многихъ мѣстахъ одно дерево было бы достаточно къ удовлетворенію нуждъ цѣлаго семейства.

X.

Болезнь, смерть и судъ Царя Амазиса. Постановленіе его преемника.

Я не много дней пробылъ въ Оивахъ, услышавъ, что Амазисъ боленъ. Къ сему приключенію присоединилось такое явленіе, котораго никто не запомнилъ въ сей древней столицѣ. Тамъ не много выпало дождя; чѣмъ народъ былъ пораженъ и почилъ себя угрожаемымъ какимъ нибудь великимъ переворотомъ. Я тотчасъ отправился въ Мемфисъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобъ при жизни Государя сдѣлать пользу несчастнымъ жертвамъ, заключеннымъ въ пирамидахъ Лабиринта.

Столица Египта погружена была въ смущеніе. Великія движенія происходили при Дворѣ. Я, обнявъ Гафифа, отправился шуда. Во всѣхъ дверяхъ палатъ толпились граждане, волнуемые различными чувствованіями. На лицѣ весьма многихъ я читалъ злобную веселость, которая не служила къ похвалѣ умирающаго Государя.

Какъ онъ еще дышалъ, то не слишкомъ предавались надеждѣ благоденствованія подъ царствованіемъ преемника его.

Въ сихъ крипическихъ обстоятельствахъ придворные Медики, которые были Жрецы Мемфійскаго сословія, прибѣгли къ древнему обычаю (1), которой я нашелъ у многихъ другихъ народовъ, а именно, положить больного на порогъ дома его въ виду проходящихъ, приглашенныхъ сказать свое мнѣніе и предложивъ средства къ изцѣленію болѣзни, которою онъ страдаетъ (*).

(1) Смори ниже: *Путешествіе въ Вавилонъ.*

(*) По сей причинѣ Гомеръ, Платонъ и Плутархъ говорили, что Египтяне всѣ были Медики.

Амазисъ не былъ снесенъ на крыльцо черноговь его; но о родѣ болѣзни, постигшей его, дали знать письменно на большихъ таблицахъ. Онѣ заключали въ себѣ слѣдующее:

„Жители Мемфиса и Египта! вы угрожаетесь лишеніемъ своего Государя. Онъ скоро падетъ подъ тяжестью великихъ его болѣзней. Нѣжное его озабоченіе о народахъ своихъ съ давняго времени опниваетъ у него сонъ. Сильный внутренній жаръ, жестокая ферментация въ крови его, и другіе не меньше опасные припадки, наводящъ на насъ страхъ въ разсужденіи его жизни. Мы вопрошали и разсматривали шесть свитковъ, оставленныхъ намъ Гермесомъ Трисмегистомъ, опносительно пользованія шѣлъ: они безгласны о печальномъ положеніи Монарха. Жрецы Медики почитаютъ долгомъ прибѣгнуть къ помощи и совѣту всѣхъ добрыхъ Египтянъ и даже всѣхъ иностранцевъ, живущихъ и извѣстныхъ въ Мемфисѣ.“

По сторонамъ сей прокламаціи были повѣшены многія другія таблицы, приготовленныя къ принятію совѣтовъ и наставленій опъ всякаго, кто хотѣлъ ихъ давать. За нихъ никто не подлежалъ

опвѣту и не былъ обязанъ подписывать своего имени.

Сіе опворяло пространное поле для недовольныхъ. Были даже такіе опважные граждане, которые сами признавались въ оппомъ, что писали на сихъ таблицахъ, опкрытыхъ для всѣхъ проходящихъ. Я читалъ на нихъ необыкновенныя вещи и такую вольность, которая при ближайшемъ разсмотрѣніи обнаруживала только подлость. Я далъ сіе примѣпить одному Мемфисцу, писавшему свою мысль при моихъ глазахъ сими словами:

Лучшій совѣтъ Медикамъ Амазиса, допустить его умереть: онъ слишкомъ долго жилъ.

Я не могъ не сказать злому сочинителю сихъ строкъ (1): „На что желать скорой смерти Царю? Теперь уже поздно исправлять его поведеніе; надлежало бы при жизни его такъ ему говорить. Ты боялся всемогущества Монарха, когда онъ былъ здоровъ, а нападаешь уже на умирающаго: мертвыхъ не исправляютъ. Оставь Амазиса сойти во гробъ съ ми-

(1) Aegyptii, viri injuriosi, epigrammatici....
Vopis.

ромъ, для того, что ты давалъ ему спокойно пирансповоать на пронтъ. Преславно подвергалъ жизнь опасности, внушая истину Государямъ; но поспыдно опваживаешься говорить со всею вольностію на счетъ ихъ тогда, какъ уже нечего опасаться! "

Другой гражданинъ нарисовалъ коронованную мумію на ложъ Альпазіады съ сею подписью:

Пусть ея заллапитъ за сдѣланное зло.

Другой написалъ Короля и Египетъ, лежащихъ на однихъ носилкахъ, а внизу спихъ по - Египетски такого смысла:

Самой больной, увь! не топъ, котораго лѣчатъ.

Одинъ начертилъ:

Имѣю рецелтъ для прекращенія худаго царствованія, а не имѣю для продолженія жизни худаго Короля.

Другой:

Больному крокодилу лѣкарства не ищутъ.

Еще одинъ дѣйствительно показалъ нѣкоторыя неизвѣспныя правы, опъ ко-

торыхъ обѣщаль щаспливѣйшія дѣйствія; но совѣтъ его окончился сими словами:

Спасемъ тирана, опасаясь имѣть худшаго.

Жрецы, не принадлежавшіе къ классу Медиковъ, умножали день и ночь жерпвы во всѣхъ храмахъ Мемфійскихъ и окрестныхъ мѣстахъ, спараясь поддерживать въ народъ такое мнѣніе, какое онъ долженъ имѣть о своемъ начальникѣ. Надобно, чпобъ онъ вѣрилъ, что жизнь Государей находится въ рукахъ боговъ: такова Египетская Полифика! Изъ всѣхъ святилищъ возходило куреніе оиміама, а именно изъ храма Сераписова, Озирисова, Гермесова, Сатурнова, и особливо Вулканова, котораго основаніе опносятъ къ первымъ временамъ Государства. Пѣли въ нихъ гимны, которые народъ повторялъ охотно, не сомнѣваясь, чпобъ они оспались безъ дѣйствія.

Я явился къ дверямъ Государевыхъ чертоговъ. Альпазіада дала приказъ никого не впускатъ безъ ея вѣдома. Сія иностранка пользовалась такою довѣренностію Монарха, что даже сынъ его не осмѣливался войти. Меня ввели къ ней

Часть III.

Н

для изпрошенія дозволенія войти къ Амазису.

„Пиѳагоръ! сказала она мнѣ съ притворнымъ видомъ Гарпократа, кошорымъ она уже запечатапла довѣренность свою ко мнѣ: Пиѳагоръ! теперь не лзя тебѣ войти къ Государю: онъ почиваетъ.“

Пиѳагоръ. Пока я могу увидѣть его, поговорю съ Принцемъ, сыномъ его. Онъ у своего отца?

Альпазіада. Да; но какъ вся тяжесть короны падаетъ на его голову, то онъ не имѣетъ свободнаго времени бытъя съ Учеными, ни съ путешественниками, ни съ чужестранцами.

Пиѳагоръ. Я пришелъ ко Двору Амазиса съ шипломъ священнѣйшимъ, нежели каковы сѣи три. Всѣ двери должны отворены бытъя предъ Инициатомъ.

Альпазіада. Пиѳагоръ! ты Инициатъ?

Пиѳагоръ. Оивской. . . . вотъ священный знакъ!

Альпазіада. Простите мнѣ сѣю скромность, кошорую мнѣ надобно было взять въ разсужденіи всѣхъ приближающихся

къ Монарху. Онъ боленъ и много спраждаетъ. . . . Позвольте мнѣ пригостовить его къ приличному принятію васъ.

Пиѳагоръ. Это не нужно; я сперва повидаюсь съ Псамметихомъ.

Альпазіада. Пиѳагоръ! прошу о скромности. . . . Инициатъ долженъ имѣть ея болѣе другаго. По крайней мѣрѣ и вамъ это сполько же нужно, сколько мнѣ.

Пиѳагоръ. Альпазіада! я знаю свои должности; знайте вы свою и не задерживайте меня здѣсь долѣе. Мое мѣсто не у васъ; я хочу войти къ Царю.

Альпазіада, устрашенная сими послѣдними словами, не осмѣлилась болѣе наспоаять, и чиновники внутреннихъ чертоговъ отворили мнѣ всѣ двери.

„Это вы, Пиѳагоръ! сказалъ мнѣ наслѣдникъ Египетскаго престола, подавая мнѣ руку: вы кспати пришли; сей Дворъ много перемѣнился послѣ вашего отпѣзда. Вы едва узнаете моего отца; это уже не тотъ Государь, благопріятствующій всѣмъ ушѣхамъ и не подверженный никакимъ предразсудкамъ. Вы увидите его окруженнымъ наложницами и Жрецами,

и не въ состоянїи освободиться отъ первыхъ и оставить другихъ при совершенїи послѣдняго шага жизни. Будучи волнуемъ двойнымъ безпокойствомъ, онъ бойся и жить и умереть, можетъ быть, по симъ тайнымъ причинамъ. Амазисъ, будучи данникомъ Кира, устыдился быть тѣмъ же его преемнику. Сей, завидуя славъ сего Государства, угрожаетъ намъ войною, которая будетъ ужасна, ежели ничто не остановитъ или не смягчитъ его гнѣва. По приготовленїямъ можно заключать, что онъ намѣревается совершенно изпребить наше Государство. Уже, по извѣстїю нашихъ наблюдателей, дано повелѣнїе выступить войскамъ, и Камбизъ командуетъ арміею. Она неизчетна. Сїе произшествїе много безпокоитъ Царя, отца моего, которому извѣстно недоброжелательное расположенїе народовъ его къ нему; но одно извѣстїе поразило его такимъ ударомъ, отъ котораго онъ едва ли возрваться можетъ; а именно, что онъ въ Египтѣ, въ своихъ черпogaхъ, подлѣ себя имѣетъ врага вѣроломнѣйшаго въ сей чужеспранкѣ, которая съ давнихъ лѣтъ распоряжаетъ утѣхами Амазиса. Мы уже не можемъ въ шомъ сомнѣваться, что сїя Альпазїада послала къ Персидскому Королю тай-

ное извѣстїе о нашихъ силахъ, пособїяхъ и чаянїяхъ. Всѣ наши способы извѣстны ему такъ, какъ намъ; я хочу теперь изобличить виновную. Она не избѣгнетъ своей участи; наша сколько же ужасна, и поздно уже отвратить сїю бурю. Народъ не сомнѣвается еще въ томъ; но непогода скоро наступитъ со всѣми своими ужасами, и сїя страшная минута, которая уже не далеко, производитъ такое впечатлѣнїе въ душѣ отца моего, что онъ во всѣхъ чувствахъ своихъ распростерся. Боюсь, чтобъ сїе со всѣмъ не сразило его. Пойдемъ къ нему.“

Пиэагоръ. Государь! сїе не нужно; можетъ быть, онъ не узнаетъ меня. Примите его именемъ благодарностъ отъ меня, и дайте мнѣ новый случай благодарить васъ, доставя обѣщанную мнѣ свободу цѣлому семейству, погребенному заживо внутри лабиринта пирамиды.

Сынъ Амазиса. Пиэагоръ! повторите свою прозьбу самому отцу моему. Пусть послѣдняя минута жизни его будетъ дѣло добродѣтели! Войдите.

Псамметихъ приказалъ чиновникамъ Царскимъ доложить обо мнѣ тѣмъ свя-

ценнымъ саномъ, которымъ я былъ об-
леченъ. Они повиновались.

„Великій Государь Амазисъ! крича-
ли они прижды: Фивскій Инициатъ из-
прашиваетъ дозволенія явиться къ вамъ.“

„Фивскій Инициатъ! сказалъ умираю-
щій Государь съ великимъ усилениемъ. Ахъ!
конечно боги посылаютъ его ко мнѣ для
произнесенія мнѣ своего суда. Женщины!
выдѣйте отсюда. Ничего да не останет-
ся предъ глазами его, кромѣ чистаго!“

Амазисъ ничего болѣе не успѣлъ ска-
зать, и меня не узналъ. Онъ выпустилъ
духъ свой въ конвульсіяхъ, устремля гла-
за свои на длинную бѣлую мою одежду.

Спѣшили приступить къ бальзами-
рованію по тамошнему обычаю; ибо тѣло
не совсѣмъ было здорово, и не могло не-
сено быть открытымъ на мѣсто погре-
бенія въ городъ Саисъ. Не лзя было
по справедливости надѣяться, чшобъ ока-
заны были ему почести Лабиринта: ибо
онѣ даются послѣ строгаго испытанія.
Торжественной судъ совершиться долженъ
въ присутствіи всего народа, представ-
ленного чрезъ Депутатовъ каждаго окру-
га, или провинціи. Повѣренные сшеклись.
Наступаетъ великій день Царскаго суда.

Устроены Трибуналъ на публичномъ мѣ-
стѣ, смежномъ со вратами Мемфійскими,
ведущими въ Саисъ. Священники - судіи
заняли свои мѣста на полукругломъ воз-
вышеніи (1). На противной сторонѣ по-
строены были преогромный амфитеатръ,
удобной ко вмѣщенію великаго множества
народа подъ предсѣдательствомъ Депу-
татовъ провинцій.

Сіе великое дѣло правосудія начи-
нается при наступленіи ночи: лучи
солнца не должны освѣщать сего печаль-
наго и ужаснаго зрѣлища. Блѣдный свѣ-
тильникъ луны, единственный свѣтъ,
допускаемый къ сему священному обряду,
прямо ударяетъ въ важный гѣроглифъ
Истины, господствующей надъ всею
окружностію.

Погребальная колесница останавли-
вается среди позорища: тѣло Амазиса
выставляется на глаза всѣхъ зрительей,
заключено будучи въ гробницѣ муміи.
Сынъ умершаго, мнимый преемникъ пре-
спола его, находитъ себя принужденнымъ
присутствовать при семъ великомъ уро-
кѣ, котораго онъ есть главный предметъ.

(1) Оно состояло, какъ Діод. Сил. гово-
ритъ, изъ сорока ступенекъ.

Но онъ долженъ быть сему свидѣлемъ безгласнымъ; ему запрещено вмѣшиваться въ народное судопроизводство.

Сія минута доставляетъ народу живѣйшее удовольствіе. Душа его, угнетенная многолѣпнымъ мучительнымъ молчаніемъ, получаетъ опраду, присущивуя при семъ представленіи правосудія. Не много надобно къ удовольствованію его. Онъ утѣшается, такъ какъ и опечаливается, съ дѣтскою легкостію.

Амазисъ былъ уже осужденъ во мнѣніи народа; но учредительные законы Государства пребуяшъ, чтобъ сіе общее мнѣніе было произнесено по формѣ съ силою и выразительно. Герольдъ повелѣлъ молчать именемъ боговъ, верховныхъ судей надъ Королями.

Глава судилища вспалъ и говорилъ: „Народы! Амазисъ преспалъ быть вашимъ Царемъ. Благодарить ли вы его должны, или проклипать? Заслуживаетъ ли онъ вѣчную обипель въ спранѣ добродѣтельныхъ душъ? или вы должны опавить пѣло его и положить безъ славы въ гробницѣ его семейства? Всѣ, имѣющіе говорить въ пользу или противъ Амазиса, приближьтесь сюда и спаньше

одни на правой его споронѣ, а другіе на лѣвой.“

На сей послѣдней спало необъятное множеспво народа.

Начальникъ Трибунала показалъ собранію образъ правосудія, написанный на большомъ медаліонѣ, висящемъ на шеѣ его. Тупъ продолжалась нѣсколько минутъ глубокая тишина. Одинъ Египтянинъ изъ небольшого числа споявшихъ по правую спорону гробницы, просилъ дозволенія говорить въ пользу Амазиса. Я примѣшилъ, что сей человекъ, такъ какъ и большая частъ панегиристовъ покойнаго Государя, были чиновники придворные, которые хотѣли удержатъ свои мѣста и примѣнили много сыновняго уваженія къ опцу въ характерѣ Псаммехиа.

Они надѣялись, что сыну будетъ сіе пріятно, и онъ вмѣнитъ имъ въ заслугу защищеніе памяти опца его и спараніе спохранишь ее опъ поношенія суда.

„Амазисъ, сказалъ одинъ изъ нихъ, обязанъ только личному своему дошпипспву тѣмъ высокимъ саномъ, кошорой занималъ съ толикою славою. Амазисъ. . .“

Онъ продолжалъ, не взирая на глухой ропотъ, которой уже поднимался въ народъ; но начальникъ Трибунала прервалъ слова его, и говорилъ:

„Вы всѣ, приготовившіеся говорить, не произносите вдругъ похвалы за похвалами и жалобы за жалобами. Похвала и хула должны по порядку слѣдовать одна за другою, безпристрастно и въ шинѣ разсудка. Вы, которые идете противъ Амазиса! что отвѣчать будете на сіе, сказанное теперь въ его пользу?”

Противный голосъ. Амазисъ возвысился на престолъ, ползая какъ пресмыкающаяся гадина, и держался на немъ болѣе по щастію и отважности, нежели по добродѣтелямъ и дарованіямъ.

Голосъ въ пользу. Онъ былъ просвѣщенный покровитель Наукъ и Художествъ. Онъ оставилъ много изящныхъ произведеній.

Противъ. То есть, онъ губилъ время въ ошадываніи загадокъ, копорыя присылалъ ему Король Египетскій (1),

(1) Aethiopia Rex misit sergamem quoddam instituit. Epist. Amas. ad Bian.

и ругался надъ богами, дѣлая ихъ священные образа изъ золотой мебели черпоговъ своихъ, определенной на самое гнуснѣйшее употребленіе (*).

Въ пользу. Онъ украшалъ храмы прочными камяшниками.

Противъ. Для содѣланія безсмертныхъ своего имени, помѣстилъ себя въ словіе боговъ.

Въ пользу. Онъ былъ другъ чело-вѣковъ.

Противъ. Особливо Грековъ, копорыхъ призывалъ заснупить всѣ мѣста опличной довѣренности во вредъ Египтянамъ.

Въ пользу. Блистательный Дворъ его былъ славою Египта.

Противъ. И бичемъ нравовъ.

Въ пользу. Ежели онъ платилъ дань щастію Кирова оружія, то ошказалъ въ оной преемнику его. . .

(*) Разумѣется о сосудѣ, въ которомъ онъ ноги омывалъ. Смолр. сего сочиненія Томъ второй §. VII.

Противъ. Такъ что, униживъ насъ при своемъ царствованіи, навлекъ на насъ послѣ смерти ужасную войну.

Въ пользу. Безъ сомнѣнія, Монархъ сей былъ мудръ, потому что Греческіе Мудрецы приходили сюда нарочно видѣть его.

Противъ. Это не есть самое лучшее и полезнѣйшее, что сдѣлали Солонъ и Фалесъ.

Въ пользу. Египетъ обязанъ Царю Амазису многими хорошими законами.

Противъ. Конечно, если бы онъ къ симъ законамъ приложилъ что нибудь большее, нежели только Царскую печать. Обязаны ли мы ему благодарностию, исполнивъ свои должности?

Въ пользу. Никакой Государь, умирая, не оставялъ народа многочисленнѣйшимъ и болѣе цвѣтущимъ.

Противъ. Амазисъ нашелъ его таковымъ, овладѣвъ короною по ухищренію.

Въ пользу. Онъ имѣлъ слабости и предавался нѣкоторымъ порокамъ; но...

Противъ. На что закрывать его просупки? Амазисъ менѣе всего былъ

презвѣ; а Государь не презвѣый царствуетъ всегда худо.

Въ пользу. Онъ былъ снисходителенъ къ народу. . . .

Противъ. Такъ какъ и всѣ лицемерные и подлые деспоты, ласкающіе народу, коихъ они презираютъ или боятся.

Въ пользу. Амазисъ былъ уважаемъ отъ всѣхъ сосѣдственныхъ Государей. . . .

Противъ. Такихъ же тирановъ и разпушныхъ, каковъ онъ (*).

Въ пользу. Сынъ его составляетъ похвалу воспитанія, какое онъ далъ ему.

Противъ. Если сей сынъ его имѣетъ добродѣтели, то по тому, что умѣлъ прошивиться примѣрамъ отца своего.

Споръ не долго продолжался. Защитники Амазиса не осмѣлились продолжать

(*) Разумѣется о Поликратѣ, Царѣ Самосскомъ.

своихъ настояній. Насмѣшничій и почти всеобщій смѣхъ встрѣчалъ каждую похвалу, исходящую изъ препенущихъ ихъ устъ. Они оставили свою тяжбу и, замолчавъ, вошли въ толпу народа, спыдаясь безуспѣшнаго своего покушенія.

Трибуналъ еще ожидалъ нѣсколько минутъ; и какъ никто не являлся для защищенія умершаго, то главный изъ Жрецовъ - судей открылъ урну, въ которую Репрезентанты обласпей попеременно клали свои голоса въ пользу или противъ покойнаго Монарха.

Гіерограмматики (*), по разсмотрѣнтіи оныхъ, объявилъ судіямъ, что нѣтъ ни одного, согласнаго на оказаніе почестей Лабиринта шѣлу Амазиса. Тогда приговоръ былъ произнесенъ слѣдующимъ образомъ: Первый изъ судей, немного помолчавъ и посмотря на медальонъ, на груди его висящій, явственнo и съ важностію произнесъ опредѣленіе, въ глубочайшемъ молчаніи ожидаемое и заключавшееся въ сихъ словахъ:

(*) Писецъ, или по нашему Секретарь или Регистраторъ.

„Боги и народъ Египетской объявляютъ Царя Амазиса недоспойнымъ, по смерти его, жилища, предосшавленнаго доордѣтельнымъ смерпнымъ. Онъ не будетъ наслаждаться вѣчною жизнью между добрыми людьми (*).“

„Жители Мемфиса и всего Египта! прибавилъ начальникъ Трибунала при глубочайшей тишинѣ народа: вы оказали справедливоспъ мершвымъ, окажите же ее и живымъ. Дѣти семейства не подлежатъ опчепу за проступки ихъ родителей. Сословіе Жрецовъ и Трибуналъ судей предлагаютъ Египетскому народу предосшавить Псамметиху наслѣдованіе престола.“

Раздалось всеобщее восклицаніе. Народъ съ поспѣшностію оппоргъ Псамметиха отъ шѣла опца его и привелъ въ храмъ для полученія престола между Жрецами.

Въ Египтѣ съ древнихъ временъ, такъ какъ и нынѣ, корона была наслѣдована по выбору; ибо сынъ не восходитъ на

(*) Отрывокъ самаго текста Египетской рѣчи.

пресполь послѣ отца своего, ежели Нильской народъ не будетъ на то согласенъ. Но здѣсь, такъ какъ и вездѣ, онъ никогда не даетъ собственнаго своего голоса. Если чиновные люди, которые имѣютъ искусство тайно управлять голосами; а ежели бы сего не было, то могла ли бы дѣлая толпа быть столько просвѣщенной, чтобы могла наблюдать съ различеніемъ права свои?

Что касается до послѣдняго суда Египетскихъ Царей, или лучше, до сего судопроизводства, дѣлаемаго надъ ихъ трупомъ: то сіе учрежденіе имѣетъ больше пышности, нежели основанія, больше важности, нежели пользы. Оно есть только пустая церемонія; чему иначе и быть не можно. Всенародное разсмащиваніе поступковъ Монарха при концѣ каждаго года, можетъ быть, лучше бы удовлетворяло желанію народа и намѣренію законодателя, основавшаго сей полипическій обрядъ. Обязывать верховную власть ежегоднымъ отчетомъ въ своемъ правленіи, было бы истиннымъ обузданіемъ для неправосудныхъ Государей и вѣрнымъ споручительствомъ для ихъ подданныхъ.

Я дивлюсь, что не пришло на мысль Египетскому народу такое натуральное и мудрое распоряженіе; но можетъ спастись, что оно изуродовано въ своемъ рожденіи, такъ какъ и планъ союзаго правленія. Все справедливое должно поражать умъ человѣка; но оно не всегда было выводимо на наружность. Отъ перваго понятія до исполненія велико есть разстояніе. Впрочемъ безъ сомнѣнія показана была Королямъ какая нибудь тайна для уничтоженія или содѣланія мечтательнымъ сего ежегоднаго изслѣдованія ихъ поступковъ. Какой народъ могъ когда-либо принудить верховную свою власть отдавать отчетъ въ ея правленіи? Законъ относится до всѣхъ, исключая законодателей.

Такъ по крайней мѣрѣ всегда шли дѣла до нынѣшняго времени, особливо между большими народами.

Погребальная помпа или лучше, колесница и провожатые отправилась въ Саисъ для положенія тамъ тѣла шихонько и какъ-бы воровски. На оболочкѣ муміи написанъ былъ по обыкновенію гѣроглифъ умершаго; но злостъ изобразила еще кожаный мѣхъ, наполненный виномъ и перевязанный Царскою повязкою съ над-

писаніемъ имени Амазиса алфавитными лиферами.

Другой художникъ, столь же вѣрный полковашель общаго мнѣнія, выспавилъ публично на переходѣ, погребальной и скрышной церемоніи Амазиса сей сапирической гѣроглифъ:

На камнѣ эмаширѣ (кровономѣ) я видѣлъ изображенное человѣческое шѣло съ собачьею головою, проспирающее руки ко льву, кошорой шель малыми шагами, опустя голову подѣ шяжеспію муміи.

Авторъ сей живописной критики самъ изъяснилъ мнѣ оную:

„Сперва примѣтъ, сказалъ онъ мнѣ, выборъ камня: онъ имѣетъ кровавой цвѣтъ, когда бываетъ сухъ и жестокъ; слѣдовательно совершенно сходствуетъ съ тираномъ.“

„Анубисъ не лаетъ; а напрошивъ обѣими руками своими, на - право и на - лѣво разпроспертыми, приказываетъ молчать, и какъ будто говоришь къ жителямъ Нильскимъ:

„Народъ Египетскій! не дѣлай шуму; дай тихо пройти Царской муміи. Можеть быши, Амазисъ только заснулъ.

Ахъ! спрашивешь разбудить деспота.“ Левъ былъ любимое изображеніе Монарха. Сіе сильное животное кажется ушомленнымъ подѣ шяжеспію шрупа. Подлинно, нѣтъ ничего шяжелѣе, какъ носить иго худаго правителя.

По прошествіи многихъ дней уединенія въ подземныхъ храминахъ Мемфійскихъ Жрецовъ, которые посвящали Псамметиха во всѣ ихъ таинства, онъ былъ наконецъ постановленъ Царемъ Египетскимъ. Я былъ при его коронованіи. На главу его возложили златую дѣдиму, сдѣланную въ видѣ многихъ змѣй, переплетшихся между собою; на шею надѣли цѣпь того же металла; руку его вооружили златымъ скипетромъ, изображающимъ цѣпь молотильщика или сошникъ плуга. Я не могъ хорошо различить сего предмета. На плеча его возложили златое иго быка Аписа. Облекши въ весьма скромную одежду, приказали ему чинать на святыхъ писаніяхъ Трисмегиспа обыкновенную кляпву, ограждающую права народа.

„Обѣщаю, произносилъ онъ громкимъ голосомъ, хранить учрежденія и основанія Египетской Монархіи, признавать порядокъ наслѣдства, не пресупаать пре-

дѣловъ Царской власти, сохранять въ свободномъ опправленіи правосудія особое сословіе Жрецовъ - судей, коимъ законы дають весьма великую силу въ равновѣсіе моей власти, ежели бы я когда имѣлъ нещастіе поползнуться на злоупотребленіе оной. Обѣщаю никогда не производить самому права суда, ни позволять себѣ произносить приговоръ въ дѣлѣ гражданскомъ. “

При семъ случаѣ, любезные ученики мои, я удивлялся правотѣ народовъ, которые совершенно полагаются на вѣру своего Монарха, какъ скоро онъ имъ обѣщаетъ ее.

Удивлялся также силѣ сихъ словъ; онѣ пошановляють Королей и судей. Городскіе жишели дають себя уловлять словами скорѣе, нежели рыба удою.

Развернуть былъ Египетскій календарь, написанный на многихъ вмѣстѣ составленныхъ листахъ бумаги. Новаго Царя еще заставили клясться въ томъ, чшобъ онъ не повелѣвалъ и не позволялъ ни одного переходнаго дня въ году дѣлать поспояннымъ, ни солнечнаго мѣсяца луннымъ.

Приблизились придцать чловѣкъ верховныхъ Жрецовъ и Судей, обязанныхъ держать равновѣсіе твердою рукою между народомъ и Монархомъ. Спаршій изъ нихъ произнесъ съ силою и гордостію сіи торжественныя слова:

„И мы, первосвященники, судіи народа! клянемся, и въ поручительство клятвы нашей пріемлемъ всѣ силы земли, неба и ада (1); клянемся шовиноваться Царю, развѣ бы иногда онъ повелѣлъ намъ произнести судъ вопреки опеченнымъ законамъ.“

Весь народъ одобрилъ сіе, поднимая руки и дѣлая рукоплесканія. Воины, слѣдуя древнему обычаю, били щипами по своимъ колѣнамъ.

Сіе торжество произвело нѣкоторой родъ упоенія. Ничто столько не лестно для толпы народной, какъ доброй Государь.

(1) Плутархъ.

Нашествіе Камбиза на Египтъ.

Лишь только Псамметихъ поставленъ былъ Царемъ Египетскимъ, какъ отправленный отъ Пелузскаго Правительсва вѣстникъ поспѣшно поднесъ ему посланіе. Новый Монархъ почелъ за долгъ тотчасъ сообщить оное всему спеченію народа, въ пользу его расположеннаго :

„Камбизъ, Государь Персидскій, сопровождаемый Арабскимъ Королемъ, по слѣдамъ измѣнника Фанеса, переходитъ пустыню близъ каналовъ рѣки Кориса, и долженъ въ скоромъ времени открыть давно принятое нападеніе взятіемъ Пелузѣи. Онъ намѣревается проникнуть до самой столицы Имперіи. Гнѣвъ его столь великъ, что онъ далъ клятву богамъ своимъ, оставивъ въ Египтѣ такъ мало людей, чтобъ они, повспрѣчавшись, другъ друга поздравляли, что остались въ живыхъ. Не допустимъ его до сего ужаснаго удовольствія!“

По выслушаніи сего, раздался всеобщій крикъ и разнесся по всей округѣ Мемфійской: къ оружію! къ оружію! Въ Египтяне въ величайшей пореваніи,

къ какому только сей народъ способенъ, приспавя къ горлу остріе мечей своихъ, клялись или спразить врага, или погибнуть (1).

Псамметихъ, тотчасъ оставя свою диадему и одежду Инициата, надѣлъ на себя каску и знаменитые льняные кирасы отца своего Амазиса. Каждая нитка основы ихъ составлена изъ столькихъ другихъ, сколько есть дней въ году. Они были великолѣпно украшены. Другіе, подобные симъ, были посланы на жертву во храмъ Минервы въ Самосѣ. Все принимаетъ ужасной видъ войны. Городъ, копорой дышалъ только ушѣхами, въ одну минуту перемѣнился въ арсеналь. Изготавлиющія копья и луки; опредѣленные для увеселеній богачей колесницы вооружаются косами. Хопята пропивъ самыхъ Персовъ обратили самое убійственное изобрѣтеніе. Самому Киру дѣлаютъ имъ честь. Жрецы приносятъ жертвы Вулкану; старики влекутся въ молитвенницы ближайшихъ пирамидъ; женщины готовятъ одежды своимъ мужьямъ, братьямъ, дѣтямъ, не забывая при

(1) Plato de legibus. I.

томъ снабждать ихъ святымъ жукомъ, тѣроглифическою ладонкою, покровительствующею въ сраженіяхъ. Египетъ вѣритъ, что сіе животное не имѣетъ самки, и имѣняетъ себѣ за долгъ подражать ему въ государственныхъ опасностяхъ, не зная тогда иной жены, кромѣ своего опечесва. Для сей - то причины войны всѣ холоспы. Орусъ есть особенный ихъ богъ, копорой не имѣетъ у себя подруги.

Предохранительная ладонка и покровительственное божество не заспавляють ихъ забывать брать съ собою деревянный щитъ, удобнѣе закрывать всего челоука. Житель Нила имѣетъ главнымъ своимъ оружіемъ короткую шпагу, родъ кинжала, и длинное копье.

Уже многія сотни тысячъ войска были собраны и готовы къ походу. Ожидали только повелѣнія новаго Царя, выпустить изъ Мемфиса и расположиться къ сраженію. Уже опворяющая вѣрога къ выходу на встрѣчу непріятелю. Издали видно поднимающееся облако пыли. Египтяне думаютъ, что по Персіане. Скоро зрѣлище сіе представляется не столь спрашнымъ, но гораздо печальнѣйшимъ. Толпа Египтянъ полуобезоруженныхъ въ совершенномъ безпорядкѣ бѣжитъ укрыть-

ся въ спѣнахъ Мемфійскихъ: это былъ опашокъ войска, поспѣшно набраннаго, и не опважившагося сразиться съ арміею Камбиза, поелику сей Монархъ послалъ напередѣ вмѣсто ограда всѣхъ животныхъ, обожаемыхъ Нильскимъ народомъ.

Альпазіада, которая содержала шпионовъ даже между Мемфійскими Жрецами, употребила сію военную хитрость, послѣ разговора моего со Жрецомъ Изиды, въ копоромъ я дѣлалъ ему такое предположеніе и копорой былъ ей пересказанъ (1). Такимъ образомъ невинно сказанное слово было причиною нашествія на древній Египетъ и переменны династїи. Тайная исторія народовъ наполнена такими произшествїями.

Извѣстіе о вступленіи Камбиза на Египетскую землю, а болѣе оное святошество, какое онъ дозволилъ себѣ для успѣха въ дѣлѣ, увеличили ярость Мемфійцевъ; она дошла до крайности, и ничто не могло ее удержать. Ко мщенію! ко мщенію! пойдѣмъ опомститься за

(1) Смори его сочиненія Часть IIю. §. XXV.
Часть III. II

нашикъ брашневъ! Войска шли съ крикомъ и мятежемъ. На Нилѣ показался Мишиленской корабль и приближался къ тавани; на немъ плылъ Герольдъ Царя Персидскаго. Сей новый предметъ вдругъ ослѣпилъ народъ совершенно: онъ усстремляется къ берегу и безъ вѣдома Государя, Генераловъ и судей бросается на корабль съ зажигательными факелами. Весь снарядъ и люди пожираются пламенемъ, кромѣ Камбизова Герольда, котораго оставляютъ на люнѣйшую казнь. Его влачатъ по улицамъ города, разтерзываютъ на части, и препешущіе члены его развѣшиваютъ на главныхъ веропахъ. Ярославъ народа не утешается. Онъ громкимъ крикомъ пребуетъ Альпавіаду, взявъ весьма основательное подозрѣніе на сію иноспранку. Исаммевихъ послѣ смерти Амазиса велѣлъ содержать ее подъ крѣпкою стражею. Между тѣмъ, какъ онъ при входѣ въ свои чертоги старается укротить толпу, обѣщая немедленно спрощайше поступить съ сею женщиною, она уже была найдена, взята и разтерзана въ куски.

Оба пола хотѣли участвовать въ семъ публичномъ ищеніи; и слабѣйшій изъ оныхъ, которому бы надлежало быть

снисходительнѣйшимъ, превзошелъ другой въ жестокости и гнусностяхъ.

Во время сихъ народныхъ происшествій я былъ въ чертогахъ Мемфійскихъ. Монархъ удержалъ меня при себѣ; но Гафифа, которому я повѣрилъ мое опкрытіе о заключеніи цѣлаго священническаго семейства въ пирамидѣ Лабиринта, употребилъ въ пользу сіи смущенія обстоятельства къ исполненію моего обѣщанія. Ему не трудно было взять съ собою нѣсколькихъ молодыхъ гражданъ, столь же пылкихъ, какъ и онъ, и жертвы безопасности Амазиса были возвращены въ сословіе Жрецовъ. Гафифа послѣ сего щасливаго успѣха тотчасъ пришелъ увѣдомить меня о томъ. Я поручилъ ему, именемъ Государя, нѣкоторыя другія предпріянія, которыхъ онъ не имѣлъ времени кончить. Увы! я съ той минуты не слышалъ уже о немъ. Безъ сомнѣнія попалъ онъ въ число несчастныхъ, пораженныхъ мечемъ непріятеля при завоеваніи Мемфиса.

Но Камбизъ прибылъ для великихъ кровопролитій. Съ высоты палатъ мы видѣли развѣвающіяся его знамена, и не думали, что онъ былъ уже такъ близко. Мемфисъ, со всѣхъ сторонъ осаж-

денный, по нѣсколькихъ часахъ сопротивленія, сдался и предоставилъ себя въ распоряженіе побѣдителя.

Наконецъ является самъ Камбизъ, требуетъ выдачи Псамметиха и принуждаетъ его объявить себя плѣннымъ, такъ какъ и окружавшихъ сего несчастнаго, въ числѣ которыхъ былъ и я. Одинъ служитель Государевъ, по привязанности своей къ нему, осмѣлился произнести нѣсколько словъ, и былъ пощасъ умерщвленъ воиномъ побѣдителя. Варваръ приказалъ такъ же поступить съ двумя легіонами, изъ двухъ тысячъ человекъ состоящими, которые подъ именемъ *Калазировъ* и *Гермотибіевъ* (1) состояли Царскую гвардію, и которые не хотѣли положить оружія, пока не увидѣли Государя своего въ оковахъ. Камбизъ приказываетъ слѣдующее: „Я хочу еще, чтобы сіи двѣ тысячи плѣнныхъ были казнены за смерть Герольда. Псамметихъ! сынъ твой первый испытываетъ сію участь. Я охотно оказываю ему сію милость по молодымъ его лѣтамъ. Кровь моего Герольда требуетъ его крови, и жизнь десяти Египтянъ есть не слишкомъ

(1) Геродот. *Euterp.* II.

дорогая плата за смерть каждого изъ двухъ сотъ, недостойно погубленныхъ на кораблѣ Митиленскомъ. Да повинуюсь мнѣ! Что касается до тебя и твоихъ родственниковъ, Царь Египетскій! — по ожидай въ предмѣстіи Мемфиса дальнѣйшихъ моихъ соизволеній.“

Псамметихъ испрашивалъ у побѣдителя дозволенія принести ему покорнѣйшую просьбу.

Камбизъ. Дозволю, говори!

Псамметихъ. Камбизъ! не за себя и не за семейство мое осмѣливаюсь въ сію минуту возвысить голосъ: мы подвержены жестокимъ законамъ войны. Но есть въ сихъ чертогахъ многіе чужестранцы, которые не должны быть вовлечены въ несчастную судьбу мою. Намѣреніе твое есть опомстить только Египту, а не Греціи или меньшей Азіи, или другимъ странамъ, изъ которыхъ находясь здѣсь путешественники, какъ то Пиеагоръ (1), котораго единое любомудріе

(1) Пиеагоръ во время Камбизовой войны съ Египтомъ былъ взятъ его солдатами и опведенъ въ Вавилонъ, гдѣ обучился Халдейскимъ наукамъ. — *Methodes d'étud. par Thomassin.*

завело далеко отъ его опечесства, по поручительству народного права.

Камбизъ. Мнѣ, можетъ быть, надобно бы было поступить со всѣми сими иностранцами, какъ съ непріятелями моими, потому что я ихъ нахожу между вами; однако прощаю ихъ: тебя, Пифагоръ, котораго называютъ мудрымъ человекомъ, ославляю при особѣ моей, дабы иногда могъ съ тобою посовѣтоваться.

Я хотѣлъ ему представить, что не имѣю ни способностей, ни расположеній, нужныхъ совѣшнику завоевателя.

„Пифагоръ! отвѣчалъ онъ мнѣ: я сего хочу; ты будешь мнѣ служить до Вавилона. Я хочу тебя свести съ нашими волхвами: они споютъ Египетскихъ.“

Псамметихъ и вся Царская его фамилія опведены были въ предмѣстіе Мемфиса на сѣверъ, которое ведетъ въ Саисъ къ Дельтѣ. Спустя нѣсколько дней прибылъ шуда и Камбизъ, и хотѣлъ, чтобы я былъ свидѣтелемъ зрѣлища, которое онъ приказалъ для себя приготовить. Царская дочь (1) и ея подруги, произ-

(1) Геродот. III.

шедшія изъ знатнѣйшихъ домовъ Египетскихъ, представились одѣшыми въ невольничье платье, и каждая изъ нихъ держала глиняной сосудъ, служащій для самыхъ гнуснѣйшихъ употребленій. Побѣдитель приказалъ симъ несчастнымъ въ такомъ убранствѣ идти черпать воду изъ Нила для омытія ногъ лошадямъ его.

Камбизъ въ то же время велѣлъ наполнить сею же водою, почерпнутою въ самомъ числѣ мѣстѣ рѣки, золотую урну для храненія въ архивахъ Царей Персидскихъ, въ засвидѣтельство полное ихъ самодержавія надъ Египтомъ (1).

Насытившись поношеніями и мученіемъ Псамметиха, онъ приказалъ его уполнить въ ваннѣ, наполненной бычачьею кровью, безъ сомнѣнія для того, чтобы дать ему почувствовать двойное наказаніе лишенія жизни и оскверненія священныхъ вещей Религіи.

Въ Персіи сей несчастный былъ бы брошенъ въ кучу горящаго песка, или осужденъ на казнь еще лютейшую (2).

(1) Priciae.

(2) Photius. Плутархъ.

Пронзенный полъ гнусными и безчеловѣчными поступками, я сказалъ Камбизу: „Государь! вы не совѣтовались со мною на такія приказанія.“

Камбизъ. Мудрый мужъ! еще не время. Надобно, чпобы правосудіе имѣло свой ходъ.

Пивагоръ. Какое правосудіе, Государь!

Камбизъ. Это правосудіе раздраженныхъ Королей.

Пивагоръ. Для чего вы не оказываете онаго Амазису! Онъ одинъ виноватъ.

Камбизъ. Я исполню твой совѣтъ; пойдемъ со мною въ Саисъ (*).

Мнѣ надобно было еще сопровождать Камбиза, копорой всегда имѣлъ подлѣ себя злаго Генія, называемаго *Арпазирана*, родомъ Бирканца, придворнаго, вѣроломнаго по своему характеру.

(*) Нынѣ Саидъ.

Прибывъ къ гробницѣ покойнаго Царя, онъ приказалъ вынуть его шѣло (1), выдрать у него волосы, брови, бороду; попомъ сію мумію сѣли, кошѣли-было разрѣзать и разтерзать въ куски (2), но не могли въ томъ успѣть; ибо онъ соли, копорой она была проникнута, уже много ожестѣла.

Камбизъ, находясь при семъ дѣйствіи и услаждаясь всѣми низкими и отвращительными подлостями, приказалъ остатки муміи изпребитъ огнемъ (3), дабы не оставалось ни малѣйшаго слѣда отъ непріятеля его, не размысливъ, что онъ дѣлалъ святошество въ глазахъ собсвеннаго своего народа. Персіане, у копорыхъ огонь есть великое божество, не осмѣливаются пипать пламени нечистыми матеріями, какова есть лишенное жизни шѣло. Но Религія не только не служитъ уздою для деспотовъ, а напротивъ еще весьма часно въ рукахъ ихъ бываетъ только орудіемъ къ большому вреду и шираниству.

(1) Pyramidum tumulis avulsus Amasis.
Lucan. Phars. IX.

(2) Геродот. III.

(3) Darius II.

Завоеватель Египта слышалъ о славномъ торжествѣ праздника Свѣщильниковъ (1), особенно въ Саисѣ. Онъ хотѣлъ, чтобъ представлено было ему сіе зрѣлище для торжествованія о успѣхѣ его оружія въ сей землѣ Жишели города должны были торжествовать свое рабство. Никто не осмѣливался проповѣдывать непреложнымъ его приказаніямъ. При наступленіи ночи на каждой улицѣ и предъ каждымъ строеніемъ зажжены были многіе ряды лампадъ, наполненныхъ масломъ такъ, что свѣщильня плавала на поверхности. Малое количество соли дѣлаетъ пламя ярче и чище. Никакая ночь не бывала столь блистательна и печальна.

Быкъ есть богъ Мемфиса, а овца божество Саиса, и богослуженіе имѣетъ вліяніе на поклоняющихся имъ. Они такъ кротки, какъ животноя подъ ножницами.

Я не знаю, по какому сходству жишели города Саиса жгутъ ладонь для соны, которую называютъ *Нейта*.

(1) Геродот. III.

Симъ именемъ также называется одно изъ величайшихъ ихъ божествъ. На передней сторонѣ храма *Нейты*, которая, по мнѣнію моему, есть въ Египтѣ та же Изиды (1), и изъ которой Афинны, колонія Саиса, сдѣлали Минерву, я читалъ сію знаменитую надпись, о которой мнѣ столь много говорено было, и которая истинно возвышенна. Никогда Египтяне не оказывали возвышеннѣйшей премудрости, какъ въ сихъ немногихъ словахъ:

Я есть то, что было, есть и будетъ (2), изображая симъ самую *Натуру*, или, ежели угодно, всеобщую душу. Въ слѣдствіе сихъ словъ, заключающихъ въ себѣ все

(1) Египетская Изиды была въ основаніи только всеобщая *Натура*, начало всѣхъ вещей, которое сдѣлали безконечнымъ и вѣчнымъ, и которое составляетъ заблужденіе нашихъ Спинозистовъ и другихъ безбожниковъ — Египтяне во глубинѣ своихъ таинствъ признавали за бога міръ и всеобщую *Натуру*. По сему Египетскіе Мендесіенцы поклонялись ей подъ именемъ *Пана*, которой означаетъ міръ. . .

Histoire des cultes par Jurien.

(2) *Sum, qui sum.*

вещи, Изида, или Нейта, представлена сидящею, какъ *великое цѣлое*, на лонѣ котораго производятъ всѣ перемѣны, а оно имъ не подлежащъ.

При началѣ праздника Свѣтильниковъ принесенъ былъ къ ногамъ ея кумиръ Тифона и былъ съченъ рукою Жрецовъ.

Камбизъ не далъ мнѣ досуга разсмотрѣть лѣпописи города Саиса, которыя восходятъ далѣе осми тысячъ лѣтъ (1).

Мнѣ также хотѣлось быть при почныхъ пайнахъ казни и смерти бога, которому на другой день жизнь возвращается (2).

Мнѣ поданъ былъ шерстяной поясъ, вышканный изъ шерсти освященныхъ овецъ, содержащихся въ храмѣ Изиды (3).

Я взглянулъ мимоходомъ на гробъ дочери Царя Египетскаго. Опець для вѣщающей неповрежденности гроба далъ ему видъ коровы (4); монументъ конечно безъ вкуса, но и безъ соблазна, какъ

(1) Platon *Timée*.

(2) Геродотъ. II.

(3) Гебелинъ.

(4) Геродотъ. II.

статуи женъ и наложницъ Египетскихъ Царей, смѣшанныя въ однихъ чертогахъ въ Саисѣ и представленныя зрителямъ безъ всякаго покрывала.

Область Саиса носитъ имя великаго праздника, даваго толикой блескъ сему городу: она называется *страною свѣтильниковъ* (1).

Наконецъ я удовольствовался! сказалъ мнѣ Персидскій Царь, возвращаясь въ Мемфисъ.

Государь! дерзнулъ я примолвить ему: почто не приказали вы подать на споль вашъ Амазисова мяса, сбереженнаго въ соли? „Мудрый мужъ! отвѣчалъ онъ мнѣ съ горькостію: прощаю тебѣ сію неосторожность; но хочу тебя предупредить, что я упрямъ и неисправимъ. Въ самую сію минушу я представляю себѣ проспанное поле мщенія: ему надобно совершиться. — Аммонейцы суть чада Египта; жительство Еѳіопіи называетъ себя ихъ опцемъ; надобно, чтобы все, принадлежащее къ Нилу, было наказано моимъ оружіемъ. Для сего раздѣляю войска мои на три корпуса; морскія силы

(1) *Bibl. Apoll.*

назначаю прошивъ Карвагены; сухопутное войско направилъ свой ходъ къ Аммону и прошивъ Еѳіопа, копорой, сказывающъ, гордъ и хвалится своею неукрошимостію.“

Пивагоръ. Не сомнѣвайшесь въ томъ, Государь! я прѣхалъ изъ той страны; она весьма въ воинскихъ дѣлахъ навична.

Камбизъ. Я это хочу узнать. Сперва развѣдаю ихъ расположеніе. Элефантинскимъ рыбоѣдамъ, знающимъ тамошній языкъ, поручено отъ меня поднести подарки и посланіе сему народу. Опвѣшъ, какой они мнѣ принесутъ отъ него, рѣшитъ его судьбу.

Камбизъ не долго сего дожидался. Мудрецы Мероя внушили оной Еѳіопскому Монарху.

„Великій Государь! говорили по возвращеніи своемъ Посланники Камбиза: вотъ что приказано намъ сказать вамъ, не дозволить долге обитать въ сей неспраннолюбной землѣ: „Еѳіопской народъ не хочетъ ни дружбы Царя Персидскаго, ни богатыхъ и великолѣпныхъ его подарковъ. Онъ отвергаетъ союзъ съ Государемъ неправед-

нымъ. Ежели бы онъ былъ справедливъ то, довольствуясь своею короною, не вышелъ бы изъ своихъ черпоговъ для покоренія народовъ, не сдѣлавшихъ ему никакого зла и обиды. Посланники Камбиза! отвезите ему отъ насъ сей лукъ съ такимъ совѣтомъ, чпобъ онъ не вывелъ прежде на насъ своихъ войскъ, какъ когда руки воиновъ его будутъ сполько крѣпки, что могутъ безъ усилія натянуть лукъ такой величины. Посланники великаго Персидскаго Царя! скажите ему еще, чпобъ онъ возсылалъ благодареніе богамъ за то, что они не дали Еѳіопамъ желанія овладѣвать другими землями, кромѣ своей природной. Скажите ему, что мы не принимаемъ ни ожерельевъ его, ни наручей, ни благовонныхъ вещей, попому что мы не женщины. Что касается до золота, копорое онъ такъ же подноситъ намъ, то сойдите въ наши шемницы: такъ увидите вы, на что мы употребляемъ сей мешалъ. Мы куемъ изъ него цѣпи для укрощенія неистовыхъ безумцевъ и власполобивыхъ варваровъ.“

Камбизъ приказалъ меня призвать, чпобъ я былъ при возвращеніи сихъ его посланниковъ. Никогда не видывалъ я

смертнаго въ большемъ униженіи. „Наг-
лая челядь! ты погибнешь! вскричалъ
онъ въ ярости гнѣва. Пойдемъ въ Фивы.
Пяпдесять тысячъ рапоборцевъ доста-
почны къ изшребленію. Аммонійцевъ и
къ сожженію Юпиперова прорицалища въ
его храмѣ. Я самъ пойду съ другимъ
корпусомъ моего войска наказатъ сію над-
менную Еёіопію. Пивагоръ! сопровождай
меня. Ты слышалъ, какъ они презира-
ютъ меня; я хочу, чпобъ ты былъ при-
помъ ужасномъ наказаніи, какое имъ
приготовляю.“

Топчасъ выступили въ походъ, не-
давъ времени войскамъ снабдитъ себя до-
вольнымъ запасомъ. Едва прошли пяпую
часъ сего труднаго пути, какъ солдаты,
по недостатку въ содержаніи, начали
убивать живопныхъ, на которыхъ ве-
зены были военные снаряды, для насы-
щенія себя ихъ мясомъ и для утоленія
жажды кровію ихъ. Но сіе пособіе скоро
изшощилось. Надобно было ѣсть полевую
траву; но и шу не долго находить мог-
ли. А когда зашли въ пески (1), го-
лодь съ худыми щеками и впалыми гла-
зами представился во всемъ своемъ ужасѣ.

(1) Tertull. *de pallio*.

Персамъ, менѣе способнымъ сносить
мученія сіи, нежели пуспынный верб-
людь. Я видѣлъ, какъ сія безмѣрная
толпа вооруженныхъ людей, раздѣляясь
на десятки, бросала жеребей, кому изъ
сихъ пастъ подъ ножемъ необходимоспи
для насыщенія своихъ поварищей; видѣлъ,
какъ тысячи воиновъ, становясь въ
кругъ, поражали десятаго, дѣлили его
между собою съ сухимъ взглядомъ и про-
жорливымъ зубомъ; каждый пожиралъ
свою долю, еще трепещущую, и пилъ кровь;
видѣлъ брата и друга, насыщающаго-
ся тѣломъ своего брата и друга. Я слы-
шалъ нещаснаго (1), говорящаго къ по-
варищамъ своимъ, падая подъ сѣкирою
ихъ: „Поражайте, не мѣшкавъ; вы боль-
ше жалки, нежели я. Смерть моя не
есть мученіе въ сравненіи съ вашею жиз-
нію, копорой вы не можете иначе сохра-
нить, какъ за такую цѣну. Горе тѣмъ,
которые переживуть!“

Я говорилъ Камбизу, копорой не-
осмѣливался выдти изъ своей палатки
или качалки, и копорой поручилъ мнѣ
повѣрить донесенія, копорыя всякой день

(1) Qui ejusmodi aleretur cibo, longe eo, qui
decimatur, infelicior. — *B. Fulgosus*.

дѣлались печальнѣе: „Государь! поспѣшите дать приказъ къ выходу; возвратитесь назадъ какъ можно скорѣе, ежели не хотите видѣть всѣхъ вашихъ воиновъ, до двухъ послѣднихъ, пожранными другъ ошъ друга (1). Спрашитесь и для себя самихъ слѣдствій опчаянїя. Они знаютъ, что роскошь пвсего спола не вѣдаетъ о народномъ бѣдспвїи.“

И такъ мы возвратились въ Оивы. Тутъ ожидали насъ споль же печальныя извѣстїя. Всѣ пятьдесятъ тысячъ чело-вѣкъ войска, выпупившаго въ походъ противъ Аммонитовъ, не могли идти далѣе города Оазиса, отспояншаго на семь дней пушеспвїя ошъ древней Египетской столицы. Лишь только вышли они въ песчанья степи, въ намѣренїи приблизиться къ резиденцїи Оракула, какъ вдругъ поднялся вихрь съ южной стороны. Горы песку пали на сїю несчастную армію, и совсѣмъ погребли ее такъ, что не оспалось ни одного солдата для увѣ-

(1) Но для Камбиза бережена была лучшая дичь, и кухня его везена была на верблюдахъ, когда солдаты бросали жеребьи, кому жалостно умереть и кому еще жалостнѣе жить. — *Сенека о гнѣвѣ*. III. 20.

домленїя о семъ печальномъ приключенїи. Всѣ погибли до послѣдняго. Пятьдесятъ тысячъ чело-вѣкъ изглажены изъ книги жизни въ меньшее время, нежели сколько онаго пребуется къ вычищенїю порош-комъ нѣсколькихъ буквъ, неприлично написанныхъ на бумагѣ Нильскимъ прост-никомъ, обмоченнымъ въ цвѣшной раз-творѣ.

Тѣ, которые увѣдомляли о семъ Камбиза, не могли не дать примѣнить божескаго покровительсва, очевидно оказаннаго Жрецамъ Меройскимъ и Аммонитскимъ.

Не надобно болѣе ничего къ раздраженїю тако-го Государя, каковъ Камбизъ, копорой почипаль себя всемогущимъ, подобно богамъ.

„Отправимся въ Мемфисъ! говорилъ мнѣ Царь: ежели я останусь долѣе въ Оивахъ, то Жрецы, судьи сего города, дорого заплашптъ за благочеспивыя свои разсужденїя, копорыми они спараются украшпть повѣспвованїя о несчастїяхъ, кои испытываетъ моя слава.“

Но онъ не вышелъ изъ сего города, не ограбя его во всемъ, что сполько могъ похипить и унести; прочее же разо-

рилъ и изпребилъ; опустошилъ и сжегъ наилучше и богатѣйше памятники; не забылъ и Астрономической короны Озимандіева гроба; приложилъ ее къ священнымъ сосудамъ и неизчепнымъ сокровищамъ, которыми обогатился при опѣздѣ изъ города (1).

Завоеватель приказалъ также при своихъ глазахъ окарнать колоссальную статую Мемнона. Орудія разрушенія худо опѣчали его неперпѣливоспи и утомляли его ожиданіе.

Камбизъ хотѣлъ говорящій камень заставитъ совѣмъ молчать, но не могъ совершенно себя удовольствовать. Сей гранитъ до искаженія своего число произносилъ семь гласныхъ буквъ, въ соотвѣтствіе планетамъ и семи устьямъ Нила. По утру на другой день я ходилъ оплакивать развалины сего Астрономическаго памятника: оснавалась только нижняя часть статуи до пупа (2). Я замѣтилъ съ чувствомъ злобной радости, что Мемнонъ, не смотря на могущество деспота, не совѣмъ поше-

рялъ голосъ; онъ привѣтствовалъ еще первые лучи дневнаго свѣтила, издавая шонъ, хотя уже не стройный, но по крайней мѣрѣ напоминающій шо, чѣмъ онъ былъ. Онъ похожъ былъ на шонъ струны на лирѣ, когда она перерывается. Я не опасался увѣдомлять обо всемъ шомъ Камбиза.

Повелѣнія, данныя имъ о разрушеніи Геліопольскихъ обелисковъ, нашли такое же сопротивленіе. Не столь трудно было ихъ опрокинуть, какъ разбить. Можетъ быть, иѣкогда опять будутъ они возстановлены Государями, любителями художествъ (1).

Камбизъ приказалъ сжечь главныя Фивскія зданія. Уже многія были добычею пламени; и солдаты несли факель къ важнѣйшему обелиску въ цѣломъ Египтѣ.

„Государь! говорилъ я ему: вы ведете войну съ нарушителями народного права, съ народомъ, умертвившимъ вашихъ Посланниковъ; но безъ сомнѣнія не

(1) St. Jérôme. — Діодор. Сиц. I. Библ.
(2) Juvenal. Sat. XV.

(1) Плиній и Страбонъ увѣдомляютъ, что сіи опрокинутые обелиски были послѣ перевезены въ Римъ.

съ науками и не съ памяшниками ума; пощадите же сей обелискъ, посвященный Солнцу, богу вашему и моему. Сей кусокъ камня, на сто лакшей въ вышину и на восемь въ основаніи, покрытъ іероглифами, безмолвными исполковашелями Природы, соопвѣшшвенно правиламъ мудрости Египетской и Персидской.“

Камбизъ не далъ мнѣ болѣе говорить: приказъ былъ данъ ошановишь пожаръ.

Онъ похищаль все, что только могъ, одобряя Гомера и баснослововъ, которые изъ бога Марса дѣлають божество, общее военнымъ людямъ и разбойникамъ большихъ дорогъ.

Въ шотъ самый день, какъ мы вѣѣзжали въ Мемфисъ, торжествовался шамъ праздникъ въ честь бога Аписа. „Праздникъ! сказалъ мнѣ Камбизъ: когда всему надлежало бы носить прауръ ради двухъ случившихся со мною неудачъ! Ахъ! конечно радуются здѣсь о шотъ, что мнѣ причиняетъ печаль. Приведите ко мнѣ судей!“

Они явились и говорили: „Государь! Мемфійскій народъ не имѣлъ печальнаго извѣстія о вашей арміи, и праздновалъ день, освященный богослуженіемъ.“

Камбизъ. Вы меня обманываете...
Предашь ихъ смерти!

Я хочу узнать истину отъ самихъ первосвященниковъ Мемфійскихъ. Си, явьясь, повноряли по же, что несчастные ихъ собратія о бъявил и уже завоевашелю Египта.

„И вы также меня обманываете? но я васъ въ семь изобличу!“ ошвѣчалъ Камбизъ, приказывая имъ привеспи ихъ бога Аписа, котораго они называютъ еще *Элафусъ*. Это былъ молодой черной быкъ съ прекраснымъ четверугольнымъ бѣлымъ пашномъ на лбу. Жрецы исполняють приказаніе. Аписъ идетъ шихимъ шагомъ. Камбизъ въ неперпѣнн и бѣшенствѣ бѣжитъ на встрѣчу съ кинжаломъ и поражаетъ имъ его въ бедро. „Обманщики! говорилъ имъ Царь съ злобынымъ смѣхомъ: я зналъ, что сей праздникъ не посвященъ богу. Развѣ боги чувствуютъ удары? развѣ они состоятъ изъ мяса и крови? Вы думали, что я легковѣренъ. Я заставлю васъ имѣть о богахъ выгодѣйшее понятіе.“ Тогда махнулъ онъ рукою, и мучители, вооруженные длинными прутями, съ голыми руками, схватя первосвященниковъ быка Аписа, жестоко высѣкли. Они чрезъ силу

кое - какъ возвратились въ свой храмъ , ведя съ собою божество свое , люпѣйше плененное , которое на другой день нашли уже умирающимъ на носилкахъ своихъ , обогранныхъ его кровію.

Сіе приключеніе сдѣлало большее впечатлѣніе на духъ Египтянъ , нежели нашествіе непріятеля и рабство ихъ опеченнаго. Я слышалъ Мемфійскихъ женъ , глухимъ голосомъ произносящихъ сіе проклятіе : „О когдабъ и тебѣ , святопапшвенный завоеватель , испытать такую же участь , какую нашъ богъ Аписъ!“

Камбизъ , не пришедшій еще въ разумъ отъ нечестиваго своего сумасшесшвія , послалъ мясниковъ изрубить въ куски четвероногое сіе животное , и члены его разбросать по городу (1).

Сіе зрѣлище , довершившее скорбь Мемфисцевъ , подало случай къ другому святопапшсшву , которое однако было невольное. Собака опважилась ѣсть мясо быка Аписа , и дорого заплатила за сіе оскверненіе. Съ шой минушы она потеряла свои право на божество и преимущественно слышь священнѣйшимъ изъ

(1) Плутархъ.

животныхъ (1). Другія сохранили свою честь , воздержась отъ нечестиваго своего прожорсшва.

Камбизъ не остановился при семъ: онъ далъ повелѣніе поражать мечемъ каждого Египтянина , воздающаго честь богу Апису , или оплакивающаго смерть его. Сіе тоненіе усугубило ярость многихъ Мемфисцевъ ; убійсшво было ужасное.

Не взирая на сіе страшное пораженіе , весь городъ и весь Египетъ былъ покрытъ печалію; но жители не осмѣливались явно показывать сего. Они , собираясь во внутренности нѣкоторыхъ домовъ , сѣкли себя по плечамъ розгами или кнупьями , свитыми изъ трехъ веревокъ съ узлами и прикрепленными къ короткой ручкѣ. Сіе жестокое упражненіе было общее обоему полу. Женщины особенно разтерзывали себѣ грудь и покрывались пепломъ и грязью (2).

Нѣкоторые мужчины оспригали себѣ брови. Сверхъ того пихонько согласились вообще не называть уже Камбиза его именемъ , и съ того времени дали ему

(1) Купер. Гарлокрапъ.

(2) Геродот. III.

въ гіероглифѣ кинжалѣ. Другіе, дѣлая отношеніе къ Киру, вскормленному собакою (1), представили преемника его воспитываемымъ самою крокодила, для изображенія жестокаго характера сего завоевателя Египта.

„Мудрый мужъ! говорилъ мнѣ Царь Персидскій, пребуя всегда моего присутствія: ты видишь, что я не суевѣрь.“ — и не давъ мнѣ времени опрѣчаться, поспѣшилъ меня съ собою въ квартиры Тирійцевъ и Кароагенцевъ въ храмъ Вулкана, дабы я былъ свидѣтелемъ поруганій, какія онъ безчисленно оказывалъ сему богу, говоря: „худая честь божествамъ, дѣлать изъ нихъ пигмеевъ или обезьянъ (2).“

Въ Мемфисѣ представляють Вулкана подъ чертами *Патаикковъ*, или божескихъ изображеній, — которыя Финикіане спавятъ на споль или на передней споронѣ своихъ галерѣ для покровительствва мореплаванія.

(1) Porphyг.

(2) Геродотъ. II. 12. Morin. *Mem. de l'Acad. des Inscript.* T. 1.

Тамошняя Архитектура совсѣмъ противоположна божествамъ малаго росна, которыя тамъ почитаются. Южный притворъ храма Вулканова поддерживается колоссами въ двенадцать лактей, вмѣстѣ столбовъ (1).

Таблицы врачеванія больныхъ (2), повѣшенныя на сихъ столбахъ, конечно могли бы служить защитою противъ нападеній побѣдителя; но здоровье чловѣковъ мало прогаеть неистоваго безумца, дѣлающаго своею должностію убивать тысячи жерщвъ.

Тотъ же предлогъ послужилъ Камбизу случаемъ бросить въ огонь образъ Кабировъ, которыхъ храмъ онъ осквернилъ, пронизая вездѣ въ самое святилище, въ которое запрещено входить всякому другому, кромѣ главнаго Жреца.

Сему сказалъ онъ, выходя опшуда: „Жрецъ! приготовь мѣсто для моей спашуи подлѣ Сезостриса; онъ былъ побѣдитель Индіи, а я завоеватель Египта. Мы равны въ славѣ.“

(1) Lamy de *Tabernaculo.*

(2) Galenus de gener. V. 2.

Главный Жрецъ опвѣчалъ мужеспвенно: Государь! такія почести еще преждевременны для васъ; вы еще очень молоды. . . .

Камбизъ опвѣчалъ приказомъ предать его смерти.

Всякой, сдѣланный имъ въ Мемфисѣ, шагъ былъ святошатаствомъ. Онъ разорилъ древнія гробницы, и не слушалъ меня, когда я сильно говорилъ ему: Государь! горе завоевателямъ, наносящимъ соблазнъ покореннымъ ими народамъ. Народы прощаютъ за причиненныя войною бѣдствія; а обиды, сдѣланныя предметамъ ихъ богослуженія и гробамъ ихъ семействъ, не прощаютъ.

Склонность къ его разрушенію, превосходящая ревность и усердіе къ Магіи, не была еще удовольствована. Онъ приказалъ сжечь прекрасный храмъ, посвященный Солнцу въ Геліополѣ, гдѣ я былъ свидѣтелемъ возвышеннѣйшаго богослуженія (1).

Мнѣ прискорбно было, что я ничего не могъ изходапайствовать въ пользу Фивскаго Гіерофанта, посланнаго отъ

(1) Страбонъ. XVII.

сего города къ Камбизу, для изпрошенія нѣкоторой опсрочки налогу, какимъ обременилъ его сей завоеватель. — Вотъ почтенный и любезный Сизиметрій! говорилъ я ему шихонько въ удаленномъ мѣстѣ Мемфійскихъ черпоговъ: первая Имперія въ мѣрѣ, имѣвшая основаніемъ мудрѣйшую Полипику, и та погрязла въ пинѣ! Не много требовалось дней на разореніе и изтребленіе пруднаго дѣла многихъ вѣковъ; и то особенно ускоряетъ паденіемъ его, что вы давали ему основаніемъ. Суевѣріе Пелузскаго народа опверзаетъ врага Египта оружію непріятели, сдѣлавшагося ужаснымъ робостію побѣжденныхъ.

Сизиметрій. Сіе доказываетъ, что и лучшія правительства имѣютъ свою эпоху низпаденія, какъ и все прочее. Представь мнѣ такія, которыя бы существовали долѣе, будучи основаны на правилахъ, по мнѣнію твоему, чистой истины. Всѣ великія массы носятъ въ себѣ причину ихъ униженія. Пирамиды наши, прочнѣйше основанныя, нежели какія нибудь зданія, не изъяты отъ закона общаго.

Пивагоръ. Онѣ переживутъ пошь народъ, которой ихъ воздвигъ.

Сизиметрій. Мы по крайней мѣрѣ ославимъ глубочайшіе слѣды, нежели другіе народы. Слава безсмертія принадлежишь только Напурѣ; а слава человеческая соспоишь въ шумѣ, продолжающемся у однихъ болѣе, а у другихъ меньше.

Пиѳагорѣ. Должно ли для сего предпринимать шолікіе шруды?

Сизиметрій. Безъ сомнѣнія; дѣлать народѣ лучшимъ на многіе вѣки не еспь маловажно для друга человекѣвъ.

Пиѳагорѣ. Не взирая на вашъ примѣръ, развратъ начался около Амазиссѣва Двора, а попомѣ сдѣлался обшчимъ.

Сизиметрій. Повѣрь, что худые нравы не были причиною угнепающаго насъ бѣдствія.

Пиѳагорѣ. Какъ, Сизиметрій! между глубокими открышїями, собранными въ подземныхъ храминахъ сословія древнихъ Оивѣ, нѣтъ ни одного, могущаго отшвратишь погибель многихъ милїоновъ людѣй, нанесенную однимъ человекѣмъ? Молодой Государь; внукъ нищаго (*), не зная,

(*) Камбизѣ, отецъ великаго Кира и дѣдѣ Камбиза II., былъ сынъ нищаго.

куда употребишь время, для избѣжанія скуки, подѣ предлогомъ самымъ шупнымъ, можетъ, когда ему угодно, нанести опустошеніе многочисленному и миролюбивому народу! и вся мудрость древнихъ въ семъ народѣ будетъ безсильна къ отклоненію сего бича! Вы имѣете секретъ къ защищенію себя отъ молніи, но не имѣете онаго къ удаленію или отшраженію завоеващеля.

Сизиметрій. Такъ, Пиѳагорѣ! люди всегда были шакѣвы, и не будутъ инакѣвы.

Пиѳагорѣ. Сизиметрій! ты отшвѣчай за прошедшее, и позволь мнѣ удивиться увѣрительному швоему пону о неспособностіи будущихъ народовъ къ совершенству. Ежели бы сіе увѣреніе могло бышь доказано, шо оно было бы крайне печально.

Сизиметрій. И меня сіе сколько же опечаливаетъ, сколько тебя. Но сему иначе бышь не можно. Когда ты увидишь горы Ливїйскихъ песковъ сопротшвляющимися дыханію вѣшровѣ, приди и мнѣ скажи о томъ; тогда я повѣрю швердосши полишическихъ учрежденїй.

Пифагоръ. Я охотно вѣрю, по крайней мѣрѣ охотно ласкаю себя тѣмъ, что есть такія общественныя связи, которыми удобны сдѣлать народъ не столько зависящимъ отъ щастливыхъ обстоятельствъ и отъ своенравія людей.

Сизиметрій. Пифагоръ! докажи се на опытѣ: легко знаешь рѣшеніе поль великой проблемы. Будь щастливѣе насъ; воспользуйся, ежели можешь, симъ послѣднимъ опытомъ. Ты думаешь, что суевѣріе есть одна изъ главныхъ причинъ нещасній, проливающихся нынѣ на Египетъ, сохраняющій почтеніе къ богамъ, нами ему внушенное. Земля пространна; сыщи на ней такой новый народъ, для управленія которымъ былъ бы потребенъ только скипетръ разума. Ежели ты его найдешь, то приди, скажи намъ, и причисли насъ къ оному. Еслили я доживу и увижу такой феноменъ обществва, то обѣщаю тебѣ такое же послушаніе, какое ты намъ оказалъ. Между тѣмъ помни, что народъ, разумомъ управляемый, сколько же можетъ перемѣниться въ природѣ своей, сколько тапыль, которую онъ ногами попираетъ. Прости, Пифагоръ! желаю увидѣться съ тобою въ благополучнѣйшія обстоятельства.

Будемъ утѣшаться между тѣмъ сею мыслию, что мудрый есть выше всѣхъ приключеній, и носитъ въ себѣ лучший міръ, въ которомъ онъ можетъ укрываться и противиться всѣмъ бѣдствіямъ, постигающимъ простой народъ.

Пифагоръ. Я хочу и ищу другаго порядка вещей, которой не даетъ многихъ миліоновъ людей въ жертву одному поносѣйшимъ образомъ.

Сизиметрій. Я не знаю способа отвратить то, что сколько же возмущаетъ меня, какъ и тебя.

Пифагоръ. Способъ быть долженъ.

Сизиметрій. Покажи мнѣ его.

Пифагоръ. Ежели я не знаю такого способа, то по крайней мѣрѣ ласкаюсь знать причину сей глубокой и общей язвы человѣческаго рода.

Сизиметрій. Скажи же.

Пифагоръ. Невѣжество.

Сизиметрій. Мы говорили уже о семъ.

Пифагоръ. Представь себѣ армію Камбизову, составленную изъ людей

Часть III. Т

знающихъ и наблюдающихъ первыя свои должности; они конечно упросили бы Камбиза не разорять миролюбиваго Египта завоеваніемъ. Предположи, что Египетской войнѣ лучше наученъ: тогда онъ съ большимъ мужествомъ отражаетъ непріятеля и преслѣдуетъ его за границы.

Сизиметрій. Правда; просвѣщеніе послужило бы средствомъ и врачеваніемъ противъ всѣхъ полипическихъ золъ.

Пивагоръ. Многие люди, къ несчастію, считаютъ за нужное пользоваться симъ средствомъ только по временамъ и съ осторожностію.

Сизиметрій. За нами присматриваютъ.

Пивагоръ. Ахъ, любезный Сизиметрій! сколько бы мы съ тобою наговорили!

Сизиметрій. Разстанемся.

Пивагоръ. Согласимся по крайней мѣрѣ, смотря на ужасной переворотъ твоего опечества, что невѣжество есть мать всѣхъ золъ. Когда просвѣщеніе будетъ разпространено по всей землѣ, тогда люди будутъ тѣмъ, чѣмъ имъ быть должно.

Сизиметрій. Пока мы доживемъ до сего вѣка просвѣщенія, повторимъ сказанное въ священныхъ книгахъ нашихъ умирающимъ Термесомъ (1), что *сія жизнь есть нипто иное, какъ смерть.*

Когда Камбизъ, столь же незнающій Полипики, сколько жестокой и надмѣнный, объявилъ войну всему, что народы болѣе уважаютъ и любятъ, а имянно, богослуженію, обычаямъ и художествамъ; когда пятьдесятъ тысячъ Египтянъ, падая подъ остріемъ меча его (2), погибли среди развалинъ своего опечества: тогда, по причинѣ опускствія его въ городѣ Сюзѣ, сославлялся противъ него заговоръ и уже готовъ былъ отнять у него корону. Возвращеніе его къ своему семейству было необходимо. Ославляя Египетъ, онъ поручилъ управленіе имъ Аріандесу, поддѣйшему изъ придворныхъ его. . . Несчастная Нильская земля! уже ли ты не довольно еще унижена?

Поспѣшно отправясь въ Сирію, остановился онъ въ городѣ Экбапанѣ; а я все за нимъ слѣдовалъ. Когда онъ сядился

(1) Chalcidius in Timaeum.

(2) Biblioth. Photius.

на лошадь ѣхашъ въ Сюзъ, глубоко ранилъ самъ себя шпагою въ бедро.

Весь Египетъ, получа о семъ извѣстїе, поднялъ необычайный крикъ, превознося могущество быка Аписа. „Боги, говорили они, не оставляютъ безъ опущенія учиненныхъ имъ поруганій. Рано или поздно оно падетъ на выю нечестивцевъ!“ прибавили Жрецы.

Я сказалъ одному изъ нихъ: Осперягись! ты говоришь хулу; лучше и разумнѣе предупреждать зло, ежели возможно, нежели мстить за оное.

Жрецъ. Мы это знаемъ, какъ и ты; но мы шеперь только эхо народа.

Пифагоръ. Для чегожь не бышь лучше ошголоскомъ разума?

Радость была чрезвычайна, когда получено извѣстїе о смерти Камбиза. Аншоновъ огонь открылся въ его ранѣ. Онъ поручилъ меня одному изъ знатнѣйшихъ Персидскихъ господъ, которые сопровождали его, и велѣлъ ему спросить, не хочу ли я продолжать свое путешествие въ Вавилонъ. Ахеменидъ просилъ меня о томъ, и я тѣмъ охотнѣе согласился, что предметъ ошвращенія моего

не существовалъ уже для меня. Одинъ взоръ Камбиза былъ для меня наказанїемъ. Смерть его напомнила мнѣ послѣднїй разговоръ мой съ почтеннымъ Сизиметриемъ. Какое преимущество далъ онъ мнѣ надъ нимъ! Если бы случилось лошади упасть нѣсколькими мѣсяцами прежде, то сіе паденіе предоохранило бы Египетъ отъ непрїяпельскаго нападенія, котораго вся мудрость главныхъ Жрецовъ не умѣла предвидѣть и не могла ошвратить.

XII.

Пифагоръ на Кармельской горѣ.

Во время Камбизовыхъ похоронъ, продолжавшихся черезъ нѣсколько дней, я имѣлъ досугъ осмотрѣть городъ Экбатану и ея окрестности (1). Сеи неважный городъ построень на скатѣ горы вышиною на тысячу шаговъ и извѣстной подъ именемъ Кармельской. Повѣствованія о ней возбудили мое любопытство. Найденное

(1) Въ той сторонѣ есть городъ, называемый *Carmelus*, а по старинному, *Esbatana*. Плин. *Ист. Нат.* V. 19.

мною на вершинѣ ея заслуживало благороднѣйшее чувствованіе. На пути встрѣпилъ я смоляной или нефтяной родникъ, въ которомъ можно зажигать погасшіи свѣспильникъ (1). Я восходилъ по небольшому ручью, которой выпекаешь изъ многихъ виноградныхъ садовъ, въ коихъ виноградъ весьма сладокъ, что и было причиною извѣснаго преданія, яко бы первыя лозы были посажены рукою самаго Бахуса, путешествовавшаго по всей землѣ.

Ежели Бахусъ въ первомъ произхожденіи своемъ есть только осеннее солнце, то народное преданіе справедливо. Свѣспило дня и теплоты попеременно обещаетъ всѣ страны земнаго шара: безъ него нѣтъ хорошаго винограда. Взшедъ на вершину горы, я удивился малому пространству горизонта. Сія гора есть длинный хребетъ и собраніе горъ, копорыя сами собою ограничиваютъ видъ. Сія дѣль просирается отъ сѣвера къ югу и западу. Сперва представились мнѣ прекрасныя пастбища. Потомъ далѣе видъ переменяется и кажется не столь уже пріятнымъ. Я видѣлъ множество боль-

(1) Плиній, *Ист. Нат.* XXXI. 2.

шихъ кремней, совершенно похожихъ на дыню большаго рода. Они почти всѣ имѣютъ такую правильную фигуру, что можно ихъ почесать за самый сей плодъ, окаменѣлый во глубинѣ ближнихъ гротовъ, изкопанныхъ во многихъ мѣстахъ сей части горы. Сія горы Намуры не рѣдко встрѣчаются. Разбитые кремни представляютъ во внутренности совершенный образъ того овоща, копорому въ наружности подражаютъ. Продолжая мои изысканія, я сошелъ въ долину, лежащую противъ самаго полуденнаго зноя. Тутъ увидѣлъ я настоящія дыни, копорыхъ сажденіе и обработываніе такъ распорядены, что въ каждое время года можно имѣть спѣлыя. Я шѣмъ съ большимъ удовольствіемъ смотрѣлъ на нихъ, что онѣ показывали мнѣ страну, населенную людьми и земледѣльцами.

Я скоро увидѣлъ многихъ жилищей сихъ высокихъ мѣспъ. Они отлично были одѣшны: длинное и бѣлое ихъ платье по краямъ обложено чернымъ. Широкой кусокъ матеріи лежалъ на плечахъ. Голову закрываютъ они другимъ бѣлымъ же покрываломъ, прикрѣпленнымъ къ ихъ мантіи. Безъ сомнѣнія состояніе воздуха,

которымъ они дышуть, опредѣлило покрой ихъ плашья (*).

Языкъ ихъ есть довольно согласная смѣсь Финикійскаго и Греческаго нарѣчія. Я поздравлялъ ихъ съ такимъ прекраснымъ плодомъ, копорой даетъ Природа только неусыпному и трудолюбиво и доброму согласію. Они отвѣчали мнѣ съ нѣкоторою застенчивостію и весьма коротко. Желая болѣе ихъ проникнуть, я сказалъ: „Не праздность приводитъ меня сюда; носимый мною гѣроглифъ можешь ручаться за мою скромность.“

Одинъ изъ нихъ отвѣчалъ, привѣстивъ меня дважды: „Намъ также пріятно и почтенно имѣть между собою Инициата. Прими ночлегъ и успокойся подъ симъ пальмомъ.“

Тутъ подали намъ умѣренный завтракъ, копорой состоялъ изъ различныхъ освѣжающихъ фруктовъ, складенныхъ пирамидами въ корзинахъ между цвѣтами. По удовольствованіи сей пер-

(*) Орденъ Кармелитскихъ монаховъ, заступя мѣсто Философовъ шамошнихъ, принялъ ихъ одежду, подражая основателю своему Елисею, получившему мантію Іліи.

вой надобности, они повели меня на нѣкоторый лугъ, не далеко отъ поля дыней, покрытый гусною и высокою травою. Среди онаго возвышался жершвенникъ, или лучше, куча необдѣланныхъ камней, обросшихъ прекраснымъ мхомъ. На семъ возвышеніи лежалъ свертокъ бумаги, разкапанный до половины. Я сказалъ имъ съ усмѣшкою: „Здѣсь — то оный преножникъ, гдѣ вы даете божескіе опышны, копорыми споль много гордишся народъ Экбатанскій!“ — Читай! сказали они мнѣ въ отвѣтъ.

Я прочиталъ многія прекрасныя правила за подписаніемъ различныхъ именъ.

„Мы имѣемъ обыкновеніе, прибавили они, госпенрїимство наше полагаемъ въ цѣну, пребуя въ уплату отъ путешественниковъ, симъ щаспливымъ мѣстоположеніемъ вдохновенныхъ, какого нибудь добраго совѣша или испины; и вотъ что составляетъ наши оракулы. Есть (1) позади нашего селенія на про-

(1) Сей оракулъ существовалъ еще во время Веспасіанова. *Светоній* говорилъ, что онъ вопрошалъ бога Кармелитскаго. Отвѣты общали ему, что все желанія, какіи

пивной споронѣ горы одно прорицалище, копорое иногда смѣшивающъ съ нашимъ. Тамъ закалающъ живонныхъ, а здѣсь мы приносимъ на жертву только плоды. Тамъ показываютъ будущее; а мы смотримъ только на прошедшее. Народъ все сіе смѣшиваетъ: намъ приписываютъ честь дарованія сосѣдственныхъ нашихъ прорицателей, а имъ нашу умѣренность, копорую мы приняли себѣ за законъ. Впрочемъ мы живемъ мирно и безъ зависти. Они освобождаютъ насъ отъ безпокойства, попому что толпа народа спекается къ нимъ. Царство ихъ безъ сомнѣнія будетъ долѣе продолжаться, нежели наше, хотя и прежде нашего началось.

Сей оракулъ не всегда довольствовался кровію живонныхъ. За три вѣка назадъ происходила въ сихъ окрестностяхъ многочисленная священная церемонія Финикійскихъ Жрецовъ. Каждый сосѣдственный народъ выходилъ на дорогу видѣть ихъ. Оракулъ, опасаясь, чтобъ не быть осмавленнымъ отъ народа, пригласилъ ихъ къ себѣ, съ тѣмъ будто намѣренъ,

онъ предполагалъ себѣ въ разумѣ своемъ, еколь ни были велики, исполнились въ точности. *Кн. V. 5.*

чтобъ дать имъ успокоиться въ своихъ гропахъ. По тогдашнему обычаю предложено было, чтобы боговъ каждой страны завести въ споръ. Поединокъ былъ одобренъ; народъ со всѣхъ споронъ спекался, чтобъ быть свидѣтелемъ сей борьбы. Прорицатель безъ сомнѣнія предвидѣлъ весь успѣхъ. Финикійскіе Жрецы никакъ не могли довершить жертвоприношенія на своихъ олтаряхъ. Тщешно присоединяли они къ оному нѣсколько капель собственной своей крови, надрѣзывая руки. Все было бесполезно. Кармельской богъ былъ столько же щасливъ, какъ и Канопской. Онъ одержалъ побѣду. Жрецъ его не доволенъ былъ сею бесплодною побѣдою; онъ пребралъ мщенія. Народъ, не дожидаясь вторичнаго къ тому приглашенія, бросился на Финикійскихъ Жрецовъ, которые заявили жизнь за излишнюю на себя надежность. Увѣряющъ, что ихъ было восемь сотъ человекъ. Всѣ отвлечены были на берега Циссонскаго попока (1) и безжалостно были закланы на жертвенникъ, составленномъ изъ двенадцати камней, копорые и донынѣ существуютъ еще въ память сего приключенія.

(1) Voyage du P. Naud. XXI.

Пивагоръ. Похваляють служеніе ваше, которое вы приносите единому божеству безъ образа и жертвенника (1).

Кармельской мудрецъ. Вотъ храмъ нашъ, горизонтъ Кармельской горы (2); и единый Богъ, которому мы служимъ, дѣйствительно наполняетъ все пространство и не терпитъ себѣ соперника. Но истинная цѣль оплученія нашего опъ прочихъ людей и соединенія на сей пустынной равнинѣ, есть та, чпобъ нѣсколько болѣе приблизиться къ натурѣ и успранишься всего того, что не есть она. Мы соспавляемъ здѣсь небольшой отдѣленной народъ, которой живеть и продолжается безъ сообщества женщинъ (3). Мы можемъ обойтись безъ нихъ, пока онѣ не преспануть раздѣлять полипическихъ пороковъ, опъ которыхъ мы освобождены.

(1) Тацитъ, Истор. II. 78.

(2) Montis Carmeli incolae nullum dei sui templum, aras tantum modo in monte habuerunt. Stuckius, Sacrif.

(3) Плиній V. 17. *Исп. Нат.* — „Сей народъ продолжался болѣе двухъ тысячъ лѣтъ, хотя и не раждалъ потомковъ. Невѣроятная вещь, но справедливая!“ — *Дюлине.*

Пивагоръ. Женщины говорили мнѣ въ Экбапанѣ, что не бѣганьемъ опъ нихъ можно успѣшь въ ихъ усовершенствованіи.

Мудрецъ. Мы никогда не имѣли намѣренія спараться о семъ: это дѣло превышаетъ силы наши.

Пивагоръ. Но ежели оба пола чувствуютъ надобность сдѣлаться лучшими, то не иначе могутъ въ семъ успѣшь, какъ посебіемъ другъ другу.

Мудрецъ. Смертные, упомленные подъ бременемъ гражданской жизни и преслѣдуемые несчастіемъ, прибѣгаютъ сюда и находясь пристанище, оказавъ нѣкоторые вѣрные знаки твердости въ своей рѣшительности. Мы принимаемъ въ свое общество только такихъ людей, которые спраспямъ не порабожены. Мы не знаемъ и знать не хотимъ, что происходитъ внизу подъ ногами нашими.

Пивагоръ. Вы освобождаете себя опъ бесполезныхъ заботъ.

Мудрецъ. Съ того времени, какъ существуетъ наше общество, можетъ быть, провинція сто разъ уже переменяла правленіе и богослуженіе. Пока дозволено будетъ намъ не имѣть въ ономъ

никакого участія, мы располагаемся жить на сей высотѣ, не сходя съ оной.

Пифагоръ. И васъ оставляютъ въ покоѣ?

Мудрецъ. Въ сей справедливости не лъзя, кажешся, намъ опказашъ. Наблюдая должноти сообщества человекѣвъ, мы надѣемся имѣть право жить и для себя.

Пифагоръ. Могли бы быть еще большія пребыванія.

Мудрецъ. Мѣсто, гдѣ мы обитаемъ, не спойтъ на пути великихъ завоеваній. Что бы здѣсь спали дѣлать?

Пифагоръ. Зло, такъ какъ и вездѣ, для одного удовольствія дѣлать оное. Но увѣрыте себя, что Камбизъ, кажешся, для иного шолько и приблизился къ вамъ, чшобъ умереть при подошвѣ горы вашей.

Мудрецъ. Мы упвердили непрѣмѣнное число членѣвъ нашего общества. Желаютіе вступишь въ оное ожидаютъ въ ближней окрестности, пока опкроешся между нами праздное мѣсто. Насъ не много. Немногіе люди шакого характера, какой намъ прилчествуетъ.

Пифагоръ. Родившіяся съ человекѣвомъ спраспи подлинно рѣдко умираютъ прежде его.

Мудрецъ. По крайней мѣрѣ со временемъ можно заспавишь ихъ молчаніемъ. Впрочемъ здѣсь онѣ не много имѣютъ пищи.

Пифагоръ. Все имѣ служитъ пищею.

Мудрецъ. Въ большомъ обществѣ, а не здѣсь, гдѣ нѣтъ ни Политики, ни служенія, ни коммерціи, ни Орапоровъ.

Пифагоръ. Сколь вы шаспливы, чшо можете управлять спраспиями!

Мудрецъ. По крайней мѣрѣ мы спокойны, и въ возрастѣ разума покой заспупаемъ мѣсто шаспія. Каждый изъ насъ имѣетъ свой грѣтъ, свой садъ, кошорой обрабатываетъ самъ; а когда болѣзнь или великая старость опнимаютъ у кого силы къ тому, тогда прѣемлютъ о немъ попеченіе два ближайше его сосѣда. Мы собираемся три или чешыре раза въ день, особливо же при возхожденіи солнца и при наступленіи ночи, на сей равнинѣ, орошаемой никогда неизсякаемымъ испочникомъ и ошнваемымъ всегда зелеными деревцами; подѣ

тѣнью дуба, масличины, ели и деревья съ золотыми плодами, бесѣдуемъ свободно о высочайшихъ истинахъ, предоспавленныхъ упражненію мысли человѣческой; и такимъ образомъ провождаемъ жизнь на сей возвышенной землѣ, покрытой рощицами, раздѣляемой ручьями и покровительствуемой всегда яснымъ небомъ.

Пифагоръ. И вы не оспаваете никакихъ начертаній симъ мирнымъ размысленіямъ, могущимъ родить нѣкопорыя ясныя теоріи; ибо одна истина производитъ другую.

Мудрецъ. Мы ничего не пишемъ. Ежели бы мы должны были записывать свои разсужденія, то они, можешъ бышь, сдѣлались бы не споль свободны и натуральны.

Пифагоръ. Сколько полезныхъ вещей! и никто ими не пользуется!

Мудрецъ. Наука щастія всемія понятна. Опытъ всѣхъ временъ доказываетъ, что люди почти всегда были щасливывы съ просвѣщеннымъ разумомъ.

Пифагоръ. Что ты говоришь?

Мудрецъ. То, что думаю и что въ самомъ дѣлѣ есть. Натура сотворила

насъ бышь споль же знающими, сколько и богатыми.

Пифагоръ. Еспыли бы сіе правило было всемія принято, то оно разрушило бы общеспвенное состояніе и возвратило людей въ прежнее ихъ существованіе дикости.

Мудрецъ. Нѣтъ! оно бы нашло болѣе подражателей обитателямъ Кармилльскимъ. Люди возвратились бы въ сію щасливую умѣренность, въ которой жизнь есть порокъ или наказаніе.

Окружность хижинъ, населенныхъ простыми людьми, защищаетъ насъ отъ набѣговъ кабана, гѣны (1), пигра, и городскихъ жипелей, еще болѣе злодѣйственныхъ. Мы опочиваемъ на вѣрности сихъ добрыхъ земледѣльцевъ, и они поспушаютъ по нашимъ совѣшамъ. Они почитаютъ насъ, какъ своихъ опцевъ, а мы имѣемъ попеченіе о ихъ дѣшяхъ, такъ какъ бы они составляли наше семейство... Мы будемъ имѣть преемниковъ, которые, можешъ бышь, сдѣлаютъ болѣе. — —

При прощаньѣ я написалъ на табличѣ мудрецовъ Кармелипскихъ: „О когдабъ

(1) Volney, Voyage en Syrie. I.
Часть III. У

ваши преемники не смѣшали склонности къ праздности съ любленіемъ покоя (1)!"

ХІІІ.

Пиѳагорѣ на Ливанской горѣ — нравы Сиріанѣ.

Возвратясь въ Экбатану, я разсудилъ за благо не дожидаться отъѣзда двора умершаго Царя въ Вавилонъ и Сюзь. Путешествіе мое на Кармельскую гору возбудило во мнѣ сильное желаніе посѣтить внутренность Сиріи, которой одна сторона была уже мнѣ извѣстна. Она сперва находилась подъ властію Вавилонскихъ Халдеевъ, а потомъ перешла во владѣніе Кира. Съ опрядомъ Персовъ, которой я выпросилъ у Ахаменида, могъ удовольствовашь свое желаніе и прои-

(1) Посѣщеніе Пиѳагорова Кармельской горы въ послѣдствіи вѣковъ привлекло ему названіе Кармелитскаго монаха. Въ Безіерѣ, въ 1612 году, было даже сіе доказывано. *Kalde esse probabile Pythagoram Philosophum etiam fuisse Carmelitam.* Извѣстный *Papebrochius* опровергалъ сіе увѣреніе.

кнущъ къ неприступнымъ горамъ, не опасаясь гнѣва сего народа, котораго никто не могъ ни укротить, ни поработить. Послѣднія нашествія непріятелей, раздража его нравъ, сдѣлали недовѣрчивымъ и не столь склоннымъ къ страннолюбію, какъ прежде.

Завоеванія столько же дѣлають зла нравамъ народовъ, сколько и землѣ ихъ. Безъ сихъ губительствъ всѣ люди были бы брашья.

Не останавливаясь въ городахъ, я направилъ путь свой прямо въ Целесирію, или къ большой долинѣ. Сія возвышенная и неровная земля раздѣляется на двѣ длинныя и неровныя цѣпи горъ, оспавляя между ими пуспое мѣсто шириною на двѣ тысячи шаговъ.

Сія страна есть, можетъ быть, самая плодоноснѣйшая во всей Азіи. Прочно построенная въ срединѣ ея снѣжна (1) замыкаетъ сію долину, или раздѣляетъ на двѣ почти равныя части. Но Кирова армія, раздраженная такимъ препятствіемъ, сдѣлала себѣ въ ней ходъ, которымъ и я воспользовался. Сей ши-

(1) Плиній, *Ист. Нат.* V. 20.
У 2

рокой проломъ долго не будетъ задѣланъ. Да и на что прерывать сообщеніе, учрежденное самою Природою? Сдѣланная ей преграда не остается безъ наказанія. Весь сей путь прелестенъ и разнообразенъ. Буковые и шисовыя деревья, шерновникъ и шелковица, мелисса и дубъ, лавры и мирты, листвѣемъ своимъ, всегда зеленѣющимъ, закрываютъ шероховатость бѣлыхъ скалъ, служащихъ основаніемъ и оградой сей увеселишельной пустыни. Виноградные и смоковничные сады, безпрерывно осѣняющіе сельскія убѣжища, разсѣянные по излучистой дорогѣ пущешественника, облегчаютъ трудъ его при переходѣ ровъ, при безпрестанномъ возхожденіи и низхожденіи среди сего лабиринта холмовъ, лежащихъ одни надъ другими. Ихъ окружности проникнуты грозами, болѣе или менѣе глубокими. Есть шакія, въ которыхъ полторы тысячи человекъ могли бы помѣститься.

Многократно сравнивалъ я впечатлѣнія, испытываемыя попеременно, идучи отъ самой глубины оврага до высочайшей точки горы. Ничто лучше не доказываетъ вліянія предметовъ на духъ человѣческой. Въ долину, примыкающую къ рѣкѣ Оронту, тихо орошающей ее,

душа моя чувствовала себя болѣе спокойною, крпкою и миролюбною, нежели во всякомъ другомъ мѣстѣ; а взошедъ на окресныя вершины, приняла характеръ, соотвѣтственный мѣстоположенію, которому я удивлялся. Я былъ гордъ, какъ потокъ, съ шумомъ низвергающійся съ чела горы; чувствовалъ въ себѣ отважность его, и надмѣннѣйшее воображеніе мое погружалось въ отважнѣйшія размышленія.

На отдѣленной скалѣ среди *Тигровой долины* я нашелъ жертвенникъ, воздвигнутый Солнцу. Самый прекраснѣйшій храмъ не внушаетъ болѣе благочестивыхъ мыслей, какъ выборъ сего мѣста, примыкающаго къ другой скалѣ, сквозь которую потокъ отворилъ себѣ путь и сдѣлалъ такой сводъ, какого никакой Архипепоръ не отважился бы поспроить. Быстрое теченіе рѣки, произведшей оный, кажется, вмѣняетъ по себѣ въ славу. Въ нѣсколькихъ оптуда шагахъ онъ исчезаетъ, но потомъ опять является и увлажняетъ долину въ молчаніи, упомивъ эхо горъ. Сія земля изобилуетъ каменными ломками и рудниками, которые надолго останутся въ неизвѣстности или безъ употребленія. Огненное изверженіе,

предваренное землетрясеніемъ, повергло въ бездну принадлежать сосѣдственныхъ цвѣтущихъ городовъ (1). Жители, разсѣянные по симъ прекраснымъ мѣстамъ и повѣдавшіе мнѣ о семъ ужасномъ приключеніи, котораго память переходитъ отъ отца къ сыну, страшатся еще болѣе другаго бича, которой почти ежегодно возобновляется, и которой имъ общій съ Египетскими и Персидскими народами. Это саранча, иногда столь многочисленная, что помрачаетъ весь воздухъ, гдѣ проходитъ, и почти всегда оставляетъ послѣ себя голодь. Пожаръ не причиняетъ толкихъ опустошеній. Таковы игры Природы! Въ рукахъ ея насѣкомое и огнедышущая гора служатъ орудіями разрушенія для цѣлыхъ народовъ.

Оронтъ и Адонисъ суть двѣ главныя рѣки въ сей странѣ, которыя текутъ спокойно, какъ надобно для земли, изобилующей нѣжными произведеніями. — Такому дереву, которое родитъ финики или померанцы, не годится стоять подлѣ быстрыхъ и глубокихъ рѣкъ. Не вездѣ встрѣчаются такія драгоценныя

(1) Страбон. XVI. Геогр.

растѣнія въ сей странѣ, которая въ десяти часахъ путешествія имѣетъ различный климатъ и время года. Тамъ хорошо родится пшеница и ячмень, оливки и бобы. Абрикосы и сливы, финики и вишни спараются наперерывъ превзойти другъ друга въ красотѣ и благовоніи (1). Египетъ есть полезная область, а Сирія пріятный садъ.

Я много находилъ колодезь, съ великимъ стараніемъ построенныхъ для собранія и сбереженія дождевой воды, которая предпочитается рѣчной.

Жители переменяются и во нравахъ и въ цвѣтѣ лица по мѣсту ихъ жительства. Политическіе перевороты смѣшали ихъ. Есть нѣкоторые слѣды природныхъ тамошнихъ семействъ только въ долинахъ Целесиріи и на высокихъ горахъ. Женщины сохранили свою красоту. Онѣ всѣ имѣютъ прекрасные глаза.

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ народъ живетъ порознь отдѣленными семействами, я нашелъ остатки той природной вѣжливости, которая составляетъ средину

(1) Voyage de Volney en Syrie.

между обычаями дикихъ и полипическимъ изпорченнымъ правленіемъ.

Сиріане, населяющіе длинную долину и горы, живутъ семьями въ разныхъ хижинахъ. Въ мирное время старшій есть глава семейства, а въ военное отважнѣйшій и здоровѣйшій пѣломъ. Всякой небольшой народъ, кочующій или на одномъ мѣстѣ пребывающій, есть независимъ. Сирскіе земледѣльцы строятъ себѣ шалаши и ограды. Пастухи живутъ въ шатрахъ или гротахъ. Нужды ихъ не могутъ уже быть простѣе: нѣсколько молока и финиковъ достаточны имъ на цѣлый день.

Я примѣтилъ великую разность въ характерѣ и обычаяхъ между простыми людьми глубокой Сиріи и ихъ соплеменниками, живущими въ городахъ ближе къ предѣламъ или къ морю.

Городъ Балъ (нынѣ развалины Балбека), называемый въ Греціи Геліополемъ, представляетъ блистательнѣйшую картину, которая болѣе имѣетъ разнообразія. Положеніе его между Тиромъ и Пальмирою, которымъ онъ служилъ межею, доставляетъ еще ему изобиліе. Онъ находится въ смежности съ верховьемъ

рѣки Оронта. Тутъ видѣлъ я спатую, которую Нильскіе Геліополитанцы каждой годъ приносятъ туда съ великимъ торжествомъ. Это копія съ Озириса; не внося еще ее въ городъ Балъ, ходятъ съ нею по главныхъ городамъ Сиріи. Кумиръ золотой, или позолоченный и безбородый, держитъ правую руку возвышенную и вооруженную бичемъ, какъ небесный всадникъ или водитель прочихъ планетъ. Громовая стрѣла и колосья, какъ знаки его могущества и благопвореній, находясь въ лѣвой его рукѣ. Сей священный образъ принесенъ былъ на столъ или на носилкахъ, съ помпою, употребляемою при Олимпийскихъ играхъ, въ шествіи Жрецовъ.

Сиріане Эмесскіе представленіе солнца сдѣлали весьма простымъ. Они также поклоняются ему, но подъ видомъ круглаго и пирамидальнаго камня, или большаго сферическаго кремня.

Высѣкаемая изъ него искры и образованіе его, можетъ быть, достаточны были къ снисканію той чести, какая ему оказывается. Древнее преданіе прибавляетъ, что сей камень съ огненными

жилами отдѣлился отъ солнца и упалъ на землю (1).

Къ Геліопольскому празднику готовяющіяся спрогимъ наблюдениемъ продолжительнаго воздержанія и обривіемъ головы. По точномъ исполненіи сего чувствуютъ себя одушевленными божественнымъ духомъ. Небесное дуновение открываетъ будущее. Тогда можно вопрошати божество, которое удостоитъ васъ отвѣта на письмѣ, ежели письменнo же воспросите его. Сиріане Геліопольскіе не признаютъ другихъ мужескихъ божествъ, кромѣ Солнца, и потому называютъ его *Ададъ*, или *единый*. Они сопрягаютъ съ нимъ *Адаргати*, то есть землю; не подражаютъ народамъ, которые, не довольствуясь сими двумя предметами, обоготворяютъ еще каждое ихъ свойство. Сирскіе Геліополитане управляютъ богослуженіе только Солнцу и Землѣ. Они представляютъ *Адада* въ срединѣ лавроваго вѣнка въ лучахъ, обращенныхъ на *Адаргати*. Сія напрошивъ поднимаетъ и устремляетъ глаза свои на сіе свѣшило, безъ котораго она ничего не можетъ про-

(1) Плутархъ, *vita Lysand.* Плин. *Ист. Нап.* II.

извесить. Сіи обѣ стапуи носятя на лвахъ. Торжество богослуженія ихъ состоитъ особенно въ пѣніи гимновъ, въ которыхъ заключающя Орфеевы правила. Они начинаютъ и оканчиваютъ сею рѣчью или воззваніемъ, высокимъ въ прошомъ своей:

Солнце! ты есть все.

Орфей въ глазахъ моихъ есть первый Стихотворецъ. Онъ призвалъ смертныхъ къ богослуженію Напуры. Любезные ученики мои! ежели бы спросили меня: какому человѣку желаешь уподобиться? Орфею, вскричалъ бы я (1).

Изъ двухъ небольшихъ рѣкъ, орошающихъ сей городъ, одна проходитъ подъ сводомъ, служащимъ основаніемъ храму Солнца. Управляющіе въ ономъ богослуженіе сказывали мнѣ, что сіе священное зданіе обязано произхожденіемъ своимъ нѣкому обѣшу (2). Жители, угрожаемые нѣкогда непріятельскимъ нападеніемъ, прибѣгли подъ покровительство

(1) Omnino ajunt, Pythagoram solum animaeque Orphei aemulatorem fuisse. — Jan. bl. vita Pythag.

(2) Laroque. Voyage en Syrie. T. I.

великаго свѣпила, обѣщая воздавать ему такое служеніе, которое помрачитъ всё прочія, ежели они останутся побѣдителями. Они были услышаны, и благодарность послѣдовала за благодареніемъ.

Я предвижу, что сей ветхій храмъ Солнца будетъ нѣкогда замѣненъ памятникомъ, достойнѣйшимъ носимаго имъ имени.

Мнѣ сообщена была Сирская лѣтопись, которая начало сего города относитъ къ Самурновымъ временамъ (1). Сіи города суть чада боговъ (2): Эфесъ родился отъ Діаны, Галикарнасъ отъ Салмазиса, Паеосъ отъ Венеры, Самосъ отъ Юноны. Красота Геліополитанскихъ женщинъ не подвержена сомнѣнію. Я былъ ею пораженъ. Нѣкоторой гражданинъ, примѣня сѣе, сказалъ мнѣ: „Сему причина та, что ласковость возвышаетъ красоту женщинъ, когда онѣ оказываютъ ее по любви къ богамъ и къ своему опечеству. . . . Иностранецъ! продолжалъ

(1) Euseb. Praepar. Evang. IX. 12.

(2) Варронъ противнаго мнѣнія: *Civitates*, говоритъ онъ, *diis quos ipsae instituerunt, ut pictor tabella, priores sunt*.

онъ: ты сему дивишься; но послушай: въ сихъ странахъ, неудобныхъ для путешествія, страннопріимство есть первая изъ добродѣтелей, и должности онаго превышаютъ всё прочія. Въ длинномъ пути, среди горящихъ песковъ и степей, какіе предметы вождѣленнѣе для путешественника? Онъ особенно желаетъ двухъ: источника живой воды и ласки женщины. Сѣе мы соединили въ округѣ города нашего и другихъ многихъ, особливо въ Геліополѣ. Мы не дорожимъ отличными удовольствіями: мы не изъ шѣхъ народовъ, которые предоснавляютъ только себѣ и опказываютъ путешественникамъ особенно въ томъ, что соснавляетъ пріятнѣйшую радость жизни, и лишеніе чего весьма трудно сносить. Мы выбираемъ себѣ супругъ и помощницъ изъ прекраснѣйшихъ женщинъ, дабы большую заслужить благодарность отъ путешественниковъ, проходящихъ черезъ наши равнины и горы (1). Они много намъ дѣлаютъ чести, когда раздѣляютъ съ нами нашъ столъ и ложе.“

Пивагоръ. Не возможно уже далѣе проспирать благосклонности: и вы не

(1) Voyage en Syr. par Volney. II. XXVII.

опасаетесь, чшобъ это не было иначе из-толковано?

Геліололитанецъ. Сіе было бы очень неблагоуарно.

Пивагоръ. Тѣми, которыя еще наблюдаютъ общественную благоприснойность.

Геліололитанецъ. Можно ли лучше здѣшняго наблюдать законы общественности?

Пивагоръ. Чшожъ будетъ съ правами семейства?

Геліололитанецъ. Права семейства не основываются ли на правахъ маперинскаго свойства? а сіи не всегда ли тверды?

У насъ обычай таковъ: иностранецъ, проходящій черезъ нашъ городъ, прежде всего (1) воздастъ честь Солнцу въ храмъ его; потомъ идетъ въ храмъ ночнаго свѣпила, или Венеры. Сюда каждой вечеръ приходятъ всѣ наши женщины, кромѣ тѣхъ, которыхъ цвѣпъ красоты уже минулъ. Путешественникъ дѣлаетъ выборъ. Та, на которую онъ обратилъ глаза свои, представляетъ его своему

(1) Eusebius, vita Const. III. Socrat. Hist. eccl. I.

супругу, которой радуется о преимущесствѣ, сдѣланномъ его хозяйству, и уходитъ изъ дому, предоставя своей помощницѣ угостить путешественника. Ты усмѣхаешься. . .

Пивагоръ. Я вспомнилъ городъ Галикарнасъ (*), чрезъ которой проходилъ.

Геліололитанецъ. Пока путешественника задерживаютъ здѣсь дѣла его, онъ можетъ пользоваться правами супруга; долженъ только внести подать на содержаніе Венерина служенія; тогда онъ свободенъ, и всѣ довольны; Венера рѣ, почтеніи, отечество наше не пусто; чужестранецъ благословляетъ страннолюбное сіе учрежденіе, которое не оспавляетъ ему ничего желать; жены наши исполняютъ обѣтъ Природы безъ малѣйшей укоризны, а мужья ихъ поржествуютъ о томъ, что согласили всѣ выгоды, и чшо симъ легкимъ пожертвованіемъ отправляютъ сильнѣйшіе удары, наносимые нравамъ и народному спокойствію. Для сихъ - по причинѣ мы собрали у себя

(*) Смолри сего сочиненія Часть I. § XXV.

все, что есть лучшаго у музыкальныхъ игроковъ (1). Первые музыканты воспока находяща въ нашемъ городѣ такъ, что въ спѣнахъ нашихъ все внушаемъ гармонію и доброе согласіе.

Я много благодарилъ Геліополитанца, говоря, что какъ я только мимоходомъ зашелъ въ ихъ городъ, то и не могу воспользоваться выгодами споль пріятнаго пребыванія, сопровождаемаго споль щедрыми ласками. Я не хопѣлъ болѣе о томъ знашь, а спросилъ только о числѣ народа.

Геліополитанецъ. Наша Сирія можетъ считашъ по крайней мѣрѣ десять миліоновъ жителей (2). Число нашихъ городовъ, достойныхъ сей степени, простираетъ до ста.

Внѣ стѣнъ города я примѣшилъ многихъ гражданъ обоого пола, пославленныхъ рядомъ около круглаго камня, покрытаго древними характерами, копорые Жрецъ имѣ изъяснялъ. Мнѣ сказали, что это *бетиль*. (3), или одинъ изъ одуше-

(1) Laroque, voy. en Syrie. I.

(2) Страбон. Георг. Joseph. Hist.

(3) Damasc. par Photius Falconnet.

вленныхъ Ураномъ камней, по еспь, одаренныхъ предчувствованіемъ будущаго и служащихъ оракуломъ Геліополитанамъ.

Нѣтъ надобности въ строеніи прекрасныхъ храмовъ. Народу все служилъ къ богопочитанію; онъ сполько жаждетъ вѣры (1), что обрашаемъ оную даже къ камнямъ бепилямъ, намазавъ ихъ прежде масломъ (2): спойтъ только ему услышатъ, что нѣкопорые видѣли сии камни падающими съ неба вмѣстѣ съ молніею. И Эмесское солнце еспь безъ сомнѣнія одинъ изъ тѣхъ камней.

Я не могъ рѣшиться идти далѣе, не осмопрѣвъ большой Сирской долины (3). Она при самомъ входѣ глубока и прохладна. Замыкающія ее горы покрыты зеленью и увѣнчаны кленами. Я шупь видѣлъ родъ бѣлаго шерна, распущаго довольно высоко и въ такой толщинѣ, что можетъ годенъ бытъ для ши-

(1) Греки сдѣлали изъ сего слова поговорицу. Смолри *Эразм. Хиліад. IV.*

(2) Павзан. Фок. —

(3) Страб. XVI. Геогр.

сковъ (1). Я употребилъ цѣлой день на обозрѣніе сей долины, слѣдуя по небольшимъ излучинамъ ручья, наводняющаго ее во всю длину, и чрезъ копорой я многократно переходилъ по бревнамъ, сложеннымъ въ видѣ моста. Небольшія гроты, или лучше, свяшилица, обращенныя лицомъ къ первымъ лучамъ солнца, представляются въ извѣстномъ разстояніи ушомленному путешественнику, или созерцающему красоту мѣстъ и свѣшила, никогда не проникающаго во глубину ихъ. Нѣсколько хижинъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разсѣяно на скалѣ горѣ, и онѣ пользуются въ одно время двойною выгодною мѣстоположеніемъ, возвышенныхъ и низкихъ. Щастливые земледѣльцы поднесли мнѣ стаканъ инакъ называемаго у нихъ *золотаго вина*, благополучнаго произведенія ихъ виноградныхъ садовъ, копорыхъ киши златишъ солнце. Я сѣлъ между ими на рогожку, и шопъ же стаканъ, симъ напитокомъ наполненный, былъ еще дважды мною выпороженъ послѣ моихъ хозяевъ. При третьемъ разѣ я всталъ и изпросилъ у Нимфы прекраснаго, подлѣ находящагося источника, свѣжей сребри-

(1) Reland. 521.

стой воды для прогнанія паровъ поль горячаго напитка.

Я видѣлъ многихъ жителей глубочайшей спарости. Мало такихъ мѣстъ на земномъ шарѣ, гдѣ бы люди могли такъ долго жить, какъ въ Целесиріи. Мнѣ указали пропінку для удобнѣйшаго восхода на вершину большой скалы, которая со многихъ вѣковъ угрожаетъ паденіемъ жителямъ долины, но, кажется, щадишъ ихъ невинность. Дорога сдѣлана хитрымъ образомъ: искусный переплетъ большихъ сучьевъ, крѣпко утвержденныхъ концами въ самой скалѣ, споль же древней, какъ и мѣръ, составляетъ рядъ ступенекъ, копорыя я съ трудомъ могъ перейти; но былъ вознагражденъ зрѣлищемъ, какое представляется на сей высотѣ. Я обозрѣлъ долину во всемъ ея пространствѣ и во всѣхъ видахъ. Взоръ съ низу въ верхъ придаетъ крылья достигнуть вершины; а видъ опшуда во глубину долины раждаетъ желаніе опять сойти внизъ. Мы хотѣли дойти до кедровъ, хотя и опасались встрѣшитъ шигровъ и медвѣдей, живущихъ на сихъ высотахъ. Прочія мѣста сей страны оспавляютъ сіи люпые звѣри спадамъ кропчайшихъ жившныхъ. Я видѣлъ шупъ родъ

воловъ, споль же крѣпкихъ, какъ Египетскіе, и слѣдовательно гораздо крѣпчайшихъ, нежели въ Греціи и Италіи. Грива ихъ развѣиваетъ по плечамъ (1); хвостъ у овецъ длиною съ локошь (2).

Я видѣлъ козъ, у которыхъ уши споль были длинны, что волоклись по землѣ. Я ихъ смѣрялъ и дѣйствительно нашелъ длинными на цѣлую лядень и чешыре пальца (*).

Мы провели ночь въ грощѣ близъ кипарисной роши. Зрѣлище, ожидавшее насъ при восхожденіи солнца, весьма важно. Тамъ струи прозрачныхъ водъ, пѣнящіяся водопады превворялись въ потоки съ гармоническимъ шумомъ. Ухо скоро привыкаетъ къ сему. Весьма трудная пропинка, проложенная между скалами надъ многими пропастями, оканчи-

(1) Aristotel. Hist. an.

(2) Локошь средней величины. Voy. Metrologie de Paucot.

(*) Чтобъ не слишкомъ близко держаться словъ подлинника, мы помѣщаемъ здѣсь два названія древнихъ мѣръ: *длина лядени*, или *треть ладони*.

валась у самой горы *Ливанскихъ* кедровъ (1).

Мы сперва увидѣли скалу, изъ которой вытекаеть быстрый опъ рожденія своего ручей и течеть скоро чрезъ распоянтіе двухъ дней путешествія, прежде нежели оставитъ сіи мѣста. Подошедъ ближе, открыли мы цѣлой амфиатръ горъ. Какое великолѣпное зрѣлище! Послѣ двухъ часовъ путешествія и по прошествіи проспирающей на сѣверъ равнины, земля возвышается многими колѣнами. На самой высочайшей вершинѣ, долго закрываемой многими рядами другихъ горъ и показывающейся только за четверть часа пупи до нея, видны наконецъ оныя кедры, изъ всѣхъ извѣстныхъ деревъ достойнѣйшіе великой ихъ славы. Самый гордый кленъ, отличнѣйшій по величинѣ своей смоковницы (*sycamores*) отнюдь не могутъ съ ними равняться. Ихъ не много, но споль высоки и крѣпки, что, не видѣвши ихъ, не

(1) *Ливанъ*, по мнѣнію нѣкоторыхъ, значить *бѣлый*, по причинѣ снѣговъ, всегда покрывающихъ сѣверную часть сихъ возвышенныхъ мѣстъ. — *Nouveau voyage en Grèce.*

льзя имѣть о томъ понятія. Вершина многихъ изъ нихъ пирамидальна; а другихъ описываетъ совершенный кругъ зелени, не измѣняющейся ни въ какое время года. Каплющій съ плодовъ ихъ бальзамъ наполняетъ воздухъ благовоніемъ и очищаетъ его. Я просидѣлъ три часа подлѣ сего великолѣпнаго произведенія Натуры, предавшейся всей своей силѣ. На досугъ хотѣлъ узнать ближе возвышеніе, толщину и свойства сего перваго изъ деревъ, которое много имѣетъ сходства съ мелissoю. Я измѣрялъ превеликую окружность его пня, и разсмотрѣлъ благовонную его смолу.

Пусть вельможи, не могущіе смотрѣть на себя безъ гордости, пушешествуютъ въ Сирію, взойдутъ на Ливанскую гору и примѣряются къ кедру! Ежели орелъ, котораго много перьевъ я собралъ, имѣетъ ищеславіе, то должно ему въ семь простить; потому что онъ возлетаетъ еще выше кедровъ и вьетъ свое гнѣздо на вершинѣ ихъ послѣднихъ вѣтвей. Но человекъ!... сколь онъ малъ при подошвѣ кедровъ! сколь крапко, ограничено и несчастно его бытіе въ сравненіи съ существованіемъ кедровъ, коими не ищеть себѣ пищи для содержа-

нія. Онъ состоитъ на одной почкѣ пять или шесть вѣковъ, и къ существованію его содѣйствуетъ и споспѣшествуетъ земля и небо, солнце и воздухъ. Вся Природа плащитъ ему дань, пришекаетъ къ нему со всѣхъ сторонъ и спремится служить ему.

Въ то же время я примѣтилъ, что большая часть растѣній находящаяся на самой высокой горѣ. Ливанъ столь высокъ, что мореходцы, при оплышій отъ острова Кипрскаго въ Сирію, уже примѣчаютъ его вершину.

Среди кедроваго лѣсу я видѣлъ множество собранныхъ въ кучу кусковъ мрамора и камней. Проводники мои сказали мнѣ, что Киръ намѣревался на семь мѣсяцевъ соорудить храмъ Солнцу (1). Преемники его безъ сомнѣнія почтутъ своею должностію исполнить сіе священное намѣреніе.

Я сказалъ самому себѣ: на что новый храмъ? какой Архитекторъ найдетъ колонны опважнѣйшаго и правильнѣйшаго образца, нежели каковыя спвола сихъ

(1) Lucien, Deesse de Syrie. Константинъ велѣлъ разрушить сей храмъ.

кедровъ? Какое святилище, какой жертвенникъ можетъ сравняться съ сею плоскостію горы, осязаемою величественнѣйшими деревьями? Какое поклоненіе будетъ благоутробнѣе солнцу, какъ колебаніе кедровъ, наклоняющихъ главы свои?

Простолюдинъ на всѣхъ почти возвышеніяхъ горъ, открывающихъ великіе виды, гдѣ мыслящій человекъ оспанавливается для размышленія и наслажденія поражающими его красотами, хочетъ воздвигать олтари изъ камней или дерну, думая, что онъ тушъ находится ближе къ богамъ и лучше можетъ услышанъ бытъ (1). Онъ поклоняется и молится тамъ, гдѣ мудрый удивляется и размышляетъ. Всѣ высокія мѣста, даже на разстояніи одного только часа путешествія, ознаменованы подобными небольшими памятниками. Вся Сирія ими наполнена, и я нигдѣ ихъ столько не встрѣчалъ, какъ здѣсь; потому что мѣстоположеніе гораздо удобнѣе ко внушенію благоговѣнія и ко вдохновенію.

На сихъ высокіхъ мѣстахъ торжествуется праздникъ *Кедровъ* (*), въ которомъ,

(1) Prolegomenes Sabaiques.

(2) Recueil des missions IV.

къ сожалѣнію, я не могъ участвовать. Тамошніе обыватели, живущіе въ ближнихъ гротахъ, въ извѣстный день собираются для подрѣзыванія коры на сихъ прекрасныхъ деревьяхъ и для собиранія бальзама, текущаго изъ нихъ въ видѣ камеди. Онъ скоро залѣчиваетъ раны.

Послѣ сей драгоценной жатвы поются гимны благодарительнымъ божествамъ горъ. На Ливанской горѣ и въ Сидонѣ, природномъ моемъ городѣ, указатель (1), или спрѣлка на солнечныхъ часахъ 35ми часпей, отбрасывалъ въ равноденствіи 24 часпи тѣни.

Самый должайшій день соспоитъ изъ 14 часовъ и 12 минутъ.

XIV.

Пивагоръ во храмѣ Сирской богини.

Я сошелъ съ сихъ горъ въ глубокомыслии и удивленіи великимъ явленіямъ растительной силы, и приказалъ моимъ проводникамъ идти къ городу Пальмирѣ.

(1) Плин. *Ист. Нат.* VI.

Я останавливался подлѣ многихъ высокихъ каменныхъ столбовъ, покрытыхъ различными знаками (1).

Спавшій шумъ спарикъ, проснувшись отъ шума вооруженныхъ моихъ проводниковъ, подошелъ ко мнѣ и, проникнувъ въ мою мысль, говорилъ:

„Почтенный путешественникъ! ты находишься въ землѣ *Кельбенцовъ* (2). Мы такъ называемся по созвѣздію *Сириуса* (*). На сихъ памятникахъ мы изчислили небесное шеченіе его, дабы продлить его память среди всѣхъ наводненій, какимъ сія страна была уже подвержена. Сія столбы служатъ еще намъ олшарями; ибо изъ Астрономіи мы сдѣлали себѣ Религію, и блистательная звѣзда *Сириусъ* есть наше божество, такъ какъ и сосѣдовъ нашихъ *Египтянъ*, которымъ она предсказываетъ разливіе *Нила*. Да пролетѣтъ сіе свѣтило на тебя, какъ и на насъ, благотворныя свои вліянія!

Далѣе встрѣпишь древнюю спасую, представляющую прекрасную, но

(1) *Древности Иудейск.* Иос. Фл. I. 2.

(2) *Relig. des Perses* par Th. Hyde.

(*) *Кельбъ*, каникулы или созвѣздіе *Пса*.

печальную женщину. Наклоненная глава ея лежишь на рукѣ, изъ глазъ текушь слезы, и великое покрывало закрываетъ ее до половины. Это образъ *Природы* зимою, по есць вдовы *Солнца*, удалившагося отъ нея.

Сей памятникъ служитъ возбужденіемъ къ благодарности для шѣхъ народовъ, кои облагодѣтельствованы болѣе, нежели другіе, присутствіемъ царя *Природы*. “

Я дѣйствительно видѣлъ сей символической образъ, которой былъ грубой работы, и примѣнилъ, что онъ имѣлъ своимъ основаніемъ большой плоской и круглой камень. Сія фигура была не безъ намѣренія. Я послѣ узналъ, что первые жители сихъ странъ такъ представляли *Солнце*, которое они называютъ еще *богомъ - круглымъ*.

Сей кумиръ, которой мнѣ напомнилъ о статуѣ *Кипрской Венеры*, многократно былъ принимаемъ за оную; ибо *Ливанская Финикія* также называется *землею Венеры* (1). Сверхъ того она имѣетъ порже-

(1) *Eschyl. supplic.* V.

ственное служеніе въ сосѣдственномъ городѣ Архскомъ (1).

Мы направили путь свой между западомъ и востокомъ чрезъ ровную и песчаную долину. Едва въ двенадцать часовъ могли мы перейти сей прудной путь: не было ни деревьевъ, ни ручьевъ, а по объѣмъ сторонамъ простиралась двойная цѣпь дикихъ пустыхъ горъ, которыя будто смыкались за часъ до прихода нашего на широкую долину, представляющую неожиданное явленіе двухъ источниковъ, по прошествіи шоль длиннаго пути среди безплодной пустыни. Близъ лежащій городъ (Пальмира) безъ сомнѣнія обязанъ своимъ бытіемъ симъ двумъ источникамъ, орошаемымъ пальмами. Онъ окруженъ крѣпкими стѣнами. Нигдѣ не видывалъ я столько жемчугу, копорой составляетъ одну изъ главнѣйшихъ вѣщвей его торговли. Также продается тамъ много золота, ладану и павлиновъ.

Женщины нравовъ весьма сомнительныхъ, и я предвижу, что онѣ на семъ не основаны; выдумываютъ, по обстоятельству и времени, различныя моды въ одеждѣ: самая благоприспоспобнѣй-

(1) Мавроб. *Saturn.* I.

шая естъ та, копорую онѣ называютъ *Энолидою* (1). Сіе плашье, подъ грудью очень узкое, распаивается весьма широко сверху для отккрытія всей груди и плечь.

Города *Солнца* и *Пальмовъ* ежедневно, какъ мнѣ сказывали, принимаютъ новой видъ, и каждый годъ воздвигаются въ нихъ новые памятники.

Жители управляютъ собственными своими законами, но съ одобренія Персидскаго Царя. Они довольствуются сею полу-свободою. Богослуженіе, дѣла и утѣхи столько много ихъ занимаютъ, что они не имѣютъ времени желать прочнѣйшаго порядка вещей. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, сказали бы, что независимость естъ шолько прекрасная излишность.

Странные обычаи, почти одинакіе въ обоихъ городахъ, безъ сомнѣнія обязаны своимъ произхожденіемъ разврату, какъ необходимому слѣдствію спеченія и смѣси многихъ народовъ, равно суевѣрныхъ. Я рѣшился дойти до ихъ источника, проспирова мои изысканія до Гіерополя,

(1) *Barthelemy, Antiquit. Palmyr.*

близь Евфрапа находящагося, гдѣ царствуютъ подобныя же нравы. Мнѣ надобно было только семь дней упопробить, чтобы достигнуть къ храму великой богини Сирской. Ведущая шуда дорога пересѣкается многими подземными каналами и водоводами для соединенія всѣхъ родниковъ и для провода ихъ въ пустыню. Сіе есть дѣло Сиртянъ при помощи Персовъ, ихъ завоевателей. Но должно ли начинать войною сооруженіе сихъ памятниковъ мира и спраннопримства?

Дорога окружена многолюднѣйшими хижинами, расположенными около дождевыхъ водоемовъ, весьма многочисленныхъ въ сихъ безводныхъ мѣстахъ, кои только горы и небо могутъ орошать и дѣлать плодородными.

Въ священномъ городѣ (Гіерополѣ) находится одинъ только памятникъ, а именно древній храмъ, занимающій средину на небольшомъ пригоркѣ, къ которому, какъ кажется, послѣ дѣланы были пристройки. Только богослуженіе, тамъ отправляемое, достойно примѣнанія: предметъ онаго есть великая богиня Сирская, какъ сказали мнѣ жители Гіерополя; ибо нѣтъ другаго подобнаго эгои-

ста, какъ народъ. Собравъ всѣ преданія, я легко могъ открыть, что сіе великое торжество имѣешь цѣлю нѣчто возвышеннѣйшее, нежели мѣстное божество.

Завоеватели сей прекрасной земли, какъ лучшие Политики, нежели Камбизъ, всѣ уважали тамошнія понятія о Религій; и храмъ Гіеропольской, можетъ быть, богаче ими изъ всѣхъ существующихъ. Всѣ восточные Государя наперерывъ хотѣли осыпать его дарами; и ежели сія набожность продолжится, то надобно будетъ построить новое зданіе для принятія великолѣпныхъ приношеній, ежедневно со всѣхъ сторонъ прибывающихъ, копорыя совсѣмъ сокроютъ изъ глазъ главной предметъ. Такимъ образомъ блестящія случайности всегда зашмиваютъ швердое основаніе вещи, достойнѣйшей уваженія.

Глубокое отверстіе земли среди публичнаго мѣста, передъ главными вратами храма, мнѣ кажется произхожденіемъ и храма и города и всѣхъ богатствъ, шуда сносимыхъ. Дважды въ годъ льютъ въ оное отверстіе воду, почерпаемую въ самомъ морѣ, въ знакъ воспоминанія шой древней эпохи, когда населяемая нами земля была освобождена отъ первород-

ныхъ водъ и учинилась обитаемою и плодоносною. Греки наши, копорые не всегда увеличивающъ то, что усовершенствують, видящъ въ семъ только попопъ Девкаліоновъ. Кажется, что современъ Семирамиды не совсѣмъ еще изглажены слѣды сего перваго произхожденія мѣра; ибо Вавилонская Царица прислала въ Гіеропольской храмъ въ подарокъ большую статую, представляющую сверху до половины женщину, а отъ пояса до ногъ рыбу: гіероглифъ земли, еще полунаводненной. Верхняя часть сего образа посвящена Реи, сестрѣ и женѣ Самурна. Сіе напоминаетъ о томъ щасливомъ времени, когда человекъ, только вышедшій изъ рукъ Природы, будучи чуждъ пороковъ, жилъ въ невинности. Она везена была на колесницѣ львами, а на головѣ ея лежалъ вѣнецъ, символическое изображеніе первыхъ начертаній гражданского общества, когда земля, изсохшая отъ солнечнаго зноя при знакѣ Льва, видѣла жителей своихъ обрабатывающихъ свои помѣстья и утверждающихъ первыя ограды.

Наиболѣе почитается въ семъ мѣстѣ изображеніе родительнаго органа, пред-

ставленнаго въ колоссальномъ размѣрѣ (1): простое означеніе величайшаго размноженія рода человеческого въ сіи первыя времена, когда дѣвственная земля имѣла всю свою силу.

Дважды въ годъ мущина всходитъ на верхъ фалла и пребываетъ тамъ безсходно семь дней, то есть, пока сольется вода въ бездну, предъ храмомъ находящуюся.

Сіе еще изображаетъ рѣдъ человеческій въ колыбели его, когда онъ еще обязанъ былъ строитъ первыя свои жилища на вершинѣ горъ. Надобно было минути семи вѣкамъ, пока земля могла сдѣлаться способною къ обработанію и населенію на ровныхъ ея мѣстахъ.

Храмъ стоитъ лицомъ къ востоку, поднятъ отъ земли на шесть шаговъ, раздѣленныхъ на двенадцать ступеней, черезъ которыя надобно переходитъ до порога. Вступя въ преддверіе, дышатъ ароматическимъ воздухомъ, приносящимъ цѣлебный бальзамъ душѣ, проникнутой испанскими шаинствами.

(1) Lucian la *Déesse de Lydie*.

Любезные ученики мои! льняная одежда, которую я иногда носилъ, и которую храню, еще теперь напоена симъ благовоиѣмъ, соснавленнымъ изъ всего того, что Аравія имѣетъ проницательнѣйшаго и отличнѣйшаго.

Первые предметы, поражающіе при самомъ входѣ, суть двѣ золотыя сѣпашуи. Первая, сидящая на быкѣ, есть Юпитеръ или лучше, Сераписъ, то есть Солнце. Вторая представляетъ прекрасную женщину во всей крѣпости здравія. Это земля, или, коли угодно, Натура. Голова ея въ лучахъ; на шеѣ виситъ до колѣнъ и до ногъ длинная перевязь, украшенная богатыми металлами и камнями, представляющими 12 живыхъ зодіака.

Въ одной рукѣ держитъ скипетръ, а въ другой веретено. Говорятъ, что это Юнона. Изъ всѣхъ покрывающихъ ея украшеній самое удивительнѣйшее есть камень, положенный на челѣ ея; его называютъ *свѣтильникомъ*, потому что онъ одинъ можетъ освѣщать весь храмъ разливающимся изъ него блескомъ во тьмѣ. Днемъ онъ кажется огнемъ; а ночью свѣтъ его представляется въ явленіяхъ луны (1).

(1) Плин. *Ист. Нат.* XXXVII. 10.

Сей кумиръ, изображающій не иное что, какъ Природу, имѣетъ еще особенное достоинство: съ которой стороны ни посмотришь на него, онъ самъ смотритъ всегда на въ лицо. Глаза его, кажутся, слѣдуютъ за зрителемъ, и не возможно ихъ избѣгнуть. Такъ Натура все видитъ и все обнимаетъ однимъ взоромъ. Не можно укрыться отъ ея проницательности и бдительности. Куда человекъ ни пойдетъ, всегда ходитъ въ присутствіи Натуры.

Гордая Семирамида оказала ей произвольное уваженіе, или лучше, вынужденное обшпояшельствами. Золотой голубъ на плечѣ сей сѣпашуи есть даръ Царицы Вавилонской. Дважды въ году носится въ великой помпѣ до самыхъ береговъ Евфрата золотая Семирамидина птица, въ воспоминаніе молодыхъ дѣвицъ, которыя ежегодно сходили съ высокихъ мѣсяцъ для узнанія успѣховъ въ осушеніи равнинъ.

Въ послѣдствіи времени храмъ Геропольской наполненъ былъ всѣми сѣпашуями, какія въ немъ находятся. Тамоншія лѣтописи повѣснвуютъ, что холмъ, служащій храму основаніемъ, былъ въ началѣ жертвенникомъ, и часъ богослуженія

было восхожденіе солнца, которое тамъ будто упокоевалось въ всемъ своемъ упреніи великолѣпїи. Когда же вздумали оградить сей олтарь стѣною, которая долго почитаемая была за храмъ; то не было уже надобности въ небольшихъ палаткахъ для помѣщенїя символическихъ изображеній различныхъ свойствъ солнца. Но никто не помышлялъ о посвященїи ему статуи и представленїи собственнаго его образа. Это предпрїятїе превышаетъ силы самаго искуснѣйшаго художника. Довольствовались только изкопанїемъ ему святилища, которое освящается пучкомъ, но во внушенность котораго ударялись первые лучи солнца. Тогда люди могли почитать себя находящимися какъ бы въ присутствїи самаго бога. Онъ не есть невидимъ, какъ всѣ вымышленные послѣ для соприсутствїя съ нимъ на семъ мѣстѣ. Также поступлено было и въ разсужденїи свѣтила ночнаго. Сама луна приходитъ къ нимъ для принятїя почести, воздаваемой ей вечеромъ въ нѣкоторые дни мѣсяца.

Повѣствуютъ, что Семирамида, заведуя оказываемымъ лунѣ почестямъ, запретила богослуженїе ей не только у себя, но и въ Сирїи и во всѣхъ странахъ, покоренныхъ оружіемъ ея власи. Такое

нечестїе имѣло худой успѣхъ. Съ той минуты полипическая слава ея была помрачаема безчисленными переворотами. Для умилоствленїя неба она послѣшила прислать мѣдную статую свою, которая стоить внѣ у дверей храма. Сїя гордая Царица представлена въ положенїи умиленной просительницы. Рукою своею, кажешся, приглашаетъ она народы, которые мудрѣе и скромнѣе ея, къ принесенїю жертвъ.

Но Семирамида вознаграждена за сїе на горѣ Мидійской (*). Тамъ есть другой кумиръ, высѣченный изъ одного камня, семнадцати стадїй, и представляющій сїю гордую женщину стоящую среди ста фигуръ мужчинъ, преклонившихъ передъ нею колѣна.

Другія статуи, не столь огромныя, какъ ея, украшаютъ преддверїе Геропольскаго храма. Тутъ видѣлъ я Елену и Андромаха, Париса и Ахиллеса. Лучше можно бы было ихъ расставить: но сїе рѣдко наблюдается при богослуженїи и благочестивыхъ упражненїяхъ людей.

(*) Багистанъ, принадлежащій къ цѣпи Кавказскихъ горъ.

Къ симъ фигурамъ присоединены изображенія нѣкоторыхъ животныхъ, какъ-то: быка, лошади, льва и орла.

Служителей храма весьма много: ихъ насчиталъ болѣе прехъ сотъ чело-вѣкъ въ обыкновенномъ ихъ торжествѣ. Они всѣ одѣты въ бѣлое платье и носятъ на головѣ высокую шапку, а главный Жрецъ золотую митру и порфиру.

Кромѣ Жрецовъ много находится игроковъ на флейтѣ, цимбалахъ и свирѣли.

Въ храмѣ живутъ и женщины между Жрецами, но безъ соблазна, потому что сіи послѣдніе не имѣютъ знака пола. Сіи женщины, посвятивъ себя безбрачной жизни, получили за то даръ какого-то періодическаго неистовства. Коль доспойны сожалѣнія всѣ сіи учрежденія при ближайшемъ разсмотрѣніи!

Среди пруда, наполненнаго рыбою, на золотыхъ плахахъ поставленъ другой жертвенникъ, гдѣ приносятъ жертву, плавая по водѣ, въ воспоминаніе того, что происходило въ первыя времена. Тогда семейства, жившія на землѣ порознь, дѣлали взаимныя другъ другу посѣщенія, переплывая покрытыя водою долины,

и забавлялись ловленіемъ рыбы шамъ, гдѣ послѣ увеселяющія охотою.

Сіи драгоценныя слѣды почтенной древности день ото дня теряются по тому, что когда сіе служеніе Намуръ и Солнцу сдѣлалось извѣстнымъ сосѣдственнымъ народамъ, тогда каждый изъ нихъ принесъ своихъ боговъ, свои обычаи и свою родословную о богахъ. Древнее служеніе въ первоначальной своей простотѣ не требовало отъ поклонниковъ плодоносной напурой пожертвованія родительными органами. Я видѣлъ Жрецовъ, которые, изказивъ свой полъ, разрѣзывали себѣ локошъ и выпускали кровь. Истинно божественное вдохновеніе не заспавляетъ челоуѣка поднимать на себя ножъ и торжествовать о изувѣченіи, которое съ сожалѣніемъ освѣщаетъ солнце плодоносными своими лучами. На другой же сторонѣ храма дѣлаются совсѣмъ противныя тому дѣла: оба пола слѣдуютъ шамъ грубому своему инстинкту, оставя утѣхи, подверженныя закону разума. Такое зрѣлище лучше могло бы имѣть мѣсто въ Каппадокіи и Аравіи (1), гдѣ поклоняются божеству Солнца.

(1) Renaudot. Mem. de l'Acad. des Ins. III.

Прежде не наполняли они соблазнами своими прищворовъ сего храма. Новобрачные супруги во всей невинности своей приходили туда собирать первые плоды Гименея; а другіе, для копорыхъ бракосочетаніе не составило щастія, поправляя шупъ свою ошибку, перемѣняя союзъ. Молодые путешественники приходили тамъ искать себѣ подругъ, въ копорыхъ опечесство отказало имъ по причинѣ великой бѣдности. Изъ сего числа-го испочника вышekli многія злоупотребленія, и наконецъ дошло дѣло до увѣченія себя и до такихъ обыкновеній, копорыя хопя не столь безчеловѣчны, но гораздо, можетъ быть, спранныѣ, нежели каковы въ Сирскомъ Геліополѣ.

Вѣ сїи набожныя дѣла, столь много уклонившіяся отъ первоначальнаго ихъ учрежденія, не имѣютъ мѣста во внутренности храма. Она не оскверняется ни кровію закалаемыхъ жертвъ, ни окорнованіемъ Жрецовъ, ни нечистымъ дыханіемъ разпущныхъ любовниковъ и безстыдныхъ супруговъ. Намура и производительный агентъ ея прославляются тамъ доспойно древними пѣснями, исполненными разума и куреніемъ оимѣама. Молодыя дѣвушки посвящаютъ тамъ

въ жертву первые свои волосы, сохраняя ихъ въ золотомъ сосудѣ; а юноши по же дѣлаютъ съ волосами своей бороды, копорая покрываетъ ихъ подбородокъ.

Но увы! я былъ почти очевиднымъ свидѣтелемъ безчеловѣчной жертвы, какую матери, достойная быть помѣщенными между горскими гѣнами, приносятъ на самыхъ высокихъ переходахъ храма. Я видѣлъ женщину, безъ сомнѣнія сумасшедшую, копорая, завернувъ въ покрывало своего младенца, сама бросила его внизъ на послѣднюю ступеньку, а потомъ погрузила на дно священныхъ водъ озера. Воззрѣніе на сію жестокость заставило меня выдти изъ храма немедленно: я ушелъ отсюда, закрывъ голову епанчею.

XV.

Пиѳагоръ въ Вавилонѣ. Описаніе мѣстоположенія. Обычаи и нравы сего города.

Я не прежде началъ дышать свободно, какъ достигнувъ береговъ Евфрапа, дабы по немъ спуститься въ Вавилонъ, вели-

чайшій изъ всѣхъ освѣщаемыхъ солнцемъ городовъ , какъ говоритъ Павзаній.

Спокойная рѣка сія вездѣ доставляетъ тихое плаваніе человѣку миролюбивому , пупешеспвующему для наученія. Она , кажется , отказываетъ въ своей спихіи жаднымъ купцамъ и безразсуднымъ честполюбцамъ , вооружающимъ и снаряжающимъ пняжелые корабли. Я ввѣрилъ себя тамошней баркѣ , почти круглой , какъ щипъ. Не видно на ней ни кормы , ни руля : это была крѣпкая плетушка , ушвержденная на ивовыхъ шестахъ и покрытая ослиною кожею. Нужно только одно весло для направленія ея по теченію воды.

Торгующіе въ Вавилонѣ *Горрейцы* (1) упопреляютъ только простые паромы.

Армяне плаваютъ по Евфрату и возятъ клади по пяни птысячъ тамошнихъ шаланповъ на особыхъ своихъ лодкахъ. Вавилонской шаланпъ составляетъ семь птысячъ Амписческихъ или Эвоическихъ драхмъ (2).

(1) Страбон. XVI. *Геогр.*

(2) Геродотъ. III.

Евфратъ печетъ пихо и даетъ время на обзорнїе прекрасной равнины , черезъ которую онъ пропекаетъ и дѣлаетъ ее плодоною. Камни во многихъ мѣстахъ суживаютъ его дно. На пупи своемъ онъ раздѣляетъ воды свои земледѣльцамъ , опворяющимъ ему ходъ въ жаждущія ихъ поля. Сіе много опнижаетъ у него глубины и возмущаетъ его теченіе ; когда вода опстаивается и дѣлается свѣпшою , составляетъ самый легкой и здоровый напитокъ. Онъ въ своемъ нѣдрѣ пипаетъ различныхъ рыбъ , которыя всѣ способны для удовольспванія попробностей человѣческихъ.

Плѣнясь красотами сей спраны , одной изъ первыхъ жилищъ мїра , я не одинъ разъ оставлялъ свою лодку , выходя на берегъ и осматривая обипели , построенныя на семъ прелеспномъ берегу.

Онъ покрытъ машинами , служащими къ поднятію воды , въ видѣ перекладинъ , поднимаемыхъ и опускаемыхъ руками.

Евфратъ производитъ нѣкоторой родъ бумаги , такъ же способной къ письму , какъ и Нильская (1). Но восточные на-

(1) Плин. *Ист. Нат.* XIII.

роды болѣе пишутъ свои мысли на по-
лошнѣ или каменныхъ плитахъ.

Вездѣ я видѣлъ и удивлялся щас-
ливымъ произведеніямъ промышленности
и безчисленнымъ выгодамъ, одною рѣкою
всему великому народу доставляемымъ.
Что бы сіе было, ежели бы сей великой
народъ оказывалъ себя въ поведеніи и чув-
ствованіяхъ своихъ благороднѣе и достой-
нѣе обнимаемой имъ земли и сокровищъ,
въ разпоряженіе его отданныхъ!

Пусть Евфратъ переспанешъ печь
хотя на одно время года! Вавилонія и
Халдея, которыхъ безоблачное небо нико-
гда не освѣжаешъ благотворными дожда-
ми, сдѣлаются другою Ливією. Присуп-
ствіе Евфрапа опредѣлило селеніе наукъ
и ихъ успѣхи. Съ береговъ его возвысил-
ся духъ человѣческой и носится надъ
всѣмъ земнымъ шаромъ.

Со взоромъ моимъ не встрѣчались сіи
прекрасные виноградники, долины, мас-
личными деревьями покрытыя, фини-
квыя рощицы, составляющія богатство
Сиріи; но одинъ пальмъ могъ вознагра-
дитъ за всѣ сіи выгоды. Орошаемая
Евфрапомъ земли покрытыя сими деревь-
ями, и всѣ почти приносятъ финики.

Вавилонцы не изощаются въ по-
хвалахъ о семъ прекрасномъ растѣніи.
Они приписываютъ ему столько различ-
ныхъ свойствъ, сколько считаютъ дней
въ году (1).

Халдейскіе Поэты воспѣваютъ 560
благодѣяній пальма, которой самъ по
себѣ даетъ человѣку хлѣбъ и медъ, вино
и уксусъ и даже посуду для содержанія
сихъ жидкостей. Пальмъ очень любилъ
сію землю, хотя и нѣтъ въ ней соли,
кѣпорая ему благопріятствуетъ (2); но
Ассиріане разсыпаютъ ее вокругъ сего
гордаго растѣнія.

Присутствіе Вавилонской ивы пока-
зываетъ землю влажную и плодосную.
Она растетъ около Халдейской столицы,
гдѣ я множество видѣлъ ея. Листъ
нагибается и ложится на себя въ весь-
ма пріятномъ видѣ. Вавилонскую область
называютъ долиною ивъ (3). Я еще ви-
дѣлъ шелковичное дерево съ красными пло-
дами. Чечевича даетъ много масла; просо,
овесъ и ячмень роснутъ тамъ въ вышину

(1) Плумарх. Propos. de tabl. VIII.

(2) Theophrast. de causis. III.

(3) Monde primit. de Gebelin.

деревъ, и каждое зерно приноситъ двѣши, а часто и до трехъ сопъ. Хлѣбъ жнётся два раза, а въ третій оспа-вляеяся для корму скотинѣ; безъ чего выросшала бы только трава.

За нѣсколько часовъ пути до Вавило-на въ мѣстечкѣ *Аграни*, котораго скоро уже не будетъ (ибо Персіане велѣли оное разорить), шло Евфрата претерпѣваетъ прату, несравненно большую проливъ предыдущихъ. Здѣсь его раздѣляютъ на каналы, чтобы не могъ причинить наводне-нія городу.

На большой дорогѣ, шуда ведущей и оканчивающейся у воротъ Арменіи, я остановился на минушу для осмоирѣнія пирамидальной массы (1), воздвигнутой по повелѣнію Семирамиды и посвящен-ной Солнцу. Сей обелискъ состоитъ изъ одного камня, отпорженного отъ Армян-скихъ горъ, вышиною на сто шаговъ. Многими стадами ословъ и быковъ везенъ онъ былъ до Евфрата, гдѣ ожидала его нарочно построенная барка.

Сей памятникъ лучше предска-зываетъ о великости города, нежели столбы,

(1) Діодор. Сиц. II. 11.

поставленные по повелѣнію сей же Царицы на большихъ дорогахъ въ покоренныхъ Державъ ея обласпяхъ, и на которыхъ видно еще изображеніе Семира-мидина пола безъ покрывала (1).

Мнѣ сказывали; что Вавилонъ зани-маетъ внутри мѣста на столько ста-дій, сколько есть дней въ году. Я узналъ и изъ сего размѣра любовь Халдеевъ къ Астрономіи. Они оставляютъ слѣды ея даже на такихъ предметахъ, которые совсѣмъ до сей науки не относятся. Не одинъ Вавилонъ изъ восточныхъ городовъ содержитъ сіи изчисленія въ фигурѣ стѣнъ и ихъ окружности. Древняя Эк-башана представляетъ рѣдкость въ семь родъ.

Наружная окружность Вавилонскихъ стѣнъ, которая простирается на 480 стадій (2), при первоначальномъ своемъ основаніи имѣла нѣкоторое сходство съ разпущенными крыльями орла. Нынѣ же представляетъ она точный квадратъ, чрезъ которой прямо течетъ рѣка отъ

(1) Antiqu. Etrusques par Dancarville. V.

(2) Rocolles, impoft. ins. Сіе составилъ 60 миль Аглинскихъ.

сѣвера къ югу. Евфратъ изъ сего одного города дѣлаетъ два; а ежели бы онъ не былъ раздѣленъ, то по чрезмѣрной обширности своей былъ бы чудо.

Начальствующій надъ провожавшимъ меня отрядомъ сказывалъ мнѣ, что Камбизъ, не имѣвшій славы завоевать сей городъ, для униженія его (1), назначилъ ему быть звѣрицею, дабы въ немъ забавляясь ловлею рыжихъ звѣрей (2). Ужь ли сіе дѣло рукъ человѣческихъ, первое и знаменѣйшее изъ извѣстныхъ заведеній, должно было имѣть такой конецъ? ужь ли человѣки опважуются сооружать другіе города, не бывъ болѣе увѣренными, что судьба сихъ заведеній не споль будете несчастна? Да, участь Вавилона, Оивъ и Мемфиса не такъ еще скоро внушитъ народамъ опъращеніе запираетъ себя такимъ образомъ въ звѣринцы, какъ сшада живоныхъ.

Вышность Вавилона показываетъ огромную шемницу. Высокія стѣны его служатъ совершенною противоположно-

(1) Danville.

(2) Pollux. IX. 3. — A. Gell. II. 20. — Xenophon. Memorab.

стію веселому виду окружающихъ его полей. Эпо все сады, и я нигдѣ не видывалъ прекраснѣйшихъ плодовъ.

Надобно быть людямъ либо весьма боязливымъ, либо худымъ, чпобъ рѣшились на такое заключеніе себя среди шолсіныхъ стѣнъ и на лишеніе восхитительнаго зрѣлища, представляемаго Напурою со всѣхъ сторонъ.

Сіи стѣны обмазаны нѣкоторою смолою, изъ долины Сидимской взяпою и лучшею въ добротѣ передъ шюю, копорая доспаешся изъ видѣннаго мною колодца за семь часовъ пуши отъ Сюза. Сія послѣдняя цвѣтомъ гораздо шемнѣе.

Вавилонъ стоитъ среди прекрасной долины, копорая мало чувспвуетъ знои отъ опаляющаго неба. Ахъ! предки жителей Вавилонской и Халдейской земель, сошедъ съ Кавказскихъ горъ, ограничивающихъ горизонтъ съ сѣверной стороны, долго жили на берегахъ Евфрата, и сполько заняты были прекрасными явленіями неба и благодѣянтіями земли, что безъ сомнѣнія не помышляли о построеніи непобѣдимаго и неприсупнаго убѣжища шлою искусства. Многата стоило шруда воздвигнуть споль высоко обширную ка-

менную ограду, дабы послѣ сдѣлашья добычею власполюбиваго сосѣда!

Какой гражданинъ не почиталъ себя непобѣдимымъ, будучи охраняемъ соннею мѣдныхъ воропъ и шремя башнями, между каждымъ воропами, къ защищенію служащими; оградою, имѣющею толщину на 50 шаговъ, построенною изъ каменной и кирпичей, смазанныхъ и залитыхъ особою смолою? На сей стѣнѣ можетъ изворачиваться карена чешвернею. Чпобы проникнуть въ городъ, надобно переѣзжать черезъ мостъ: ибо городъ извнѣ обведенъ широкимъ рвомъ, которой Евфратъ наполняетъ своими водами.

При самомъ входѣ чрезъ Белидскія (1) ворота, я увидѣлъ себя какъ бы въ новомъ мірѣ, рукою человѣческою сдѣланномъ въ такой соразмѣрности, которая, кажется, оспоривала прекрасной порядокъ, дарствующій во вселенной. Проспанные дома построены въ линію, и ославляютъ между собою свободной проходъ воздуху. Есть такія улицы, которыя шириною на два плевра, или 152 локтя. Безъ сей мудрой

(1) Геродот. III. *Belide*, можетъ быть, происходитъ отъ *Belus*.

предосторожности не возможно бы было жить въ такомъ безмѣрно великомъ городѣ по причинѣ шамошняго зноя, конденпированнаго между толъ безчисленнымъ множествомъ зданій. Каждой домъ стоить особо, имѣетъ свой садъ, дворъ и колсадезь. Большая часть перекрестковъ осѣнены прекрасными деревьями, или украшены великими коврами зелени, орошаемой ручьями и водоемами.

Посредствомъ одного только моста имѣютъ сообщеніе обѣ половины Вавилона, раздѣленнаго Евфратомъ. Сей мостъ построенъ среди города; на обонхъ концахъ его воздвигнуты палаты; онъ по полезности своему прекрасенъ, удобенъ и достоинъ такого города. Множество прекрасныхъ барокъ служатъ къ исправленію прочихъ надобностей. Сей мостъ опредѣленъ только для пѣшихъ. Они ходятъ шупъ по кедровой рошѣ, огражденной пальмами. Ширина его проспирается на 25 шаговъ.

Всѣ сіи великія произведенія означаютъ народъ мужественный и спличный своимъ ростомъ и крѣпостію членовъ. Я надѣялся увидѣть гражданъ съ твердою походкою и съ суровымъ взоромъ; но сколько удивился, при вшупленіи моемъ

въ городъ, когда встрѣпилъ мужчинъ, одѣтыхъ со всею нѣгою и роскошью женщинъ! Едва можно было различить, что по были мужчины. Черпы ихъ физиогноміи уподобляются пружинамъ, ослабѣвшимъ отъ многого употребленія. Длинные ихъ волосы и всѣ члены намазаны благовоннымъ чечевичнымъ масломъ. Голова ихъ покрыта высокою, золотомъ шишою шапкою; они надѣваютъ на себя три плащя: сперва полощяное, спущенное до ногъ; потомъ другое изъ тонкой шерсти, и наконецъ пренѣе короткое, не достающее до локтей. Народъ носитъ кожаное симъ же покроемъ (1). Каждая изъ сихъ одеждъ состоитъ изъ одного шканья, раскрашеннаго разными цвѣтами. Обувь ихъ есть та же, что у жителей Беоіи, родъ деревянныхъ башмаковъ, расписанныхъ и позолоченныхъ съ великимъ стараніемъ. Я видѣлъ многихъ Вавилонянъ, которые старались казаться выше роспомъ, нося обувь на высокыхъ пробкахъ по примѣру Персіанъ. Пальцы ихъ обременены перстнями и кольцами. Оба пола безъ различія носятъ въ ушахъ украшенія, изъ которыхъ не столь дорогія со-

(1) Alph. Costadau. traité des signes. IV.

стоятъ изъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ (1), представляющихъ на одной сторонѣ овцу, а на другой лукъ и колчанъ. Ихъ называютъ *Кезита*; ихъ прокалываютъ насквозь, или вдѣлываютъ въ кольца. Иногда носятъ ихъ и на сбуви. Вездѣ, кромѣ Вавилона, женщины только и невольники продѣваютъ себѣ уши.

Всѣ носятъ въ рукѣ трость, имѣющую видъ царскаго скипіра. Въсто набаданика имѣютъ украшеніе по различію особъ, и оно служитъ къ отличенію ихъ состоянія и семейства: на примѣръ, какой нибудь цвѣтокъ или плиту, изображенную съ великимъ стараніемъ и оплечіемъ, съ большимъ или меньшимъ богатствомъ, изъ золота или слоновой кости. . . .

Жители Вавилона обязаны закономъ не выходить изъ дому и не казаться въ публикѣ безъ сего знака, опредѣленнаго къ различенію ихъ съ перваго взгляда. Разумное правило среди столь великаго многолюдства!

(1) Journal de Trevoux. 1704.

Многіе Вавилонцы одно свойственное Персіянамъ обыкновеніе сдѣлали своимъ природнымъ. Для защищенія кожи на рукахъ своихъ онѣ опаляющаго дѣйствія солнечнаго, они надѣвають на нихъ искусно сдѣланныя льняныя перчатки.

Знатныя женщины привѣшиваютъ къ своимъ юпкамъ, въ видѣ бахрамы, искусно сдѣланные цвѣты гранатоваго дерева и маленькіе золотые колокольчики (1).

На всѣхъ площадяхъ я видѣлъ великое спеченіе народа около многихъ фигалярровъ, обучающихъ народъ своему ремеслу и выдающихъ себя за учениковъ Халдейскихъ. Шарлатаны обоброчиваютъ легковѣрность гражданъ праздныхъ и часто пьяныхъ съ самаго утра. Они дышатъ дымомъ нѣкоторыхъ плодовъ, брошенныхъ на жаровню, и сіе заглушаетъ испаренія самаго крѣпкаго вина.

Молодые люди и даже спарики ходятъ по городу, распѣвая нѣкоторыя пѣсни, слабыя и безъ связи. Когда встрѣчаются два Вавилонца, привѣтствуютъ другъ друга многими скорыми шлодвиженіями, и говорятъ весьма проворно,

(1) Monde prim. de Gebelin. I.

такъ какъ бы желая симъ вознаградить за строгое молчаніе многихъ лѣтъ.

Полотняная моя одежда, безъ всякихъ другихъ украшеній, кромѣ неприкосновенной своей бѣлизны, забавляла ихъ много. Иные не понимали, какъ можно почитать себя одѣтымъ, не обременя шипьемъ и позолопою; а другіе съ наглостію измѣряли меня окомъ презрѣнія.

Любезные ученики мои! не ѣздите въ Вавилонъ, ежели вы не можете хладнокровно слышать ругательствъ шамошнихъ гражданъ.

Смопрятъ на городъ снаружи, я не могъ повѣришь, чѣмъ онъ былъ такъ легко Киромъ завоеванъ; но внутренность его вывела меня изъ недоумѣнія. Слава побѣдителя Вавилона подлинно много перещего своего блеска, когда узнаешь, съ какимъ народомъ онъ имѣлъ дѣло. Три дня послѣ взятія города многие изъ жителей не знали еще ни конца осады, ни переменны ихъ Государя (1). Киръ не имѣлъ нужды въ большой силѣ и великомъ умѣ для покоренія народа сего,

(1) Voyez les Politiques d'Aristote.

копорой споль долго оспаается хладнокровнымъ въ разсужденіи полипической судьбы своей. Чтобъ завоевать, надобно было только показаться. Невольники падають ницъ, взглянувъ только на дѣпи. Нѣтъ такихъ крѣпостей, копорыя бы могли защишитъ народъ развращенный и женоподобный. Вавилонцы, не оставляя своихъ привычекъ до самой смерти, шѣла мершвыхъ кладуть въ медь. Женщины и мужчины почти всякой день моются въ молочной банѣ, дабы кожу сохранишь во всей ея нѣжности и бѣлизнѣ (1).

Вавилонъ есть городъ противоположностей. Въ предмѣстїи онаго близъ Евфрата, въ убѣжищѣ нищеты, жилища выпаюся хлѣбомъ, изъ рыбъ сдѣланнымъ, и гошуютъ изъ нихъ весьма вкусныя лепешки, подражая богачамъ, насыщающимся драгоценнѣйшими яствами. Пойманную неводомъ рыбу шотчасъ вывѣшиваютъ на солнце. По высушкѣ ея толкутъ и мѣлютъ, а пошомъ сїю муку просѣвають сквозь полопно. Богослуженіе запрещаетъ имъ сїю пищу; но нужда не меньше имѣетъ власти надъ людьми. Можно ли бѣдному разбирашь пищу?

(1) Плин. *Ист. Нат.*

Въ семъ предмѣстїи Вавилона я видѣлъ многихъ жилищъ, занимающихся вертѣнемъ яицъ въ пращѣ вмѣсто каменной. Такъ, сказали они мнѣ, мы выводимъ цыплятъ. Скорое движеніе безъ сомнѣнїя сообщаетъ имъ такую шеплопу, какая бываетъ въ Египетскихъ печахъ.

Взоръ на воздушные сады конечно меня поразилъ, но менѣе, нежели по дѣйствію, о копоромъ жилища едва говорятъ.

При семъ случаѣ одинъ Вавилонецъ средняго состоянїя мнѣ сказалъ: „Это ни мало не удивительно. Поздныя народы удобно зашмѣвають своихъ предковъ. Жители Нила, будучи удалены отъ Евфрата, молчаніемъ своимъ на нашъ счетъ надѣются привести въ забвеніе, что мы научили ихъ летать на своихъ собственныхъ крыльяхъ. Мудрость Египта есть дочь Вавилона.“

Я отвѣчалъ на сїе: ежели это подлинно такъ, то матери весьма обидно, что не оказываютъ ей большаго почтенїя.

Я примѣнилъ нѣкоторыя другія машины отличной разумной простоты, каковы на примѣръ пожарныя шрубы. Представьте себѣ носильную и изогнутую

бочку, наполненную водою, которая, когда будет сдвлена въ одномъ опверсіи, необходимо чрезъ другой конецъ должна съ силою выбивать вонъ и подниматься до такой высоты, какая будетъ надобна. Сію машину употребляютъ еще къ очищенію и освѣженію сводовъ зданій, разгоряченныхъ солнечными лучами и покрытыхъ пылью, нанесенною вѣтромъ.

Такія машины находятся подлѣкаждаго храма. Я забылъ вамъ сказать, что Вавилонскіе Жрецы всѣ дородны, отъ того, что по ночамъ ядятъ тучныя жертвы (1), которыя добродушный народъ приносятъ днемъ на олтарь, будучи твердо увѣренъ, что онѣ служатъ въ пищу богамъ его.

Въ Вавилонѣ тщательно содержатъ многихъ львовъ въ нѣкоторыхъ берлогахъ (2). Жрецы и львы дорого стоятъ жителямъ сего великаго города.

Въ Вавилонѣ, какъ въ Египтѣ, больныхъ кладутъ у порога домовъ (3); народъ ихъ лечитъ (4). Тотъ гражданинъ,

(1) *Stucikus. Convivialium. I.*

(2) Даниилъ во рву со львами.

(3) Геродотъ. *Clio. I.*

(4) *Montaigne, Essais. II.*

которой не останавливается для узнанія болѣзни, какую спраждаетъ человекъ на ложѣ своемъ (1), хотя бы онъ уже былъ близокъ къ смерти, обязанъ за то отвѣтомъ передъ судомъ. Я люблю находить какіе нибудь слѣды древнихъ обычаевъ. Но жители Евфрата, мудрейшіе Нильскихъ, поступающъ такъ для того, что въ домахъ своихъ не терпятъ Медиковъ по званію.

Въ Вавилонѣ первое дѣло двухъ супруговъ по утру, когда оспаляютъ брачное ложе, бросать на жаровню благовонныя вещи и мыться въ банѣ: похвальное обыкновеніе, которое я съ удовольствіемъ замѣшилъ и на берегахъ Нильскихъ (2).

Въ окрестностяхъ сего города я видѣлъ колодези, изъ которыхъ черпаютъ такую воду, которая, бывъ сгущена, дѣлается смолою, похожею на масло, и употребляется для лампадъ.

Дно такихъ колодцевъ покрыто толстымъ слоемъ соли.

(1) Геродотъ. I.

(2) Геродотъ. II.

Меня приводили къ озеру, въ которомъ вода лѣпомъ одиннадцать дней бываетъ красна. Я не увѣрился опытомъ въ семъ явленіи.

Въ каменной ломкѣ близъ столицы я нашелъ прекрасные сердолики, вросшіе въ скалы и представляющіе сердце человека (1).

Я ходилъ смотрѣть на высокіе сады, присвоенные Семирамидѣ. Начало сего попомшвеннаго произведенія не описываетъ пышности. Оно бышемъ своимъ обязано прихотямъ одной Персидской придворной женщины. Вавилонскій Царь, въ угодность ей, охотно рѣшился на такое неосновательное, но смѣлое предпріятіе. Съ насыпи на насыпь восходящъ наконецъ на четверугольную плоскость, осыненную великимъ множествомъ деревьевъ всякаго рода, между которыми есть преполныя и превысокія. Въ полщинѣ стѣнъ сдѣланы многіе насосы, которыми черпается вода изъ Евфрата для орошенія сего великаго искусственнаго вертограда. Влажность земли, необходимая для прозябенія и зеленія сего сада, не

проникаетъ сквозь поддерживающій его сводъ. Сіе важное неудобство умѣли предупредить тремя слоями камней, смолы и кирпичей, залипыми свинцомъ. Сіе гульбище кажется воздушнымъ; ибо оно дѣйствительно виситъ на сводахъ въ воздухѣ. На вершинѣ сего гульбища Государь безопасно предавался всѣмъ зазорнымъ утѣхамъ, и будучи удаленъ отъ ревнивыхъ взоровъ народа, между небомъ и землею, почиалъ себя полубогомъ.

Двое палатъ, Семирамидою построенныхъ, однѣ противъ другихъ, на обоихъ берегахъ Евфрата, хотя не столь удивительны, однако несравненно важнѣе. Царица, когда чувствовала неудовольствие народа, хотѣла защищать себя отъ нападеній его среди крѣпкихъ неприступныхъ стѣнъ, занявъ только одинъ пунктъ сообщенія обѣихъ половинъ Вавилона. Для сего изобрѣла она сіи двѣ великія крѣпости, сокрывъ однако свое намѣреніе и истинное ихъ назначеніе подъ блистательнѣйшими предложениями. Она стѣны ихъ покрыла рѣзными фигурами въ три ряда. На восточныхъ черпогахъ онѣ представляютъ многія части звѣриной охоты, а на западныхъ разныя баталіи. Семирамида не забыла себя тутъ. Она

(1) Плин. *Ист. Нат.* XXXI и XXXVII.

отличается сраженіями по съ люпѣйшими звѣрями, по съ возмущительнѣйшими народами. Чрезъ сіе даны были символическія преднапоминанія Вавилонскимъ жителямъ, дабы заставитъ ихъ бытъ спокойными, подѣ опасеніемъ поступленія съ ними какъ съ дикими звѣрями: и они послушны были ученію женщины. Въ сіи зданія, соединенныя концами моста, можно было входить не имѣ только однимъ. Они имѣли тайное сообщеніе посредствомъ галлерей, проведенной подѣ самымъ дномъ Евфрапа. Поддерживавшія своды ея стѣны кладены въ ширину въ двадцать кирпичей, покрытыхъ слоемъ смолы, толщиною въ четыре аршина. Сей подземной каналъ затворенъ мѣдными воротами.

Въ небольшомъ разстояніи отъ Семирамидиныхъ садовъ мнѣ представился кумиръ сей Царицы, въ статуѣ, вѣсомъ, какъ мнѣ сказано, въ восемь сотъ талантовъ. Фигура держитъ въ одной рукѣ змѣю за голову, а въ другой скипетръ, обремененный драгоценными камнями. Вавилонцы почитаютъ сію статую образомъ ихъ божества (1), и я былъ

(1) Діодоръ Сицилійскій думаетъ, что по Юнона; а Гутлеръ видитъ въ ней Евву-

съ ними согласенъ. Когда многіе миліоны людей должны были признатъ себя подданными женщинѣ, по, для оправданія своего, они не имѣли другаго извиненія, какъ говорить, что сія женщина есть богиня.

Сія статуя охраняется двумя серебряными львами.

Изъ всѣхъ Вавилонскихъ памятниковъ самый прекраснѣйшій и полезнѣйшій есть Белюсова башня, которую народъ называетъ храмомъ. Среди оной дѣйствительно находится золотой жертвенникъ и такаяжъ статуя вышиною въ 12 лактей, представляющая сидящаго Государя. Передъ нимъ каждой день поспавляется столъ; Жрецы пользуются десерпомъ съ онаго очень изобильно: ибо каменные или металлическіе боги не имѣютъ аппетита. Справно было для меня по, что на золотомъ жертвенникѣ можно заколотъ только сосущихъ живошныхъ (1).

Сіе священное мѣсто есть четвероугольное, какъ и всѣ тамошнія зданія. Архитекторы безъ сомнѣнія для того приняли сію форму строенія, что она

(1) Геродотъ. I.

дѣлаетъ зданіе прочнымъ. Хотя сія пирамида не столь высока, какъ главныя Египетскія, и не столь прочно построена, однако съ большимъ искусствомъ: меньше удивляетъ, но больше пріятна зрѣнію. Я обошелъ кругомъ ея для измѣренія окружности и насчиталъ 1144 шага.

Сей гордый обелискъ былъ сперва посвященъ Халдейскимъ наукамъ, и подалъ поводъ нѣкоторымъ Писателямъ называть городъ Вавилонъ *солнечными вратами* (1). Каждая сторона его обращена къ одному изъ четырехъ главныхъ пунктовъ сферъ міра. Вообразите себѣ восемь четверугольныхъ башенъ, поставленныхъ одна на другую для предспавленія куба. Можно восходить на самую послѣднюю по нѣкоторому парापешу, окружающему каждой эшажъ. На стѣнахъ сдѣланы мѣста для отдохновенія упомяннаго путешественника. Все зданіе вообще есть счастливейшее произведеніе. Оно построено такимъ же способомъ и изъ тѣхъ же матеріаловъ, изъ которыхъ прочія Вавилонскія зданія; построено изъ толстыхъ

(1) *Traité de la forme des lang.* I.

кирпичей (*), величиною въ аршинъ, которые смазаны и залипы иломъ, или каменною жидкостію, выпекающею изъ разсѣлинъ скалъ на берегахъ Евфрата. Бѣдные граждане сушатъ сію влажность и жгутъ вмѣсто дровъ.

Смазанныхъ такимъ образомъ кирпичей почти не возможно раздѣлить, и надобно совсѣмъ разбить. Ежели бы Камбизъ, для построенія себѣ звѣринца, захотѣлъ разрушить великіе памятники Вавилонскіе; то ста тысячъ рукъ недостаточно бы было для снесенія развалинъ въ продолженіе цѣлаго года (**).

Мнѣ сказывали при семъ случаѣ о прекрасныхъ стѣнахъ города Мидіи (1), близъ Вавилона находящагося. Онѣ построены также изъ кирпича, связаннаго иловапсю жидкостію; но я не рассу-

(*) Кирпичъ столь удобенъ къ строенію и проченъ, что еще нынѣ есть доказательство его твердости на многихъ мѣстахъ Вавилона.

(**) Тщетно покушался на сіе Александръ Великій съ 20,000 народа въ продолженіе двухъ мѣсяцовъ.

(1) Xenoph. *exped. de Cyrus.*

дилъ идти ихъ смотрѣть. Для возбужденія моего любопытства говорили мнѣ о пирамидѣ, на берегахъ Тигра воздвигнутой и построенной изъ такихъ же матеріаловъ. Она занимала мѣсто на дѣльную десятину, а въ вышину простиралась на 70 сажень.

Царская печать, которою я былъ снабженъ, отворила мнѣ всѣ двери. Какъ скоро я оную показалъ, то знаменитѣе Вавилонскіе граждане начали тѣсниться около меня. Покровительствуемый у Двора былъ для нихъ предметомъ уваженія. „Господинъ чужестранецъ! говорили они мнѣ: мы не предлагаемъ вамъ восходить на самой верхней этажъ башни. Чпо тамъ можно нынѣ видѣть, то мало займетъ ваше любопытство. Сначала она была обсерваторія, а послѣ обращена въ капище Венеры; нынѣ же опять сдѣлалась шѣмъ, чѣмъ прежде была. Одинъ Персидскій мудрецъ преподаетъ тамъ свои уроки. Онъ помѣщенъ туда новыми нашими начальниками. Жрецы перешли въ храмъ Мидиша (1), или Саламбо. Каждый чужестранецъ приноситъ туда

(1) Геродотъ. I.

свою дань, и немногіе отъ него отпрекаются.“

Я былъ туда введенъ, и отнюдь не ожидалъ такого зрѣлища, какое увидѣлъ. Въ припворѣ, состоящемъ изъ многихъ отдѣленій, я видѣлъ множество гражданокъ всякаго возраста, увѣнчанныхъ цвѣтами и рассаженныхъ весьма порядочно. Предъ ними сдѣлана загородка, переплетенная правою *сиппикомъ*, для воспрепятствованія хода и для обозрѣнія всѣхъ однимъ взоромъ и въ одинакомъ свѣтѣ. Онѣ сидятъ, и каждая изъ нихъ жжетъ благовонные порошки въ маленькой курильницѣ, болѣе или менѣе богатой. Самыя достаточнѣйшія гражданки приходятъ туда же. Онѣ опправляются въ припворѣ храма въ своихъ крытыхъ колесницахъ, и ожидающъ тамъ надлежащей минутой. Меня водили по всѣмъ ихъ рядамъ. Сіи женщины не всѣ хороши, но крайне старались казаться такими. Я видѣлъ многихъ, которыя были не веселы и будто не на своемъ мѣстѣ: облака печали омрачали чело ихъ, хотя онѣ и старались скрывать свое неудовольствіе. Я спрашивалъ у своихъ вожаковъ, чпо бы все то значило? какого рода торжество празднуется нынѣ въ Вавилонѣ?

Чего ожидаютъ сїи женщины? не прибытія ли божества для принесенія ему своихъ жертвъ и поклоненія?

Провожатый. Господинъ! Вавилонскія дщери съ давнихъ временъ наблюдаютъ обыкновеніе, богослуженіемъ освящаемое. Каждая женщина должна одинъ разъ въ жизни сдѣлать честь чужестраннымъ (1). Всѣмъ, которыхъ вы здѣсь видите, не могутъ опсѣлѣ вѣдши, не исполнивъ сей должности страннолюбія. Это родъ подати, которую наложила на нихъ богиня Милипта, или Венера, не извѣстно, по какому случаю. Ни одна не можетъ освобождена быть отъ сей подати.

Пи а г о р ъ. Ни одна! но чтожь будетъ съ шѣми, которыя не очень хороши, и которыя дурны? Напура производитъ иногда безобразное.

Провожатый. Онѣ ожидаютъ: многія изъ нихъ уже года съ четыре здѣсь, и не могутъ еще исполнивъ сей должности. Изберите и бросьте какуюнибудь монету на колѣни той, которая будетъ имѣть шастіе вамъ понравиться. Потомъ вы поведете ее въ священный лѣсѣ;

(1) Teste Sardo de variis moribus gentium.

тамъ Жрецы имѣютъ приготовленное для васъ ложе (1), на которомъ вы оба должны принести жертву богинѣ *рожденія* (2).

Но ежели, прервалъ я съ торопливостію, самъ я не поправлюсь избранному мною предмету?

Провожатый. Не смотря на это, избранная вами женщина будетъ васъ сопровождать до жертвенника Милипты: она должна исполнивъ свой долгъ. исполнивъ же оной одинъ разъ и возвратясь въ свой домъ, имѣетъ уже право отказываться; а до возвращенія къ своему семейству предписывается ей отъ боговъ спрожайшее послушаніе. Господинъ чужестранецъ! мы должны были вамъ сіе сказать. Теперь позвольте намъ васъ оставить.

Я почувствовалъ отвращеніе, котораго сперва не старался преодолѣть; но разсудя, что за неуваженіе или презрѣніе услугъ страннолюбиваго народа можно подвергнуться какимъ либо непріятностямъ, рѣшился наружно исполнивъ

(1) Страб. *Геогр.* — Геродотъ. I.

(2) *Muleta Venus genitrix.* — Scaliger.

сей обрядъ; вшелъ въ кругъ женщинъ, выбралъ молодую дѣвушку, болѣе благо- нравную, нежели пригожую, и одѣваю съ лучшимъ вкусомъ и опрятствомъ, нежели щегольствомъ и роскошествомъ; бросилъ ей приличную монету. Она по- часъ всмала, попунила глаза, покраснѣ- лась и сопровождала меня робкимъ ша- гомъ.

Жрецъ, увидя насъ издали, подошелъ къ намъ и подвелъ къ спашуѣ Венери- ной, облеченной въ порфиру. Преклонивъ колѣна на ступеньки жертвенника, мы повпоряли воззваніе Милиштъ, произно- симое Жрецомъ, которой немедленно по- велъ насъ за спашую въ тайное мѣсто, родъ палатки, среди священнаго лѣса. Завѣса на двѣ стороны запахнулась для принятія насъ, и попомъ за нами была задернута. Жрецъ оставилъ насъ за сею завѣсою, на которой была изображена звѣзда Венеры и созвѣздіе Плеядъ (1). Я примѣтилъ еще, что Жрецъ былъ отча- сти одѣтъ въ женское платье.

И такъ я остался одинъ съ юною моею подругою или лучше жерпвою. Она совершенно была отъ того печальна. Въ

семъ таинственномъ мѣстѣ не было уже свѣта. Занавѣсы отнимали послѣдніе лу- чи солнца. Тутъ не было другихъ сѣда- лицъ, кромѣ богатой со всею роскошью и рѣгою воспочныхъ народовъ убранной по- стели. Молодая дѣвица стояла, какъ бы ожидая приказаній, какія я имѣлъ право ей дать. Грудь ея сильно подни- малась. По долгомъ молчаніи она взгля- нула на меня, не прерывая онаго. Я уже сидѣлъ на краю благовоннаго нашего ложа. Сосудъ еиміама наполнялъ воздухъ аро- матами и довершалъ прелести сего мѣста. Наконецъ упрекая себя за то, что я слишкомъ долго любовался ея замѣша- нельствомъ, сказалъ ей, посадя возлѣ себя: „Честная дочь! успокойнесь; жер- пвоприношеніе окончано: я болѣе ничего не попребую отъ тебя. Невинность нра- вовъ есть святая вещь для Иниціата. Сохранише для супруга, котораго себѣ изберете, то, что здѣшній обычай при- казываетъ вамъ допустить чужестранца отнять у васъ. Выдемъ отсюда; я воз- вращу васъ въ руки вашихъ родителей; ступайте.“

„Ахъ! отвѣчала она мнѣ, пожалъ мои руки: великодушный чужестранецъ! жизни моей недоспанешъ благодарить

(1) Selden. de Diis Syr. II. 7.

васъ ; но позвольте мнѣ еще снова быть вамъ обязанною. Другой законъ , коимъ также не терпимъ никакого исключенія , повелѣваетъ всѣмъ возмужавшимъ Вавилонянкамъ показывать себя публично и отдаваться въ объятія тѣхъ мужчинъ , коимъ представляютъ большую сумму ; ибо въ Вавилонѣ любовь къ женщинамъ гораздо сильнѣе любви къ богатству (1). Я выбрала себѣ жениха , но онъ не имѣетъ такого достатка , чтобы переспорить имъ многихъ другихъ. Отъ Иниціана всего надѣяться можно. Пожертвованія не споятъ ему ничего. Хотите ли довершить благодаренія ваши ко мнѣ присутствіемъ при будущемъ торжествѣ браковъ ?

Пиагоръ. Милая дочь ! скажи , для чего ?

Молодая Вавилонянка. Вы сдѣлаете наддачу ; я вамъ буду отдана , и попомъ . . .

Пиагоръ. И попомъ . . .

Вавилонянка. Вы отдадите меня избранному мною супругу , такъ какъ теперь отдаете моему семейству.

(1) Egesippus.

Я искренно согласился исполнить то , о чемъ она просила меня со всею опкровенностію и непримѣнною довѣренностію.

Наступилъ день браковъ. Я былъ первый на мѣстѣ , назначенномъ для обряда. Всѣ Вавилонскія дѣвицы , достигшія предписаннаго возраста , становились въ порядкѣ на возвышеніяхъ въ видѣ амфитеатра. Ихъ разставляли по степени ихъ красоты , и начинали съ тѣхъ , коимъ болѣе другихъ облагодѣтельствованы Природою (1). Публичной крикуней бралъ ихъ попеременно , возводилъ на нѣкоторое возвышеніе и назначалъ имъ цѣну ; потомъ повторялъ , что каждый изъ присутствующихъ къ тому прибавлялъ. Другой амфитеатръ пропивъ первого заключалъ гражданъ , желавшихъ жениться.

Любезные ученики мои ! не могу вамъ здѣсь изобразить сего неприличнаго , сего подлинно прогашельнаго и новаго для меня явленія. Юность , красота , невинность , бракъ , все священнѣйшее и лучшее продается съ публичнаго торгу ! Не могу описать всѣхъ страстей ,

(1) Полидоръ. Вирг. IV. 4.
Часть III.

сражающихся предъ глазами такихъ предметовъ, которые весьма удобны возбудишь оныя. Отчаянїе любовниковъ безъ достатка, грубая и безстыдная радость богатыхъ мужчинъ; а что происходитъ въ сердцѣ и на лицахъ женщинъ при семъ необыкновенномъ зрѣлищѣ, то еще менѣе изобразить можно.

Большой сосудъ, поставленный среди собранїя, заключаешь сумму, выручаемую изъ продажи красивыхъ женщинъ и назначаемую въ приданое непригожимъ.

Дошло дѣло до молодыхъ дѣвицъ, не столь хорошихъ. Сюльмїя, такъ называлась та, которая поручила мнѣ ходатайствовать въ свою пользу, бросала на меня выразительнѣйшіе взгляды, которые друга ея, кажешься, пронзали. Надежда очень высоко поднялась, болѣе по тому, что постоянство мое къ сохраненїю ея возбуждало тщеславїе другихъ. Видя такое мое упорство, соперники мои отсиали отъ меня: я получилъ Сюльмїю, и пошчасъ внесъ въ кассу определенную цѣну. Законъ требуетъ присяги и обязательства жениться на доставшейся такимъ образомъ дѣвицѣ. Любовникъ въ страхѣ и неперпѣнїи ожидалъ конца сего новаго затрудненїя.

„Граждане! вскричалъ я: какая снрана имѣешь свои обычаи, которые добродѣпельный чужестранецъ уважаетъ, какъ скоро они не уязвляютъ добрыхъ нравовъ. Я пришелъ въ Вавилонъ не для сожитїя съ женщинами. Я могъ и долженъ былъ изкупить одну и освободить отъ ига превратнаго закона. По вашимъ обрядамъ Сюльмїя мнѣ принадлежитъ. Но разсудокъ требуетъ, чтобы я возвратилъ ее тому гражданину, которому она отдалась еще до предпринятїя опытовъ во храмѣ Милишпы и до браковъ вашихъ съ публичнаго торгу (1). Судїи! примите мое объявленїе, запечатлѣнное моимъ именемъ: *Пиэгоръ, Иниціатъ Фивскїй.*“

Никто не осмѣлился возразить. Соединенные при глазахъ моихъ любовники заключили меня въ свои объятїя и попомъ повели на брачный пиръ. Кроме щасливой и благоразумной чепы, обязанной мнѣ своимъ благополучїемъ (простите мнѣ, любезные ученики, что я такъ говорю о себѣ самомъ; я всегда гордился добрыми своими дѣлами, и признаюсь въ томъ); кроме двухъ супруговъ, я весьма былъ дово-

(1) Снрабон. XVI. Геогр.

ленъ всѣми прочими гостями. Поведеніе ихъ не оправдываетъ того мнѣнія, какое имѣемъ свѣтъ о Вавилонскихъ обычаяхъ. Самой меньшей ихъ порокъ есть пьянство, которое думаютъ они оправдать, называя свои вина пиіемъ боговъ. Я былъ свидѣтелемъ тому, чему съ трудомъ могъ бы повѣрить. При концѣ сполы послѣ многихъ безстыдныхъ разговоровъ между пирующими, женщины и даже молодыя дѣвушки, разгоряченныя яствами и вызывами мужчинъ, снимали съ себя платье постепенно и наконецъ обнажали себя совершенно (1).

Я всмалъ и пошелъ вонъ. Новобрачные бѣжали за мною и наспигли меня на порогѣ дома. „Извините“, сказали мнѣ: это общее обыкновеніе.“

Пивагоръ. Есть обыкновеніе, которое Инициантъ никогда не можетъ перенести.

(1) *Feminarum convivium ineuntem in principio modestus est habitus; dein summa quaeque amictula exiunt, paulatimque pudorem profanant. Ad ultimum ima corporum velamenta projiciunt. Nec meretricum hoc dedecus est, sed matronarum virginumque; apud quas comitas est vulgari corporis vilis.*

Quint. Curt. V. I. Salmat. Pancir.

При семъ домашнемъ торжествѣ я узналъ музыкальной инструментъ о трехъ струнахъ (1), изобрѣтенный Троглодидами и сдѣланный изъ морскаго лавроваго дерева.

На другой день начались Вавилонскіе праздники въ честь Сатурну (*), неприличные остатки первоначальнаго равенства. Вавилонцы, торжествуя оные, не сомнѣваются, что они установлены для воспоминанія того времени, въ которое люди согласились признавать надъ собою начальника съ такимъ яснымъ условіемъ, чтобъ онъ всегда предшествовалъ равнымъ себѣ.

Сіе торжество продолжается пять дней. Весь городъ въ шревогѣ. Господа и слуги перемѣняютъ свою роль; мужчины переодѣваются въ женское, а женщины въ мужское платье. Сіе превращеніе не нравится начальникамъ семействъ. Когда бы сіе торжество управлялось съ большею тишиною, то они опасались бы,

(1) *Essai sur la musique. I. —*

(*) Ихъ называютъ *Sacées*. Не лзя отрицать, чтобъ *карнавалъ* не былъ остаткомъ оныхъ.

чтобъ слуги ихъ не обращали на нихъ вниманія и не оглядывались на будущее.

Невольники и рабы во время сего торжества пользуются другимъ преимуществомъ, по которому они могутъ превозить своихъ господъ или по крайней мѣрѣ заславлять ихъ краснѣе. Они имѣютъ право говорить имъ самыя колкія и грубыя слова и обнаруживать всѣ ихъ гнусности; но боязнь, подвергнувшись изпязанію по прошествіи праздника, служилъ уздою языку. Однакожь сильное побужденіе вольности многимъ давало отважность. Самая ядовитая брань срывалась съ такого языка, конюрой въ теченіе цѣлаго года молчалъ.

Въ сіи дни простой человекъ прогуливается по улицамъ въ царской порфирѣ. Друзья его, наемники и слуги составляютъ его дворъ. Когда сей Монархъ, котораго царствованіе продолжается только пять дней, встрѣчается на дорогѣ съ первѣйшимъ гражданиномъ Вавилонскимъ, то сей обязанъ уступитъ ему мѣсто и оказать такую же честь, какую отдавали Белю и Семирамидѣ при ихъ жизни. Сей народный Король имѣетъ право избрать себѣ Королеву и помощницу изъ знатнѣйшихъ семействъ, ежели за благо разсудитъ.

Избранная женщина должна сему повиноваться. Горе сему кратковременному Королю, ежели онъ дозволитъ себѣ упопробить во зло свою власнѣ! Въ шестой день онъ получитъ за то достойное наказаніе.

До завоеванія города, сказалъ мнѣ чиновникъ Камбиза, поручали сію роль преступнику, осужденному на смерть, и онъ попомъ издыхалъ подъ наказаніемъ. Великій нашъ Киръ уничтожилъ сей обычай (1).

Въ семѣ праздникъ хотятъ всѣ участвовать, даже изуродованные Жрецы и несчастные прислужники къ спржѣ женщинъ. Они носятъ въ торжествѣ изображеніе пого, чего у нихъ недостаетъ, и хвалятся своимъ лишеніемъ. Сіи дни всеобщаго разсѣянія весьма благопріятствуютъ хитрослѣзіямъ любви, которыхъ много дѣлаютъ въ такомъ преогромномъ городѣ, гдѣ женщины продаются съ торгу, бракъ наследуетъ только осмашки разпущенства; бѣдный получаетъ только то, что отвергъ богатой, и гдѣ воль-

(1) Berose. Hist. Babyl. I. Ctesias. Hist. Pers. II. Zendavesta T. I.

ность сдѣлалась только пустымъ призракомъ для развлеченія народа на одну минуту въ подлинномъ его рабствѣ.

XVI.

Пифагоръ и Зороастръ.

Упомясь о тѣхъ сибирскихъ безстыдныхъ зрѣлищахъ, при которыхъ однако должно быть холя одинъ разъ свидѣтелемъ, я вспомнилъ о Персидскомъ мудрецѣ, преподающемъ уроки свои на высокой башнѣ Бельюса. Я сказалъ самому себѣ: Буду ли имѣть шасиѣе найпи шамъ знаменишаго Зороастра (1)? Нѣтъ! не лзя ему быть! Какъ! мудрецъ въ Вавилонѣ! . . . Но посмотримъ. . . .

(1) Относительно времени Зороастра извѣстно только то, что онъ жилъ во время Камбиза и Пифагора, какъ свидѣлствуютъ многіе Писатели и преданіе Персіанъ. *Exist. de Dieu par Jaquelot.* — Климентъ Александрийскій говоритъ, что Пифагоръ первый познакомилъ Зороастра съ Европою. — *Zoroastrum magum Persam Pythagoras ostendit. Strom. I.*

Я вошелъ на осьмую башню. Чиновники Камбиза, которые меня не оставляли, сказали ему о моемъ приходѣ. Я вошелъ въ гордое мѣсто, которое прежде служило святилищемъ; но теперь не оставалось въ немъ инаго божества, кромѣ Зороастра. Онъ стоялъ передъ золотымъ столбомъ, покрытымъ писанными свертками, былъ одѣтъ въ длинное бѣлое плащье и подпоясанъ поясомъ огненнаго цвѣта. Какъ скоро увидѣлъ меня, поздравилъ съ достоинствомъ Иниціана; потомъ посредствомъ солнечныхъ лучей, сосредоточенныхъ въ мѣдномъ зеркалѣ, зажегъ ладанъ и другія благовонныя вещи; вся храмина наполнилась куреніемъ, и облака восходили до небесъ чрезъ опверстный сводъ башни. По принесеніи сей дани благодаренія о тѣхъ имени своего и моего первому изъ свѣтилъ, Персидскій мудрецъ обратилъ сперва мое вниманіе на солнечную спату, висящую въ сводѣ на многихъ магнѣсахъ (1), надлежащимъ образомъ расположенныхъ для произведенія сего чудеснаго дѣйствія. Потомъ просилъ меня сѣсть съ нимъ на постелю.

(1) Maimonides.

или подушку весьма великолѣпную, которая прежде служила богамъ (*).

Послѣ того поданы были намъ царскіе финики (1), сохраненные для единыхъ устъ Государя. Они сославляютъ легчайшую пищу, нежели всякіе другіе, изъ которыхъ воспочные народы дѣлаютъ свои вины (2). Мы ихъ ѣли на золотомъ продолговатомъ - четверугольномъ столѣ, въ которомъ вѣсу пятьдесятъ талантовъ.

Зороастръ. Пиеагоръ! гдѣ мы встрѣпились? Здѣсь ли мѣсто Фивскому Иниціату и Урмскому (3) мудрецу?

Пиеагоръ. Зороастръ! любящій мудрость вездѣ находишься, гдѣ только скажутся истины, или поучаются имъ.

Зороастръ. Ты удивишься убранству населяемаго мною мѣста. Оно совсемъ не сходствуетъ ни съ моими, ни

(*) *Pulvinar*, подвижная постель, определенная для ношенія образа боговъ и святыхъ вещей въ благочестивой церемоніи.

(1) Theophrast. Hist. plant. II. —

(2) Плин. *Ист. Нат.* XIII.

(3) *Урмъ*, мѣсто рожденія Зороастрова. *Anquetil.*

съ твоими навыками. Я нѣкоторымъ образомъ горжусь тѣмъ, что нахожусь здѣсь. Я изгналъ отсюда самое глупое и нечесливое суевѣріе. Здѣсь безсмысленный Жрецъ каждую ночь давалъ уроки разпутства во имя бога Белюса, облакаясь въ его одежду. Сюда легковѣрная красавица приходила очищаться въ объятіяхъ Жреца развратителя (1).

Пиеагоръ. Точно такъ, какъ въ Діосполѣ.

Зороастръ. Я изгналъ Жреца, и изъ сего очищеннаго мѣста сдѣлалъ училище разума.

Пиеагоръ. Въ Вавилонѣ?

Зороастръ. Да. И теперь для сего время самое благоприятное. Уже покишитель Камбизова престола оставилъ мѣсто Дарію; и такое народное мнѣніе существуетъ о трехъ послѣднихъ нашихъ Монархахъ: оно Киру даетъ имя отца,

(1) Геродотъ увѣряетъ, что въ Вавилонѣ та женщина, которую избиралъ богъ Белюсъ, спала съ нимъ въ осьмомъ и послѣднемъ этажѣ башни храма; что наблюдалось въ Фивахъ и въ Египтѣ. — *Bayle. Republ. des lettres.*

Камбизу *гослодина*, а Дарію *ростовщика*; ибо сей Государь дѣйствительно былъ бы болѣе способенъ торговать благовонными вещами, нежели управлять великою Имперією. Характеръ его (1) и мѣра познаній сносишесствуютъ мнѣ къ окончанію и утвержденію переменны въ богослуженіи, къ доспиченію чего нуженъ былъ полипической оборотъ (2).

Пиеагоръ. И такъ ты хочешь основать богослуженіе (3)?

Зороастръ. Дѣло уже сдѣлано, и я пришелъ въ Вавилонъ безъ шума успокоиться отъ первыхъ моихъ трудовъ, которыхъ успѣхи превзошли мое чаяніе.

(1) Запмѣнія луны, упоминаемая Птоломеемъ, утверждаютъ царствование Гистаспа, покровителя Зороастрова за 550 лѣтъ до всеобщей эпохи. *Langlès.*

(2) Въ царствование Дарія Гистаспа былъ у Персовъ Зороастръ или Зердустъ, которой уничтожилъ введенные Сабинцами обычаи и учредилъ новые. *Hist. vet. Pers. Hyde.* —

(3) Зороастръ ввелъ новое богослуженіе въ Персіи въ царствование Дарія, преемника Камбизова. — *Bayle, diction.*

Пиеагоръ. Имя твое проникло до меня даже въ Египтѣ и въ Самосѣ; слава чудесныхъ твоихъ дѣлъ также. . . Ты усмѣхаешься? . . .

Зороастръ. Инициатъ! безъ сомнѣнія научень ты отъ Фивскаго Гіерофанта, какъ обходишься съ народомъ: онъ вездѣ одинаковъ какъ въ Египтѣ, такъ и въ Бактріанѣ. — Рожденъ будучи во прахѣ, я хочу жить и умереть съ нѣкопорымъ блескомъ. Былъ ученикомъ Волхвовъ и Халдеевъ, я исправилъ въ уединеніи моемъ знаніе моихъ учителей (1). Сии книги, копорыя видишь, суть произведенія моихъ размышленій. Все заключается въ семь писаній; копорое называю *Зендъ-Авеста* (2): важное пишло, споль же нужно испинѣ, сколько красивый видъ храму!

Пиеагоръ. Тебя называютъ очень плодовитымъ; приписываютъ тебѣ еще другую книгу, копорую ты назвалъ

(1) Hyde, *Rel. Pers.* XXIV.

(2) Халдеи и древніе Персы называли огонь *Авеста*; Зороастръ назвалъ знаменитую свою книгу *Зенд-Авеста*, по естѣ *стража огня*. — *Mirab.*

подобія (1). Она, говорятъ, занимаетъ 1260 воловьихъ кожъ, и мы, какъ сказываютъ, столько ею дорожишь, что запираешь ее въ золотой ковчегъ (2).

Зороастръ. Это молва народа, которая однако доказываетъ, что мною занимаются. Признаюсь тебѣ не стыдясь, что я не нечувствителенъ къ прелестямъ добраго мнѣнія. Какое честолюбіе можетъ быть благороднѣе, какъ хотѣть быть для Персіи пѣмъ, что гора *Альборди* для всего міра (3)?

Пиеагоръ. Ты безъ сомнѣнія не довольствуешься только хотѣніемъ заставить о себѣ говорить.

Зороастръ. Моя цѣль самая похвальная. — Слушай, Пиеагоръ! Богослуженіе и законодательство народное должны въ извѣстныя времена представляемы быть въ обновленномъ видѣ. Что болѣе заслуживало всегдашняго удивленія и вѣрнаго подражанія, какъ небесныя

(1) Saldeni otia Theologica.

(2) Edouard rockoke Hist. Zoroast.

(3) Гора въ Персіи, граничащая съ Каспійскимъ моремъ. — *Anquetil.*

явленія Натуры и непремѣнный порядокъ, наблюдаемый ею въ превращеніяхъ ея? Что было нравственнѣе, какъ имѣть понятіе о внутреннемъ ихъ значеніи? Но народъ скорѣе всего потерялъ оное. Велико разстояніе отъ первоначальнаго служенія звѣздъ Венераиной до воздаваемого имъ божеству сего имени. То же можно сказать и о прочемъ. Надѣюсь поднятъ родъ человѣческой изъ блага, въ которомъ онъ погрязъ. Поелику существуетъ день и ночь, добро и зло; но люди изобрѣли прежде меня бога добраго и бога злаго. Я воззвалъ ихъ къ единству ученія, дабы по оному заставилъ ихъ располагать свои поступки. Я возвѣстилъ имъ вѣчность Натуры или огня (1), *натало*, оную одушевляющее. Вотъ богъ, которому поклонялись въ первыя времена, когда воздавали божескую честь солнцу. То, что освѣщаетъ и грѣетъ, представляло оку древняго Мага и Халдея, агента, привлекающаго, содержащаго и оплодотворяющаго существа, составляющія Натуру.

Но дабы оправдать священноначаліе, которое предполагаю утвердить на землѣ, надлежало мнѣ составить оное

(1) Stanleii Hist. Philos.

между свойствами или качествами Науры и огня. Мнѣ надлежало говорить о умственныхъ существахъ различныхъ степеней.

Пиэагоръ. Ты вшелъ въ такой кругъ ученія, копорой щасливо совершилъ.

Зороастръ. Когда люди думаютъ видѣть новость въ томъ, что только есть обновленіе; то я сего только и желаю для содѣланія ихъ лучшими и для прославленія себя. Читай.

„Время не имѣетъ предѣловъ, есть едино несопоренно и сотворившее все (1). Сначала родилось слово, потомъ Ормушъ (2), начало добра, а потомъ Ариманъ, начало зла (3).“

Пиэагоръ. Въ сихъ первыхъ чертахъ скрывается глубина, копорой на-

(1) Mem. d'Anquetil du Peron. XXXVII. Acad. des Inscr.

(2) Zend - Avesta. T. II.

(3) Зороастру даютъ прозваніе *Teïkhoush*; сіе значитъ на Персидскомъ языкѣ *кислотпріятный*, по причинѣ утвержденныхъ имъ двухъ началъ, добраго и худаго. — Herbelot. *Bibl. Orient.*

родъ не поспіетъ; но это не новое: Озирисъ и Тифонъ. . . .

Зороастръ. Я это знаю. Люди не столь неприступны. Я поставляю ихъ между двумя божествами, ревнующими другъ противъ друга, дабы они одного спрашили, а на другое надѣялись. Ты знаешь, сколько страхъ и надежда предпавляютъ способъ законодателью и судіѣ. Я людей обязываю къ молитвѣ; предписываю имъ оную какъ первую и всегдашнюю ихъ должность. Пока молитва служилъ необходимостію для народа, до толъ нѣтъ никакого опасенія съ его стороны. По моему закону онъ долго будетъ молиться, ибо я предсказываю, что война между Ариманомъ и Ормушомъ будетъ продолжаться двенадцать тысячъ лѣтъ (1). Молитва всегда держитъ народъ въ обузданіи. Онъ никогда не оставляетъ себя самому, а всегда находилъ себя въ зависимости отъ боговъ.

Пиэагоръ. Дабы пріучить его къ зависимости отъ нѣкоторыхъ людей, ставшихъ надъ нимъ господами.

(1) Boun. degesch. Zend - Avesta.

Зороастръ. Приказываю ему молиться предъ обрѣзаніемъ его ногтей и волосъ, предъ супружескимъ дѣломъ, предъ обѣдомъ и ужиномъ, предъ заже-ніемъ свѣшильника и черпаніемъ воды изъ колодезя; также послѣ чиханія, по пробужденіи отъ сна, послѣ принятія пищи и по совершеніи пужи.

Пивагоръ. Онъ такъ можетъ къ сему привыкнуть, что уже ни къ чему другому не будетъ способенъ.

Зороастръ. Нѣтъ! народъ, привычный къ сему, всегда крошкѣ. Управлять имъ бездѣлица. Продолжай читать.

Я читалъ :

„Взывай къ небесному тельцу, производящему праву и дающему человѣку бытіе. . . .“

Зороастръ. Это солнце, достигшее сего знака. Я нѣсколько касаюсь древнихъ суевѣрій, но даю преимущество такому четвероногому живошному, которое для земледѣлія весьма полезно.

Читай далѣе: ты видишь, что я предсказываю злымъ наказаніе при концѣ ихъ жизни.

Пивагоръ. Для чегожь не въ теченіе жизни? для чего споль на-долго откладываетъ наказаніе за пресупленіе? Оно должно слѣдовать за нимъ, какъ тѣнь за тѣломъ.

Зороастръ. Это не всегда справедливо; бываютъ щасливы и порочные люди.

Пивагоръ. Нѣтъ, Зороастръ! они имѣютъ только видъ щастія.

Я читалъ содержаніе твоей книги законовъ, которая, мнѣ кажется, уничтожаетъ то, что на другомъ мѣстѣ сказано въ ней въ пользу земледѣлія. Ты запрещаешь пахать чрезъ пятьдесятъ лѣтъ то поле, въ которомъ положено мертвое тѣло.

Зороастръ. Сіе для того, чтобъ внушить народу величайшее отвращеніе отъ смертоубійства, и удалить отъ духа его всякое понятіе о разрушеніи, къ которому онъ весьма склоненъ. Это первый шагъ къ погашенію фанатизма войны.

Пивагоръ. Зороастръ! для чего тебѣ не предоставитъ своимъ ученикамъ попеченія хвалить тебя? для чего заспавлять самага бога называешь тебя му-

дрѣйшимъ и справедливѣйшимъ изъ всѣхъ смертныхъ (1) ?

Зороастръ. Такъ надобно. Наблюденіе закона зависитъ отъ понятія о добродѣтеляхъ, приписываемыхъ особѣ законодателя. Скромностію не можно дѣйствовать съ успѣхомъ на народъ. Я рассудилъ за благо посрамить надмѣннѣйшихъ изъ смертныхъ, внуша воспочнымъ народамъ, чѣмъ они считали невольника Зороастра выше Персидскихъ Царей (2).

Пиеагоръ. Сей снурокъ, за коимъ ты приказываешь братъ молодому человѣку, когда онъ принимаетъ швой законъ, не есть ли самая бездѣлица ?

Зороастръ. Въ богослуженіи нѣтъ ничего маловажнаго. Все, что выдается за освященное, получаетъ важной знакъ. Припомъ сей снурокъ служилъ нѣкопорымъ брашскимъ союзомъ, по которому послѣдователи мои будущъ признавать другъ друга.

Пиеагоръ. Къ чему столько праздниковъ при концѣ и началѣ года ? Цѣлые

(1) Hyde. XXIV. Relig. Pers.

(2) Zoroastre, Confutius et Mahomet p. Pastoret.

десять дней и болѣе пропадаютъ безъ всякаго дѣла !

Зороастръ. Сперва оправдаетъ меня въ семь мягкость климата и плодородіе земли ; а впрочемъ читай, и узнаешь, чѣмъ я предписываю дѣлать въ сіи праздники. Они посвящены воспоминанію отца, друга, супруги, которыхъ уже нѣтъ на свѣтѣ. Души ихъ навѣщаютъ ихъ семейства ; и сіи трогательныя дѣйствія не пошеряны для ихъ нравовъ.

Пиеагоръ. Мемфійскіе Жрецы имѣютъ подобное же ученіе, взятое изъ того же источника въ Природѣ (1).

Зороастръ. Я весьма опасался, чѣмъ не уничтожилъ праздниковъ въ честь Сатурна (2). Наблюденіе ихъ, будучи не столь благочестивымъ, сколько нравственное, есть дѣло весьма полипическое. Оно напоминаетъ людямъ хотя на одну минушу природныя ихъ права. Господа дѣлающа отъ того не столь жестокими, а слуги утѣшающа въ своемъ сосояніи, въ которомъ общественный порядокъ ихъ содержитъ.

(1) Смолри сего сочиненія Часть II. гл. XXIII.

(2) Stuckius conviv. I.

Пифагоръ. Сей умозрительный законъ хорошъ, но исполненіе его, которому я былъ свидѣтелемъ при подошвѣ сей башни, худо сошлѣтсѣвуеишь оному.

Зороастръ. Отъ того, что заповѣдь сія уже обвѣщала. Это доказываетъ нужду въ возобновленіи духа оной. До меня бѣдный не участвоваль въ общей радости; но въ моей книгѣ законовъ нѣтъ пиришесшва безъ соучастія его въ ономъ.

Пифагоръ. Уничтожить бѣдность есть похвальнѣе, нежели дѣлать пособіе оной. Для чего не воззовешь вдругъ всѣхъ людей къ первоначальному равенству, копорымъ наслаждались они подъ управленіемъ Природы? Однимъ шагомъ достигъ бы ты къ шой славѣ, копорую обожаешь.

Зороастръ. Это предпріятіе было бы пустое и неосновательное.

Пифагоръ. Самани, швой сосѣды, имѣли въ томъ болѣе отважности.

Зороастръ. Скажи лучше, неразумія: они преобладали слишкомъ много, и за шо ничего имъ не дано. Они живутъ въ лѣсахъ и спасеніемъ своимъ обязаны скрытности.

Пифагоръ. Зороастръ! я чиналъ въ главѣ объ *огнищеніяхъ*, что мертвое тѣло Жрецовъ (1) меньше оскверняетъ, нежели пруръ земледѣльцевъ. . . .

Зороастръ. Чтожь ты находишь въ семъ положеніи? Оно есть послѣдствіе священноначалія духовнаго и гражданскаго. Чпобъ заспавить людей наблюдать оное въ печеніе жизни, надобно было предписать наблюденіе его даже послѣ смерти. Отъ народа должно пребовать прехъ вещей, дабы получить одну изъ нихъ.

Пифагоръ. Законъ швой позволяетъ Жрецу быть судьей или воиномъ, но не художникомъ или земледѣльцемъ. Я не люблю такого исключенія.

Зороастръ. Однакожь оно необходимо. Дабы сохранить въ силѣ вліяніе Жрецовъ на духъ народа, не надлежитъ имъ быть въ глазахъ его такими же людьми. Они должны уподобляться богамъ, дѣйствующимъ и присутствующимъ вездѣ, не имѣя ни рукъ, ни ногъ, по крайней мѣрѣ не упошребляя ихъ въ дѣйствіе. Работникъ, находя Жреца товарищемъ въ своихъ трудахъ, перестаетъ

(1) Vendidad - sade fargard. 7.

надѣясь на его молитвы или изрѣченія. Я запрещаю Жрецу пить изъ одной съ нимъ чаши. Сія служить закономъ предосторожности, копорой сверхъ того удерживаетъ непросвѣщенныхъ въ нѣкоторой отдаленности отъ священническаго сана.

Пифагоръ. Но надобно Жрецамъ быть чище и безкорыстнѣе другихъ людей. — Я знаю Жрецовъ, которые еще имѣютъ званіе судей.

Зороастръ. Сіе для того, чтобъ дать важнѣйшій характеръ служителямъ правды.

Пифагоръ. Но мнѣ кажется, что судьбѣ, для снисканія уваженія, не надобно быть Жрецомъ, а только безприспρασнымъ.

Зороастръ. Перейдемъ къ гражданскимъ моимъ законамъ.

Пифагоръ. Наилучшее въ нихъ правило, можетъ быть, сіе: „Мудрый долженъ прощать обиды, такъ какъ солнце не отъемлетъ свѣта своего отъ тѣхъ, кои оскверняютъ его лучи.“

Зороастръ. Въ моей книгѣ гражданскихъ законовъ прежде всего пишу о населеніи народномъ.

Пифагоръ. Предпочель ли бы ты количество людей ихъ качеству?

Зороастръ. По крайней мѣрѣ Природа сего желаетъ. Обращай на нее свои упреки. Я почитаю должностію образовать себя по ней.

Пифагоръ. Не смотря на удаленіе наше отъ нее? Слѣдовательно ты весьма уважаешь такое многолюдство, какое есть въ Вавилонѣ.

Зороастръ. Оспарюсь при своемъ мнѣніи.

Пифагоръ. Всѣ начальники сектъ имѣютъ надобность въ числѣ.

Зороастръ. Разумъ будетъ господствовать тогда, когда многіе спанутъ ему слѣдовать!

Пифагоръ. Между тѣмъ сядемъ, Зороастръ.

Я продолжалъ свое чтеніе: „Самое важнѣйшее дѣло предъ Ормузсомъ есть хорошо обрабатывать свое поле, напосевать оное текучею водою, разводивъ на немъ растенія и живопныхъ, имѣть многочисленныя стада и молодыхъ плодородныхъ женщинъ (1).“

(1) Sad - der. Zend - Avesta.

Зороастръ. Я вмѣняю въ преступленіе ошду, когда онъ отказываетъ своей взрослой дочери въ мужѣ, котораго она проситъ у него.

Пивагоръ. Такая строгость въ сужденіи сего можешь навлечь за собою многія неудобства.

Зороастръ. Я счисляю и дѣтей между хорошими поступками, которые служатъ монетою для платы за переходъ черезъ мостъ *Тшиневадъ*. . .

Пивагоръ. Такъ, всегда и вездѣ Мисеология.

Зороастръ. Сіе древнее преданіе принялъ я по причинѣ отличности его. Здѣшняя жизнь сообщается съ будущею посредствомъ моста. Тамъ производится расплата, и принимаются въ цѣну только добродѣтели, или представленіе многочисленнаго и образованнаго семейства.

Пивагоръ. Какъ! ты вмѣняешь въ безчестіе неспособность и безсиліе? Это не порокъ: развѣ наказываютъ за немощь или болѣзнь?

Зороастръ. Надобно преслѣдовать разпусштво въ шакихъ климахахъ, гдѣ все влечетъ къ оному, и стараться пред-

упреждашь слѣдствія онаго. Оно почти всегда производитъ безсиліе и немощь. Не надобно ничего оставлять на произволъ людямъ: они весьма склонны преступать законъ, или не выполнятъ онаго. Сіе заспавляетъ меня входивъ въ самыя малѣйшія подробности. Все важно въ дѣлѣ физическаго и гражданскаго законоположенія. Я приказываю супругамъ относить къ священнѣйшимъ ихъ обязанностямъ должность супружескую.

Пивагоръ. Законодатель воспока! умъ твой, какъ солнце, освѣщаетъ всѣ предметы.

Зороастръ. Такъ должно мнѣ поступать съ людьми, и стараніе мое не останется безплоднымъ. Супругъ совѣтую видѣть въ мужѣ своемъ верховнаго господина. Въ благоустроенномъ домѣ надобно быть одному только начальнику.

Пивагоръ. Но въ законахъ твоихъ ты допускаешь вѣрить двумъ силамъ, управляющимъ вселенною: Ариману и Ормушсу. Опасайся противорѣчія.

Зороастръ. Я обѣщаю награжденія и наказанія женщинамъ по мѣрѣ ихъ послушливости или упорства. Религія

въ семъ случаѣ говоритъ громче, нежели Природа.

Пифагоръ. Чпо я вижу? смерпную казнь сыну, оказавшему прижды непослушаніе опцу!

Зороастръ. Безъ сомнѣнія.

Пифагоръ. Греческой Драконъ не лютѣ сего. Сей законъ возмущаетъ меня; но вопъ другой, копорой я еще менѣ одобряю: ты опнимаешь у опцевъ самую лучшую и важнѣйшую ихъ должность; ты обременяешь священнической чинъ воспитаніемъ дѣшей.

Зороастръ. Сей законъ зависитъ опъ обстоятельствъ и мѣста. Пока народъ, по точному значенію своего имени, будетъ умѣть только родить дѣшей, не имѣя дарованія воспитывать ихъ, необходимо надобно поручать ихъ надзиранію Жрецовъ, которые одни только въ состояніи дасть имъ второе бытіе.

Пифагоръ. Мнѣ очень сей законъ нравился: „Опецъ и мать не должны дѣляти лѣтъ вразумлять дитя свое, чпо ешь доброе и худое, а только содержатъ его во всякой опрятности. . .“

Я вычернилъ бы до пяти лѣтъ: не лѣзя опредѣлять времени, какъ долго

можетъ продолжаться дреманіе дѣшства. Перейдемъ къ другому закону.

Вопъ до чего ты доведенъ своимъ служеніемъ огню, которое надлежало тебѣ обратишь только къ огню солнца! Ты видишь себя принужденнымъ изгнать кузнечное ремесло, поль нужное въ городахъ и даже въ деревняхъ. Тебѣ надобно объявить нечислымъ сего прудолюбиваго художника, попому чпо онъ оскверняетъ пламя, прикасаясь къ оному.

Зороастръ. Въ изданіи законовъ я не много полагался на Логику народа: рѣдко поведеніе его опвѣчаетъ правиламъ исповѣдуемой имъ Религіи.

Пифагоръ. Разкрывъ книгу нравственныхъ своихъ законовъ, я примѣтилъ ошибку въ раздѣленіи должностей человѣка. Ты раздѣляешь оныя на три класса: въ первомъ помѣщаешь должность къ Богу; но не здѣсь мѣсто онымъ; также смѣшиваешь нравственность съ богослуженіемъ наружнымъ. — На сколько вѣковъ еще думаешь продолжать дѣшство рода человѣческаго?

Зороастръ. Суди ты самъ: обозри опсюда все окружающее. Сойди и проповѣдуй Вавилонскому народу нрав-

спвенные законы въ совершенной нагошѣ безъ наружныхъ обрядовъ Религїи. Много ли ты въ просвѣщенїи его успѣешь? На сіе можешь опважиться только въ спѣнахъ малой обипели; но и шамъ не ручаюсь за успѣхъ и швердость.

Пиагоръ. Я объявлю себя преобразователемъ подобныхъ себѣ, когда буду умѣть научить ихъ чему нибудь лучшему, нежели что они уже знаютъ. Греція есть эхо Египта, Египетъ Еѳіопїи, Еѳіопїя Халдеи. Вездѣ слышу только эхо Полипики. Я надѣялся-было, что въ сихъ спѣнахъ, очищенныхъ Зороаспромъ, раздадутся крѣпкіе гласы истины; но самъ Зороаспръ, которой, кажется, не страшится говорить правду Царямъ, также дѣлаетъ низхожденіе народамъ.

Зороаспръ. Такъ! я имъ низхожу, сколько пребуешь шого ихъ польза и моя слава. Это есть общій законъ, изтекшій изъ опыта всѣхъ земель и всѣхъ вѣковъ: ты и самъ будешь нѣкогда нашего мнѣнїя.

Пиагоръ. Никогда.

Зороаспръ. Частыя молитвы и омыванїя показалишь шебѣ мѣлочью въ

книгѣ моихъ законовъ богослуженїя; но смопри, какую польву я умѣлъ получишь изъ сего въ нравственныхъ моихъ законахъ, и примѣть также, какъ они служатъ между собою взаимною подпорою. Ежели предписываю въ первыхъ законахъ моихъ молиться и омываться отъ нечистотъ, то вопъ съ какимъ намѣренїемъ: въ первой спрокѣ моего Вендидад-Саде произношу сіи слова, основанїе всего моего законодательства; слова, которыя заспаваю слишкомъ часто повторяшь во всѣхъ моихъ книгахъ (1):

Я молюсь съ чистотою мыслей, словъ и дѣяній.

Къ сему коренному закону отношу всѣ блага, болѣе человѣку принадлежащїя; не блага будущей жизни, но сопровождающїя насъ здѣсь и для всѣхъ полезныхъ: а именно, здоровье, хорошихъ дѣтей, богатую жатву, шучныя спада, долгую жизнь, однимъ словомъ: благополучіе человѣка чистаго.

Всѣ нравственные мои законы обращаются на сей пружинѣ.

Богачь, шщеславящїйся своимъ изобилїемъ, есть нечистъ.

(1) Visbcred. card. 8. Izeschné. 19 ha.

Женщина, гордящаяся своею красотою, также нечиста.

Кто произноситъ легкомысленно и безъ вниманія имя *Безпредѣльнаго*, тотъ нечистъ.

Въ нравственной книгѣ моей (1) объявляю презрѣннымъ и подлымъ чело-вѣка нечистаго, позволяющаго себѣ говорить ложь.

Народъ нечистъ, когда дѣлается несправедливымъ и насильственнымъ. Для наказанія его сядетъ ему на главу Государь, такой же нечистый, какъ и онъ, но есть преданный деспотизму и ненавидящій изобиліе.

Государь и народъ нечисты, когда оба вмѣстѣ предаются постыднѣйшимъ порокамъ, худшимъ самаго святошества. Тогда въ семъ Государствѣ, для наказанія его, все уменьшается прешью долею: свѣжіе источники, плодоносныя деревья, и люди здоровые, великіе и славные.

Пифагоръ. Зороастръ! я нахожу странное возраженіе противъ твоихъ законовъ: ежели начальникъ, или простой

(1) Sadder. порта. 76 —)

человѣкъ напивается до-пьяна однажды только въ годъ (1), то онъ не престаеиъ быть чистымъ.

Зороастръ. Сіе для того, что законодателью надобно по временамъ смягчать свою строгость и предупреждать уныніе.

Я объявляю ту женщину нечистою, которая живетъ съ двумя мужчинами, и на всю Природу разпространяю сіе преступленіе ея противъ воздержности. Ежели такая женщина взглянетъ на поверхность рѣки, то вода въ ней тотчасъ дѣлается мутною; ежели дотронется до дерева нечистою своею рукою, то оно разсыпается въ прахъ; цвѣты на лугахъ, гдѣ она садится, превращаются въ терновыя спицы. Во время бѣдствій народъ будетъ принимать буквально сей нравственный законъ. Мнѣ болѣе ничего не надобно: я исполнилъ свое дѣло.

Пифагоръ. И такъ ты составляешь законы изъ воспомыныхъ фигуральныхъ изрѣченій?

Зороастръ. Крою платье по росту тѣла, для котораго оно опредѣлено.

(1) Hyde. 34.
Часть III.

Сіе понятіе о нравственной чистотѣ, которую я предписываю въ благочестивую должность самымъ супругамъ на лонѣ наслажденій, благопріятствуетъ Природѣ и способствуетъ красотѣ будущихъ родовъ. — Я сполькую въ семь увѣренъ, что сдѣлалъ изъ того ясный законъ, которой ты прочесть можешь:

Не лзя приступать къ супружескому дѣлу, не сказавъ девять разъ (1): „Ормусъ желаетъ чистыхъ дѣлъ.“

Пифагоръ. Слѣдующее изрѣченіе стоишь вниманія. Ты заспавляешь говорить Ормуса: „Я желаю, чпобъ чловѣколюбіе возводило Царей на шронъ, и утверждаю Государемъ того, кпо питаетъ несчастнаго. Но наблюдаешся ли сей законъ?“

Зороастръ. Будетъ время для очищенія нарушающихъ оной. Но теперь спанемъ почиать добродѣтель вездѣ, гдѣ она находится, даже на устахъ лицемѣра. — Неизбѣжныя ошибки людей простительны. Я не пришелъ переменить ихъ собою, а только управлять ихъ спрасьями. Предвижу, что здѣсь доз-

(1) Tescht - sadés. XX.

волено будетъ по же, что дѣлается въ Египтѣ. Мой небесный или, лучше, солнечный шелецъ и другія созвѣздія живописныхъ формъ сдѣлаются въ народѣ предметами поклоненія. Онъ потеряетъ цѣлое Природы и прилѣпится къ часпямъ. Я возвращаю его къ оному цѣлому, безъ его свѣденія, симъ физико-моральнымъ закономъ: „Старайся угождать огню, водѣ, землѣ, древамъ, скошамъ, чисному чловѣку, чистой женщинѣ.“ Угождать огню, на примѣръ, значитъ дѣлать изъ него разумное употребленіе. Положишь огонь въ житницу, значитъ осквернишь его пламя, заспавя его сдѣлать злодѣяніе. Такъ и прочее. — Мудрый Индѣецъ! признаюсь, что я самъ собою бываю доволенъ, когда перечитываю сіе распоряженіе моихъ законовъ.

Пифагоръ. И я также поздравляю тебя съ симъ. Но къ чему все сіи околнчности? нужно ли увѣрять народъ въ красотѣ солнца?

Зороастръ. Ты прибылъ изъ такой спраны, которая оное прокликаетъ (1). Нагая мудросп прекрасна, но холодна;

(1) Евѳолія. См. выше.

ей потребны украшенія. Народъ есть какъ женщина, которая засыпаетъ на правилахъ чистаго разума. Моралистъ и законодатель должны умѣть нѣсколько приправлять Поэзіею важные свои доводы.

Пифагоръ. Вотъ одинъ изъ первоихъ законовъ, которой не пребуешь ни возраженія, ни исключенія (2): „Лучшее правительство есть то, которое поля дѣлаетъ плодоносными.“ Но сей — ахъ, Зороаспръ! . . . (1) „Кто нарушитъ законъ, того шѣло надобно разрѣзать съ головы до ногъ ножемъ желѣзнымъ!“ — „Кто безпрестанно пропивился закону, того шѣло должно разрѣзано быть въ каждомъ его сославѣ, и симъ заплашишь за его преступленіе!“

Зороаспръ. Вѣдай, что законъ есть общее добро. Нарушать оной есть оскорблять cadaго изъ всѣхъ шѣхъ миліоновъ людей, которые подъ шѣнью его успокоиваются; есть хотѣть, по примѣру Аримана, убивать Природу, служившую образцемъ закону. Сверхъ того преступникъ зналъ всю строгость онаго:

(1) Жизнь Зороастра. *Anquetil.*
(2) *Vendidad . sadé . farg. 4 . 3.*

я не дѣлаю изъ него шайны. Онъ вѣдаетъ напередъ, чему подвергаетъ себя; и поелику въ томъ упорствуетъ, то жестокость наказанія симъ оправдана бываетъ. Сей законъ казни еще напрошивъ не очень строгъ, потому что не могъ остановить злодѣянія въ произхожденіи его. Чемужъ ты усмѣхаешься?

Пифагоръ. Ужли ты самъ, важный законодатель, учредилъ сей судъ (1): „что можно удовлетворить за свое злодѣяніе выдачею молодой дѣвицы за вѣрнаго ученика Зороаспрова?“ По сему отецъ или братъ любезной Халдеянки можетъ себѣ сказать: „Изберемъ между пороками самый выгоднѣйшій: я напередъ увѣренъ въ прощеніи: заплачу за него отпачею моей дочери или сестры за самаго молодаго и ревностнѣйшаго изъ послѣдователей Зороаспровыхъ. Онъ пришлетъ мнѣ разрѣшеніе.“ Это весьма выгодно. . . . Законодатель! скоро вычерни сіи при нечислыя строки. — Злощасный я человекъ! закричитъ нѣкогда на мѣстѣ казни преступникъ, топовый къ распластанію на - двое: для чего нѣтъ у меня ни сестры, ни дочери дѣ-

(1) *Vendidad . sadé . farg. 14.*

виды, которую могъ бы выдать за вѣрнаго ученика Зороасрова?

Зороастръ. Сей законъ мнѣ не принадлежитъ. Я нашелъ его между многими другими, ему подобными, и помѣстилъ въ своихъ въ дополненіе къ моему труду. Хорошо, что знаюшъ, въ какомъ состояніи было богослуженіе и законодательство, когда я предпринялъ исправить оныя. Сверхъ того я имѣлъ надобность соглашаться на худое для утвержденія добраго. Натуральное искусство состоишъ въ соглашеніи противности.

Пивагоръ. Хотя я и не удовольствованъ симъ объясненіемъ, однако болѣе не наспою. Пойдемъ далѣе. Тотъ же духъ, но въ тѣснѣйшихъ предѣлахъ заключающійся, внушилъ сей другой законъ, которой преступника богача осуждаетъ на отдачу бѣдному земледѣльцу плодороднаго своего поля или спада.

Зороастръ. Я занялъ мысль къ сему учрежденію изъ того, что уже заслужило швое вниманіе: ты, можешъ быть, попорочился оуждать меня. Примѣнь еще, что я въ числѣ пороковъ, подверженныхъ законному наказанію, полагаю и нарушеніе даннаго слова, а вездѣ

наказываютъ только за дѣла, на письмѣ показанныя.

Пивагоръ. Не много ты имѣешь уваженія къ людямъ. Кипо опререкаешся отъ плаши своего долга или не выполняешъ обѣщанія, потъ по законамъ швоимъ осуждаешся на сѣченіе кошками. Ископы не имѣюшъ другаго наказанія, когда хозяева бываюшъ ими недовольны. Признаюшъ тебѣ, Зороастръ, что я не имѣю твердости дочинать уголовныя швои законы. Иныя противны мнѣ, а другіе меня возмущаюшъ. За неважныя проступки ты сѣчешъ розгами, обрѣзываетъ уши; за слабости, свойственныя климату или темпераменту, сожигаешъ на кострѣ; а за тяжкія преступленія побиваетъ камнями и разсѣкаетъ на части, хотя шакковыя проступки болѣе доспойны сожалѣнія, нежели смертной казни.

Зороастръ. Когда ты болѣе узнаешъ людей, лучше будешъ чувствовать необходимость шакыхъ строгостей.

Пивагоръ. Повпорядю тебѣ, что не могу слышать о сихъ казняхъ. Ежели бы погонщикъ верблюдовъ или слоновъ описалъ правила, наблюдаемыя имѣ

въ разсужденіи сихъ ввѣренныхъ ему животныхъ, но онъ менѣе были бы жестоки и унизительны въ сравненіи съ преподаваемыми Зороастромъ народамъ.

Зороастръ. Виноватъ ли я, что нѣкоторые люди менѣе разсудительны и болѣе злодѣйственны, нежели животные?

Пивагоръ. Родъ человѣческой будеть тебѣ обязанъ великою благодарностію за то, что ты одинакія налагаешь наказанія (1) на человѣка и на животныхъ въ случаѣ ихъ проступковъ. . . .

Зороастръ. Я помирюсь съ побою при прощаньи нашемъ. Читай еще: ты видишь, что я запрещаю покупать въ своемъ городѣ съѣстные припасы для перепродажи ихъ съ барышемъ шупъ же; преслѣдую жаднаго и безжалостнаго опкупщика, которой ссыпаетъ къ себѣ хлѣбъ и ожидаетъ возвышенія цѣны для своей прибыли. Ни одинъ законодатель не обращалъ еще взора на сію пьму нечестія.

Пивагоръ. Сей послѣдній законъ кажется мнѣ изящнымъ и мудрымъ. Онъ одинъ можетъ обратиться въ пользу и

(1) Vendid. — sad. XIII.

другіе. Довольно для законодателя пріобрѣсти довѣренность народа. Не много такихъ законовъ, которые сполько благопріятствовали бы ему, какъ швои. Ежели бы ты, говоря политически, сполько же имѣлъ уваженія къ женщинамъ, то, по мнѣнію моему, ты бы близко подошелъ къ той цѣли, какую должно себѣ предполагать во всякой общественной системѣ.

Зороастръ. Къ женщинамъ, ты говоришь? Въ восточныхъ странахъ вашихъ я далъ бы имъ другія правила.

Пивагоръ. Я читалъ въ законахъ швоихъ: „По утру супруга, подпоясавъ свой поясъ *кости* (1) и ставъ передъ мужемъ, сложа руки крестообразно, должна сказать ему: что вамъ угодно? потомъ поздравить его, поклонясь; и при раза коснуться рукою отъ лба къ землѣ и отъ земли ко лбу; а послѣ сего идти поспѣшно исполнять его приказанія.“

Зороастръ. Ничего не перемѣню въ семъ учрежденіи моихъ законовъ.

(1) Vendidad — sadé. 15. 16. — Anquetil. Traité des usages des Perses.

Вопи́ мое мнѣніе въ двухъ словахъ: женщины и народъ не лѣзя довольно подчинить мушину и мудрецу.

Пифагоръ. А Государь отъ кого долженъ зависѣть? отъ закона, ты скажешь. Я сдѣлаю тебѣ возраженіе: конечно Камбизъ во имя закона, Зороаспромъ преобразованнаго, надѣла лѣ сполько бѣдъ въ Египтѣ. Подвигнушый опвращеніемъ, какое ты умѣлъ внушить ему прошивъ служенія животнымъ, и ревнуя къ разумнѣйшему богослуженію, онъ разорилъ цѣлую Имперію, опуспошилъ обильнѣйшіе города, разрушилъ почтеннѣйшіе памятники и сожегъ Жрецовъ съ храмами ихъ.

Зороастръ. Подожди царствованія Даріева; тогда можешь дать свое мнѣніе и сдѣлашь заключеніе о моемъ преобразованіи. Камбизъ преступилъ законъ, взявъ себѣ въ образецъ Аримана, начало зла. Я всегда возвѣщалъ, именемъ Ормуца, начало добра.

Пифагоръ. Жаль, что одинъ изъ первыхъ твоихъ учениковъ оказалъ себя жестокимъ, и что начашки твоего законодательства были великими полиническими ухищреніями.

Зороастръ. Пифагоръ! . . . я уже сказалъ тебѣ, что безпредѣльное время даешъ нѣсколько миліоновъ лѣтъ на сраженіе добрымъ съ злыми. Добро одержало верхъ давно съ перваго преобразованія, которое споль много имѣло славы при древнемъ Архиматъ, котораго именемъ опваживаюсь называться (*). Зло шакже имѣло, кажется, перевѣсъ до самой смерти Камбиза. Но новый Монархъ, сынъ Гистаспа, призываетъ меня къ своему трону. Хочу сдѣлать тебя свидѣтелемъ торжества истины въ лицѣ моемъ, отправаюсь съ тобою въ Сюзъ. Приготовься къ сему путешествію.

Пифагоръ. Буду ли имѣть время видѣться съ учеными Халдейскими (1)?

Зороастръ. Конечно; да и кспати повидатся тебѣ съ ними прежде, нежели увидишь Персидскихъ Маговъ.

Я пошелъ - было отъ Зороаспра, но онъ удержалъ меня за поясъ и спросилъ: чиножь ты скажешь наконецъ о законахъ моихъ вообще?

(*) Историки считаютъ многихъ Зороаспровъ.

(1) Regio altrix Philosophiae veteris. *Ammian. Marcel.* XXIII. 20.

Пи а г о р ъ. Они показываютъ тебя человѣкомъ, занимающимся подобными себѣ для того только, чтобъ ихъ занявъ собою; человѣкомъ, долго грезившимъ въ разсѣлинахъ горъ и не изучившимъ довольно пушей Природы. Законы твои будутъ имѣть успѣхъ: ибо они большею частію мѣлчны, поработорительны и странны, нежели мудры. Народу это нравится. Когда люди будутъ просвѣщеннѣе, Зороастръ перестанетъ быть законодательемъ.

Зороастръ. Мы не увидимъ сей переменны. Она безъ сомнѣнія случится при обновленіи великаго года. Еще одно слово: что мнѣ, по твоему мнѣнію, надлежитъ думать о Вавилонѣ? Мнѣ надобно это знать.

Пи а г о р ъ. Я только пробѣжалъ черезъ него, идучи къ тебѣ. Ты можешь называть его масперскимъ дѣломъ могущества твоего Аримана. Это тартаръ для миліоновъ людей, и Елисейскія поля для нѣсколькихъ сотъ подобныхъ имъ. Ежели ты не знаешь сего великаго города, то и онъ тебя не знаетъ: онъ даже не удостоилъ и навѣдаться о тебѣ. Мудрость и добродѣтель не кажутся ему достойными его вниманія. Люди низкихъ степеней и богачи равно чужды

всего великаго и опличнаго. Первые Вавилонскіе граждане, по естѣ, богашы и чиновные люди явно оказываютъ презрѣніе къ дарованіямъ, наукамъ и добрымъ нравамъ.

Зороастръ. Естѣли въ немъ сколько нибудь просвѣщенныхъ людей?

Пи а г о р ъ. Человѣкъ простой, любящій мудрость и добродѣтель, долженъ шамъ жить въ неизвѣстности, удалясь отъ всѣхъ публичныхъ дѣлъ, ежели не хочетъ быть посмѣшищемъ. Его обременяютъ презрѣніемъ и ругательствами. А другіе ученые, о которыхъ народъ говоритъ, подлѣе самыхъ покровителей своихъ, которыми они цѣлуютъ колѣна. Они всякой день разпочають похвалы особамъ безъ дарованій и справедливости.

Не Солнце и не Венера составляютъ здѣшнее божество, а одна роскошь. Ей жертвуютъ всѣмъ: честію, семействомъ, отечествомъ. Миліоны людей продаютъ свое существованіе богачамъ для пипанія ихъ щеславія. Съ одной стороны глупая пышность и надменность, а съ другой лишеніе и бѣдность: — вотъ что Вавилонъ! страна, презрѣннѣйшая и опшратшительнѣйшая на землѣ, городъ павлиновъ и свиней!

Свѣденіе объ Астрономіи Вавилонской.

Зороаспръ поручилъ меня Халдейскому Жрецу, по имени Берозу, служащему исполковашелемъ для иностранныхъ. Берозъ провелъ меня черезъ всю внутренность Белюсовой башни и остановилъ въ длинномъ преддверіи, котораго сводъ, росписанный лазурью и золотомъ, представляешь всѣ созвѣздія, точное и совершенное цѣлое всей планетной системы. Стѣны сей астрономической галлерей покрыты картинами, представляющими небесныя переменныя подъ эмблемою героическихъ приключеній. Тутъ нашелъ я подлинники весьма многихъ полубоговъ, воспѣваемыхъ Гезіодомъ и Гомеромъ, обожаемыхъ Греціею.

Мнѣ также показанъ былъ глазъ Белюсовъ, драгоценный (1) камень, похожій на зрачокъ глаза, въ кольцо золотого цѣвша. Сей священный предметъ служилъ символомъ солнцу, первому и, можетъ быть, единственному истинному божеству цѣлаго востока.

(1) Плин. *Ист. Нат.* XXXVII. 10.

Берозъ сказалъ мнѣ, что мнѣ дозволяется списать въ свои таблицы знаки, изображенные на столбѣ Ацикароса (1), знамениаго Вавилонскаго мудреца. Я предоставилъ другимъ сей трудъ (2). Всѣ сіи астрологическія шайны болѣе дѣлаютъ вреда, нежели пользы натуральнымъ истинамъ. Много употребляется во зло сіе соотношеніе неба съ землею.

Потомъ показалъ мнѣ Берозъ большія каменные таблицы (3), на которыхъ вырѣзаны Вавилонскія лѣтописи, коихъ изданіе повѣрено Халдейскимъ Астрономамъ, дабы утвердить согласіе между приключеніями жизни великихъ людей, производшихъ политическія переменныя, и между движеніями небесныхъ тѣлъ. Къ разумѣнію сихъ отношеній пребудетъ многой проицательности. Но извѣстно, что жаръ

(1) Клем. Алекс. *Strom.* I.

(2) Демокритъ принялъ сей трудъ. — Плин. *Нат. Ист. de la Magie.*

(3) Элиевъ, знаменитѣйшій Писатель, утверждаетъ, что у Вавилонцевъ или Халдеевъ астрономическія примѣчанія на 720 лѣтъ были вырѣзаны на плитахъ. Изъ сего видно, что липеры всегда были въ употребленіи. — Плин. *Нат. Ист.* VII. 56.

и холодъ имѣютъ ощушительное вліяніе на дѣйствія человѣческія. Начальники должны каждое утро наблюдать, по вѣрной таблицѣ, перемѣны воздуха. Порокъ и добродѣтель не всегда зависятъ отъ свободной воли человѣка. Первая причина многихъ происшествій на земномъ шарѣ написана на сводѣ неба.

Сіе послѣдствіе наблюденій восходитъ весьма высоко. Такимъ образомъ система духовная и гражданская сходяпся вмѣстѣ съ звѣздною; и по сей причинѣ Халдеи были и Астрономы, и Священники, и Государственныя люди. Белюсова башня служилъ вмѣстѣ и храмомъ Солнцу и чертогами наукъ звѣздной.

Я сдѣлалъ Берозу примѣчаніе, которое и его и меня самого привело въ замѣшательство. Онъ показалъ мнѣ изчисленія лѣтъ, которыя теряются въ эпохахъ далѣе принятыхъ Исторіею. Я просилъ у него на сіе разрѣшенія, но онъ не могъ мнѣ его дать. — Извините, сказалъ я ему: Халдеи суть токмо хранители. Не вижу съ вашей стороны многихъ прибавленій къ переданнымъ вамъ открытіямъ; вы даже съ трудомъ ихъ понимаете и не можете мнѣ изъяснить. Не натурально воздѣлывать

великое древо человѣческихъ познаній и не прибавишь къ оному нѣсколькихъ вѣтвей. Потомки должны, кажется, болѣе знать, нежели ихъ предки.

Халдеи раздѣляютъ два года: одинъ *гражданской*, изъ 365 дней и 6 часовъ состоящій; а другой *положительный*, къ которому прибавляютъ одиннадцать минутъ и нѣсколько секундъ, въ сообразность печенію неподвижныхъ звѣздъ (1). Они утверждаютъ, что кометы принадлежатъ къ солнечной системѣ и хвастаются знаніемъ движенія ихъ для предсказанія опредѣленнаго времени ихъ возвращенія (2).

Египтяне отъ нихъ приняли Зодіакъ (3), и первые раздѣлили его на 12 знаковъ, изъ которыхъ столько же сдѣлали боговъ для народа. Ежели что заслуживаетъ почитаніе на землѣ, то безъ сомнѣнія небесныя феномены.

Солнце и луна служатъ измѣреніемъ безпредѣльному времени. Одно описы-

(1) Montucla. Hist des Mathem. Tom. I.

(2) Stobée, Eclog. 25. —

(3) Tradidit Aegyptis Babylon, Aegyptus Archivis. — старая Латинская пословица.

ваетъ обращеніе года, а другая мѣсяца, по степени ихъ скороспи. Первое свѣтитъ само собою, а другая заимствуетъ свѣтъ, которой проливается на завѣсу ночи; сей свѣтъ заимствуется, когда кругъ луны перяется въ тѣни земнаго шара.

Мы искали средства, сказалъ мнѣ ученый Берозъ, узнать величину земли. Намъ почти доказано было, что ежели бы человекъ направилъ шаги свои по движенію солнечныхъ лучей, то облекъ бы съ ними шаръ земной въ одинъ годъ (1).

Берозъ показалъ мнѣ большой Халдейской локоть, служившій подлинникомъ Нилометру, которой превосходитъ мѣру нынѣшняго человѣческаго локтя. Сте относитъ колыбель первыхъ человекъ къ такой глубинѣ, до которой мы не можемъ уже возводитъ, и, кажется, доказываетъ наше перерожденіе. Первые опцы наши превосходили своихъ дѣшей величиною тѣла, такъ какъ добродѣтелями и познаніями. Сія древняя мѣра служитъ основаніемъ спадіямъ двоякаго

рода, измѣреннымъ двоякимъ годомъ: астрономическимъ и гражданскимъ.

Мнѣ еще показаны были два инструмента, копорыя тѣмъ оспроумнѣе, чѣмъ проснѣе сдѣланы. Одинъ называется *лолюсъ*, родъ стрѣлки, служащей къ указанію солнечныхъ обращеній; а другой указатель на часахъ, давно уже извѣстный.

Берозъ, слѣдуя мнѣнію своихъ Учителей, утверждаетъ, что между всѣми небесными тѣлами опъ солнца болѣе выводятъ предзнаменованій о великихъ подлунныхъ происшествіяхъ (1). Оно есть одно изъ пяти исполковательныхъ свѣтилъ, управляющихъ прицпашью звѣздами. Одна изъ сихъ чрезъ каждые десять дней посылается на землю опъ тѣхъ пяти свѣтилъ, для извѣщенія ихъ о шамоннихъ происшествіяхъ, или для объявленія своихъ повелѣній.

По увѣренію Вавилонскихъ мудрецовъ, вліяніе звѣздъ на рожденіе и жизнь человека есть непосредственно и необходимо. Наблюденіемъ различныхъ явленій ихъ предузнается доброе и худое, коего ожи-

(1) Achille Tatius Uranolog. 26. См. Cassini.

(1) Діодор. Сиц. II. Библ.

дать или опасаться надлежитъ. Они предсказываютъ будущее съ удивительною точностію. Въ Зодіака полагаютъ 24 созвѣздія, изъ которыхъ 12 видима господствуютъ надъ живыми, а 12 невидимы судятъ мертвыхъ.

При семъ я спросилъ Бероза: какъ Жрецъ, или какъ Астрономъ, продолжаетъ онъ мнѣ говорить?

Берозъ. Ты бы еще болѣе вскрикнулъ, ежели бы я тебѣ сказалъ, что мы имѣемъ непрерывную цѣпь наблюдений съ 475 тысячъ лѣтъ. Ежели мы не можемъ доказать сего математически, то осмѣлился ли кто оспаривать сіе мнѣніе, поль благопріятствующее успѣхамъ знанія? Никто доселѣ не отрицалъ, что луна есть подобна шару, котораго одна половина свѣтлая, а другая небснаго голубаго цвѣта, разливающегося въ лазури небснай тверди. Симв изображеніемъ изъясняю народу явленія свѣтила ночнаго. Чтобъ сдѣлать оцущипельнымъ погруженіе его, мы окунывали сію сферическую массу въ великолѣпную Семирамидину чашу (1), копорую великій Киръ у насъ похищилъ.

(1) Чаша вѣсомъ въ 15 Египетскихъ талантовъ. *Плин. Ист. Нат. XXXIII. 3.*

Пифагоръ. Ваши 475 тысячъ лѣтъ не колеблютъ моей вѣры къ вашимъ наблюденіямъ. Ваше право старшинства передъ всѣми сущесвующими народами для меня доказано. Присовокупляю еще, что наука о звѣздахъ и искусство письменныхъ характеровъ оставили свои памятники прежде монументовъ полипическихъ. Сіе произведеніе есть почтенно и для человѣческаго духа удовлетворительно.

Зороастръ, котораго ты оставляешь, сказалъ мнѣ Берозъ, выведя меня изъ башни, пріобрѣлъ въ разсужденіи сего двойное право на признательность нашу. До всупленія въ званіе воспочнаго Законодателя онъ первый посвятилъ пещеру Миеръ (1) въ горахъ, смежныхъ съ Персією. Онъ первый, раздѣля мѣръ геометрически на разныя части, представляющія климаты и стихіи, въ маломъ пространствѣ изобразилъ порядокъ и расположеніе вселенныя. Онъ, какъ новый Миера, сотворилъ мѣръ, по крайней мѣрѣ представилъ образецъ онаго, удобный доставить понятіе о расположеніи его. Зороастръ посвятилъ на сіе свобод-

(1) Eubulus, cité par Porphyre.

ное время въ продолженіе своего уединенія, и приготоуилъ себя къ системѣ общества, коую онъ нынѣ составляетъ, созидая снова собственными руками всеобщій механизмъ существъ.

Пиѳагоръ. Фивскіе Герофанты занимающія тѣми же предметами въ подземныхъ своихъ храмахъ.

Берозъ разоуцался со мною, будучи нѣсколько недоволенъ моимъ примѣчаніемъ.

XVIII.

Путешествіе въ Орхой. Произхожденіе Халдейцевъ.

Сойдя съ Белюсовой башни, я тотчасъ предпринялъ путь въ страну Халдейскую, называемую собственно *Кефеною*, и чрезъ нѣсколько дней думалъ быть въ столицѣ сей прекрасной страны. Для сего и не замедлилъ я въ *Персѣ*, небольшомъ городѣ, славящемся храмомъ Адониса, а еще болѣе тѣмъ богослуженіемъ, коое производится въ честь *Фалла* (1).

(1) Etienne de Byzance.

Я не останавливался и въ *Борсиллѣ*, также небольшомъ городѣ, служащемъ резиденціею одной изъ трехъ главныхъ фамилій священнаго ордена Халдейскаго, и коюю посвященъ Солнцу и Лунѣ (1); скоро проѣхалъ *Семаватъ*, или такъ называемой градъ *неба*, лежащій при Евфратскомъ заливѣ, коюю безъ сомнѣнія отъ сего города получилъ названіе рѣки *небесной*.

На берегахъ его встрѣшилъ я многихъ пшцелововъ, желающихъ заманить въ свои сѣти *стрелета*, при тяжеломъ полетѣ его. Они старались возбудить его къ пѣнію. „Послѣ сего онъ будетъ нашъ, говорилъ пшцеловы мнѣ: ибо тогда *стрелетъ* не думаетъ уже болѣе ни о чемъ, когда займется своею пѣснью.“ Я продолжалъ путь свой, разсуждая въ самомъ себѣ: Вавилоняне уподобляющія сами *стрелетамъ*.

Сіи пшцы, коихъ ловятъ одинакимъ образомъ, находящія также при сѣнахъ *Олиса* (2), знамениаго города, лежащаго къ Сѣверу отъ Вавилона, имѣющаго

(1) Страбон. Кн. XVI. *Геогр.*

(2) Ксенофонъ.

Астрономическую школу, которая равняется съ Борсипскою, но уступаетъ находящейся въ Орхоѣ. Описъ называютъ городомъ книгъ, а Орхой городомъ мудрецовъ Халдейскихъ (1); и я предпочелъ сей послѣдній первому.

Непрестанно приближаясь къ тому мѣсту, которое заключается между великой рѣки Вавилонской и Тигра, я усмотрѣлъ вдали города: Олисъ, Халибонъ, Каловазъ, Гунду, Батрахарту, Эллаву и Эредонъ, лежащій при томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ великая рѣка впадаетъ въ Персидской заливъ. Прежде своего съ нимъ смѣшенія, она протекаетъ на весьма великое пространство черезъ двѣ высокія плосины. Сія безконечная работа плосинъ необходима была для удержанія водъ въ берегахъ ихъ; ибо разливіе Евфрата простирается на одинъ миліонъ и сто тысячъ шаговъ (2).

Долгое время направляя путь свой къ полудню, наконецъ я прибылъ въ область Орхоевъ, народа трудолюбиваго и занимающагося земледѣліемъ, которой

(1) *Chaldaeorolin*. Euseb. *praepar. Evang* IX. 17.

(2) Плин. *Исп. Нѣп.* VI. 62.

безъ сомнѣнія прекратилъ вредныя разливія Евфрата, есѣли будетъ продолжатъ частые свои опводы (1). Страна любезна, небо чисто, жилища достойны обитаемой ими земли, которая ихъ питаетъ. Тамъ всѣ почти семейства состоятъ изъ пастуховъ и пастушекъ. Всѣ ихъ богатства составляютъ спада. Ихъ нравы имѣютъ шу оригинальную простоту, которая представляетъ первыхъ дѣтей Природы. Трудно мнѣ возвратитъ то удовольствіе, которое чувствовалъ, ступая по землѣ, гдѣ нѣкогда напечатлѣны были слѣды перваго человѣка! По крайней мѣрѣ такъ говоритъ преданіе, коего опровергать я не осмѣливаюсь.

Прибывъ въ небольшой городъ Орхой (2), я немедленно явился въ собраніе Халдей-

(1) Что и случилось. Великое пространство, наполняемое Евфратомъ, высохши въ семь мѣстъ, во времена Плинія и безъ сомнѣнія еще гораздо прежде сего Историка Природы, образовало прекрасную долину. Смол. Страбон. XVI. *Геогр.* и Птоломей.

(2) Choë, ou, selon quelques-uns, *Ur Chaldaeorum*, aujourd'hui, *Drachemia*. Voyez Danville. *Mém. de l'Acad. des Inscript.*

скихъ Жрецовъ. Мое священное пишло таинственника Фивскаго здѣсь весьма послужило мнѣ въ пользу. Одинъ изъ нихъ почтенный спарецъ не отрекся объяснить мнѣ всѣхъ предметовъ своей науки, которые казались для меня интересными. Послѣ перваго долгу гостепрїимства, онъ повелъ меня къ ближайшей горѣ, на одно изъ мѣстъ, кои находятся между Евфратомъ и пустынями Аравійскими. Гора сія, во всѣ времена года, бываетъ исполнена бальзамическихъ испареній, производящихъ опъ *Амомума* (*), ароматическаго растѣнія, которое служить, такъ сказать, основаніемъ всѣмъ лучшимъ благовоніямъ. Она возвышается изъ широкой равнины, подобно острову, лежащему среди моря, и известна въ той странѣ подъ именемъ Гебель - Синана (**). — Гермесъ (такъ назывался Халдейской старецъ), обращаясь къ Ва-

(*) *Амомумъ* Ассирійскій. Скалигеръ производитъ сіе слово отъ *моми*, по тому болѣе, что *Амомумъ* былъ одинъ изъ ароматовъ, коего бальзамическимъ изліаніемъ былъ исполненъ Египетъ.

(**) А теперь подъ именемъ (*de mont bossu*) горы угловатой.

вилону и Орхою, велѣлъ мнѣ предъ собою сѣсть. Довольно оставалось еще дня на разсмащиваніе представляющей намъ сцены. Съ лѣвой стороны опъ насъ видны были лучи скрывающагося солнца, и уже полный кругъ луны начиналъ изображаться на лазури небесной, дѣлаясь виднѣе въ противной споронѣ. Вокругъ насъ до конца горизонта расплался прекраснѣйшій смѣющійся лугъ. Ни одного облака не видно было на небѣ (*), и ни малѣйшей часпи не находилось сухой и необработанной земли. Многочисленныя спада веселились при прохладѣ ночи. Повсюду царствовала тишина, прерываемая только иногда звукомъ пастушеской свирѣли, древнѣйшаго изъ всѣхъ инструментовъ. Гермесъ не мѣшалъ мнѣ внимать сему безмолвному зрѣлищу; но при первомъ явленіи звѣзды вечерней, — взгляни, взгляни еще, сказалъ онъ мнѣ, и потомъ оставъ воображенію своему блуждать по неизмѣримому полю глубокой ночи. . . Религія естъ дочь ея; а тиши-

(*) Орхой былъ на мѣстѣ около тридцати градусовъ сѣверной широты и двадцати чешырехъ долгошы.

на (1) есть великое божество, мать прочих боговъ. По крайней мѣрѣ первое богослуженіе, источникъ всѣхъ прочихъ, родилось въ Халдеи, въ нѣдрѣ мраковъ и тишины, и первый изъ Астрономовъ есть его учредитель. Я расскажу тебѣ имена и исторію нѣсколькихъ сотенъ Царей древнихъ (2), которые, какъ говорятъ, управляли сею странною прежде и послѣ великаго наводненія (3). Я долженъ, по крайней мѣрѣ, объявить тебѣ имя одного изъ нихъ, въ признательность за двѣ великія услуги, оказанныя имъ роду человѣческому. *Самиръ* (4) есть изобрѣтатель мѣры и вѣсовъ; попомъ онъ научилъ насъ соспавлять прекрасную нить (шелкъ), которую даетъ намъ насѣкомое, заключая въ себѣ собственную свою работу, и представилъ намъ его вмѣсто модели.

Мы имѣли также Царя, которой могъ служить образцемъ вашему Герку-

(1) Англійской Епископъ Гоуперъ. *Расколы Валентинцевъ.*

(2) *Bérose, dans Syncell.*

(3) *Euseb. praepar. Evang. X. 12.*

(4) См. *Династію Албуфаракійскую.*

лесу; онъ назывался *Набокродозоръ* (1). — Должно сказать тебѣ еще о *Эдоракѣ*: въ его царствованіе явился попомъ чужестранный законодатель, вышедшій изъ моря, для воспоминанія котораго мы изображаемъ фигуру получеловѣка и половины рыбы.

Теперь приступлю къ произшествіямъ болѣе извѣстнымъ. — Гораздо прежде существованія города Вавилонскаго при источникахъ Евфрата въ странѣ Халдейской находились люди просыпые, которые не имѣли иныхъ сокровищъ, кромѣ своихъ стадъ, ни другихъ должностей, какъ смопрѣть за ними. Лучъ солнца въ каждое утро приходилъ разкрывать имъ глаза, нарушалъ сладоснь глубокаго ихъ сна, дабы предспавить имъ блистательнѣйшее изъ зрѣлищъ — восхожденіе дневнаго свѣтила во всемъ своемъ величїи; чего никогда не могла изобразить воспощная пышность Царей Азіатскихъ. Вечеръ, новое зрѣлище! То же свѣтило огня, коего слѣдовали они неспвию, восхищаетъ ихъ и при своемъ захожденїи, представляя глазамъ ихъ красоты первѣйшаго порядка. Едва оно

(1) Страб. XVI. *Географ.*

сокрылось, — уже возжигается новой свѣ-
 пильникъ, бросаетъ на нихъ блескъ свой,
 менѣ великолѣпный, но болѣе пріятный
 и, можетъ быть, превосходнѣйшій для
 душъ нѣжныхъ. Сіе бѣлое пламя окру-
 жается безчисленностію блестящихъ по-
 чекъ, какъ бы по случаю разсѣянныхъ на
 сводѣ небесномъ. Тамъ является свѣти-
 ло Вола, здѣсь Харіонтъ, или семизвѣздіе.
 Сіи пасухи, древнѣйшіе изъ нашихъ
 предковъ, сначала спрашивались, потомъ
 удивлялись сему зрѣлищу. Они спраши-
 вали себя взаимно, чѣмъ изчислишь
 свои впечатлѣнія; но всѣ будучи равно
 малознающіи, ограничили себя тѣмъ,
 чѣмъ замѣтитъ возхожденія и захожде-
 нія всѣхъ сихъ огней, которые блиста-
 ютъ споль опдаленно; продолжали жить
 въ спокойствіи, невинно, наслаждаясь
 дѣйствіями, не восходя никогда къ при-
 чинамъ. Мы уже довольно стары, гово-
 рилъ Гермесъ; ибо наша нація есть пер-
 вѣйшая изъ всѣхъ народовъ; но мѣръ,
 коего мы часть составляемъ, еще всѣхъ
 древнѣе; ибо онъ есть вѣчень (1). Сіе
 знаемъ мы по наукѣ звѣздъ. Царствую-

(1) Письмо П. Спиридон. Пупар. *Журналъ*,
 стр. 1629. 1712.

щая между ими гармонія должна содѣ-
 лывашь ихъ безсмертными (1). Можетъ
 быть, и не находилъся иныхъ боговъ.

Пифагоръ. Гіерофантъ *Фивскій*
 утверждаетъ въ шаманствахъ своихъ все
 то, что ты ни предлагаешь здѣсь мнѣ въ
 видѣ нѣкопорого сомнѣнія.

Гермесъ. Мы положили себѣ за
 правило не выражать ничего утвердительно,
 для соблюденія спокойствія. *Можетъ*
быть говоритъ часто болѣе; оно сохрани-
 ло многихъ смертныхъ отъ горестей.
 Человѣку прилично сомнѣваться.

Пифагоръ. Продолжай, мудрый
 Гермесъ!

Гермесъ. Путешественникъ, за-
 несенный къ берегамъ великой рѣки, или
 лучше, плаватель, упомленный отъ ве-
 сла простриковой своей лодочки, *Алоръ*,
 или иначе *Эгадней* (2), прибавитъ

(1) Діодор. Сиц. II. *Библ.*

(2) *Эгадней* (говоритъ Гигенъ) прибылъ
 моремъ въ страну Халдейскую, и училъ
 тамъ Астрологию. — Полезно справиться
 съ *отрывками* де Бероза, II; Гелладіуса въ
 Синцел. и Фоціб. См. также *Истор. Ас-*
сирійскую, съ начала; сочин. Делилево. Том. I.

можно, прибывшій съ высокой горы Кавказской или съ острова Атлантическаго по Эрифейскому морю, былъ свидѣтелемъ происхожденія нашихъ прародителей, и случайно открылъ ему источникъ славы и гордости. „Друзья мои! вскричалъ онъ ко многочисленнымъ семействамъ, собравшимся на берегъ при лучахъ лунныхъ: я изъ той страны, въ которой знаютъ болѣе васъ о *тѣлахъ небесныхъ* (1), или о сихъ безчисленныхъ огняхъ, коихъ Напура и законы, могущество и благодаренія вамъ неизвѣстны. Внимайте путешественнику, подобному вамъ человѣку, копорой за ваше гостепрѣимство почитаетъ себя долгомъ заплачить вамъ, открывъ превосходнѣйшя *п а и н с п в а*. Смертные! знайте, что всѣ сїи неподвижныя блестящія точки (2) на семь неизмѣримомъ сводѣ суть такія же солнца, всѣ подобныя тому, копорое во время дня блистаетъ въ вашихъ взорахъ, и каждая изъ нихъ по своему свойству составляетъ міръ, подобной тому, въ копоромъ вы находитесь. Всѣ сїи солнца, всѣ

(1) Выраженія де Берозовы и Аполемовы. Dans la *prép. Evang d' Eusebe*. IX.

(2) *L'Uranie, ou Tableaux des Philosophes*, par St George. liv. V et VI. Tom. III.

сїи міры суть части одной неизмѣримой массы негиблемой, божественной (1). Они должны взаимно служить себѣ предѣлами и измѣреніемъ; ибо ихъ существованіе есть ничто иное, какъ слѣдствіе различныхъ между собою отношеній и той прекрасной гармоніи, копорую онѣ наблюдаютъ.

Всѣ тѣла образуются другъ черезъ друга, и по своей видимой натурѣ имѣютъ вліяніе однѣ на другія. Вы должны были замѣтить, что явленія и продолженіе пучи *Гіадъ* опускаетъ влажное изліяніе на землю; и то, копорое производятъ *Плеяды*, есть вредно и опасно. Планеты болѣе, нежели неподвижныя звѣзды, имѣютъ на насъ вліянія, ибо онѣ къ намъ ближе. Особенно производящее отъ планеты, называемой вами *солнцемъ*, есть

(1) Изъ *Филона*, копорой такъ выражаетъ мнѣнія Халдеевъ: Они думаютъ и говорятъ о семъ видимомъ и чувствамъ подверженномъ мірѣ, что онъ или самъ есть единый Богъ, или душа всего того, что въ немъ находится. . . Сверхъ того учили, что всему видимому нѣтъ никакой причины. — *Justus Lipsius*.

силѣе всѣхъ прочихъ, по пропорціи и близости его и силы дѣйствія на землю. Луна занимаетъ второе мѣсто или первое послѣ солнца. Знайте, что звѣзды, находящіяся въ связи съ какою нибудь изъ сихъ планетъ, своею силою помогаютъ ея свѣту, изливавшемуся на тѣла, способныя принимать его. Никакое рожденіе не могло бы произойти безъ совокупленія вмѣстѣ влажности и теплоты; блестящія лучи солнца, упавая на планеты, заключающія въ себѣ влажность, отражающіяся на землю для ея оплодотворенія. Луна же есть влажнѣйшая изъ всѣхъ планетъ.

Знайте, что цѣлое небо господствуетъ, учреждаетъ и управляетъ всею землею. Каждая звѣзда содѣйствуетъ спранѣ, которая ей противоположена. Человѣкъ имѣетъ два начала жизни: теплоту и влажность; одна происходитъ отъ луны, другая отъ солнца. Ихъ весьма умеренное смѣшеніе составляетъ продолжительное бытіе; противное же дѣйствіе одной или другой производитъ разрушеніе. Солнце, власникъ сердца, имѣетъ въ немъ свое сѣдалище. Луна, которая располагаетъ влажностію, господствуетъ въ нашемъ мозгу. Поступки

человѣческіе производятъ щасливое, или нещасливое ихъ дѣйствіе. При чемъ сильно дѣйствуютъ склонности человѣка, производящія отъ шемпераментна, коюрой болѣе всего господствуетъ надъ нимъ послѣ вліянія звѣздъ.

По сему тѣла небесныя не суть только знаки, но еще причины всего, что случается щасливаго или нещасливаго съ тѣлами подлунными.

Для лучшаго вамъ разумѣнія сихъ священныхъ законовъ Природы хочу сдѣлать обращеніе къ одной изъ самыхъ необходимыхъ должностей жизни. Еслили кто изъ васъ желаетъ узнать, будешь ли благополученъ для него тотъ союзъ супружества, которой онъ заключитъ замѣренъ, тотъ пусть изслѣдуетъ главную планету седьмой части Зодіака; — когда она найдется въ ясномъ видѣ или въ щасливомъ подобіи съ прочими планетами — можно предугадывать щасливый союзъ. Напротивъ, еслили нездоровая планета представляется въ знакѣ смерти и бываетъ видна въ худомъ положеніи на седьмомъ мѣстѣ Зодіака — прорицаніе нещасливо. Еслили въ шемпераментѣ двухъ супруговъ влажность

изобилуетъ предъ теплотою — можно предузнать щастливое плодородіе.

Опытъ увѣришь, что солнце есть истинный предзнаменовашель ч е с т е й ; ибо оно есть властитель неба.

Та изъ васъ — обратясь къ Халдеанкамъ, примолвилъ чужестранецъ — коюрая имѣетъ солнце въ созвѣздіи Льва, можетъ назваться себя щастливою.

Но всѣ вы, Халдеяне! новые друзья мои! почитайте за главнѣйшее, что иѣтъ ничего столь пропивнаго къ возвышенію челоуѣка, ничего столь опаснаго къ его паденію, когда Сатурнъ находится посреди неба.“

Проспосердечные жители страны Халдейской съ жадносію слушали споль новое для нихъ повѣствованіе, и шѣмъ болѣе рукоплескали, чѣмъ менѣе понимали слова его. Единственносію наукъ сей, увѣренія чужестранца, коюрой обѣней имѣ рассказываетъ, и худой Геній любопытства, повергли ихъ во власть Оратору. Гордась своею власію надъ душами поселянъ, Эвгадней воспользовался сею первою минушою восторга. „Народы! вскричалъ онъ снова: вы научились сами собою пѣзнавать движеніе планетъ, дабы располагать свои работы

и времена года; теперь научишься отъ меня изслѣдывать силу звѣздъ и прочихъ свѣшилъ, дабы, читая будущее, вы могли предвидѣть зло (1). Сохранять въ памяти своей прошедшее не есть дѣло для челоуѣка самое полезнѣйшее, каково есть дарованіе предсказывать то, что должно случиться. Первый шагъ къ доспигенію сего состоитъ въ томъ, чшобъ соорудить жерпвенникъ и учредить богослуженіе свѣшиламъ.“

Пифагоръ. Несщастный! сколь великой вредъ нанесъ онъ симъ жителямъ! Еслилибъ не предсказалъ онъ имъ почитанія *свѣшиламъ* — можетъ бытъ, удобно бы было разпространить на землѣ, или по крайней мѣрѣ утвердить непоколебимо въ Халдеи то натуральное равенство, коюрое заступаетъ мѣсто законовъ и — коюрое замѣняется ими споль худо.

Гермесъ. Не было уже болѣе времени. — „Свѣшила, продолжалъ Эвгадней, суть посредники мѣра и душа челоуѣковъ.

(1) См. Диссертацію о богочитаніи *Sabatium*, или первые обряды Халдеевъ.

Содѣлайте ихъ къ себѣ благосклонными, предложивъ обѣщанія свои во время ихъ заимствія. Воздвигните кумиръ Лунѣ, для призванія ее во время ночи, когда она оспаиваетъ горизонтъ. Имѣйте славу быть первыми обожателями неба и блистающихъ надъ вами шѣлъ. Свѣтила суть колесницы существъ божественныхъ. Изъ нихъ — по могущество Природы усматриваетъ взоры свои на слабыхъ смертныхъ. Дабы руководствовать вами, я готовъ сообщить понятнѣйшимъ изъ Халдеевъ то, чему научился отъ людей болѣе меня ученыхъ. Они продолжаютъ будуще наблюдѣнія послѣ моей смерти и всѣ будуще вашими Жрецами и Медиками, вашими законодателями и правителями. Назначьте нѣкоторыхъ изъ семействъ своихъ къ симъ должностямъ высокимъ, чтобы наконецъ ихъ наука могла переходить невредимо отъ отцевъ къ дѣтямъ. Я покажу имъ, что есть сіе божество высочайшее, которое раздѣляется на толкое число боговъ, сколько находится свѣтилъ; отъ огня чистѣйшаго, сіяющаго въ солнцѣ и производящаго рожденія, до сихъ лампадъ ночи, кои блистаютъ на сводѣ небесномъ. Я объясню имъ, какъ всѣ сіи мѣры возобновляются и перемѣняются образъ свой послѣ многихъ

тысячъ лѣтъ, никогда не уничтожаясь; ибо вселенная есть вѣчная. Я покажу имъ начало перваго человѣка и женщину, кои долгое время составляли одно шѣло, имѣющее двѣ головы, и съ двойственными частями для каждаго пола (1).“

Чтобы нѣсколько оживить упомянутое вниманіе слушающихъ, спольдолго повѣсивъ о такихъ вещахъ — чужестранный Орапоръ разсказалъ на сей предметъ преданіе, которое, льстя самолюбію Халдеевъ, много подѣйствовало на молодыхъ женщинъ Орхойскихъ. Онѣ и теперь воспоминаютъ еще о семъ; и матери стараются повторять повѣствованіе сіе дочерямъ своимъ, когда имъ должно быть супругами. Таинственникъ Фивскій! для чего не удостоиваешь вниманія своего древнихъ преданій, кои изображаютъ первые нравы, спольлюбезные и сдѣлавшіеся толь рѣдкими?

Мудрый Гермесъ съ пріятною улыбкою опять началъ свое повѣствованіе: Чужестранецъ продолжалъ такъ: „Обитатели послѣднихъ источниковъ Евфрата! должно, чтобы я разсказалъ вамъ при-

(1) Bérose, dans Eusebe. *Græc.* ap. Scalig. p. 6.

ключеніе, отъ котораго надобно вамъ болѣе научиться, нежели отъ меня; оно отно- сится къ собственной спранѣ вашей. Вамъ; можетъ быть, не извѣстно, что сія пріятная спрана, ваше обипалище, со временъ весьма древнихъ было колы- белью человѣческаго рода. Здѣсь - по пер- вый смертный, рожденный двойствен- нымъ (1), оспался, вышедъ изъ рукъ Природы.

Будучи уединенъ, хопя два суще- ства въ одномъ заключались, онъ скоро почувствовалъ скуку, не смотря на кра- соту небесъ, ни на пріятности земли, копорой онъ былъ безпредѣльнымъ владѣ- телемъ. Онъ не удостоивалъ даже внима- нія своего сихъ чудесныхъ расшѣній, его окружающихъ. Въ одинъ вечеръ заснувъ крѣпче обыкновеннаго, уже на другой день пробудился онъ весьма поздно. Но сколь пробужденіе его было пріятно! О изумленіе! Подлѣ себя онъ видѣлъ дру- гое существо, почти во всемъ ему по-

(1) Великое число Писателей Восточныхъ думали, что тѣло перваго человѣка со- творено было двойственнымъ: *мужески мѣ* и *женски мѣ*.

Voyez aussi les *Androgynes* de Platon. *in conviv.*

добное; онъ встаетъ и чувствуетъ себя какъ бы облегченнымъ отъ великой тя- жести; начинаетъ разсмапривать дру- гаго самаго себя, еще наслаждающагося сномъ. Двойственный смертный образо- валъ два раздѣленія, но имѣя одну душу съ другимъ тѣломъ, они взаимно пода- ютъ другъ другу руки, идутъ вмѣстѣ ровными шагами, научаются уже позна- вать самихъ себя; и все сіе было дѣй- ствіемъ одной минушы. Они изчисля- ютъ свои чувствованія и примѣчаютъ съ восхищеніемъ, что каждой изъ нихъ особенно имѣетъ свой полъ, но что одинъ не можетъ быть безъ другаго. Наконецъ вошъ первый человѣкъ и женщина!

Между тѣмъ недоспавало нѣкоторой вещи одному изъ сихъ двухъ первенцовъ Природы. Человѣкъ съ нѣкоторымъ не- доумѣніемъ завидовалъ прелестному виду женщины. Они гуляли въ семь прекра- сномъ верпоградѣ, посреди коего находи- лись, и копорой почно былъ на семь лѣ- вомъ берегу Евфрапа, вами населяемомъ. Прекраснѣйшее дерево, лучшее украшеніе сего верпограда удовольсшвій (1), имѣ

(1) Гюэтъ. *Земной рай*.
Часть III.

представляюща; оно опягчено было подъ бременемъ плодовъ, кои, казалось, къ себѣ манили ихъ руки и уста. . . Собоудница перваго человѣка сорвала одно съ дерева и хопѣла поднести своему брату; сначала она такъ называла человѣка. Вдругъ Геній, несущійся на солнечномъ лучѣ, поспѣшно спалъ между ими, завладѣлъ плодомъ симъ (это было Персидское яблоко (*)), и раздѣливъ его на двѣ равныя половины, велѣлъ первому человѣку приложитъ ихъ къ шѣлѣ своей подруги; и — нечаянное превращеніе! — двѣ половины плода сдѣлались вдругъ сими двумя гемисферами, соспавляющими женскія груди. Первая изъ смертныхъ, увидя ихъ, улыбнулась и, положе на кресѣ руки, хопѣла скрыть новую свою драгоценность, чувствуя въ себѣ отъ того перемену; но человѣкъ простеръ объятія свои и здѣсь напечатлѣлъ первой поцѣлуй. . . Геній скрылся подобно молніи. Вотъ начало человѣческаго рода, которой отъ страны Халдейской распространился по всей землѣ!“

Мудрый Гермесъ началъ опять свое повѣспованіе, послѣ какъ я замѣшилъ,

(*) *Malum Persicum.*

что сія аллегорическая повѣсть имѣла основаніемъ своимъ древнее Халдейское преданіе, которое говоритъ, что Природа, или *Омерка* (1) раздѣлила себя на двѣ Природы, для опличія пловъ и рожденія своихъ безчисленныхъ частей.

Предложеніе споль важныхъ услугъ съ ревностію приняли жители Халдейскіе; слѣпая признательность была сему цѣною. Эвгадней сдѣлался первымъ Царемъ Орхойскимъ; и такимъ образомъ начальникъ *Генефліаковъ* (*) достигъ наконецъ до того, что сей добрый народъ ходилъ, такъ сказать, на его помочахъ.

Пивагоръ. Египтяне имѣютъ нѣкоего Меркурія *Оанна*, по происшествіямъ и имени своему подобнаго Эвгаднею; они представляютъ его рыбою, имѣющею человѣческое лице. Но, кажется, они многое къ сему прибавляютъ; ибо испорія его преподается отъ нихъ за урокъ гѣроглифической Астрономіи.

(1) Отрывокъ изъ Бероза, сохраненный Синцелломъ.

(*) Названіе шѣхъ, кои учили гаданію по звѣздамъ.

Гермесъ. Съ того времени Астрономія, еще въ своемъ младенчествѣ, имѣла уже почитателей. Жители сихъ щасливыхъ мѣстъ не прилѣплялись уже болѣе къ наблюдению свѣтилъ, чтобы узнавать ихъ періодическое движеніе, и замѣчать съ точностію ихъ законы; но они хотѣли проникнуть въ повліяніе, какое имѣютъ шѣла небесныя на шѣла подлунныя, и мало по малу выбрали по догадкамъ изъ опытовъ, болѣе или менѣе щасливыхъ, изъ наблюдений извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, Астрологическую науку (1), и положили сему новому познанію нѣкоторой сбивчивой и темной методъ. Малой Орхой сдѣлался извѣстнымъ, и хотя лишился нѣсколько прежняго своего спокойствія, но оно весьма было вознаграждено ему славою. Туда приходили пребывать совѣта со всѣхъ споронъ полуденной Азіи. Знаменинѣйшіе Монархи, такъ какъ и простые граждане, желающіе знать дѣйствія, равно и ихъ причи-

(1) Астрономія, преподаваемая въ первыхъ вѣкахъ Философами Халдейскими и Египетскими, есть настоящій источникъ суеврій.

Novv. mѣt. d'Artigny, p. 45. T. I.

ны, стекались въ Орхой, чтобы научиться таинствамъ Астрономическимъ. Не происходило ни одной политической революціи, въ коей бы Халдеи не были посредниками; и наши предки долгое время пользовались одни только всеобщою довѣренностію: ибо источникъ сихъ важныхъ познаній изсякалъ уже при горахъ Кавказскихъ, по причинѣ нѣкоторыхъ происшествій, копорыхъ исторія до насъ не доспигла.

Пивагоръ. Вы могли бы производить великія дѣла. Астрологія, употребляемая разумно, сдѣлалась бы столь могущественною въ рукахъ вашихъ, что могла бы подвигнуть весь свѣтъ. Она послужила бы вамъ къ наказанію злыхъ и къ подкрѣпленію дружества между добрыми.

Гермесъ. Наши предки, по видимому, весьма боязливые, не могли, или не хотѣли воспользоваться всѣми ихъ выгодами; сверхъ того они были болѣе друзьями наукъ, нежели гордецами.

Пивагоръ. Они пропустили случай весьма благопріятный къ самымъ смѣлымъ намѣреніямъ.

Гермесъ. Близость Евфрата и еще болѣе страны Халдейской заставили ихъ подумать о великомъ предпріятіи. Вавилонъ былъ совершенно основанъ и сдѣлался резиденціею Монарха многихъ Государствъ, соединенныхъ подъ однимъ скипетромъ. Спрямленіе разума человѣческаго, узнавать судьбу свою, заставило столицу чрезъ великое разстройство найти малой Орхой. Белюсъ призвалъ насъ во внутренность своего города, въ свои чертоги, дабы болѣе узнать насъ и, можетъ быть, украситъ имя свое первѣйшею изъ всѣхъ наукъ; онъ велѣлъ поспроить намъ сію знаменитую башню, древнѣйшую изъ всѣхъ монументовъ. Обсерваторія Евфратская служила моделью пирамидамъ Нила (1); по крайней мѣрѣ она древнѣе ихъ.

Тамъ продолжали мы съ ревностію и тщаніемъ изчисленія свои, и главной резульшатъ оныхъ вырѣзывали на дощечкахъ, коимъ не было опасно ни наводненіе Евфрата, ни огонь небесный. Аспрономія, съ помощію младшей сестры своей, ежедневно оказывала новые успѣхи; ибо еслилибъ предки наши, пораздо

(1) Bailly. *Astronom. anc.*

рачительнѣйшіе, нежели ихъ предшественники, желали имѣть только одинъ пишуль Аспрономовъ (*), то великое мученіе къ нимъ скоро бы пресѣклось. Они съ благоразуміемъ продолжали заниматься Аспрологіею. Одинъ изъ нихъ обязанъ былъ замѣчать на самомъ верху Белюсовой башни восхожденіе и различные виды свѣтилъ въ часъ рожденія младенцевъ (1) Вавилонскихъ (2).

Благосклонность, кою мы пользовались, была весьма велика. Другіе Жрецы, завидуя нашей славѣ, вздумали учредить новое богослуженіе, посвятивъ дерево истинному почитанію *свѣтилъ*. Они воспользовались одною изъ нашихъ планетъ, выбравъ особенно ту, которая всегда имѣетъ величайшее вліяніе на мужеской полъ. Ваша Венера - Уранія имѣла особенные олшари. Никпо не при-

(*) Для осмѣянія, или болѣе по зависти Жиды называли Халдеевъ *des espieurs d'estoiles*.

(1) Домиціанъ зналъ годъ, день, часъ и родъ смерти своей; что предсказали ему Халдеи съ юношества. XII. *Suétone*, trad. par Baudouin.

(2) Діодоръ. Сиз. *Библ.* II.

нялъ труда сообразить это новое введеніе со нравами сего города, и Дворъ самъ подалъ примѣръ развратности. Новые Жрецы два раза получали позволеніе, не требуя его, принять должность въ башнѣ Белюсовой (1); и они весьма удобно получили согласіе на нашу почтенную ссылку въ малой Орхой. Польза науки, болѣе нежели наша собственная, заставила насъ противъ воли оставить обсерваторію Вавилонскую, уже обезславленную, прежде нежели намъ можно было возвратиться въ древнее свое жилище. Новое явленіе представляется еще для переменъ всѣхъ вещей; народная Венера опять лишается своей славы. Одинъ изъ нашихъ питомцевъ, Зороаспръ опомщается теперь за честь своихъ учителей. Но не старается ли онъ для самаго себя подѣвидомъ признательной ревности? — Это пока жещъ намъ время. Хотя онъ

(1) Халдеи построили въ Вавилонѣ чрезвычайно великолѣпный храмъ; но во время Геродотово тамъ не было ни одной статуи, и никто не ночевалъ въ немъ, исключая одной женщины, которая, какъ говорятъ, раздѣляла ложе тамашняго бога. — Геродотъ. *Клио.*

теперь славится, однако уже насъ не вызовутъ болѣе изъ Орхоя. Когда шцеславиться намъ было позволено — собраніе Халдейское сдѣлало довольно для своей славы; по крайней мѣрѣ его имя уже не можетъ погибнуть. Богослуженіе, которое мы учредили, служивъ началомъ всѣхъ прочихъ и переживетъ ихъ.

Пивагоръ. Имя Халдеевъ никогда не погибнетъ; но останется ли оно столь же свѣтлымъ, какъ огнь солнца, пылающей на вашихъ жертвенникахъ? Для чего, подумаютъ, не предупредивъ безславія и худыхъ для себя слѣдствій отъ переменъ, произведенной безъ вашего согласія и еще прошивъ воли вашей, посредствомъ одного сего человѣка, которой обязанъ вамъ всѣмъ? Не сомнѣвайтесь! Геній Зороаспра пометитъ насъ. Онъ употребилъ себя въ пользу ваши ошибки или нерадѣніе; пріобрѣтетъ, можетъ быть, въ продолженіе своей жизни столько для себя славы, сколько вы не могли получить въ печеніе тысячи вѣковъ вашего общаго существованія.

Гермесъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія; сего - по мы и желаемъ. Пусть прилетитъ онъ гораздо прежде насъ на путь совершенства. Мы будемъ рукоплескать

его успѣхамъ изъ глубины мирнаго нашего жилища.

Пифагоръ. Для чего же не примете на себя брeмени споль почтеннаго, когда вы вѣрите, что люди способны къ усовершенствованію?

Гермесъ. Скажу тебѣ со всею довѣренностію: мы не смѣемъ сего надѣяться. Зороастръ перемѣнилъ нѣкоторыя виды; но основаніе всегда останется то же. Человѣкъ никогда не достигнетъ той высоты, съ которой сошелъ; но не возможно также удержать его въ предѣлахъ только разумаго удивленія блистающимъ феноменамъ Напуры.

Пифагоръ. По крайней мѣрѣ не можно ли уменьшить число пѣхъ заблужденій, коихъ бремя отягчаетъ человѣка?

Гермесъ. Нѣтъ. Если Зороастръ объяснилъ тебѣ планъ свой — ты долженъ былъ видѣть, что онъ сочиненъ по нашему мнѣнію. Спроси возстающаго противъ человѣка, когда онъ прямо хочетъ имъ противиться. Догадки Астрологическія, всегда нами предлагаемыя, не имѣютъ надлежащаго основанія. Онѣ были бы еще болѣе темны, еслибы

не находилось тысячи случаевъ, гдѣ онѣ бывающъ предпочтительнѣе закона самаго мудраго, будучи въ рукахъ непорочныхъ, которые умѣютъ управляя симъ бальзамомъ, усыпляющимъ человѣческой разумъ.

Пифагоръ. Однимъ словомъ, ты представляешь по познаніе, которое очаровываетъ души человѣковъ; ибо узнавъ положеніе звѣздъ въ день рожденія своего, что дѣлать оспашаю народу легковѣрному? Небо уже объяснилось. — Ожидашъ и приготавливаешъ. Вотъ долгъ всѣхъ пѣхъ, кои вѣрятъ прорицаніямъ Жрецовъ Халдейскихъ.

Гермесъ. Но Жрецъ Халдейскій, достойный сего имени, есть въ то же самое время врагъ души и пѣла, какъ и Астрономъ (1). Онъ знаетъ еще болѣе обитателей земли, нежели неба. Сокровенности сердца и черты физіогноміи ему извѣстны. Большая часть предсказаній суть совѣты спасительные, уроки полезные — таинственные.

(1) Страбон. *Геогр.* Кн. XVI.

Пифагоръ. Но это не въ Вавилонѣ; тамъ глазъ весьма пронцашеленъ, но душа самая изпорченная.

Гермесъ. По крайней мѣрѣ въ малой Халдеи.

Пифагоръ. Для людей простыхъ, кои окружаютъ васъ, нѣтъ нужды предпринимать столько труда, дабы надъ ними начальствовашь: не имѣютъ ли они натуральнаго побужденія?

Гермесъ. Но развѣ это ничто, предохранить ихъ отъ заразы, которая до сихъ поръ не могла еще вредить имъ?

Пифагоръ. Что уже это за спрана Халдейская (1), когда говоритъ только о послѣдней ея часи!

Гермесъ. По крайней мѣрѣ, въ ней находится почтенный мужъ, другъ истинны, не опчаяваясь и въ прочемъ человѣческомъ родѣ.

Пифагоръ. Разговоръ дошелъ нашъ до земнаго шара: меня извѣстили, что

(1) Вавилонія и спрана Халдейская называюся теперь Иракъ-Арабією, по Гебелинъ. Начальнымъ міромъ.

вы наконецъ познали, какъ измѣряшь его поверхности.

Гермесъ. То естъ, мы показали способъ достигнуть до сего важнаго дѣйствія. Весь путь, протеченный знающимъ путешественникомъ (1), которой бы отправился въ одно время съ солнцемъ, могъ бы служить измѣреніемъ земли. Сей путешественникъ прибылъ бы вмѣстѣ съ великимъ свѣшломъ къ почкѣ Экватора въ продолженіи трехъ сошъ шестидесяти пяти дней.

Пифагоръ. Въ Вавилонѣ и еще въ другомъ мѣстѣ не отдаютъ вамъ пошъ справедливости, которую должно.

Гермесъ. Какъ бы по ни было, не можно опнять чести у первыхъ наблюдашелей Халдейскихъ, когда они присоединили нѣкоторый обрядъ богослуженія къ своей наукѣ, дабы сдѣлать ее болѣе почтенною, и когда учредили изъ всѣхъ Религій самую высокую, самую невинную и болѣе всѣхъ натуральную. Тебѣ можно объ этомъ судить самому; вошъ приходитъ часъ, въ которой долж-

(1) Achill. Tatius ad arat. phoen. V. XIII.

ны мы праздновать зашмѣнїе луны (1) на сей самой горѣ, служащей намъ храмомъ и жертвенникомъ: ибо мы не имѣемъ для сего особыхъ.

Будучи пораженъ именемъ сего спарика, копорой разсуждалъ со мною такимъ образомъ, я сказалъ ему: „Мудрый Халдей! великій мужъ, сдѣлавшійся почти богомъ (*) для Египта, признательнаго даже до суевѣрїя, назывался одинакимъ съ тобою именемъ?“

Гермесъ. Я одинъ изъ его попомковъ. Знаменитый Гермесъ, коего мудрыя Астрономическія наблюденїя сохраняють съ шолікимъ почпенїемъ въ подземныхъ храмахъ Фивъ и Мемфиса, былъ Халдей, рожденный въ Каловазѣ, небольшомъ городѣ, копорой ты, можетъ быть, встрѣшилъ на пуши предъ Орхоемъ (2). Съ новыми опкрытіями своего опечества Гермесъ перешелъ къ Егїопянамъ уже при

(1) Нѣкоторый Стихотворецъ опредѣляетъ зашмѣнїя:

. . . . *Solis Lunaeque labores.*

(*) Гермесъ, или Меркурій Трисмегистъ.

(2) Ф Гидъ доказываетъ, что Орхой все равно, какъ и городъ Урв.

тысячи лѣтъ и слѣдовалъ по теченїю Нила (1) до произхожденїя Дельпа.

Пифагоръ. Гїерофанївъ Фивскій не вѣритъ существованїю Гермеса (*).

Гермесъ. Гермеса - бога?

Пифагоръ. Нѣтъ, Гермеса чловѣка.

Гермесъ. Безъ сомнѣнїя по тому, что сей послѣдній не родился при берегахъ Нила.

Пифагоръ. Египетъ дѣлаетъ изъ сего шаинство.

Гермесъ. Подобно какъ изъ всѣхъ вещей весьма натуральныхъ.

Пифагоръ. Знапокъ древнихъ лѣтописей рода чловѣческаго меня сїи опечалилъ.

Гермесъ. Изъ числа прехъ священническихъ нашихъ фамилій Гермесъ принадлежитъ со мною къ одной; ибо санъ священства и наука планетъ у насъ

(1) Опъ Халдеевъ къ Егїоптянамъ, а опшуда къ Грекамъ. Юсиф. *Древн. Іуд* I. 8.

(*) Смопри сего сочиненїя Часпъ II. §. XLIII.

переходитъ отъ опцевъ къ дѣтямъ для лучшаго ихъ сохраненія и единства познанія. Мы исправляемъ обѣ сїи должности, не удаляясь отъ главныхъ началъ, дабы онѣ наконецъ достигли невредимо до послѣдняго нашего потомства. Точность наблюденій должна составлять всю нашу заслугу. Вѣрно слѣдуя законамъ Природы, мы не позволяемъ себѣ болѣе новыхъ введеній въ установленія свои, подобно какъ она непремѣняема въ пути своемъ. Изъ всѣхъ Ученыхъ Обществъ наше, можетъ быть, самое древнѣйшее и вмѣстѣ самое невредимое (*).

Мы самими себѣ обязаны симъ свидѣтельствомъ, которое признано за справедливѣйшее, по простотѣ нашихъ догматовъ, и служитъ основаніемъ всѣхъ прочихъ. Порядокъ, существующій во вселенной (1), которой изображается совершенно надъ нами въ гармоніи небесныхъ кругообращеній, сей порядокъ есть наше великое божество; онѣ являетъ могущество свое въ дѣйствіи часней вселенной, Солнца, Луны, Земли и всего Неба.

(*) Самый древній родъ учителей, сказалъ Цицеронъ, говоря о Волхвахъ Халдейскихъ.

(1) Philo. Abrah.

Пифагоръ. Онѣ не есть ли также богъ народа, а наипаче тѣхъ, которыми управляютъ? Онѣ можетъ занять мѣсто всякаго другаго божества. Единый разумъ порядка способенъ управлять человѣческимъ родомъ.

XIX.

Астрономической обрядъ. Гимнъ Лунѣ.

Мы услышали важное пѣніе, возвышающееся отъ подошвы горы. Всѣ жители Орхоя и областей его, преслѣдуемые Жрецами Халдейскими, шли съ благоговѣніемъ на вершину горы, гдѣ мы находились, дабы быть свидѣтелями южнаго затмѣнія луны (1), предсказаннаго еще прежде. Всѣ, составляющіе священный ходъ сей, несли торжественно нѣсколько Астрономическихъ принадлежностей (2),

(1) Сперва записывали случающіяся затмѣнія. Онѣ были предсказываемы гораздо прежде въ странахъ Востока, въ Халдеи. *Діодор. Сиц. кн. II. Календ. Гебел.*

(2) Извѣстно, что всѣ духовные церемоніалы древнихъ были основаны на явленіяхъ Натуры. *Dupuis, Relig. univ. Т. II.*

и потъ камень, которой въ Индіи называютъ *сандарезомъ* или *гараманти-толъ* (1). Онъ былъ усѣянъ золошыми почками, число коихъ равнялось находящемуся въ созвѣздіи Гіадъ.

Большая часть Халдеевъ имѣли въ рукахъ своихъ подяшную въ верхъ плинѣу (кирпичъ) (2), на коей изображалось одно изъ четырехъ созвѣздій. Одинъ изъ Орхойцевъ несъ на головѣ своей глиняную лодочку, гдѣ погруженъ былъ серебряной кругъ, для означенія луннаго затмѣнія въ шѣни земли. Еще я видѣлъ на плинѣѣ (3) изображеніе двухъ сотъ двадцати

(1) *Гарамантипенъ* употребляемъ былъ Халдеями при церемоніяхъ. Плин. *Ист. Натур.* XXXVII. 6.

(2) Эпигенъ говоритъ, что въ странѣ Вадакской (Вавилонской) найдены дневныя записки семи сотъ двадцати лѣтъ, изображенныя на плинѣѣ и черепицѣ. . . . Изъ сего можно видѣть, какъ писали въ шѣ времена. — Плин. *Ист. Натур.* VII. 56.

(3) Кажется, что *плинѣы* были первыя вещи, на коихъ люди начали писать приобрѣтенныя свои познанія. Alph. Costadeau, *traité des signes*. Т. II. — Халдеи долгое время изображали замѣчанія свои и законы на плинѣахъ. Вольтер. *соч. о нац.* Томъ I.

трехъ, число мѣсяцовъ лунныхъ, представляющее періодъ будущаго затмѣнія.

На другой плинѣѣ было число четырехъ сотъ семидесяти трехъ тысячъ, которое меня удивило, означая внутреннее пространство башни Белюсовой. Гермесъ вывелъ меня изъ сомнѣнія. „Мы изображаемъ, говорилъ онъ, безъ разбору годовъ или дней всякое обращеніе Астрономическое. Здѣсь представляющя кругообращенія дневныя, и мы часто считаемъ годы днями.“

Я прочелъ еще на плинѣѣ число двенадцати, надъ коимъ написано было: *періодъ Халдейскій*, что изображало путь Юпитера вокругъ земли, и его возвращеніе въ шакое же порядкѣ, годы избытующіе и недоспающіе.

Сіи малые памятники плинѣѣ весьма красивы, но гораздо крѣпче, нежели гранитъ (1).

(1) . . . Послѣ долгаго разсмащиванія монументовъ древности, я узналъ, что никакая матерія не подвержена менѣе перемѣнѣ опъ руки времени, какъ проспая

Два Орхойца шли рядомъ, неся, одинъ полюсь или теліопропъ, другой гномонъ или двойныя часы, то есть, лунныя и солнечныя.

„Мы, сказалъ мнѣ Гермесъ, изобрѣтатели вещей сихъ, также и многихъ другихъ. Нами исправлены часы водяныя, посредствомъ коихъ мы раздѣлили Зодіакъ на двадцать часпей; и вотъ способъ, коимъ употреблялся къ сему: Мы вымѣряли распоянтіе двухъ послѣдственныхъ восхожденій одного свѣтила водою, выпекающею изъ сосуда; потомъ раздѣляли сію воду на двенадцать равныхъ частей; сообразуясь съ симъ, мы раздѣлили кругообращенія небесныя.“

перезженная глина. Сіе меня заставило думать, что довольно плошная черепица, перезженная въ стеклянномъ сосудѣ, для изображенія литеръ или фигуръ, была бы гораздо прочнѣе надписей, вырѣзанныхъ на мѣди или мраморѣ. — *Vases d'Hamilton.*

Въ руинахъ Вавилонскихъ найдены нѣкоторыя остатки надписей, изображенныхъ на плинѣахъ литерами, подобными звездамъ. — *Журналъ Ученыхъ*, замѣч. 2.

Пиѳагоръ. Египтяне (1) спорятъ съ Халдеями о изобрѣженіи водяныхъ часовъ Зодіака (2).

Я видѣлъ потомъ Орхойца, держащаго повѣшенныя на своей рукѣ три чаши или полукружія, одно на другомъ, имѣющихъ разные оппѣнки.

Это, сказалъ мнѣ Гермесъ, обыкновенный видъ прехъ небесъ, то есть: неба перваго или швердаго; неба эфирнаго, или круга звѣздъ; неба планетъ, или къ намъ ближайшаго.

На другой еще плинѣѣ изображено было море съ плавающею рыбою, которая безпрестанно скрывается; это символъ звѣздъ, которыя не возвращаются въ свои снраны.

Подъ сею эмблемою Халдеи также представляютъ теорію кометъ, или шѣхъ свѣтилъ, кои, унесясь въ пространства воздушныя, кажется, исчезаютъ.

(1) Макроб. XXII.

(2) Sextus Empiricus, *adv. mathem.* V.

Гермесъ причисляетъ кометы (1) къ числу бродящихъ или блуждающихъ звѣздъ; но мы познали уже, говорилъ онъ, ихъ движеніе, можемъ изчислять ихъ путь и предузнавать возвращеніе оныхъ.

На плечахъ сильнаго человѣка, копорой казался опягченными своимъ бременемъ, былъ большой пустой шаръ, изображающій семь планетъ.

Въ рукахъ одного молодаго человѣка я видѣлъ многіе золотые круги, имѣющіе въ своемъ діаметрѣ иглу или шпигъ изъ того же металла. Онъ сложилъ ихъ на жертвенникъ, представляющій родъ монумента (2), и объяснилъ мнѣ, что сіи движущіеся круги сами собою обращаются на своей оси, когда упадутъ на нихъ лучи восходящаго солнца; складываясь между собою и удаляясь одинъ отъ другаго, они изображаютъ Зодіакъ или Астрономическую сферу; ихъ движеніе бываетъ сопровождаемо пріятною

(1) Stobée. p. 63. Apollonius de Myndes, dans la Carie, cité par Seneque, *quaest. nat.* VII. 3.

(2) Гуэтъ, *земной рай*.

гармоніею. Сіи солнечныя орудія служатъ имъ палисманами.

Другой Орхоецъ, такихъ же лѣтъ, имѣлъ на плечахъ своихъ повѣшенный родъ калчана, наполненнаго спрѣлами, или лучше сказать, поненькими палочками. Гермесъ далъ мнѣ изъ нихъ многія, чшобъ изслѣдовать начерченныя тамъ различныя фигуры. Сіе предспавляло изчисленіе различныхъ замѣчаній, положенія главнѣйшихъ свѣтилъ въ пользу путешественниковъ, предпринимающихъ дальній путь, и которымъ должно проходитьъ чрезъ пустыни. Они служатъ имъ пупеводителами во время ночи и вѣрнѣе для нихъ нити Аріадниной въ лабиринтахъ глубокихъ песковъ.

Множество Орхойцевъ, расположенныхъ по порядку времени, несли извѣстное количество плиней, на коихъ вырѣзаны были явленія планетъ, то есть въ ту минушу, когда онѣ, начиная отбрасывать лучи солнечныя, соспавляютъ упрю непосредственно предъ восхожденіемъ свѣшила сего. — Другія плиней, обложенныя сухою глиною, изображали показательные знаки восхожденія и захожденія всѣхъ звѣздъ. Чрезъ нихъ обыкновенно предузнаютъ, чшобъ

узнать плодородіе, нездоровые годы, такъ какъ и всѣ ихъ чепыре времени.

Гермесъ сказалъ мнѣ при семъ случаѣ: „Наблюденіе каждаго дня записывается у насъ на плинѣ (1); и Халдейской *Саррѣ* тысячи девяти сошъ семидесяти одного обращенія выражается семью спами двадцатью тысячами сихъ плинѣ, сохраняемыхъ по порядку, одну для каждаго дня, что по скороспи иные почпупъ, можетъ быть, за такое число годовъ.“

Гермесъ показалъ мнѣ залогъ сихъ монументовъ, примѣчанія достойныхъ по своей точности: это литеры нѣсколько грубыя, но болѣе правильныя, нежели вырѣзанныя на каменныхъ спѣнахъ внутри обсерваторіи Вавилонской.

Орхойскія обсерваторія не спель важна, хотя гораздо ее пространнѣе и выше: это гора Синанъ, которая служитъ имъ вмѣсто Астрономической башни. Въ ней, подобно построенной Белюсомъ, Жрецы Халдейскіе учредили попеременно одному изъ нихъ находиться. Наконецъ

(1) Халдеяне вели свой счетъ по ежедневнымъ обращеніямъ солнечнымъ и по днямъ ихъ наблюдений, записываемыхъ на плинѣахъ. Белл. *Индѣйск. Астроном.*

не проходило ни одной минуты, въ копорую бы небо оставалось безъ свидѣтелей.

Я изумился, увидя осла идущаго въ свою очередь въ семъ священномъ ходу; мнѣ сказали, что сіе чепвероногое еспь одушевленный символъ равнонощія. Замѣчено, что сіе смиренное животное, имѣющее правильную поступь, оспанавливается двенадцать разъ въ день и сполько же во время ночи, наблюдая ровное раздѣленіе.

Всего любопытнѣе было видѣть Халдея, причесаннаго на подобіе искусственной сферы, или подобно шишаку, коего личникъ опущенъ. Различными наклоненіями головы своей онъ предспавлялъ движеніе планетъ.

Всѣ Орхойцы, достигши вершины Гебель-Синана, молча сложили свои вещи вокругъ верховнаго своего Аспронома. Помомъ соспавя изъ себя кругъ, съ благоговѣніемъ ожидали минуты явленія. Они всѣ устремили взоры свои на кругъ луны, копорая одна только освѣщала мѣспю сцены. Небо и воздухъ споль были чисты, что среди ночи я могъ видѣть почти споль же ясно, какъ въ совершенный полдень извѣспныхъ дней въ другомъ

климатѣ. Можно тогда было сказать, что ночи совсѣмъ нѣтъ въ странѣ Халдейской.

Верховный Астрономъ, предстоя многимъ другимъ, держалъ въ рукѣ уголь, готовой повѣрить изчисленіе предсказаннаго явленія на четвероугольной плинѣ, которую поддерживалъ на высотѣ своей дерновой преножникъ. — Предъ нимъ были водяные часы, приготовленные принять извѣстную мѣру приличной къ шому воды. Народъ въ ожиданіи наблюдалъ молчаніе, при чемъ не находилось ни одной женщины: онѣ въ Орхоѣ допускаемы бывають только къ празднествамъ дневнымъ, но никогда къ сему торжеству ночи. Смотрѣніе за спаданіемъ даже не повѣряется при явленіи звѣзды Венераиной. Послѣ чего онѣ всѣ входятъ въ свои дома.

Луна примѣшнымъ образомъ сдѣлалась блѣднѣе. Ея свѣшпильникъ начиналъ пошемянаться и поспешенно угасалъ. Свѣшило скрылось совершенно; и я привѣспилъ, что жипели Орхойскіе, не смотря на слѣпую почти довѣренность къ Волхвамъ (1) своимъ, имѣли нѣкоторой

(1) Халдеяне были изъ роду Волхвовъ, которые знали всѣ науки; они особенно занимались Астрономіею. *Hesychius.*

родъ боязни въ продолженіе описуемвѣя свѣшпила; имъ сказано было, чтобъ они спрашились потерять его. Сколь велика была ихъ радость при первомъ его явленіи! Они доходили даже до воспорга, и училище Халдейское принимало въ себѣ учаспіе. Орхойцы воздавали ему благодарность, какъ бы возвращеніе Луны на горизонтъ было произведеніе Жрецовъ и одно изъ ихъ благодѣяній.

Верховный Астрономъ показалъ народу липеры, начерченныя имъ на плинѣ углемъ, и поставилъ ее на другихъ складенныхъ кучею во многія линии. Тогда представляли онѣ видъ алей, изъ пиласпровъ соспоющихъ, кои, казалось, ожидали только сводовъ, чтобъ сдѣлались высокими галлерейми пространнаго гульбища.

Орхойцы ожидали дня, дабы вырѣзали нѣкоторымъ желѣзнымъ инструментомъ наблюденіе свое, нарисованное прежде вчернѣ. Верховный Жрецъ не долженъ былъ оставлять своего мѣста, не исполнивъ сего послѣдняго дѣйсвія.

Халдеи изобрѣли многія числительныя липеры по свойству языка (1).

(1) *Dissert. sur les Chronographes. 1718,* какъ видно, древняя Алгебра.

Но они пишутъ изчисленія свои такими же алфавитными буквами; и сей методъ совершенно облегчилъ нѣкогда трудъ Матемашиковъ.

Народъ не возвращался въ жилища свои, не исполнивъ всей своей признашельности (1). Орхойцы возжгли множествомъ фиміама (2) и прочихъ благовоній, какъ что кругъ Луны (3), казалось, опять затмился отъ сихъ облаковъ бальзамическихъ. Потомъ раздѣляясь на разныя группы, они пошли, воспѣвая гимны ешоль древнѣе, что я не могъ понять изъ нихъ ни одного слова; однако Гермесъ объяснилъ мнѣ нѣкоторыя спрофы.

(1) Луна, по различности своихъ измѣненій, управляла священными собраніями и должностями общества. Народы восходили на возвышенное мѣсто, дабы увидѣть новое измѣненіе, послѣ котораго приносима была жертва.

Pluche. *Hist. du Ciel.* том. I. р. 10.

(2) Сабинцы торжествовали великій праздникъ Луны во время равноноція весною.

Обряд. Персид. Э. Гид. V.

(3) Въ Римѣ былъ также праздникъ Луны, 24 Августа. *Древн. Римск. Duboulay.*

Г и л и ъ Л у н ъ (1).

I.

Кроткая покровительница неподвижныхъ звѣздъ и человѣковъ, сестра Солнца, великая и благодѣшительная планета! щедрая Неба (2)! ты, которая творишь прекрасныя ночи! продолжай изливашь сладосный свѣтъ твой на спада наши и ихъ паспуховъ. Небесная Луна, разсѣвающая сонмы звѣздъ (3)!

II.

О ты, второе око Природы (4)! мы клянемся тебѣ не обагрять никогда кровью человѣческой земли, бѣляющей отъ посребренныхъ лучей твоихъ.

III.

Возлюбленная супруга Солнца! ты, которая бываешь ему иногда *вѣолою* (5)!

(1) Халдеи узнали натуру свѣтилъ, ихъ вліяніе, и учредили богослуженіе, сходственное съ натурою каждого изъ нихъ.

Абулфарагъ. *Истор. Династ.*

(2) Или Набо. Бруккер. Т. I. *Истор. Филос.*

(3) *Календ. Гебелин.*

(4) *Ophthalmide. Sextus Empir. V.*

(5) *Haly, judic. Astrol. praed. I. 4.*

Hermetis aphorism. 2. Firmic. II. 09.

отъ союза твоего съ симъ царемъ неба
рождается свѣтъ; онъ изливается отъ
твоего нѣдра, и чрезъ могущество отца,
его питающаго, пріобрѣтаетъ новыя си-
лы; наконецъ полный кругъ твой полу-
чаешь подобіе первѣйшаго своего власни-
теля.

IV.

Мать жизни (1)! о Луна! не еси
ли ты сія земля (2) эфирная и небе-
сная (3), которая находится посреди
темнаго убѣжища человекъ и блестя-
щаго жилища свѣтилъ безсмертныхъ?
Ты великая Ириса Египтянъ (4),
купно съ блестящимъ Озирисомъ, побѣж-
дающая Тифона, злаго духа мраковъ.

V.

О Луна! жители Арменіи (5), наши
первые предки, посвятили тебѣ гору и
установили богослуженіе; они славятся,

(1) Абулфарагъ. *Истор. Династ.*

(2) Макроб. *Сонъ Сциліоновъ. I.*

(3) Макроб. *Сатурн.*

(4) Плутархъ объ *Изидѣ.*

(5) *Armeni, montagne de la Lune. Debrosses*
sur Salluste. liv. V. p. 387.

нося на себѣ имя твое. Подъ твоимъ
покровительствомъ находится цѣлое обще-
ство мудрецовъ Гангесскихъ (1).

VI.

Ты еси свѣтило жизни (2); а для
чего не бышь тебѣ споль же блистатель-
ною по твоей собственной силѣ (3),
о Луна, которую Финикіяне именуютъ
Венерою небесною (4)!

VII.

О ты, царица свѣтилъ (5) и мать
Астрономіи! съ твоихъ правильныхъ и
частыхъ измѣненій наши прародители
начали науку неба; они раздѣлили ее на
сполько же частей, сколько разъ ты
встрѣчаешь солнце въ годовомъ твоемъ
теченіи (6).

VIII.

Любезно намъ воспоминаніе сіе: всѣ
твои благодѣянія, коими наслаждаемся,

(1) *Lettres édif. recueil XIII. p. 159.*

(2) Плин. *Ист. Natur. II. 99.*

(3) Апулей о богѣ *Сократовомъ.*

(4) *Истор. Крип. Респ. Письм. 1713. Томъ IV.*

(5) *Золотой оселъ. Апулей. XI.*

(6) Плин. *Ист. Natur.*

сущь щастливые плоды блистающаго Гименя (1) съ другимъ свѣпиломъ небеснымъ (*), замѣчаемымъ на серебряномъ челѣ швомъ. Поперемѣнно бывая дѣвою, супругою и вдовицею — покровительствуй намъ въ сихъ шрехъ обласпяхъ нашихъ (2).

IX.

Провидѣніе ночей (3)! мудрая законодательница женщинъ (4)! о ты, благодѣтельная наспавница (5)! царица пишины (6)! да будутъ супруги наши кропками, подобно тебѣ; да подражаютъ онѣ всегда блестящимъ свѣпиламъ Плеяды (7), кои присутствуютъ на пуши царицы ночи!

(1) Весною праздновали входъ солнца въ луну или ихъ совокупленіе, говоритъ Плутархъ въ сочин. объ *Изидѣ*.

(*) Съ солнцемъ.

(2) *Насальныя правила Сабин.*, стр. 67.

(3) Jul. Firmicus.

(4) *Thesmophore*.

(5) Pluche, *hist. du ciel*. Том. II. р. 130.

(6) Гораций.

(7) Созвѣздіе, называемое *Насѣдка*, или Плеяда. — Selden, *Syntim.* II. 17. Kircher: *Old.* Том. I.

X.

О ты, высочайшая учредительница мѣсяцевъ, подобная могущественному Солнцу, которой еспь правитель годовъ! Обновленіе змѣя еспь нѣкоторой образъ твоихъ двенадцати круговращеній (1), совершаемыхъ въ единый годъ. — Величественное солнце днемъ царствуетъ на небѣ, а ты владычествуешь тамъ во время ночи (2).

XI.

Царица запада (3)! совершай благодѣтельные изліянія швои на шпраны наши. О Луна! ты не еспь величайшая изъ всѣхъ планетъ, но ты изливаешь на насъ болѣе свѣша, нежели всѣ другія, и швое ночное вліяніе умѣряетъ жары свѣшила дневнаго. О ты, древнѣйшее изъ всѣхъ божествъ (4)! мать четырехъ дочерей (*)! верховная властительница неба (5)! мы не соорудили тебѣ храмъ;

(1) *Accad. Etr. di cortona*. Том. IV. *dissert. de Lami sur les serpens sacrés*.

(2) Яблонск. *Пантеонъ Египет.*, Томъ I.

(3) Гебелинъ. *Геній Аллегорик.*

(4) Діодор. Сиц. I. 7. *Библ.*

(*) Четыре недѣли мѣсяца.

(5) *Beli - sama*.

Часть III.

ибо гдѣ есть олтари; болѣе достойные твоего свѣта, какъ холмъ Синанской, и въ какихъ странахъ болѣе обожаютъ тебя?

XII.

Око ночи (1)! мать, питательница міра! провидѣніе природы (*)! продли жизнь протосердечнаго народа на столько же вѣковъ, сколько годъ лунный заключаетъ въ себѣ дней (2).

Я замѣтилъ, что при концѣ каждой строфы Орхойцы въ нѣкоторомъ восхищенномъ молчаніи вдругъ клали обѣ руки на свой ротъ (**); потомъ поднимали ихъ къ небесамъ, сославляя нѣкоторый кругъ, по общему обыкновенію многихъ націй восточныхъ. Но болѣе примѣчанія достойно было то, что при каждой строфѣ Гимна Лунѣ, семь Орхойцевъ, снабжденные молошками, начинали бить по кадансу въ большую круглую и вы-

(1) Пиндаръ.

(*) Древніе Равнины называли ее *воронкою Природы*.

(2) Беллій. *Астрономія Индѣйская. Предвар. разсужден.*

(**) Откуда произошло слово *adoration, ad ora.*

пуклую доску, которая представляла родъ мѣдныхъ цымбаловъ, издававшихъ пріятные звуки. Такимъ образомъ въ Орхоѣ старались подражать гармоническому согласію небесныхъ шѣлъ.

Я замѣтилъ также, что каждый изъ предстоящихъ, повторяя Гимнъ Лунѣ, держалъ въ рукѣ опломокъ камня *селенита* (1).

Лунные праздники Египтянъ имѣютъ гораздо менѣе великолѣпія.

По семь весь народъ удалился, исполненъ будучи высокихъ мыслей о семь торжествѣ священномъ. Я сошелъ съ горы также съ жипелями Орхойскими; тамъ всѣ женщины, вышедъ изъ домовъ своихъ, равнымъ образомъ примѣчали затмѣніе Луны. Какія нѣжныя ласки онѣ оказывали мужьямъ своимъ, дѣтямъ и братьямъ! Сей феноменъ, казалось, соединялъ всѣхъ шѣснѣйшими узами.

Собравшись всѣ семейства проводили остатокъ ночи въ увеселеніяхъ. Плѣски

(1) Сей камень, какъ говоритъ Плиній (*Натур. Истор. XXXVII. 10*), уподобляется своими разнообразными отпѣнками послѣдственнымъ измѣненіямъ Луны.

споль же правильныя (1), какъ и Геліопольскія, начались вокругъ дерноваго холмика, имѣющаго плинѣовую колонну въ честь свѣшиламъ ночи.

Но благоразумные Астрономы съ кротостію продолжали важныя свои занятія (2). — Попомъ каждый пошелъ предаться сладкому сну до восхожденія Авроры.

XX.

Нѣкоторыя подробности изъ календаря Халдейскаго.

Я не требовалъ болѣе отъ тебя объясненія, сказалъ я Гермесу, для того, чтобы не наскучилъ тебѣ своими вопросами. Непосредственно за хоромъ музыкантовъ шли семь Орхойцевъ, неся, какъ и прочіе, по плинѣ, кои всѣ вмѣстѣ представили

(1) Течение свѣшилъ есть начало танцевъ Пляски Египетскія и Халдейскія были сему подражаніемъ.
Истор. танц. Боннетъ.

(2) Опредѣляли ночь для созерцанія небесныхъ тѣлъ. *Херемонъ*, приведенный въ доказательство Порфиріемъ. IV. 6.

мнѣ сей рядъ чиселъ планетъ и дней недѣли (*).

1.	3.	9.	27.
Сатурнъ.	Солнце.	Луна.	Марсъ.
I.	II.	III.	IV.
81.	243.		729.
Меркурій.	Юпитеръ.	Венера.	
V.	VI.	VII.	

Что все это значить?

Гермесъ отвѣчалъ мнѣ: это порядокъ планетъ, соотвѣтствующиѣ днямъ недѣли (1). Вотъ объясненіе: Сіе открытіе дѣлаемъ намъ весьма много чести. Послушай со вниманіемъ: мы для удобнѣйшаго изчисленія успановили число планетъ — семь. Прибавили также семь тоновъ діатоническихъ къ порядку сихъ планетъ. Въ то же время раздѣлили день на двадцать четыре часа для соблюденія періодическаго, непрерывнаго и натуральнаго порядка планетъ. Еще должно было учредить для семи дней недѣли другой порядокъ, соотвѣтственный семи первымъ членамъ тройной прогрессіи, кои

(*) Си. ми. ла. ре. соль. утѣ. фа.

(1) Письма Аббата Руссьера о *Зодіакѣ*.

по своему соединенію составляли бы семь фундаментальных тоновъ музыки и приличный тонъ каждому изъ нихъ. Вотъ сіи члены: 1. 3. 9. 27. 81. 243. 729.

Имъ соотвѣпствуетъ порядокъ тоновъ діатоническихъ. Особенный звукъ каждаго по произвольному соединенію основанъ на числахъ радикальныхъ — 1. 3. 9. 27. и проч.

Мы не раздѣляли Зодіака на двенадцать часей, дабы ихъ наконецъ сдѣлать соотвѣпствующими двенадцати членамъ той же тройной прогрессіи, кои должны добавить двенадцать полутоновъ хроматическихъ или діатоническихъ, удобныхъ къ помѣщенію между первыми тонами и ихъ октавою, и составить по непрерывному порядку звукъ сихъ двухъ сортовъ полутоновъ.

Мы положили (1) методъ и правила музыкѣ, также и Астрономіи, и слѣдуемъ онымъ въ церемоніяхъ нашихъ гражданскихъ и духовныхъ, въ измѣреніи, наконецъ во всѣхъ другихъ предметахъ из-

(1) Р. Amiot. р 7. Предварительныя описанія музыки у Китайцевъ.

численій дневныхъ. У насъ все соотнобразится съ законами музыки.

Планетная недѣля есть результатъ порядка планетъ, приравленный къ двадцати четыремъ часамъ дня. — Наше намѣреніе было сообразить натуральный порядокъ планетъ съ различными часами дневными: по сему мы раздѣлили день на двадцать четыре часа, дабы сохранить сей порядокъ кварталъ, въ которыхъ планеты соотвѣпствуютъ днямъ.

Слѣдуя всегда сему расположенію, сначала мы раздѣлили день на десять, а потомъ на семнадцать частей; но скоро усмопрѣли, что сіи два раздѣленія не столь удобно соотвѣпствуютъ извѣстнымъ раздѣленіямъ впоричнымъ, какъ число 24; ибо двадцать четыре могутъ дѣлиться безъ остатка на двѣ равныя части, также на 6 и на 3. Двенадцать часовъ могутъ быть раздѣлены на четыре части, заключая по 3 въ каждой.

Замѣть, что въ продолженіи цѣлой недѣли рядъ семи планетъ обращается двадцать четыре раза. Для сего семь планетъ, взятыя двадцать четыре раза, составляютъ сто шестьдесятъ восемь часовъ, которые заключаются въ недѣлѣ.

По чему число двадцати четырехъ служить намъ для раздѣленія супокъ.

На послѣдокъ какъ установленіе дня начальнаго не имѣетъ совершенной почности, и какъ недѣлю считаютъ со дня Луны, Солнца или Сатурна, равнымъ образомъ дни слѣдуютъ одни за другими, начиная отъ четырехъ планетъ до четырехъ другихъ (1), какъ-то: Луны, Марса, Меркурія и пр. — для сего мы начали съ Сатурна, какъ отца боговъ и создателя всѣхъ вещей. Сія планета имѣетъ первое мѣсто на небѣ.

Струна *гилатъ* (первая и главная) нашихъ музыкальныхъ инструментовъ показывала уже, откуда начинать должно недѣлю: чрезъ первой членъ тройной прогрессіи мы узнали, что первый день, соотвѣтствующій Сатурну, долженъ также быть первымъ днемъ недѣли; ибо мы празднуемъ въ торжественный день всѣ великія явленія, такъ какъ и наши открытія, важныя нѣкоторыя учрежденія и начала обрядовъ.

(1) Voyez un bronze antique, dans les Antiquités de Montfaucon.

Пифагоръ. Не можно ли бы было удовольствоваться людьми одними звуками гармоническими, не присоединяя къ сему обрядовъ священныхъ?

Гермесъ. Вошь, вторый знакъ Зодіака, соотвѣтствуетъ Солнцу, второму дню недѣли. — Дни недѣли образуютъ между собою согласіе кварть; также расположеніе дней находится въ соотношеніи съ познаніемъ тоновъ; ибо рядъ семи членовъ въ тройной пропорціи 1, 5, 9, 27, 81, 243, 729, по коему установлена недѣля — даетъ непремѣняемо каждому изъ тоновъ натуральныхъ свой радикальный звукъ; что же принадлежитъ до другихъ тоновъ, то должно продолжать только сей порядокъ чрезъ число тройныхъ членовъ — тогда получаются всѣ тоны послѣдующіе. Музыка не можетъ имѣть болѣе семи тоновъ діатоническихъ, и не зависитъ отъ воли человека составить болѣе, или убавить ихъ.

Пифагоръ: Послѣ сего постоянного соотношенія, найденнаго и наблюдаемаго вами между звуками музыки, днями, недѣлями и планетами, не удивляюсь болѣе тому священному почитанію, которое вы имѣете къ числу 7.

Гермесъ. Мы увѣрились, что должно особенно учредить шаковое число. Персы и Египтяне подражали намъ, давая имя рѣкъ своей (1). Мы оставляемъ каждой годъ необработанною седьмую часть полей нашихъ; также оплачиваемъ того опца, которой имѣетъ семь человѣкъ дѣтей мужскаго пола. Семь начальниковъ семейства составляютъ правителей нашихъ странъ. Мы сожигаемъ семь зеренъ фиміама по упру въ шопъ день, которой посвященъ Солнцу.

Пивагоръ. Зороаспръ, желая все объяснить, допускаетъ однако семь духовъ (2), правящихъ сферами.

Гермесъ. Безъ сомнѣнія. Не по одному случаю мы учредили семь дней, составляющихъ недѣлю нашу, какъ уже думающъ о другихъ народахъ, которые не умѣли послѣдовать намъ.

Пивагоръ. Скажи мнѣ, благоразумный Гермесъ, которое изъ раздѣленій дня на двадцать четыре часа, или планетной недѣли на семь дней, было правиломъ, моделью и образцомъ?

(1) *Septemfluus.*

(2) *Kinges, Oedip. III. de Kirker.*

Гермесъ. Сіи два положенія суть произведенія ума; и не можно себѣ представить одного безъ другаго. Планетная недѣля есть совершенный результатъ порядка планетъ, присоединеннаго періодически къ двадцати четыремъ часамъ дня; нашимъ главнѣйшимъ предметомъ была недѣля планетная, то есть, шопъ порядокъ кваршъ между планетами, кои представляютъ дни недѣли: ибо недѣля планетная есть положеніе музыкальное и вмѣстѣ гражданское. Сіе послѣдствіе согласій, ея гармонія, которая царствуетъ между планетами, или звуками, соотвѣтственными днямъ недѣли, не можетъ принята быть за результатъ раздѣленія дня на двадцать четыре часа и за результатъ прибавленія періодическаго, порядка натуральнаго планетъ къ симъ двадцати четыремъ часамъ. — Египтяне, дабы скрыть то, что заняли отъ Халдеевъ, увѣряютъ другихъ народовъ, что Синцефаль, находясь двенадцать разъ въ день и столько же во время ночи въ равныхъ разстояніяхъ, то есть, вмѣстѣ двадцать четыре раза, въ продолженіи одного цѣлаго или Астрономическаго дня, подалъ сію натуральную идею раздѣлить сей же

самой день на двадцать четыре равныя часны или часа.

Пифагоръ. Мудрый Гермесъ! я весьма далекъ отъ сего, чтобъ согласишься на такое начало, и чтобъ почестъ вашу планетную недѣлю, или рядъ согласій, соснавлиющихъ ее, за пустое учрежденіе, или за простой результатъ натуральнаго порядка планетъ, послѣдствія діатоническаго звуковъ, присоединенныхъ періодически къ двадцати четыремъ часамъ дня. Я скорѣе соглашусь, что здѣсь находится постановленіе самое лучшее и вмѣстѣ самое простѣйшее теоріи пропорцій особенныхъ, произшедшихъ отъ различныхъ музыкальных разстояній: теорія высокая, которая предполагаетъ въ своихъ изобрѣташеляхъ великую мудрость, соединенную съ обширными познаніями. Ибо она сопряжена съ дѣлами гражданскими чрезъ дни и недѣли, съ Астрономіею чрезъ планеты, съ Ариометикою чрезъ изчисленія, съ Геометріею чрезъ пропорціи, даже съ самою Физикою; пошому что необходимо были нужны опыты, чтобъ изслѣдовать звуки прежде ихъ расположенія и предсавленія изъ нихъ пропорцій чрезъ числа. Гермесъ! оспаешся еще мнѣ дать свое мнѣніе, чтобъ совершенно дополнишь сла-

ву вашей націи и успѣхи прекраснѣйшей науки свѣшилъ.

Гермесъ. Какое?

Пифагоръ. Вы, Орхойцы, не столь сильны въ познаніи Геометріи, какъ Египтяне! Геометрія засавила бы васъ изобрѣсти многіе инструменшы, коихъ, кажется, у васъ недостаетъ, для умноженія наблюденій вашихъ или для содѣланія ихъ еще почнѣйшими.

Гермесъ. Каждая земля приноситъ свои плоды.

Пифагоръ. Будучи обрабатываема, всякая земля произраститъ различные плоды.

Гермесъ. Необходимость засавила Египтянъ заниматься Геометріею: ясное небо и спокойная жизнь сдѣлали насъ Астрономами (1) и изчислителями (2).

(1) Халдеяне безъ всякихъ споровъ были первыми наблюдателями свѣшилъ. — *Боссюетъ.*

(2) Солнце и луна были первою причиною, чтобъ людей научить числамъ. — *Платонъ.*

Пифагоръ. Для соединенія познаний должно когда нибудь родиться совершенство человека.

Гермесъ. Чтобы показать тебѣ послѣднее свойство нашихъ положительныхъ Астрономическихъ познаний, знай, что мы раздѣляемъ время *сарми* (1), или эпохами, или обращеніями луны. У насъ есть три рода *саровъ*: первый заключаетъ въ себѣ три тысячи шестьсотъ, второй шестьсотъ, третий шестьдесятъ годовъ. — Мудрая древность, которую гордятся Вавилоняне, скрываетъ истинный смыслъ подъ аллегоріею чиселъ. Ихъ четырехъста тридцать двѣ тысячи лѣтъ есть періодъ Астрономическій, по наукѣ вычисленный, такъ чтобы въ немъ заключалось известное непремѣняемое число обращеній каждаго равноденствія, заключающаго въ себѣ двадцать четыре тысячи, прибавляя годъ, раздѣленный на тысячу равныхъ часпей. Число же 432,000 хотя дѣлился на 24,000, и означаетъ обращеніе обыкновенныхъ двадцати четырехъ тысячъ лѣтъ, однако не есть полное число. Оно можетъ и должно быть

(1) Legentil, *voyage aux Indes*. Tom. I. *Mém. sur les Brames et les Chaldéens*.

принимается за остатокъ, показывающій такимъ образомъ тысячныя часпи годовъ. — Сіи семь сотъ двадцать тысячъ лѣтъ, которыя сначала удивляли иностранцевъ, удобно дѣлимые на двадцать четыре тысячи, суть ничто иное, какъ семь сотъ двадцать тысячъ тысячныхъ частей года.

Пифагоръ. Прежде, нежели мы разстанемся, скажи мнѣ еще одно слово о кометахъ (1).

Гермесъ. Мы допускаемъ ихъ периодической возвратный путь (2). Сіе заставляетъ почитать ихъ иногда планетами. На пр. комета, которая явилась намъ пому уже полвѣка (*), была почитаемая планетою Венеры съ перваго явленія ея до случившейся войны при Троѣ (**).

Всего болѣе важно для человека, прибавилъ Гермесъ, то, чтобы не смѣшивать добра съ зломъ; ибо онъ родился отъ

(1) Пифагоръ учился Астрономіи Халдейской. Страбон. XII. XV.

(2) Freret. *Mém. de l'Acad. des inscr.* Tom. X.

(*) За 618 лѣтъ до Христ. эры.

(**) За 1193 года до эры народной.

двухъ причинъ, равныхъ въ своемъ могуществѣ (1). Добро или *Кадиманъ* есть его отецъ, а зло или *Аграманъ* мать; по чему человекъ равно зависитъ отъ того и другаго.

Пифагоръ. Миѣ весьма хвалили Халдейскаго *Бероза*; расскажи миѣ объ немъ.

Гермесъ. Это одинъ изъ нашихъ предшественниковъ, которъ былъ начальникомъ Астрономической школы въ Орхоѣ, гораздо прежде славнаго нашего взятія Трои. Мы одолжены ему раздѣленіемъ дня на шестьдесятъ равныхъ частей. Сей Берозъ сравнивалъ землю съ круглою лодочкою, плавающею въ воздухъ и по водамъ; но познание свѣтила началось съ того времени, когда онъ посвятилъ себя Астрономіи. —

(1) *Manichaeismus ante Manichaeos, Tractatus Chr. Wolfii.*

Философія Халдейская представила Пифагору, что въ началѣ находились двѣ причины, именно: отецъ или свѣтъ, мать или тьма.

У насъ есть изчисленія, кои получили свою силу уже послѣ двухъ тысячъ лѣтъ (1).

Пифагоръ. Я люблю древность, основанную болѣе на числахъ, нежели на именахъ.

Гермесъ. Фореней (2), сынъ Инаха, также дошелъ до насъ. Правда ли, что ваши Греки приписываютъ ему, будто онъ первый употребилъ плинуу для строенія?

Пифагоръ. Первый въ Греціи.

Гермесъ. Не оскорбятъ ли Греки ваши, еслили скажутъ имъ, что они ошибаются, будто никто не превзошелъ въ открытіяхъ *Фореней*; однако они не осмѣлились назвать его Астрономомъ: ихъ языкъ едва ли имѣетъ столько именъ, чтобъ означить семь планетъ. Но еслили они не могли познать нашихъ изчисленій; но, кажется, безъ всякой пользы

(1) 2459 лѣтъ прежде эры Христ. Белли, *Древняя Астрономія.*

Платонъ говоритъ, десять тысячъ и болѣе. *Египот.*

(2) *Письма о Мифологіи, де Блакквель.*
Томъ I.
Часть III. А а

почитали *Фалла* Египтяне (1); ибо сей предметъ имъ былъ бы болѣе приличенъ. Я надѣюсь, что ты предпочтешь Астрономической праздникъ Орхоя, хотя и вышелъ изъ таинствъ *Θивскихъ*.

Пифагоръ. Не сомнѣвайся въ томъ, мудрый *Гермесъ*!

XXI.

Нравы Орхойцевъ.

На другой день я посѣтилъ многіе дома Орхойскіе. Они всегда остаются открытыми во время ночи; двери ихъ никогда не зашворяются. Сіи жилища построены изъ двоякаго сорту кирпичей. Одни состоятъ изъ простой глины, высушенной только на солнцѣ, которой свойство есть то, что она соединяется сама собою и дѣлается плотною, еслили постараться

(1) У многихъ народовъ сія часть тѣла нашего боготворима. . . Въ извѣстныхъ странахъ лучшая красота познается изъ сей части. Во многихъ церемоніяхъ женщины Египетскія обнажаютъ шею превосходно убранныя. . . и проч.

Montaigne, Essais, III. 5.

ее порядочно перемѣшать. Другой сортъ кирпичей дѣлается изъ той же самой глины, смѣшанной только съ проспникомъ (1), распуцимъ въ болопахъ Евфрата. Изъ него дѣлаютъ также большія цѣновки, коими Орхойцы обиваютъ внутренность своихъ жилищъ. Сей переломанный проспникъ даетъ великую прочность разведенной глины, которую послѣ сушатъ въ печахъ. Изъ втораго роду кирпича у нихъ дѣлаютъ полы. Каждой домъ бываетъ объ одномъ только этажѣ и имѣетъ при себѣ садъ, наполненный полезными деревьями, между коими отличается пальма. Она растетъ на шакомъ мѣстѣ, что превышаетъ величайшія строенія (2), и осѣняя ихъ своими вѣтвями, скрываетъ отъ глазъ путешественника. Видъ Орхоя отъ Гебель - Синана представляетъ густое пальмовое дерево, покрытое финиками; не лзя подумать, чшобъ шумъ находил-ся городъ.

Нравы Орхойцевъ соотвѣтствуютъ странѣ ихъ и еще весьма много имѣютъ сходства со нравами первыхъ вѣковъ чело-

(1) *Pietro della Vallée, voyages.*

(2) *Pietro della Vallée, T. II.*

вѣческаго рода. Жителямъ сей малой страны всегда было прошивно возбуждать собою вниманіе Двора и правленія; имъ позволено жить почти также, какъ они жили прежде существованія правителей, Двора и Вавилона. Еще и теперь, удалясь отъ всѣхъ понкоспей Полишки, они проводятъ жизнь почти независимую. Ихъ дни текутъ спокойно; трудъ умеренной доставляетъ имъ пріятныя удовольствія. Одна смерть только разлучаетъ дѣшей съ своими родителями. Халдеи наслаждаются семейственными удовольствіями и не желаютъ другихъ. Архивы сей колоніи, древнѣйшей всѣхъ народовъ, состоятъ только изъ рукописей въ память предковъ. Однако у нихъ находятся монументы, которые гораздо простѣе и самыхъ Астрономическихъ. Это ничто иное, какъ кирпичныя колонны, дерновые холмики и водоемы. Ихъ надписи содержатъ имя и числа. Для Орхойцевъ довольно эпохи и имени, чпобъ вспомнить дѣла болѣе интересныя изъ ихъ исторіи.

Самой старшій изъ фамиліи у нихъ занимаетъ мѣсто Царя. Его законы суть разумъ, опытнѣе и лѣтъ. Орхойцы ничего не продаютъ, но все получаютъ мѣною.

Всякое семейство имѣетъ количесиво верблюдовъ, ословъ, овецъ и козъ. Излишнее они отдають другимъ, чпобъ получить за по супругамъ своимъ золотыя браслеты, шипыя пояса и оиміамъ. Прежде они жили въ палаткахъ, кои уподоблялись мирнымъ лагерямъ. Со времени поселенія своего между Евфратомъ и Аравією, не желая мѣшаться съ своими сосѣдами, они построили себѣ жилища, кои мало имѣютъ великолѣпія, чпобъ обратить на себя взоры зависни. Съ тѣхъ поръ они живутъ на одномъ мѣстѣ. Воспитываютъ скотъ, обрабатываютъ землю и посвящаютъ остатокъ времени на разсмаприваніе Неба — вопъ всѣ ихъ занятія. Такимъ образомъ они доставляютъ себѣ жизнь щасливую, и смерть не скоро похищаетъ ее.

Большая часть Халдеевъ - Орхойцевъ (1) видитъ обращеніе цѣлаго вѣка и сохраняетъ до послѣдняго часа употребленіе всѣхъ своихъ чувствъ, особенно зрѣнія. Они говорятъ, что обязаны симъ ячменному хлѣбу, которой служилъ основаніемъ всего ихъ питанія. Работа есть

(1) Лукіанъ, глава о тѣхъ, которые долго жили.

приданое супругъ. Кто хочетъ получишь добродѣтельную и прекрасную дѣвушку, копорую желаетъ имѣшь своею женою, пошъ долженъ многіе годы служишь ея опцу.

Добрый Гермесъ привелъ меня къ одному семейству Халдейскому, во время ихъ ужина при захожденіи солнца. Длинный столъ поставленъ былъ между высокими пальмами. На немъ лежалъ цѣлой жареной шеленокъ безъ всякихъ приправъ, два козленка, свѣжій хлѣбъ, коровье масло, молоко, чашка съ чечевицею, копорую они предпочитаютъ всѣмъ другимъ плодамъ, финики и пальмовое вино.

По окончаніи стола, одинъ юноша изъ сего семейства взялъ свой поясъ и дорожный посохъ, обнялъ братьевъ своихъ, сесперъ и колѣна матери; потомъ преклонивъ свои предъ опцемъ, съ поникшимъ взоромъ ожидалъ его приказаній и благословенія. „Сынъ мой! сказалъ ему отецъ, положи обѣ руки на чело его: не забывай никогда яснаго неба страны Халдейской, и девятое солнце да найдетъ тебя въ нѣдрѣ швоего семейства!“

Еще сцена ожидала насъ въ другомъ мѣстѣ. Гермеса пригласили бышь начальникомъ при нѣкоторомъ супружествѣ. Я за нимъ послѣдовалъ. Молодая женщина выбѣжала на встрѣчу Жрецу. „Освящи швоимъ присутствіемъ и согласіемъ, сказала она, новый союзъ, копорой я предлагаю моему супругу; ибо какъ онъ находилъ меня безплодною (1) до сей минуты, по пущь теперь получишь опъ руки моей другую супругу, копорая моложе и прекраснѣе меня!“

Тронутый супругъ ея опвѣчалъ съ такою же опкровенностію: „Пусть будетъ такъ, когда ты желаешь сего! однако ты оспанешься всегда главною хранилищею моего дома.“

Въ одинъ вечеръ предъ входомъ въ жилище Жрецовъ Орхойскихъ не задолго предъ опѣздомъ моимъ въ Вавилонъ, я встрѣшилъ молодую Орхойнку, копорая имѣла печальный видъ и несла на головѣ своей связку сжатыхъ колосевъ. Халдей скорыми шагами шелъ по ея слѣдамъ; наконецъ наспигши сказалъ ей: „Крошкая Зиллія! возвратись со мною; тебѣ

(1) Обычай первыѣ Израильцямъ. Флёръ.

не прилично быть собирашельницею колосевъ въ помѣ полѣ, котораго ты госпожа.“ — Зиллія покраснѣла и едва могла произнести слова сіи: какъ же быть, государь мой! . . . — „Скромная дѣвица! я хочу замѣнить потерю твою. Теперь, какъ уже нѣтъ у тебя болѣе отца, должно имѣть супруга. Ты видишь, что поле принадлежитъ тебѣ, ибо отъ тебя зависитъ отдать руку его владѣтелю.“

Внутренность жилищъ самыхъ богатѣйшихъ Орхоя не ослѣпляетъ глазъ, подобно Вавилонскимъ, какія имѣютъ тамъ еще низшаго класса люди. Въмѣсто мраморнаго паркета, здѣсь деревянный полъ; проспаниковыя цѣновки вмѣсто великолѣпныхъ золотыхъ и пурпуровыхъ шпалеръ. Но все чисто и на своемъ мѣстѣ. Орхойцы живутъ пріятно; на ихъ лицахъ, одушевляемыхъ простотою, изображается здравіе. Ничто не смущаетъ ихъ взоровъ. На изголовьѣ постели каждаго Орхойца я замѣнилъ два копья и деревянной щипъ (1). Это составляетъ всѣ защитительныя оружія сего крошечнаго, но сильнаго народа (2).

(1) Ксенофонт. *Истор. о Кирѣ*. III.

(2) На Востокѣ лучшіе воины были Халдейскіе. — Боссюэль, *Всеобщая Исторія*.

Щастливая Халдея! о любезные ученики мои! сколь часно съ удовольствіемъ воспоминалъ я о помѣ пріятномъ убѣжищѣ, которое имѣлъ я въ сей любезной странѣ! Желаніе скорѣе возвратиться въ Вавилонъ, къ Зороастру, не сильно было изгнать изъ памяти моей прелестной карпины малаго Орхоя. Долгое время я увеселялся, начерпывая въ умѣ своемъ нѣ пріятные вечера, которые я провелъ тамъ. — Въ Орхоѣ всѣ семейства послѣ дневныхъ трудовъ своихъ собирались предъ своими домами; братья, сестры, дѣти, матери окружали старшаго изъ семейства, сидящаго при корнѣ пальмы своихъ предковъ и рассказывали дневныя происшествія: то, что замѣтили они на небѣ, и что относилось къ ихъ области. Младшіе вопрошали старшихъ; супруги получали объясненія отъ мужей своихъ, что имъ казалось непонятнымъ. Чужестранецъ, допущенный въ ихъ кругъ, бываетъ вопрошаемъ; онъ съ молчаніемъ внимаютъ ему и ревностно стараются удовлетворить его вопросамъ. Сей добрый народъ показываетъ себя шакимъ, каковъ онъ есть, ничего не скрывая. Обхожденіе ихъ сипепенно, иногда важно, но не бываетъ для другихъ скучно и не представляетъ въ себѣ ни мало гордости.

Лѣта сообразны со нравами. Быть вмѣстѣ, видашься, разговаривашь другъ съ другомъ, занимаешься домашними дѣлами, не вмѣшиваясь въ постороннїя, наслаждаешься вообще красотами и благодѣянїями Натуры, — вопль ихъ всѣ тайны, чтобъ жить щастливо.

Халдеи употребляютъ желѣзо и другїе извѣстные металлы для своихъ Астрономическихъ инструментовъ. Будучи, кажется, привержены къ древнимъ обыкновенїямъ своимъ, они сохраняютъ молотки, клинья и каменные шопоры своихъ предковъ. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе въ домахъ ихъ, какъ сїи шопоры, твердосїюю подобные закаленному желѣзу: самая острая пила не можетъ имъ ничего сдѣлать. Сїи рѣзущїе (1) камни просверлены въ точкѣ ихъ равновѣсія. Это отверзшїе дѣлаются къ одной сторонѣ ширѣ, нежели къ другой, такъ что рукоятка изъ плотнаго дерева, вошедши въ узкую сторону, не можетъ отшуда быть вынута, развѣ съ величайшимъ усилїемъ. Мнѣ говорили,

(1) Mairan, III с. *Lettre au P. Parrenin*. р. 124, 125.

что не довольно половины человѣческой жизни для напochenїя или просверливанїя сихъ камней, кои служатъ имъ вмѣсто шопоровъ.

Я не имѣлъ времени посѣпить *Кардюковъ* (1), живущихъ при ближнихъ горахъ ихъ отъ Тигра. Это независимая Халдейская колонїя, а по сему самому страшная для Персовъ. Сїи жили, менѣе просвѣщенные, нежели ихъ первые предки, имѣютъ характеръ жестокой, соопвѣтствующей ихъ двоеручнымъ копьямъ. Нѣтъ ни латъ, ни щиповъ, кои бы имъ могли противиться.

XXII.

Приватная жизнь Вавилонянъ.

Съ великимъ сожалѣнїемъ я оставилъ Орхой, предпринимая путь въ Вавилонъ. Какой контрастъ! Не смотря на различныя прїемы, кои мнѣ должно было испытать, проходя отъ одной стороны сего города до другой, я хотѣлъ все видѣть

(1) Теперь *Кюрды*. Путешествїе въ Леваншъ де Турнефорта.

своими глазами. Жители такого города, каторгой путешествия едва можешь проехать в восемь часов, должны представить много разнообразного. Не смотря на священные законы госприимства, меня не везде равно принимали. Чтобы понравиться Вавилонянам — надобно любить удовольствия. Я ехал туда не для того, чтобы заводить коммерции какиминибудь широкими материями, а потому они и не имели нужды со мною знакомиться; посвятишь себя и сделаешься лучшим — было единственною целью моих путешествий.

Вавилон представился мне сокращением всей Вселенной. От изящных произведений искусства до самой роскошнейшей одежды поселянина, там занимаются всем. Великия пространства между селами и городом определены для искусства и земледелия. Здесь во всем изобилие, исключая бедных, кои не имеют никакого пристанища. Кирь, казалось, раздавал милости свои, обременяя жителей оружием. Они носили его для виду, а не для того, чтобы сражаться. После двадцати лет их покорения скиптру Персидскому, они уже больше не мевольники, хотя не были ими

и под управлением собственных их Государей. Из Вавилонянина можно сделать все, что угодно. Излишнее учтивство почти изгладило на физиогномии его, равно как и в его сердце, главнейшие черты человека. Вино, женщины, непристойные пляски, безчестные песни — вот их занятия. Оба пола имеют одинаковый вкус, дошли до одинакой безчувственности. Гордые Вавилоняне, населяя самый лучший, или по крайней мере самый величайший город земли, думают быть уволенными от всех должностей, когда они показывают свою башню Белюсову, свои прекрасные сады, два дворца, их селены и прекраснейшие палаты. Они, кажется, получили право презирать прочих народов.

Они со своею суетностью дошли до соблазна. Со времени первых надписей, посвященных в память имени своего, Дарий дал себе титул *самого лучшего из человек* (1). Тотчас все юношество Вавилонское, не имея нужды в одобрении или примере, достигло до высоты своей безразсудности, желая получить ту великую честь, чтобы почитаться луч-

(1) Геродотъ Мельпомен. IV.

шимъ изъ народовъ , покореннымъ лучше-
му изъ Царей.

Я не зналъ ни одного города , въ ко-
емъ бы находилось болѣе увеселительныхъ
домовъ , совсѣмъ безполезныхъ ; однако
много есть и бѣдныхъ въ семь городѣ
Вавилонѣ. Не лзя сдѣлать ни одного
шага , не сполкнувшись съ несчастнымъ ,
кого покрываетъ рубище, и въ тоже вре-
мя съ богачемъ , являющимся въ драго-
цѣнной одеждѣ. Одинъ погибаетъ отъ
нужды и истощаетъ силы свои отъ не-
благодарной и трудной работы своей ;
другой умираетъ со скуки, будучи опяг-
ченъ праздноствіемъ. Бѣдный не видитъ
дня , чѣмъ къ вечеру доставить себѣ
пищу ; для богача онъ также крапокъ ,
чѣмъ насладиться всѣми удовольствіями
ми , кои ему предлагаютъ.

Вавилонъ вмѣстѣ и скуденъ и велико-
лѣпенъ. Онъ попеременно то оскорб-
ляетъ , то ослѣпляетъ взоры. Друзья
мои ! вы съ трудомъ можете повѣрить
такой странности : въ каждое утро мно-
гіе звонки бьютъ во всѣхъ часяхъ горо-
да , чѣмъ заставитъ жителей очищать
предъ своими домами. Безъ сего повелѣ-
нія , повпоряемаго каждый день отъ име-

ни Правительства , Вавилонъ сдѣлался
бы скопленіемъ нечистотъ.

Учтивство тамъ занимаетъ мѣсто
сосраданія. Отказываютъ въ милоспи-
нѣ всякому семейству , которое не имѣло
уже при дни хлѣба ; но предлагаютъ
обильный столъ свой пунеядцамъ , сгиба-
ющимся отъ тяжести своего шѣла.

Вавилонъ все еще теперь первый го-
родъ по великолѣпію своему и роскоши ;
въ его же шѣнахъ заключается мно-
жество отвратительныхъ предметовъ.
Между сими великолѣпными зданіями
вспрѣчаются перекрестки и площади ,
кои всегда завалены бывають нечисто-
пою , хоша и омываетъ ихъ великая рѣка.
Не видно ни стыда , ни благоприсойно-
сти въ поступкахъ Вавилонянъ. Тамъ ,
какъ и въ Мемфисѣ , и повидимому во всѣхъ
великихъ городахъ (1), облегчаютъ При-
роду при явленіи солнца и въ собрані-
яхъ (2). Самыхъ женщинъ , занимаю-
щихся своими украшеніями , не лзя ис-
ключить отъ шѣхъ укоризнъ , кои можно

(1) Аристофанъ. *Les nuées*. ac. V. §. 2.

(2) Это воспоминаетъ законъ Пинеагора : *non
contra Solem meito*. См. сочин. о законахъ.

сдѣлать народу, весьма мало имѣющему попеченія о благоустройствѣ внутренности домовъ своихъ. Царствующій въ нихъ порядокъ есть доказательство нравовъ непорочныхъ. Мѣста публичныя тамъ въ небреженіи и въ худомъ видѣ; но все жертвуетъ пышности. Недосыпкою и разпускомъ обнажаетъ Вавилонянъ. Молодая, но несчастная дѣвушка, желающая жить невинно, теряетъ прекраснѣйшія свои прелести прежде окончанія весны своей, подвержена будучи работамъ, превышающимъ лѣта ея и силы. Между тѣмъ и прочія женщины, противнаго свойства поведенія, изсыхаютъ также рано, подобно увядшимъ розамъ прежде захода солнца. Однако онѣ употребляютъ всѣ способы искусства, чтобъ сохранить свою свѣжесть; каждое утро Вавилонянки умываютъ лице свое ячменною настойкою (1) и розовою водою, или иначе онѣ спарываются загладишь первыя морщины свои разведенною мукою въ молоко ослицы. Но ничто не можетъ противиться времени и невоздержности, которая еще болѣе разсиривается, нежели и самое время.

(1) Bibl. Daniel. XIII. 17.

Надобно только пробхать Вавилонъ. Все вмѣстѣ столь же пріятно, сколько подробности отвратительны. Несносно видѣть въ одномъ мѣстѣ угнетаемое злополучіе и поржествующее безстыдство; все изящество искусства и жестокую бѣдность. Вавилонъ есть хаосъ.

Самыя прекраснѣйшія мебели тамъ украшаютъ внутренность домовъ. Одна вещь особенно поразила взоръ мой. Это маленькая садъ, разведенной въ золотомъ сосудѣ (1), или массивной серебряной корзинѣ. Ею переспавляють изъ однихъ покоевъ въ другіе, и носятъ на своей головѣ во время празднества Адонису; спавятъ также на сплахъ при концѣ пиршества. Подлинно! не лзя болѣе удалиться отъ Природы, какъ это сдѣлали Вавилоняне; однако они хвалятся, что идутъ по слѣдамъ ея.

Одно ихъ изобрѣтеніе, для коего они истощили все свое искусство, есть родъ постели (2), на коей они проводятъ

(1) Земный рай. де Гюэпъ.

(2) Канapé, постель для отдыха, длинный стулъ, служацій, какъ говорятъ, для сна послѣ обѣда. *Solaria Babylonica*. Sextus. Плин. *Натур. Истор.* VIII. 48.

жаркое время дня. Сія постеля покрывается великолѣпными матеріями (1) различныхъ цвѣтовъ, которыя прибиваютъ къ дереву гвоздями, имѣющими золотыя головки; а самыя изъ нихъ лучшія бывають изъ пурпуру.

Между многими другими украшеніями я замѣтилъ прекрасныя столы, сдѣланные изъ многихъ мраморовъ (2), представляющіе превосходно изображенныя ландшафты.

Торгующіе всѣми сими великолѣпными и бесполезными вещами не заслуживають ни малѣйшей похвалы. Замѣчая малѣйшія спрости богачей, они пренебрегаютъ во сто разъ болѣе, и получаютъ.

Это таинственникъ *Оивскій*, покровительствуемый *Дворомъ*! Какъ сей шумъ разнесся по городу, тотчасъ приглашали меня оповсюду; но обходились со мною оспорожно. Маска благоприспоспости была надѣта на ихъ лица.

(1) *Babylonica peripetasma.*

(2) *Dracont. Nехаемеро. Lexic. Pitisci. verbo. Crustae.*

Женщины старались обратить меня къ почитанію ихъ Венеры. Самыя низкія ласки были употреблены, чтобъ узнать мои намѣренія и получить довѣренность мою. Я приглашаемъ былъ къ самымъ тайнымъ ихъ праздникамъ. Нечувствительный будучи ко всѣмъ симъ учтивостямъ, я подалъ о себѣ мнѣніе, что мнѣ не очень должно довѣрять. Но я почиталъ сіе за ничто. Думали, что я съ намѣреніемъ пріѣхалъ въ Вавилонъ, и новыя сѣти сплесаемы были для меня. Учпивые мужья выбирали время оставлять меня наединѣ съ ихъ супругами, матери съ своими дочерьми; другіе показывали порядокъ въ ихъ хозяйствѣ, но для меня все это было ненавистно.

Много оспроты въ Вавилонянахъ (1). — Я допускаемъ былъ во многія общества обоихъ половъ. Каждое изъ нихъ имѣетъ свои особенныя правила, исключительныя изъ всѣхъ прочихъ (2). Туда входятъ различнаго рода матеріи; меня довольно занимало ихъ шщеславіе. Въ одномъ обществѣ опредѣляли извѣстныя эпхи

(1) Боскуэтъ, общ. Истор.

(2) Аббатъ Фухеръ, *Акад. Надл. Зал. о Зороастрѣ.*

Натуры; въ другомъ полагали измѣреніе ея существованія, дерзнувъ означить начало и настоящую минулу ея совершенія. Въ иномъ полагають непреложное число спихій; въ иномъ спорятъ, что Вселенная погибнетъ отъ огня; другіе утверждаютъ, что сіе случится отъ воды; — а почти во всѣхъ сихъ обществахъ съ пріятностію забавляются богами Вавилона, но весьма опасаются сказать лишнее слово о Правительствѣ и о Придворныхъ людяхъ.

Въ одномъ изъ разумѣйшихъ обществъ, какъ я шуда вошелъ, разсуждали объ яйцѣ (1), которое упало съ неба въ воды Евфрапа, и что рыбы выбросили его на берегъ; потомъ сидѣла на немъ голубица, и отъ того родилась Венера. Всѣ Вавилонскіе Ученые въ семъ были согласны; но было ли сіе яйцо бѣлое или розовое? Былъ важный предметъ ихъ споровъ. Я вышелъ не дождавшись рѣшенія, опасаясь, чтобы не склонилъ меня сонъ.

Между сихъ обществъ находилось одно, состоящее только изъ женщинъ, кои занимались послѣдними словами Эпи-

(1) Nuginus fab.

тафіи Семирамиды (1): „Мы находимъ время, чтобы вкушать всѣ удовольствія и чтобы соспавить благополучіе всѣмъ нашимъ друзьямъ.“

Еще одно особенно обратило на себя мои взоры, нежели всѣ прочіе: оно имѣло титулъ *безлестныхъ* (*). Тамъ разсуждаютъ безприсрасно о всѣхъ вещахъ.

Одна изъ членовъ сего общества хотѣла войти со мною въ нѣкоторыя подробности. „Почтенный чужестранецъ! сказала она мнѣ, покоясь на тройномъ коврѣ, — мы опять предались предразсудкамъ. Причина тому та, что для насъ нѣтъ уже болѣе ни заблужденій, ни истины. Халдеи или Волхвы, Семирамида или Киръ, Республика или Монархія, почтеніе или лесть, все сіе для насъ совершенно равно.“

П и в а г о р ъ. Равнымъ образомъ перокъ и добродѣтель?

(1) Polyen. VII. 25.

(*) У новѣйшихъ народовъ городъ Роззани возобновилъ сію Академію, подъ названіемъ *нелюболюбивой*; Болоинъ *безприсрасной*; и можетъ быть Перюзъ подъ именемъ *незамысловатой*.

Безлетная. Конечно: мы замѣпили, что все было относительно. Вчерашнее зло нынче дѣлается добромъ. Особенное движеніе Природы не позволяешь оставаться при одномъ правилѣ, при одной системѣ. Весьма глупо привязываться къ какой либо вещи.

Пифагоръ. И къ супругѣ прекрасной и добродѣтельной?

Безлетная. Да и къ самой себѣ вѣрности. Безпечность есть бальзамъ жизни; это лѣкарство отъ всѣхъ заботъ, какъ для души, такъ и для тѣла. Безпечность есть истинное благополучіе...

Пифагоръ. Для безумныхъ, для тѣхъ, коихъ характеръ не имѣетъ порядка, для людей ничтожныхъ.

Безлетная. Какъ тебѣ угодно, почирай или нѣтъ мое мнѣніе, я не забочусь убѣждать тебя. Думай объ насъ, что ты хочешь.

Пифагоръ. Безпечность обыкновенна, еслии кпо щастливъ; но что съ вами сдѣлается въ прошивномъ случаѣ? Снесете ли вы безпечно горестъ?

Безлетная. У насъ есть снотворное лѣкарство; мы упошребляемъ его различ-

ною мѣрою... усыпить себя такъ, чтобы никогда не проснувшись. Ибо смерть или жизнь немного послѣ бываетъ одинакимъ бременемъ въ нашихъ глазахъ.

Пифагоръ. Много ли находится въ вашемъ обществѣ?

Безлетная. Оно не терпитъ недосыатка, хотя мы и не спараемся наполнять его.

Пифагоръ. Изъ какого класса гражданъ вы состоите?

Безлетная. Собраніе богатыхъ наполняетъ наше общество, ибо они охотно предаются безпечности.

Пифагоръ. Въ чемъ вы проводите время?

Безлетная. Мы объ этомъ знаемъ весьма мало, а собираемся сюда довольно машинально; скажемъ зевая другъ другу нѣсколькo словъ. Зевать вмѣстѣ составляетъ наше удовольствіе. У насъ выходящій, возвращающійся и разспающійся какъ кому угодно, и часы протекающій. Прощай, почтенный чужестранецъ! Я упомянула говоря съ тобою. Поищи Сивиллу Самбифу (1); она скажетъ тебѣ болѣе, ибо имѣетъ крѣпкую грудь.

(1) Паузаній. Фок.

Я слышалъ прежде еще о Сивиллѣ Вавилонской (1), и пришелъ ввечеру къ ея жилищу. Чшобъ привеспи въ движеніе языкъ ея, мнѣ совѣщовали спросить ее о Кирѣ. Прошивъ сего Героя она имѣла великія предубѣжденія, безъ сомнѣнія по тому, что онъ не былъ легковѣренъ.

Тутъ предварительно посуплено было со мною, также какъ и у Сивиллы Самосской (2). Наконецъ наша боговдохновенная Халдеянка (она имѣетъ такое названіе) начала говорить такъ: „Да молчать всегда о имени Кира! были прежде его побѣдители, будутъ и послѣ. Я проницаю непосижимыя таинства годовъ, кои приближаются къ опредѣленному своему порядку, дабы явились имъ на пути своемъ; я вижу тѣ эфирныя снраны, гдѣ великое свѣпило назначаетъ свой блестящій лучъ. Являешся юный Герой, начальникъ многихъ воиновъ, и каждый шагъ его есть побѣда. Предъ нимъ падаютъ войска, подобно полю класовъ, преклоняющихся подъ серпомъ земледѣльца. Вся Персія сдѣлалась его жерпвою, а Ва-

(1) Или Персидской. Varro, apud Lactant. I. 6.
(2) Смори сего сочиненія Часть I. § VII.

вилонъ его гробомъ (1). Я вѣщала: „Безбожники! внимайте мнѣ, вдохновенной божеспвомъ; спрашите боговъ и почитайте имъ служащихъ.“ По семъ разсужденіи она вооружилась нѣкоторымъ волчкомъ, называемымъ въ Египтѣ *Иинзами*, который украшенъ былъ сапфирами и золошыми лиспами, гдѣ изображались Астрономическія липеры. Знакъ небесной, на коемъ останавливается волчокъ сей, служилъ ей къ показанію воли боговъ. Я вышелъ отъ Сивиллы, вспоминая, что и въ Египтѣ былъ свидѣтелемъ подобныхъ дѣйствій.

Потомъ посѣщала я судебныя мѣста Вавилонскія: ихъ тамъ находишся великое множеспво, но едва доспащочно бываетъ для рѣшенія домашнихъ ссоръ. Ихъ Орапоры готовы равнодушно защищать порокъ и добродѣпель, уважая болѣе Публику, нежели Судей. Ихъ обширныя разсужденія наполнены такими подробностями, кои заставають краснѣть, или возбуждаютъ ошращеніе Не удовольспвуясь тѣмъ, что обнаруживаютъ тайны фамилій, они безспыдно льстятъ или

(1) Предсказала многое объ Александрѣ Юстин. Юсифъ.
Часть III. В в.

ругаютъ тѣхъ, противъ кого говорили. Храмъ правосудія часто бываетъ въ Вавилонѣ школою безчинства.

Виновные, выводимые на публичное мѣсто, чинобъ спыдъ служилъ имъ наказаніемъ прежде ихъ изгнанія, или опправленія на галеры, первые подвергаются всѣмъ посмѣяніямъ народа. Въ Вавилонѣ казнь за важное пресупленіе есть смерть.

Сенаторы, опредѣленные смотрѣть за полицією сего великаго города, провозглашаютъ сами безчестныя изобрѣшенія, занятія самыя развратныя, коихъ воспыдныя произведенія они раздѣляютъ съ народомъ.

Публичныя женщины и игроки не почитаются за самыхъ худыхъ людей въ Вавилонѣ. Правительство, которое покровительствуетъ имъ, есть безъ сомнѣнія тому причиною.

Пиоагоръ путешествуетъ по Сузѣ.

Я не могъ сносить долѣе непріятнаго и жалкаго зрѣлища нравовъ сего великаго города. Довольно, сказалъ я Зороастру; отправимся! я весьма уже много видѣлъ.

Зороастръ. Ты чувствуешь теперь, сколь необходима переменна. Безпорядокъ долженъ быть исправленъ (1).

Пиоагоръ. Откажись отъ невозможнаго; ты никогда не сдѣлаешь Вавилона добродѣтельнымъ, никогда не преобразишь безчисленнаго множества, раздѣленнаго на два класса, изъ коихъ одинъ изнуренъ бѣдностью, другой испорченъ изобиліемъ. Самое безчестнѣйшее дѣло для рода человеческого соединять пороки, содѣлывающій людей безчестными, съ работою, которая весьма унижаетъ. Но это уже сдѣлано. Вавилонъ заслуживаетъ все то, что онъ перенесъ и что еще ему готовится безславіе и злосчастіе. Золото и роскошь есть главнѣйшею сему причиною.

(1) Насмѣшка Прометею.

Зороастръ. Вавилоняне худо пользующися соудснвомъ *Бамбикатовъ* (1), народа, живущаго при берегахъ Тигра. Дабы предохранить себя отъ поврежденія богатыхъ націй, Бамбикаты собрали все, что имѣли изъ дорогихъ металловъ, и зарыли сѣ сокровище въ глубину земли, дѣлая страшныя заклинанія пропивъ шѣхъ, кои покусились бы обратишь его въ дѣйствіе.

Пивагоръ. Бамбикаты предускорили общее свое щастіе. Въ послѣдствіи вѣковъ нужно будетъ углубить двѣсти палмъ въ землю (2), дабы найти знаменитый Вавилонъ, построенный на влажной землѣ. Гдѣ теперь находится столица народа Аппланшическаго?

Зороастръ. Оставимъ говорить о Вавилонѣ. Для меня онъ гораздо болѣе непріятенъ, хотя я и менѣ знаю его. Съ того времени, какъ нахожусь здѣсь, я не сходилъ почти съ башни Белюсоной. Я пришелъ сюда только провести время ошесствія Камбизова; ибо я не могъ

(1) Алекс. объ Алекс. IV. 15. Плиній называетъ его *Бабитакомъ*. VI. 27. Соль.

(2) *Замѣтанія Воссіевы*

остаться безъ него въ Сузѣ, въ клещахъ, какъ сказать, зависливыхъ волхвовъ. Теперь возвратимся шуда; новый Царь меня призываетъ, и я имѣю еще нужду при Дворѣ, чтобъ на его основаніи учредишь мой новый планъ. Дарій долженъ скоро возвратишься въ Персеполь; поспѣшимъ застаць его въ чернотахъ Сузскихъ.

Зороастръ далъ мнѣ замѣнитъ, проходя колонны, ограничивающія Ассирию съ Персіею, надписи, въ коихъ изображалось: знай, что Киръ жилъ спольмъ (1).

Персы имѣютъ также обычай замѣчать на большихъ дорогахъ пупевыя мѣры камнями (2), называемыми отъ нихъ *ларасингами*.

Въ поляхъ каждый хозяинъ означаетъ между своего владѣнія горными камнями, но чаще деревьями, приносящими плоды.

Мы прошли Тигръ, чтобъ войти въ Сузіану и достигнуть до другой рѣки, не столь важной, называемой *Эвлеемъ* (3).

(1) Лукіан. глава о тѣхъ, кои долго жили.

(2) Beland. dissert.

(3) Прочіе Топографы называютъ ее *Хоаслой*.

Она протекаетъ Сиссію, провинцію, гдѣ находится споличный городъ. Ея воды споль почищаются превосходными, чшо Цари Персидскіе не употребляютъ иныхъ для пишья. Сія рѣка, истекая отъ Монш-Жона, впадаетъ въ Персидской заливъ многими устьями, прежде сообщенія своего съ частію Пазинигра.

Мы увидѣли прибывшїя на берега ея, въ извѣстное мѣсто, колесницы. Изъ нихъ вынуты были великіе серебряные сосуды, чшобъ наполнить ихъ водою и отвезти въ царскіе черпоги. „Вотъ, сказалъ мнѣ Зороастръ, сія весьма легкая по себѣ вода будетъ вскипячена (1), прежде употребленія ея для стола Дарїева. Все чистое входитъ въ уста Царей: почему же не все бываетъ таково, чшо происходитъ изъ ихъ разума?“

Пиѳагоръ. Потому чшо они, слѣдуя примѣру Камбиза, позволяють окружающаго себя нѣкоторымъ выдумщикамъ, кои заславляютъ обо всемъ говорять ихъ.

Зороастръ. Таинственникъ Фивскій! не будешь ли ты завидовать моей славѣ?

(1) Athénée II. *Deipnos.*

Пиѳагоръ. Ты не увидишь никогда во мнѣ своего соперника: я имѣю цѣлю другую славу, менѣ шумную.

Зороастръ. Быть основателемъ Училища Мудрости. Но богослуженіе есть мудрость народа.

Пиѳагоръ. Такъ! справедливо. Прекрасная рѣка, которая подала намъ сіи горестныя размышленія, омываетъ также спѣны Сузы, защищаемой отъ вѣтровъ сѣверныхъ цѣпью высокихъ горъ. Въ срединѣ сихъ возвышенныхъ мѣстъ и почти неприспупныхъ есть народъ, какъ увѣряють, никогда не бывшїй покореннымъ, или лучше, коего Киръ не удостоивалъ своего возрѣнія; правда, онъ бѣденъ и не заслуживаетъ труда, чшобъ идти къ нему.

Я имѣлъ нѣкогда, сказалъ мнѣ Зороастръ, желаніе пройти одинъ къ сему народу и безъ оружія, для основанія тамъ моего богослуженія, подобно какъ Халдеяне въ Орхоѣ и волхвы въ Экбапанѣ горѣ. Я также думалъ о Мизеенахъ (1), находящихся въ сосѣдствѣ съ Сузіаною на востокѣ. Всѣ сіи народы дики, но свободны.

(1) Плин. *Нат. Истор.* VI. 27.

Пиэагоръ. Оставь Мизесновъ въ покоѣ. Но ты говорилъ мнѣ объ Экбанѣ?

Зороастръ. Такъ! не о томъ, которой основалъ Дѣюкей Царь Медійскій въ равнинѣ великой Меди, около дворца, построеннаго Семирамидою; но объ Экбанѣ волхвовъ (1), кои находяшся въ сосѣдствѣ съ Персією между сѣверомъ и востокомъ. Теперь же я рѣшился, пригласивъ Зороастръ, послѣ многихъ размышленій, остаться въ Сузѣ; царской Экбанѣ служилъ залогомъ Лѣпописямъ Имперіи; Суза есть хранилище царскихъ сокровищъ, и законодатели, такъ какъ и побѣдители, имѣютъ нужду разливать вокругъ себя изобиліе, дабы имъ заславишь любилъ новое постановленіе ихъ законовъ, или ихъ оружія. Я получилъ уже отъ Камбиза расположеніе нѣсколькихъ благодѣяній, чтобъ во время оказанъ ихъ народу, колеблющемуся еще между древними своими обрядами и моимъ постановленіемъ. Нѣсколько золота заславишь склонить вѣсы на нашу сторону. Сія средства, можетъ быть, кажутся тебѣ не очень похвальными,

(1) Давилль. II. 277 Географія.

мудрый таинственникъ! но знай, — если ли тебѣ еще это неизвѣстно, — что жрецы Фивскіе и Мемфискіе безъ сего средства никогда не достигли бы такого возвышенія, съ коего ты хочешь видѣть ихъ низпадающихъ отъ непреборимой силы. Лучше рассыпать золото, нежели проливать кровь.

Пиэагоръ. Зороастръ! ни то, ни другое не должно быть.

За тысячу шаговъ предъ входомъ въ столицу, мы прошли небольшое селеніе. Зороастръ вдругъ шумъ пошелъ скорѣе. Для чего сія поспѣшность? спросилъ я его.

Зороастръ. Пройдемъ скорѣе; это мѣсто для меня ужасно; оно называется *Слада* (1). Здѣсь въ первой разъ нанесено величайшее оскорбленіе мужскому полу. По приказанію Семирамиды (2), первымъ евнухомъ сдѣлался молодой житель сего селенія. Пройдемъ поспѣшнѣе.

(1) Отсюда происходитъ слово *Spado* (евнухъ), означающее человека, которой пересталъ существовать. Voy. *Stephanus*.

(2) Семирамида приказала сдѣлать евнухами для того, чтобъ голосъ ихъ всегда

Суза (1), по причинѣ богатаго залога, которой она въ себѣ заключаетъ, есть городъ весьма укрѣпленный: его твердыя стѣны въ состояніи выдерживать продолжительную и сильную осаду. Онъ имѣетъ непроницаемую цитадель (2), построенную по плану Мемнона, которой и называется его именемъ, такъ какъ и великая улица, коей я прошелъ нѣкоторую часть вмѣстѣ съ Зороаспромъ. Новый Монархъ Дарій началъ царствованіе свое умноженіемъ многихъ строеній. Предъ входомъ въ сей городъ, которой занимаетъ великое пространство, я удивился, обращая глаза свои на западъ, кои пасущая около Сузы: многіе тамошніе козлы имѣютъ только по одному рогу (3). Самородныя лилеи цвѣтутъ въ поляхъ окрестныхъ, отъ коихъ Суза (4) и получила свое имя. Другіе въ семъ опда-

былъ понокъ, и чтобъ они не имѣли бороды. *Alex. Sarde. trad. par. Charuys.*

(1) Теперь называется *Сустеръ*, а по другимъ, *Балдакъ*.

(2) Геродотъ, V. Страбон, *Геогр.* Павзаній.

(3) Даниель. *Привидѣнія*.

(4) Аевней, XII. Мы узнали, что слово *Суза* значитъ *лилею*, или *лилейной цвѣткъ*.

ютъ преимущество сладкому (*) корню, обыкновенному въ этой странѣ; сіе растение Персы называютъ *Су* (1).

„Государь! (сказалъ Зороаспръ, представляя меня Дарію) я привожу къ тебѣ плѣннаго Царемъ Камбизомъ. Сей чужестранецъ, опличаемый своими предшественникомъ, заслуживаетъ болѣе твое благоволеніе; сей Самосскій уроженецъ и таинственникъ Фивскій желаетъ научиться отъ мудрыхъ Маговъ при Дворѣ твоёмъ (**).“

Дарій протянулъ ко мнѣ руку, приказавъ сказать мнѣ, что онъ принимаетъ меня благосклонно и что мы прибыли во время; ибо за нѣсколько дней предъ симъ онъ отправлялся въ Персеполь.

Теперь Суза сдѣлалась театромъ великой политической драммы. „Вошь, — сказалъ мнѣ *Эбаръ* (2), служитель, назначенный показывать мнѣ укра-

(*) Солодковой корень.

(1) Реландъ. *Диссерт.*

(**) *Могъ*, т. е. обожатель огня, на называемъ Персидскомъ языкѣ.

(2) Ктезій, *Персид. Отрыв.* Фотъ.

шеніе дворца, которой началъ строить Киръ, а продолжалъ Камбизъ, Дарій же предпринялъ окончить его: вотъ тайное жилище, гдѣ найденъ былъ Министрами ложный Смердисъ, по естѣ братъ Архимана Пазиса, похититель прона Кирова, которой приказалъ ему отрубать уши; его голова, отрубленная и воткнутая на острие копья, была носима по всѣмъ перекресткамъ города.

Пифагоръ. Народъ, столь приверженный къ жрецамъ своимъ, какъ могъ допустить такое происшествіе?

Эбаръ. Онъ, не усматривая въ лицѣ Маговъ ничего, кромѣ похитителей, по примѣру своихъ новыхъ начальниковъ убивалъ всѣхъ тѣхъ, коихъ найти могъ. Всѣ улицы Сузы были орошены кровію жрецовъ. Въ одну только ночь столь много могло произвести звѣрство Персовъ, одушевляемыхъ могущественными заговорщиками. Страшный урокъ для жрецовъ, желающихъ чрезъ жертвенникъ перешагнуть на тронъ!

Пифагоръ. Урокъ, которой не исправитъ ихъ!

Эбаръ. Если они собрались всѣ къ Зороастру. . . .

Съ сего балкона вы можете видѣть, продолжалъ служитель, мѣсто публичное предмѣстья восточнаго, гдѣ конь Дарія, нашего Монарха, заржетъ первый при лучахъ солнечныхъ, гораздо прежде лошадей, принадлежащихъ претендентамъ Имперіи. Въ званіи главнаго конюшаго Царскаго, я имѣю попеченіе о семь конѣ, любезномъ Государю.

Пифагоръ. Главный конюшій Дарія! несетъ молва между народомъ, которая доказываетъ мало приверженности твоей къ Царской особѣ: во время ночи, предшествовавшей упренному избранію послѣдовавшаго Камбизова, ты проваживалъ кобылицу точно на помѣ мѣстѣ, гдѣ долженъ явиться конь своего Государя; изліянія ея, болѣе нежели еще лучи солнечные, произвели скорое ржаніе, котораго столько ожидали (1).

Эбаръ. Знаменитый чужестранецъ . . .

Пифагоръ. Не бойся ничего; положи на мою скромность; только мо-

(1) Каилъ. Древ. Грек. представляютъ гравировку на крестѣ, которая ему кажется изображеніемъ сего происшествія.

жетъ бытъ надобно, чтобъ ты зналъ молву, которая несется о тебѣ между народомъ.

Эбаръ. Знаменитый чужестранецъ! мудрый исполкователь подалъ мнѣ такую идею; изобрѣшеніе не принадлежитъ мнѣ (1). Дарій и Зороаспръ ввѣрили мнѣ только его исполненіе (2).

Ахъ! сіе гордое животное, примолвилъ главной конюшій, отъ коего зависятъ при Государствѣ, при такихъ обстоятельствахъ добраго нашего Царя одержимо неизвѣстною болѣзнію, которая угрожаетъ намъ его поперею. Маги, созванные со всѣхъ частей Персіи, стараются сыскать средство подать ему выздоровленіе. Запра сіе великое собраніе должно имѣть мѣсто въ придворной конюшнѣ.

Я одинъ изъ первыхъ не преминулъ войти туда. Ихъ богамъ трудно получить лучшее мѣсто, въ какомъ нахо-

(1) Сіе было повторяемо земледѣльцемъ Примиславомъ, возведенномъ такимъ образомъ на степень Герцогства Богемскаго. *Voû. les parallèles Histor. 1680 Paris.*

(2) Геродот. *Талія III.*

дятся лошади Царя Персидскаго. Здѣсь конюшни великолѣпнѣе храмовъ. Весь Дворъ шуда собрался; самъ Государь прибылъ, сопровождаемый Зороаспромъ. Старшій изъ Маговъ шелъ важно напередъ къ густой подстилкѣ, гдѣ въ болѣзни находилось чепвероногое, чтобъ посѣпить его и объявить вспомогательныя средства; но ни первой Магъ и ни одинъ изъ жрецовъ, кои за нимъ слѣдовали, не могли открыть болѣзни, а и того еще менѣе. подать помощи. Уже съ пошупленными взорами и великою печалію они хотѣли выдти, будучи не въ состояніи соотвѣтствовать попеченіямъ Государя.

„На одну минуту!“ вскричалъ Зороаспръ, пропянувъ руки, чтобъ удержатъ ихъ. „Царь Персидскій! будь правосуденъ; я пребую сего именемъ своего предшественника Камбиза. Въ его царствованіе я былъ оклеветанъ Магами, моими первыми и почтенными Учителями. Ужасное происшествіе весьма опечалило Магама за ихъ обо мнѣ злобныя мнѣнія. Всѣ непріатели мои погибли, сдѣлавшись жертвою злодѣянія величайшаго, нежели то, которое они допустили пропивъ меня.

Я не одолженъ моимъ возвышеніемъ политической революціи; она ко мнѣ не опносится. Маги, необагрившіе рукъ своихъ въ крови ложнаго Смердиса, должны еще питать злыя намѣренія прошивъ меня и моихъ поспановленій. Я, можетъ быть, кажусь несправедливымъ въ глазахъ ихъ; и такъ нужно удовлетвореніе. Если священное и спрашное преобразованіе, которое съ давнихъ лѣтъ предпринялъ я въ разсужденіи *бога - свѣта* и *огня*, не споль необходимо, каковымъ я его предсказывалъ, то теперь я призываю могущество небесное; нужно, чпобы въ сей день, въ сей самый часъ, и на семь мѣстѣ, оно возгласило при Магахъ и ихъ преобразователяхъ. Я предлагаю присущствующему Царю торжественный опытъ. Его конь, который былъ исполковашелемъ Солнца, для призванія его на тронъ, опасно боленъ. Хорошо! поелику всѣ Маги не могли излѣчить болѣзни коня, любезнаго Государю, то я предлагаю себя болѣе способнымъ, или болѣе щасливимъ; а когда сіе во власти свѣта небесъ, коего оракулы ввѣряютъ моей *Зендо-Вестѣ*, чпобъ я произвелъ чудо, то да будетъ мнѣ позволено сдѣлать условіе въ излѣченіи коня Царскаго. Если я возвращу ему здоровье, — пусть Маги, которые

будутъ свидѣтелями, наконецъ признаютъ свястость моего установленія; пусть согласятся они предъ лицомъ Государя, его Двора и всего народа, что Зороаспръ могущественнѣе ихъ: ибо онъ есть истинный служитель, посланный Ормуздомъ. Великій Государь! соглашаетесь ли вы на сіе? (Дарій удоспоилъ подать знакъ одобренія); и вы, Маги! сдѣлайте торжественное признаніе. Опвѣчайте устами вашего начальника. . . .“

Спаршій изъ нихъ подалъ согласіе отъ имени изумленныхъ своихъ поварей.

Послѣ сего Зороаспръ, наклонясь къ правому уху лошади, которой глаза все еще были закрыты, и копорая не могла еще держаться на ногахъ, казалось, проговорилъ ей вѣчто весьма тихо, чего никто не могъ слышать; потомъ, обратясь къ Царю, сказалъ: „четвероногое, посвященное Солнцу, коего я емь служитель, мнѣ объяснило болѣзнь свою; повелите вашему главному и вѣрному конюшему войти для исполненія моихъ предписаній.“

Конюшій явился. Зороаспръ сказалъ ему тихо, такъ какъ и лошади. Послѣ

сего Эбаръ вышелъ, и возвратился почти въ ту же минуту, обремененный многими серебряными сосудами различнаго виду.

Зороастръ влилъ въ ротъ коня два или три рода жидкостей; помазалъ его ноги ароматическою мазью, и положилъ на него священную курильницу, откуда изливалось пріятное благоуханіе.

„Царь Персовъ! вскричалъ попомъ Зороастръ, вашъ конь излѣчился, и вы можете пощасъ сѣсть на него.“ Въ самомъ дѣлѣ, лошадь безъ всякаго вспоможенія поднялась на ноги, произвела многія ржанія, открыла глаза, сомкнутые до сего времени, и пошла прямо къ своему Государю, чѣмъ его ласкать и какъ бы предложить ему обыкновенныя свои услуги. Весь Дворъ испустилъ крики удивленія, и тысячи голосовъ повиновили: „да благодаренствуетъ великій Царь Дарій! слава Зороастру!“ Смущенные Маги укрывались въ средину толпы, чѣмъ избавившись отъ стыда признаній, которыя имѣли право заставить ихъ произнести (1).

(1) О. Гид. Перс. Религ. I. Мем. Акад. надписи и беллетры. XXVII.

Зороастръ, болѣе будучи огорченъ еще ихъ скрытіемъ, нежели гордясь пріумфомъ своимъ, не хотѣлъ упустить ни одной для себя выгоды. Онъ сказалъ Царю: наступаетъ столь ожидаемый день вашего коронованія; прежде отъѣзда, Государь! позволено ли мнѣ будетъ содѣйствовать его величію нѣкоторымъ блистательнымъ знакомъ? Повелите, чѣмъ послѣ великолѣпнаго церемоніала Маги ошались еще здѣсь, дабы быть новыми свидѣтелями истины, заключающейся въ Зендо-Вестѣ, коей они отказывались признавать могущество.

Дарій охотно согласился на желаніе Зороастрово. Онъ, не огорчаясь униженіемъ Маговъ, употреблялъ еще всѣ побудительныя средства, чѣмъ заставить народъ умертвить сихъ гордецовъ, отказывающихся въ осужденіи на казнь ложнаго Смердиса; поелику жители Сузы раскаивались уже, принявъ участіе въ таковомъ злодѣянніи.

*Церемоніалъ коронаванія Даріева.
Обыкновенія Персидскія.*

День праздника коронаванія насталъ. Мѣстомъ церемоніи былъ храмъ божества, которое начальствуетъ въ войнѣ: естли всегда можно называть храмомъ кругъ колонадъ, которыя не имѣютъ ни кровли, ни стѣнъ; дневной свѣтъ и лучи солнца могутъ входить туда со всѣхъ сторонъ. Дарій отправился въ сей храмъ, преслѣдуемъ будучи Магами и сопровождаемый всѣми Царскими Вельможами.

Пять другихъ искапелей трона находились предъ лицомъ Государя; одѣтый въ дорожное платье великаго Кира (1), онъ осшавовился на порогѣ храма, чшобъ сѣсть нѣсколько фиговъ, омоченныхъ въ кислое молоко (2): это почипаніе, воздаваемое и посвященное Камбизомъ въ память основателя Монархіи. Исполнивъ сей долгъ, жрецы или Маги велѣли взойти Дарію на ступени свящи-

(1) См. *Всеоб. Истор.* Общество Беллетровъ.

(2) См. *Царь, помазанникъ Божій*, обыкновеніе въ Сиразбургѣ, *J. J. нагал.* Зент-Гравій *J. Венкеръ.*

лица; тамъ онъ преклонилъ колѣна, чшобъ получить изъ рукъ священническихъ діадиму на чело свое: это есть тонкая льняная повязка, украшенная пурпуромъ по краямъ своимъ.

Дарій, шшчасъ послѣ избранія, началъ употреблять длинныя накладныя волосы (1), кои въ сію минушу окроплены были эссенціею ароматическою. Я усмопрѣлъ также, что Государь оппустилъ уже бороду (2), дабы покрывать ею кольца изъ золотыхъ листовъ.

Онъ сошелъ на порогъ храма, гдѣ ожидали его пять первыхъ искапелей трона, чшобъ покрыть его голову етарою: это родъ шурбана, копорой сдѣланъ на подобіе конуса, гдѣ со всѣхъ сторонъ блистали золото и драгоценныя камни.

Дарій пошелъ при шумѣ восклицаній народныхъ, изъ коихъ я замѣнилъ сей національный обрядъ: „да здравствуетъ новый Монархъ нашъ сполько же, какъ *Каймаратъ* (3)!“ Я извѣспился о семъ;

(1) *Θεοειλακτῆς Σιμοκρατῆς*, *Истор.* IV. 4.

(2) *J. Хризостомъ*, *Бесѣда* VII.

(3) *Ренодотъ*, *Зап. Академ. Надл.* Том. I. *происхождение сферы.*

и преданіе Персидское говоритъ , что сей Государь царствовалъ нѣкогда тысячу лѣтъ. Еще восклицалъ народъ : „да будешь онъ столькожъ богатъ , какъ *Ахемней* (1).“ Это другой древній Царь Персидской.

Свина самая блестящая , какую я еще могъ видѣть , сопровождала Дарія въ его черпоги , столько же великолѣпныя , какъ и зданіе , изъ коего онъ вышелъ. Двери сихъ черпоговъ спрегомы бывають днемъ и ночью вѣрными людьми , коихъ называютъ *глазами* и *ушами Царскими* ; ибо они обязаны все видѣть , все слышать , и должны отвѣчать за малѣйшее произшествіе , которое могло бы привесити въ опасность благососпояніе Государя , или причинити ему какое-либо безпокойство. Однако всѣ сіи предосторожности не воспрепятствовали заговору Маговъ противъ Камбиза ; правда , что онъ былъ иногда въ отсуствіи. Сколь великое стараніе прилагають сіи Государи о своей личной безопасности , а не о благососпоянїи народномъ!

Подчиненные Агенсы проѣзжали всѣ части Государства и все распоряжали (2).

(1) Горац. Кн. II. стихотвор.

(2) *Ангарій* , Лексик. Пиниск.

Одинъ изъ нихъ возжигалъ на Царской праздникъ неугасимое пламя , подобное огню Весты. При семъ находилось множество другихъ огней , представляющихъ по своему постепенному блеску все , что происходитъ внѣ и внутри Персіи.

Слоновая кость и золото покрываютъ стѣны сего Царскаго жилища. Сѣдалище , гдѣ Монархъ даетъ законы , сдѣлано изъ золота , такъ какъ и то мѣсто , гдѣ онъ покоится. Первое имѣетъ вмѣсто балдахина великое дерево съ широкими листьями изъ того же металла ; на другомъ виноградныя лозы , нагнувшіяся подъ тяжесть своихъ кистей. На изголовьѣ пошелели Монарховой находится ящикъ , называемой *Орельеръ* , наполненный золотомъ и всегда открытый. Щасливый смертный ! въ самомъ снѣ Дарій можетъ дѣлать благодѣянїе ; нужно только просянуть руки въ свой ящикъ , которой наполняемъ бываетъ по мѣрѣ своего испощенїя. — Но , ахъ ! блескъ Царей Персидскихъ приводитъ на память великое ихъ нерадѣнїе , и душу , всегда упоенную довольствїями.

Великолѣпныя сады окружають дворецъ. Они орошаются посредствомъ великихъ колесъ , кои оборачиваютъ волю ,

такъ привыклие къ назначенной имъ работѣ, что не зная никогда понужденія, каждый день они сто разъ проходятъ пошъ кругъ, которой они себѣ начертили (1).

Въ одномъ изъ сихъ садовъ есть поле, гдѣ Государь долженъ самъ, взявъ за спупъ, работать съ четверть часа (2). Это ни что иное, какъ маленькій садикъ, куда великій Киръ приходилъ вспоминать, что онъ смертенъ и, какъ человекъ, подверженъ одинаковымъ съ прочими нуждамъ.

Оспавя сію щеславную церемонію, Дарій сѣлъ вмѣстѣ съ поселянами (3) за одинъ столъ, обильно изгоповленный, сказавъ имъ сіи слова (4): „Я подобенъ всѣмъ вамъ. Вамъ мы одолжены своимъ содержаніемъ. Имперія поддерживается

(1) Плутархъ. *Самыя разумнѣйшія животныя*. XX.

(2) По сей причинѣ Боссюетъ въ своемъ превосходномъ Разсужденіи о *Всеобщей Истории* говоритъ, что съ тѣхъ поръ процвѣтаетъ земледѣліе.

(3) Пококкъ. *Замѣчаніе на Абулфарага*.

(4) Голій; *Алферг*. Θ. Гид. Перс. Религ.

спрудами рукъ вашихъ; но безъ нашего оружія вы не могли бы болѣе сохраниться. Будемъ же всегда какъ братья, тѣсно сопряженные.“

Я примѣшилъ, что многіе изъ сихъ добрыхъ поселянъ не могли удержаться отъ смѣха при такомъ разсужденіи Государя. Но имъ подавали вино Халибонское (*), сохраняемое для самаго Царя (1). Дарій взялъ довольно количество при глазахъ Персовъ; ни одинъ изъ его подданныхъ не умѣлъ лучше употреблять напишковъ Бахусовыхъ. Онъ въ семъ самомъ находилъ щеславіе (2). Дарій не преминулъ озорожить прекрасную чашу Семирамиды, которая вѣситъ пятнадцать талантовъ золота (3), и которую Киръ присоединилъ къ Царскимъ сокровищамъ.

Триста шестьдесятъ женщинъ, соотвѣтствуя днямъ года Персовъ, обязанныя

(*) Вино спираны Дамаскской, въ Сиріи.

(1) Аевины, ужинъ. I. Плутархъ. *Стасп. Александ.* II.

(2) Смощри его эпиграфію: *я могу пить много вина и сносить сѣ бремя*.

(3) Плин. *Натурал. Истар.* Часть III.

разсыпашъ цвѣты на тронѣ, явились предъ Царя, и повпоря канпѣ, повели его на пиршество. Каждая таковая услуга есть даръ города, или провинціи (1).

Дарій вошелъ, окруженъ будучи *безсмертными* копьеносцами: это корпусъ молодыхъ отборныхъ Персіянъ, коихъ число состоитъ изъ тысячи человекъ. Они сопровождаютъ Монарха повсюду, и не получаютъ жалованья; самъ Царь принимаетъ шрудъ пещись объ нихъ.

Сіи копьеносцы называются *безсмертными* (2); ибо этотъ корпусъ вознаграждаетъ тотчасъ свою поперю и не имѣетъ никогда недостатка: умершій воинъ въ тотъ же день бываетъ замѣняемъ другимъ. — Другая стража, которая простирается до пятнадцати тысячъ воиновъ, не входитъ во дворецъ; она надсматриваетъ надъ всѣми входами извнѣ. Можно сказать, что Монархъ всегда въ состояніи сразиться съ своими подданными, и находящися правда нѣчто

(1) Геродотъ.

(2) Афанатій Теофрастъ полагаетъ число сихъ воиновъ до десяти тысячъ. Voy. Quint - Curse. III. Coel. Rhodin, XXV. I.

подобное сему въ Персіи, такъ какъ и въ другихъ странахъ.

Дарій долженъ былъ исполнить три вещи, прежде нежели сядетъ за столъ: онъ долженъ принести жертву въ благодареніе богамъ; дать законъ (1); получить присягу отъ своего народа, и дары отъ Государствъ, должныхъ плащить дань.

Онъ приказалъ повѣсить на крестѣ судью, уличеннаго въ лихоимствѣ: уже обвиненный привязанъ былъ къ сему дереву; но Зороаспръ, присуществовавшій на судилищѣ, сказалъ Царю: „Правосудный Государь! повели дать отцепъ въ услугахъ, которыя могъ оказать сей нещасливый до дня своей слабости.“ Дарій приказалъ отложить наказаніе, и обвиненный получилъ прощеніе; ибо число исполненныхъ должностей его было гораздо болѣе учиненнаго имъ пресупленія.

(1) Персы не хотѣли имѣть такихъ Царей, кои не занимались дѣлами судебными, такъ какъ Филаркъ писалъ въ Ашенѣ. Хелдоній.

Монархъ приказалъ снять кожу съ правипеля Сизамена (1), находящагося на главномъ мѣстѣ Трибунала, по повелѣнію Камбизову.

Два другія дѣла — ибо Царь долженъ былъ рѣшить три при своемъ коронаваніи — были не столь важны: одно состояло въ опрубленіи головы; по рѣшенію другога, виновный долженъ былъ лишиться ушей.

Дарій, чтобъ не проливать крови въ день общей радости, принялъ совѣтъ отъ Зороастра, привыкшаго ко мнѣніямъ другихъ, и такимъ образомъ умягчать законъ весьма строгій; онъ повелѣлъ, чтобъ только шурбанъ, а не голова перваго изъ двухъ виновныхъ былъ опрубленъ. Равнымъ образомъ съ другаго, исполнивъ правосудія получилъ приказъ — снять только плаще, и обрубить колечки головнаго убора у преслупника на мѣсто его ушей.

Народъ превозносилъ похвалами милосердіе Государя, и провозгласилъ его *Мигирдадомъ, другомъ правосудія* (2).

(1) Геродот. *Терлсихор V.*

(2) *Мигирдадъ*, или *Мегердадъ*, два слова Персидскія, которыя означаютъ любителя правосудія; откуда произошло имя *Митридатъ*. *Э. Гид. Перс. Религ.*

Любезные ученики мои! я думаю, что это уже я говорилъ вамъ, какъ люди, находясь на важной степеніи достоинства, пріобрѣли доброе имя съ малымъ числомъ дѣла.

По семъ поспѣшъ явились дары; они были безчисленны и неоцѣненны. Государь принялъ ихъ съ высоты Царскаго своего сѣдалища (1). Тутъ увидѣлъ я пятьдесятъ самыхъ большихъ слоновыхъ зубовъ; сто связокъ чернаго дерева; три великія массивныя мѣры золота, изъ коихъ каждая имѣла столько драгоценныхъ частицъ, что малѣйшею изъ нихъ человекъ могъ пропитаться чрезъ цѣлой годъ. Городъ Вавилонъ, слѣдуя своимъ нравамъ, прислалъ Государю въ подарокъ пріста шестьдесятъ пять молодыхъ прекрасныхъ дѣвицъ, бѣлѣйшихъ нежели шёлкѣ, которое ихъ едва покрывало. Непрѣяпно мнѣ было видѣть, что онѣ сопровождались такимъ же числомъ молодыхъ евнуховъ смуглаго вида.

Еще блестящее собраніе было данью съ острова Кипра; оно состояло изъ пя-

(1) Смолр. барельевъ и его описаніе въ *древностяхъ Египетскихъ*. Каилъ. Том. III.

пидесяти молодыхъ дѣвицъ, менѣ прекрасныхъ, кои назначены были служить супругѣ Царя Персидскаго (1), во время восхожденія ея въ свою колесницу. Ихъ опредѣляютъ ходить предъ колесницею и поддерживать своими руками спину супруги Монарха.

Зороастръ нахмурилъ брови при семъ послѣднемъ зрѣлищѣ; но не осмѣливался сказать сего Дарію. Я сдѣлалъ уже два шага, чѣмъ замѣнилъ его молчаніе, и въ своемъ качествѣ шаинственника даю замѣнить Царю отвращеніе отъ подати столь несообразной, и не знаю, что меня удерживало.

Любезные ученики мои! рассказывая вамъ испорію моихъ путешествій, и раздѣляя съ вами полученную отъ нихъ пользу, я рѣшился также не умалчивать отъ васъ и моихъ погрѣшностей; ибо онѣ вамъ будутъ полезны.

Дарій предложилъ съ своей стороны также подарки; онъ раздѣлилъ главнымъ Вельможамъ чудесную праву (2),

(1) *Cypriae, adsentatriculae, Scalulae.*

Platarch. adulatorib.

(2) Плин. *Истор. Натур.* XXVI. 4.

которая, брошена будучи въ армию, разположенную къ сраженію, имѣетъ силу разсѣвать страхъ, и непріятель поспѣе предпринимаетъ бѣгство. Изъ сего должно заключить, что Государь почитаетъ подданныхъ своихъ боязливыми, на коихъ онъ не долженъ много полагаться. Его Вельможи, припворяясь, что не чувствуютъ обиды сей, простерлись предъ нимъ въ знакъ своей признательности.

Въ Персіи, послѣ Солнца Тишина есть одно изъ главнѣйшихъ божествъ (1) Двора. Царь, при возшествіи своемъ на тронъ, получилъ клятву отъ первыхъ въ государствѣ при жертвенникѣ бога молчанія. Я догадываюсь, что сей богъ есть ни что иное, какъ гѣроглифъ. — Бѣда царедворцу, которой не умѣетъ во время молчать! Если бы было возможно, то человекъ, имѣющій великую власть, не позволилъ бы приближаться къ себѣ никому, кромѣ евнуховъ, глухихъ и нѣмыхъ.

Тутъ приступлено было къ обожанію Царя, — обычай Дворовъ восточныхъ, коего я не могъ быть хладнокровнымъ свидѣ-

(1) *Amm. Marcell. XXI. 13.*

пелемъ. Я увидѣлъ многихъ, кои забыли, что Дарій предъ Солнцемъ былъ ни что иное, какъ человекъ, подобный имъ; стояли скрывъ руки въ широкіе рукава своихъ робъ, и ожидали знака, чтобъ броситься всѣмъ вмѣстѣ и упасъ предъ Царемъ своимъ, сѣдящемъ на тронѣ, спарающимся взять на себя приличный видъ. Зороастръ самъ подалъ примѣръ; онъ первый преклонилъ чело свое, и послѣ всѣхъ принялъ положеніе сына Природы. По причинѣ важности сана таинственника, я не былъ подчиненъ общему закону всѣхъ Персовъ.

Во время сего обожанія, блескъ подобный молніи, и самая молнія, или по крайней мѣрѣ видъ ея совершенно изображенный, возблисталъ (1); вся простертая толпа едва дерзала поднять глаза свои на тронъ Государя, откуда происходилъ сей искусственный феноменъ. Голова Дарія казалась быть вся въ огнѣ, такъ какъ и украшенія его чертоговъ. Сей обманъ, которой Дворъ Персидской позволяетъ себѣ въ важныхъ случаяхъ, производитъ довольно сильное впечатлѣніе въ удивленномъ народѣ. Но весь сей

(1) *Tzetzes, in chilliadibus.*

народъ не былъ чужестранный, чтобъ не подвергнувъ себя таковымъ обыкновеніямъ полипическимъ. Съ сей минушы дали титулъ Дарію Царя Царей (*): обыкновеніе Монарховъ Персидскихъ, и которое перешло въ Грецію во время Агамемнона; сей Государь дозволилъ такъ называющъ себя. Послѣ сего раздаваемы были золотыя четвероугольныя медали, выбитыя по приказанію Государя, дабы служишь имъ нѣкогда свидѣльствомъ великаго происшествія, по еспѣ возведенія Дарія на тронъ. Я получилъ одну изъ нихъ. Сей родъ монетъ, которыя называются уже *даригали*, представляеть на одной сторонѣ въ кругу Царскаго главнаго конюшаго, держащаго за поводъ коня Даріева; на другой сторонѣ были вырѣзаны Персидскія лиеры.

Государь повелѣлъ воздвигнувъ ему конную ступу (1) съ таковою надписью: „Дарій, сынъ Гиспаса, сѣлался Царемъ Персидскимъ посредствомъ своей лошади.“

Народъ также имѣлъ участіе въ щедрости Царской: ему бросили пригоршни

(*) *Βασιλεύς Βασιλεων.* (Царь Царей).

(1) Геродотъ. III.

малыхъ монетъ, изображающихъ созвѣздіе Спирѣльца.

Напоследокъ часъ празднества Царскаго насмалъ. Также исполнено было требованіе Зороастрова, чтобъ довершить безславіе Матовъ. Дарій сѣлъ за столъ, посреди великаго круга, состоящаго изъ его *безсмертныхъ*. Безчисленному множеству прочихъ было позволено, въ знакъ особаго благоволенія, присущивовашъ издали при столѣ Монарха, и удивляшъся прекраснымъ ониксовымъ сосудамъ, кои храняшъся для торжественныхъ дней (1).

Прежде ничего не брашъ Царю, естъ обычай Двора Персидскаго: несчастная предосторожность, которая нѣсколько должна бы основанъ домогательсшва на проиъ! Ошвѣдовашель налилъ изъ сосуда въ чашу, опредѣленную для Дарія; пошомъ влилъ въ горсть лѣвой руки своей нѣсколько капель шого напитка, и со всею довѣренностію выпилъ. Послѣ сего Царь, не опасаясь яду, также налилъ для себя (2). Должно имѣть великую жадность къ коронѣ, чтобъ каждой день подвергашъся подсынымъ опышамъ. Тоже самое дѣлано было и съ кушаньями дру-

(1) Арриан. *Митрид. войн.*

(2) *Раздкватель напитковъ*. Xenoph. *Cyropaed.* I.

гимъ служителямъ стола (1). — Однако сіе не препятствуетъ Персамъ называшъ такой циръ (2) коронованія *Тиктою* (3): выраженіе шой спраны, которая предсказываетъ, что не можно вообразить ничего изобильнѣе, великолѣпнѣе, ни лучше сего стола Царскаго.

За нимъ находилось пятнадцать тысячъ гостей, и сіе пиршество спойло Государю чешыреша паланшовъ, или двѣсти сорокъ тысячъ Италіанскихъ денеровъ. А посему угощеніе для каждаго Царскаго гостя спойло (*) спощездешать денеровъ.

(1) Смощр. *l'hieron* de Xenophon. Самыя лучшія кушанья и напитки должны были предъ нимъ (предъ Царемъ) опшвѣдывашъ служители. . .

Trad. de G. Dagonneau. 1608.

(2) Геродот. IX.

(3) *Τελχος* по Гречески; по Лашынъ *Perfecta caena*, (столъ превосходной).

Athénée. *Deipnos.*

(*) Нѣсколько болѣе пяти чашницъ золота.

Зороастръ и Пиагоръ.

Зороастръ велѣлъ положить на край длиннаго стола, находящагося предъ столомъ Царскимъ, открытую Зендо-Весту; на другую сторону вѣрней конюшій Дарія принесъ плотный и широкой сосудъ, сдѣланный изъ глины, перемѣшенной прежде съ нѣкоторыми составомъ, попомъ сушеной на огнѣ цѣлые три дни. Туда влили кипящую мѣду (1). Зороастръ велѣлъ приблизиться Магамъ къ столу и сказалъ имъ: „Царь Персидскій повелѣваетъ мнѣ предложить вамъ сей великій и послѣдній опытъ: естли могущество звѣздъ господствуетъ въ вашей наукѣ, то вы омоете руки свои (2) въ сей кипящей влажноти, и возвратите ихъ невредимыми. При такомъ дѣйствіи, признаюсь, что мое преобразование безразсудно. . . . Великій Царь Дарій присутствуетъ при опытѣ, дабы еще возвысить болѣе честь вашу, и наказать меня какъ опаснаго возобновителя. Начальникъ Маговъ! начинай. . .“

(1) *Shah - Nameh*, du poëte Pherdouffi.

(2) Начальныя происхожденія новой Физики, Regault. Т. II.

Ни первой Магъ, и ни одинъ изъ жрецовъ не протянулъ руки своей, чшобъ сдѣлать опытъ. Они сдѣлались всѣ неподвижными, подобно испуканамъ ихъ храма. Тутъ сказалъ Зороастръ: „Государь! молчаніе Маговъ, безъ сомнѣнія, почестъ должно за признаніе въ несовершенствѣ ихъ обрядовъ. Теперь, люди боязливые! я имѣю право заставить васъ поклясться предъ Царемъ въ Зендо-Вестѣ, освященной великимъ Ормуздомъ, ошнынѣ бытъ ея послѣдователями ревностными и вѣрными, естли по ея силѣ я успѣю въ опытѣ, опъ коего вы отказались.“

Въ самомъ дѣлѣ Зороастръ пошасъ погрузилъ свои руки и омылъ еще ихъ въ кипящей мѣди; попомъ вынувъ протянулъ ихъ къ спаршему изъ Маговъ. Дарій и всѣ присутствующіе изумились. Жрецы были подобны окаменѣлымъ. Главный конюшій Государя, по знаку Зороастрову, принесъ золотой ящикъ и еміамъ, которой Царь повелѣлъ жрецамъ возжечь предъ священной книгою Зендо-Весты. Они не могли опъ сего отказать, и въ сводахъ Дворца раздались крики народа, тысячу разъ повпоренные: да благоденствуетъ Царь Дарій! слава Зендо-Вестѣ и Зороастру, другу Ормуздову! Мелодія музыкальныхъ орудій составила ду-

ховный маршъ, возбудившій Дворъ и весь народъ отправился снова въ храмъ, дабы воздать благодареніе богамъ за столь важное происшествіе во дворцѣ, которое служило щасливымъ предзнаменованіемъ новому царству.

Чтобъ прдлить празднество и доставить народу зрѣлище болѣе ему приличное, открылись сраженія между овнами; попомъ главные придворные Даріевы приняли участіе въ сихъ борцахъ, покрытыхъ волною. Для народа еще болѣе пріятно было сіе упражненіе, нежели чудеса Зороастровы.

Пріятныя пляски окончили торжество; это удовольствіе самое лучшее въ странѣ сей. Вышшіе классы Вельможей равнымъ образомъ весьма къ нимъ привержены; особенно Персы занимающія конскими ристаніями (1), развѣзжая по мѣсту, гдѣ происходили пляски. Самъ Царь былъ въ оныхъ участникомъ (2).

Нашедши случай, тотчасъ я опвелъ къ сторонѣ Зороастра и сказалъ ему: „Безъ сомнѣнія ты мнѣ дѣлаешь честь, опличивъ меня отъ сей слабой толпы, коей ты ослапляешь глаза хипростями весьма низкими. Тайнства Оивскія мнѣ

(1) Аеней X. *ужины Софистовъ*.

(2) Бриссонъ. *Персид. Религ.*

открыли секретъ твоихъ чудесъ: болѣзнь лошади есть сноповорный сосавъ, приготовленный Эбаромъ, твоимъ повѣреннымъ; твои руки омыты были прежде въ нѣкоторомъ приготовленіи изъ распеній, коихъ свойству ты научился въ срединѣ горъ, скрывавшихъ тебя чрезъ десять лѣтъ. . . Изумляетъ меня не легковѣрность Двора и народа, не самая ученость Маговъ, кои не должны быть просиѣ меня; но что важный Законодатель позволяеть себѣ такое шарлатанство, унижаясь до столь низкихъ пошупковъ!“

Зороастръ. Юный таинственникъ!...

Пиеагоръ. Что я еще вижу! Зороастръ, преобразователь Персіи и всего Востока, простирается вмѣстѣ съ невольниками предъ ногами Государя! — и ты называешь себя служителемъ Мудрости! Она опъ тебя опрекается.

Зороастръ. Нѣтъ, Пиеагоръ! я знаю, что не согласуюсь съ Мудростію. — Правда, для необходимой полиптики я касаюсь челою моимъ ногамъ Монарха; но вопъ кольцо (1), на коемъ ты видишь начертанный образъ Мудрости; я снялъ его съ руки моей, такъ что ни

(1) Эліанъ. V. Гл. I. 21. Баршоль *о муз. инстр.* III. 3.

кто сего не примѣшилъ, и положилъ на землю предъ своими глазами въ продолженіи рабскаго обычая придворныхъ, и воздавалъ почипаніе Мудросипи, а не Дарію; что казалось тебѣ противнымъ.

Пиеагоръ. Жалкое пришворство, не достойное твоихъ высокихъ намѣреній! Напрасно не взялъ ты мѣста между твоими служителями Царя, кои назначены ошгонять непріятныхъ насѣкомыхъ отъ стола его (1).

Зороастръ. Я внимаю всему тому, что ты можешь сказать мнѣ, и не спыжусь мудраго таинственника Фивскаго. Моя ли это вина, что народъ и Вельможи такъ поспунаютъ? Чего ты хочешь, любезный мой Пиеагоръ? вопль люди!

Пиеагоръ. Если бы они были все пакеты, то я спыдился бы находиться между ними.

Зороастръ. По крайней мѣрѣ ихъ весьма много; ты уже видѣлъ.

Пиеагоръ. И такъ при великія націи получили новую династію, и новой образъ богослуженія изъ рукъ пришворства: ибо избраніе Дарія не болѣе законно, какъ и все прочее. . .

Зороастръ. Такъ! какъ нѣкоторые говорятъ объ этомъ

(1) Ошгонятели мухъ. Аееней. II. ужин.

Пиеагоръ. Говорятъ и о тебѣ самомъ.

Зороастръ. Я не защищаюсь; такъ! издавна я предсказалъ ржаніе лошади Даріевой.

Пиеагоръ. Принять въ довѣренность слугу, и зависѣть отъ его скромности!

Зороастръ. Когда тайна наша въ рукахъ Эбара, то его жизнь находится въ нашей власти. Если бы онъ будешь говорить, — народъ сему не повѣритъ; ибо онъ внимаетъ всему, кромѣ истины.

Пиеагоръ. Ласкаешь ли ты себя надеждою сохранить въ попомствѣ такую же славу, какую имѣешь у твоихъ современниковъ?

Зороастръ. Помомство можетъ дать мнѣ дѣну; оно познаетъ, какъ оплечать твоихъ, кои обманываютъ народъ для того только, чтобы обмануть, и кои исправляютъ его пришворствомъ. Должно оставаться при самомъ себѣ, если бы кто не чувствуетъ въ себѣ столько силы, чтобы начальствовать надъ другими, или позволить управлять собою.

Пиеагоръ. Я соглашаюсь въ семь мнѣній.

Зороастръ. Добродѣтель и истина должны чѣмъ-либо пожертвовать; ибо весьма будучи почны и строги, они ни

въ чемъ не успѣютъ. Не должно браться за двѣ вещи, когда кто намѣренъ заслужить великое имя между людьми. Должно сдѣлать народъ покорнымъ.

Пивагоръ. Что бы сказали Персы, естлибъ они насъ слышали, когда бы узнали они истинную причину ржанія и болѣзни лошади твоего Государя?

Зороастръ. Хорошо! но о чемъ было бы сожалѣнъ ему? Дарій и моя Зендо-Веспа не споятъ ли Камбиза и спарато обряда Маговъ? Не щасливъ ли народъ, когда для него у н и ж а ю щ е я, чшобъ извлечь его изъ споль низкаго сослоянія?

Пивагоръ. Онъ долженъ въ призна-тельность бытъ твоею игрою.

Зороастръ. Когда кто хочешъ возвыситься, спому надобно заспавишь почитать себя. Предспавъ Орфея и Анахарсиса: жены Оракїи и юноши Скиескіе ихъ изорвали въ куски; ибо эти два Мудреца не хотѣли слѣдовать полипикѣ.

Пивагоръ. Но твоя полипика не надежна.

Зороастръ. Нѣтъ иной лучшей. Маги не видѣли сего, что они спановились уже менѣе въ глазахъ народа; ихъ наконецъ презирали бы, или совершенно забыли, и Дворъ намѣренъ былъ присвоить себѣ то, чего лишились Маги. Они нѣкогда будутъ превозносить меня похва-

лами за то неудовольствіе, которое я заспавилъ испытать ихъ, и коего спронъ, казалось, былъ игрою. Все распорядено теперь у меня вразсужденіи Государя; все соспавляетъ съ нимъ общую причину; я возбудилъ вниманіе народа, усыпленного древними обрядами своего богослуженія. Я отвлекъ ихъ къ жерпвенникамъ, и хочу, чшобъ си самые жерпвенники произвели оракуловъ, кои бы заспавили препенать и самыхъ могущеспвеннѣйшихъ Монарховъ. — Такъ! я хочу, чшобъ самъ Дарій мнѣ служилъ орудіемъ, дабы покоришь моимъ обрядамъ всѣхъ сильныхъ сосѣдей. Ибо я спворю о повсемспвенности моей религїи, почипаю ее основательнѣйшею, болѣе доспойною челоуѣка, благодѣтельною для народа; ибо ему должно дѣлать добро, не смотря на его поступки.

Пивагоръ. Это важной вопросъ, которой спребуешъ изслѣдованія.

Зороастръ. У меня уже все обдумано.

Пивагоръ. Я предвижу войну.... кровь будетъ проливаться.

Зороастръ. Есть ли гдѣ богослуженіе, коего бы основаніе не было усплано спруппами?

Пивагоръ. Зороастръ!.... твоя планъ мнѣ спротивенъ; я содрогаюсь.

Зороастръ. Это потому, что ты философъ. Не довольно однихъ только мудрецовъ для содѣланія націй лучшими и щастливѣйшими: это предославляется Вельможамъ.

Пифагоръ. Я никогда не имѣлъ къ сему таланта.

Зороастръ. Какое добро произошло отъ общества сихъ Маговъ споль разумныхъ? Ихъ глубокія познанія бесполезны даже и для нихъ самихъ; и одно только имя перенеслось чрезъ предѣлы горъ, гдѣ они живутъ бесполезно для свѣта, копорой издали съ холодностію отдають имъ почтеніе. — Движеніе есть душа Нашуры, равно какъ и общества: обитатели земли хотятъ видѣть перемѣны; они любящъ подвергаются нѣкоторымъ опасностямъ, въ надеждѣ получить лучшее состояніе. Они, спалкиваясь другъ съ другомъ, попадаютъ на истинный путь.

Пифагоръ. Зороастръ! Архиманъ говорилъ подобно тебѣ; но былъ ли бы отъ сего разсудокъ твой въ такомъ же движеніи (1)?

(1) Зороастръ имѣлъ въ такомъ движеніи мозгъ, что опшалкивалъ руки тѣхъ, кои клали ему ихъ на голову.

Театръ Филос. де Борделонъ.

Зороастръ. Пифагоръ! еспьлибъ Геній добра имѣлъ дѣйсвіе, смѣлоспъ и пвердоспъ Генія злова, по царспвованіе послѣдняго окончалось бы. Злые довольно долго заславляли препешать добрыхъ; время, чптобы добродѣпельные съ своей сппороны успрашили злыхъ. Вопъ моя система. Я, по видимому, рожденъ съ быспрѣйшею кровію, нежели ты, и не опъ меня зависипъ видѣть и поскупашъ иначе.

Пифагоръ. Прощай, преобразователь Урміи!

Зороастръ. Прости, спанспвенникъ Фивскій!

Пифагоръ. Зороастръ! ты можешъ бытъ нѣкогда сожалѣшь станешъ о сырѣ (1), своемъ единственномъ питаніи въ прежнемъ спвоемъ уединеніи. . . .

Зороастръ. Пифагоръ! послушай: хотя противно заключенію, какое я могъ сдѣлать о тебѣ, однако я не премину пригласишь тебя къ празднеству менѣ любопытному, коего ты можешь бытъ однако свидѣшелемъ, еспли націи чужеспранныя не будущъ присвоятъ таковыхъ праздниковъ однимъ только себѣ (2).

(1) Мы читаемъ, что Зороастръ питался сыромъ въ пустыняхъ. Stuckius. II. 8.

(2) Что сдѣлали Римляне, подъ шпшломъ праздниковъ Миптрідскихъ.

Будь готовъ чрезъ три дни присутствовать при таинствахъ (1) посвященной пещеры *Миоръ* (*). Сей богослужбный астронамическій праздникъ заслужилъ свое вниманіе болѣе по соотношенію. Тамъ я праздную ближайшій возвращенный путь Солнца, его возвышеніе, или переходъ изъ созвѣздія Овна въ знакъ Вола, представляющей обновленіе всей Природы. Входъ (2) въ пещеру изобразилъ шебъ міръ; вещи, кои въ немъ находятся, будутъ представлять различныя разстоянія свѣтилъ, покажутъ символы климатовъ и стихій. Ты тамъ увидишь посвященіе въ таинства Царя и главнѣйшихъ придворныхъ.

Пифагоръ. Зороастръ! прими отъ меня при прощаніи сей послѣдній советъ: спросишь сдѣлаться жертвою (3) того самаго богослуженія, коего ты есть учредитель.

(1) Въ Вавилонѣ Пифагоръ находился при его таинствахъ (Зороастръ.) Том. I. 5. *Жизнь Зороастра.*

(*) Надобно произносить *Мигиръ*, по Персидски, и называть *праздниками Миргакскили*.

(2) *Эбукъ*, изображенной Порфиріемъ въ *пещерѣ Нилфъ*.

(3) Думаютъ, что онъ созженъ былъ огнемъ небеснымъ. *Volaterranust.*

XXVI.

Пещера Миора.

Я, вышедъ изъ города, явился предъ входомъ весьма темной пещеры, и удивлялся чудесности мѣсна, избраннаго для празднованія самаго блестящаго изъ свѣтилъ. Я былъ введенъ туда съ небольшимъ числомъ зрителией, и глазамъ моимъ предстали сполно обрядовъ, что едва доспавало у меня къ сему памяти, всегда благопріятствующей мнѣ и вѣрной. Теперь я привожу на мысль себѣ въ безпорядкѣ тогдашнія происшествія, въ какомъ они тогда были. Сначала предстали мнѣ таинственники, кои, находясь вокругъ ручья живой воды (1), омывали все свое шло, призывая божество, чтобъ получить отъ него чистоту духа. Зороастръ самъ исполнялъ должность Герофанта, или *отца таинствъ*, напечатлѣвая на груди каждого изъ нихъ неизгладимый знакъ. Гордясь симъ отличіемъ, они брали куски хлѣба и сосудъ съ водою, что служило эмблемою ихъ обновленія, или перехода къ новой жизни, уподобляясь Солнцу, производящему новый годъ. Сіе все происходило при молитвахъ и воспѣваніи гимновъ

(1) Марціан. I. 13 о *приращеніи*.

божеству : низкій [служитель, который назывался *священнымъ враномъ* (1), представлялъ каждому изъ нихъ вѣнокъ (2), повѣшенный на острие меча. Они всѣ отказывались отъ сего, повторяя обыкновенныя слова : *Мигиръ есть мой вѣнецъ*.

Въ самой глубинѣ таинственной пещеры я не видѣлъ ни одной статуи (Персы не употребляютъ ихъ въ своемъ богослуженіи), но было изображеніе Миера (3), прекраснаго молодаго человека, сѣдящаго на волѣ и держащаго въ рукѣ своей мечъ Аріеса : это знакъ, посвященный рожденію.

Потомъ я увидѣлъ Царя, идущаго въ львиной маскѣ, съ пчелою во рту (4); многіе изъ Вельможъ его за нимъ слѣдовали, будучи также замаскированы. Иные представляли орловъ, другіе копчиковъ, собакъ и грифовъ. . . .

Женщины, любезныя Государю, были допущены туда съ покрытымъ лицомъ, изображеніемъ Гіенны, коей онѣ и носятъ имя. Всѣмъ с имъ присутствующимъ

(1) Hierocorax.

(2) Tertul. о вѣнцѣ.

(3) Порфирій о воздержаніи, о пещерѣ Нимфѣ.

(4) Э. Гид. Религ. Персид.

были дѣланы извѣстныя искушенія. Заставляли проходить ихъ по нѣкоторому лабиринту весьма темному (1), ходишь босыми ногами по искусственнымъ грудамъ снѣгу и льдинѣ, получаешь на открытыя плеча свои по пятнадцати ударовъ хлыста, называемаго бичемъ Солнца, или Миеры.

По щастію, имѣя льняную одежду, подобную имѣмъ, какія были на сихъ таинственныхникахъ, я могъ приближиться къ обожаемому образу Миеры, чпобъ разсмотрѣть все подробно. Юный богъ, коего называютъ *единственнымъ, непобѣдимымъ* (2), представленъ былъ укрощающимъ сильнаго вола, коего, казалось, онѣ рѣшился умертвить. Сей Миера, имѣя на головѣ своей корону Персидскихъ Монарховъ, нагнувшуюся на чело его, вооруженъ былъ мечемъ (*).

Для изображенія всего костюма надобно прибавить, что на немъ находилось

(1) Монументы древняго Анція.

(2) Богу единому; Солнце непобѣдимое, Миера. Гругеръ. Это теперь Феридунъ на востокѣ.

(*) Оружіе Персовъ, желѣзный клинокъ, довольно широкій.

короткое плашье, а внизу *анаксиридъ* страны сей (*).

На плечахъ его висѣла небольшая епанча (1), каковыхъ не было на изображенныхъ позади его лицахъ, хотя впрочемъ они шочно такое же имѣли одѣяніе. Въ рукахъ ихъ представлялись пламенники, и у одного былъ обращенъ внизъ. Я не могъ распознать ихъ полу. Это, сказали мнѣ, есть рожденіе существа. Нѣсколько капель крови испекало изъ шеи раненаго вола. Вокругъ сихъ изображеній находились многія липеры (2), кои изъяснены мнѣ были сими словами: *роза неба*.

Внизу картины представлялось безчисленное множество различныхъ живописныхъ, означающихъ въ календарѣ Персидскомъ Солнце, Луну, также прочія Планеты и различныя Созвѣздія.

Самой интереснѣйшей и благоразумнѣйшей изъ всѣхъ сихъ духовныхъ обрядовъ была клятва (3), которую каждый таинственникъ обоихъ половъ особенно произносилъ, являясь предъ богомъ своимъ

(*) Это широкое Персидское исподнее плашье.

(1) О. Гидъ. *Религ. Персидск.*

(2) *Нелъ*, или *намъ*.

(3) *Le Saddeh*.

Мигиромъ: „Я клянусь умножать число разумныхъ пшарей, населяющихъ землю, и испреблять всякое вредное животное. — Клянусь удобрять необработанную землю и насаждать древа, приносящія плоды. — Клянусь проводить испочники чистыхъ водъ въ сухую страну, и дѣлать или разчищать дороги. И — соглашаюсь быть исключеннымъ изъ *обиталища щастливыхъ* послѣ моей кончины (1), еслили въ продолженіе жизни моей я оставлю сѣи священныя обязанности.“

Я узналъ, что для учтивости Зороаспръ уволилъ Государя и его свиту отъ извѣстныхъ и трудныхъ искушеній таинства Персидскаго (2); ибо придворныя и избѣженныя женщины должны бы воздержаться отъ всякой пищи въ продолженіи сорока дней, снести такъ называемое ихъ бичеваніе, почти непрерывное чрезъ дѣлые два дни, и проходя прочіе двадцать дней по грудамъ снѣгу, вдругъ быть перенесеннымъ въ средину горящихъ угольевъ.

Однако ни одному изъ сихъ таинственниковъ не было позволено взойти на

(1) *Urbs paradisiaca. Saddeh, porta 19.*

(2) Смотр. Замѣчанія на *длинней древ. Силлог.*

Гюиль. Флешвод. Лонд. 1691.

семь градусовъ планетныхъ. Ни одинъ не могъ достигнуть послѣдняго степени совершенства. Только для заключенія праздника учреждено было, чѣмъ Царь и главнѣйше его Вельможи, послѣ посвященія въ таинства, пили нѣсколько вина изъ золотой чаши (1), имѣющей видъ лица. Мнѣ позволено было подойти довольно близко, чѣмъ разсмотрѣть изображенія, находящіяся по краямъ сей прекрасной чаши: между прочими предметами я увидѣлъ на ней земледѣльца, представленнаго почти нагимъ, или лучше, изображеніе Пріапа, превосходно характеризованнаго (2) въ видѣ сильнаго человѣка, засѣвающаго поле.

По семъ вышли изъ сей таинственной пещеры извѣстнымъ порядкомъ и со всею важностію священнаго хода. Народъ ожидалъ таинственниковъ извнѣ, имѣя въ рукахъ куски льду. Мнѣ трудно было опогатить сему причину; но сіе скоро сдѣлалось извѣстнымъ. Шестивѣе было начато прекраснымъ юношею, сѣдшимъ на гордаго бѣлаго коня, и держащимъ въ рукъ своей изъ перьевъ опахало. Толпа преслѣдуя бросала въ него сіи куски льду:

(1) Аеней. XI. Ужин. Софист.

(2) Ф. Гидъ, Персидск. Религ.

это древнее обыкновеніе, которое сохранено по преданію для таинственниковъ.

Мы находились въ той эпохѣ времени, когда умирающая зима наносила еще вредъ во многихъ странахъ при нашествіи прекраснѣйшаго изъ временъ года. . .

Персы въ своихъ призываніяхъ говорятъ: *тройственный Миѳра* (1)! чѣмъ выразить симъ свѣтъ, теплому и время, коего измѣритель есть Солнце; также мудрость, могущество и благость, славнѣйшія свойства Природы.

Священное торжество заключено было плясками символическими, изображающими годовые и дневные пути Солнца; но гораздо съ меньшею правильностію, нежели великій праздникъ Геліопольскій. Я видѣлъ только на берегахъ Нила (2) часы и времена года, представленные въ лицахъ.

Теперь предвижу, что сіи таинства, или лучше сіи праздники Миѳры, куда

(1) Воссій.

(2) Въ Египтѣ, говоритъ Аеней, находился праздникъ, гдѣ мужчины и женщины представляли годъ, времена его и части дня, и проч. V. ч. Ужин. Софист.

входъ не возбраняется людямъ придворнымъ — въ послѣдствіи замѣнены будутъ кровію, можетъ быть того самаго человека (1), который установилъ ихъ. Не пріятны для меня шѣ установленія, чрезъ предѣлы коихъ переступаютъ Цари; но Зороастръ на семь основалъ планъ свой, и утверждаетъ его на ступеняхъ прона.

Я объявилъ самому Зороастру нѣкоторыя изъ моихъ замѣчаній, и онъ опвѣчалъ мнѣ: „развѣ ты хочешь, чшобъ я опвѣчалъ тебѣ за будущее?“

Пиѳагоръ. Безъ сомнѣнія. Корысплюбивый земледѣлецъ, ввѣряющій сѣмена худой землѣ, виновенъ во всѣхъ непріятныхъ слѣдствіяхъ, которыя отъ сего происпекаютъ.

Зороастръ. Я предоставляю сіе изслѣдыванію вѣковъ. Пиѳагоръ! научи жителей западныхъ, а я приму на себя попеченіе объ обитателяхъ Воспока. Потомство будетъ судить объ насъ.

(1) Что и случилось въ городѣ Ліонѣ, который принялъ отъ Римлянъ почитаніе Мивры. Смолр. *Древн. Ліон.* Колон. стр. 92 и слѣдующ.

Конецъ третьей Части.

О Г Л А В Л Е Н І Е

ТРЕТІЕЙ ЧАСТИ

Путешествій Пиѳагора.

	Стран.
I. Изъясненіе главныхъ гіероглифовъ.	- 3
II. Слѣдствіе посвященія въ таинства.	- 22
III. Описаніе мѣстоположенія Фивъ.	- 30
IV. Пиѳагоръ присутствуетъ при Геліоправезѣ.	- 56
V. Путешествіе въ Мерой,	- 67
VI. Праздникъ и приношеніе людей на жертву.	- 82
VII. Пиѳагоръ у Гимнософистовъ Меройскихъ.	- 103
VIII. Топографія Египетской земли.	- 120
IX. Путешествіе къ произхожденію рѣки Нила.	- 137
X. Болѣзнь, смерть и судъ Царя Амазиса. Послановленіе его преемника.	156
XI. Нашествіе Камбиза на Египетъ.	- 182
XII. Пиѳагоръ на Кармельской горѣ.	- 221
XIII. Пиѳагоръ на Ливанской горѣ — правы Сиріанъ.	- 234

О г л а в л е н і е.

Стран.

XIV. Пиеагоръ во храмъ Сирской богини.	257
XV. Пиеагоръ въ Вавилонѣ. Описание мѣ- стоположенія. Обычаи и нравы се- го города.	273
XVI. Пиеагоръ и Зороастръ.	312
XVII. Свѣденіе объ Астрономіи Вави- лонской.	350
XVIII. Путешествіе въ Орхой. Происхо- жденіе Халдейцевъ.	358
XIX. Астрономической обрядъ. Гимнъ Лунѣ.	393
XX. Нѣкоторыя подробности изъ кален- даря Халдейскаго.	412
XXI. Нравы Орхойцевъ.	426
XXII. Приватная жизнь Вавилонянъ.	435
XXIII. Пиеагоръ путешествуешъ ко Сузѣ.	451
XXIV. Церемоніальъ коронаванія Даріева. Обыкновенія Персидскія.	468
XXV. Зороастръ и Пиеагоръ.	484
XXVI. Пещера Миера.	495
